

В. КАТАНЯН

МДЯКОВСКИЙ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ · 1943

В. КАТАНЯН

МАЯКОВСКИЙ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Москва 1946

ОТ АВТОРА

Как-то в 1918 году один из советских поэтов сказал Маяковскому, что, по его мнению, нужно снимать поэтов для экрана. И не в ролях, а так, как они живут.

— Представьте себе, что мы имели бы кадры из жизни Пушкина...

Маяковский пожал плечами:

— Что интересного? Встаем утром. Чай пьем.

Через несколько лет, как бы еще раз отвечая на это предложение, Маяковский писал в автобиографии:

«Я — поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу. Люблю ли я, или я азартный, о красотах кавказской природы также — только если это отстоялось словом...»

А «отстоялось словом» в его жизни очень много. Можно сказать — вся жизнь.

Теперь, когда она отошла в историю, от двенадцати томов его работ, от стихов, поэм и пьес мы обращаемся к биографии поэта, чтобы понять — как он работал, как все это было сделано, чтобы представить себе во всем объеме последовательность и размах работы, ее темпы и масштабы охвата действительности.

Мы хотим знать его жизнь во всех подробностях, факты литературной и личной биографии в их взаимосвязи, мы хотим знать и то, что непосредственно не могло «отстояться словом», но составляло день за днем его жизнь в ее общественных проявлениях, т. е. весь тот общественно-бытовой план, в котором разворачивалась работа поэта.

Одна хронология его произведений, хронология стихов, поэм, сценариев, пьес, «Окон Роста», плакатов, агиток, реклам, лозунгов, статей, очерков — уже представляет исключительно яркую и выразительную картину. Это — трудовой облик поэта.

Когда за несколько месяцев до смерти Маяковский устраивал свою выставку «20 лет работы» и собирал для нее материалы, ему поневоле пришлось оглянуться назад, и он сам был поражен тем, сколько он наработал.

Длинный список заглавий и даты, в нетерпении наскакивающие одна на другую, являют поистине величественную диаграмму напряженнейшей трудовой жизни поэта, картину неустанной, упорной, непрерываемой работы в области «труднейшего дела», каковым Маяковский считал поэзию.

Другая хронология — событий и интересов, которыми жила его страна в те годы и особенно после Великой социалистической революции, при сопоставлении с первой обнаруживает сотни и сотни точек прямого совпадения. Круг идей и интересов был один. Темы отдельных стихотворений каждодневным трудом складывались в одну огромную тему его поэзии — тему социалистической революции.

Маяковский был человек огромной, почти неисчерпаемой творческой энергии и работоспособности.

Восемь, десять строк в день он сам считал нормой своей выработки. Работа над стихом шла каждый день и круглый день. Процесс черновой обработки стиха проходил не за письменным столом, в уединении, а в голове, на слух, на память, и поэтому — всегда. Дома и на улице, на людях, и на прогулке. Шум и движение вокруг не мешали, а, может быть, помогали ему в работе. Он работал на ходу, предоставленный самому себе и отвлекаемый тысячей дел и людей, работал и во время кажущегося отдыха. Даже во сне. В статье «Как делать стихи» рассказывается об одном таком случае: «Я вскопчил, полупроснувшись. В темноте обугленной спичкой записал на крышке папиросной коробки.. и заснул».

Состояние рабочего азарта, степень поглощенности работой очень точно описаны там же рядом:

«...разговариваешь, не понимая, ешь не разбирая, и не будешь спать, почти видя летающую перед глазами рифму».

Но мало — написать стихи. Для него это было как бы полдела. Их еще нужно напечатать — как можно доступнее и шире, самому прочесть возможно большему числу людей, найти им место в современности, утвердить и защитить их идейную и формальную принципиальность.

Всем этим он занимался всю свою жизнь. Все это занимало очень значительное место в его рабочем календаре.

Он писал еще пьесы и сценарии, статьи и очерки, сотрудничал в десятках газет и журналов (по-настоящему сотрудничал, а не просто печатался), выступал с лекциями и стихами в Москве, ездил по городам Союза и по странам мира, издавал журнал, собирая вокруг себя единомыслящих в искусстве, далеко не одними стихами принимал участие в общественной жизни и литературной борьбе.

Все это, полностью вытекающее из его идейной собранности и цельности, целиком в характере его темперамента, составляло его жизнь, в ее внешних проявлениях — жизнь на людях и для людей.

Научная биография, история жизни и творческого пути Маяковского еще не написана. Эта книга может появиться только в результате суммы отдельных исследований в области творчества Маяковского и его личной и общественной биографии.

Работа идет во многих направлениях. Но она не прошла еще стадии первоначального накопления фактов и материалов.

Предлагаемая вниманию читателей «Литературная хроника» обнимает в форме летописи всю недолгую жизнь Маяковского.

Он родился в 1893 году, начал писать в тюрьме в 1909 году, выступил в литературе в 1912 году, встретил революцию двадцати четырех лет, умер в 1930 году, тридцати шести лет от роду. Меньше одной десятой всего написанного Маяковским сделано было за первые пять лет работы — до 1917 года, и свыше девяти десятых — за тринадцать революционных лет.

В книге собраны факты и даты литературной и общественной деятельности Маяковского и отмечены наиболее значительные события личной биографии. Но, разумеется, в соответствии с сегодняшней стадией изучения жизни и творчества Маяковского это только первая сводка материалов, которая не может претендовать на исчерпывающую полноту.

Автор ставил перед собой задачу дать в книге полностью даты опубликования всех литературных произведений Маяковского, выхода всех его книг, даты всех его литературных и общественных выступлений и всех его поездок по городам Союза и за границу. Выбор остальных материалов, вошедших в книгу (переписки Маяковского, деловой и личной, фактов личной жизни и т. п.), определялся основной целью книги — дать литературную хронику, т. е. дать читателю в документальной форме последовательную и подробную картину жизни великого поэта в ее литературных и общественных проявлениях.

При составлении «Хроники» использованы как печатные материалы—

газеты и журналы того времени, — так и архивные — находящиеся в государственных хранилищах и у частных лиц — письма, деловые бумаги и т. д. В очень небольшой степени использованы воспоминания современников — только в тех случаях, когда факты, встречающиеся в них, могли быть перекрестно или документально проверены. Небольшие цитаты из выступлений Маяковского, из очерков, афиш, из отзывов печати, из неопубликованных писем Маяковского имеют целью раскрыть и пояснить событие. Автор сознательно не сглаживал и не унифицировал материала и представлял в некоторых случаях слово самому Маяковскому, иногда — документу, надеясь, что внимательный читатель найдет в этой работе больше, чем точную хронологическую схему биографии Маяковского.

За пределами книги осталась библиография почти всего, что было написано о Маяковском в годы 1913—1930. Количество критических высказываний, статей и рецензий очень велико, и одна голая (не аннотированная) библиография увеличила бы объем книги на несколько печатных листов. В то же время вся эта литература почти без исключений имеет главным образом историко-литературный, а отнюдь не реально-познавательный интерес для сегодняшнего читателя. Из этих соображений в книге отмечены только те критические высказывания и выступления, которые вызвали непосредственные отклики и возражения Маяковского, и те — серьезные и значительные, которые безусловно сыграли роль в литературной биографии Маяковского. Сюда относятся прежде всего широко известные высказывания В. И. Ленина и А. М. Горького и менее известные выступления народного комиссара просвещения А. В. Луначарского. Маяковский встречался с Луначарским на протяжении целого ряда лет, неизменно находя с его стороны помощь и общественную поддержку в работе.

Имя и литературная работа Маяковского были предметом постоянной и шумной газетной и журнальной полемики. Если просмотреть сейчас подряд всю массу критической литературы о Маяковском, то первое, что бросается в глаза, — отсутствие равнодушных отзывов. Или, — «за», или — резко «против». Слишком ярко, оригинально и недвусмысленно было само явление Маяковского и в искусстве и в общественной жизни, чтобы каждый, соприкоснувшийся с ним, мог равнодушно пройти мимо.

Литературная полемика осложнялась еще тем, что обсуждались далеко не одни художественные и эстетические проблемы, связанные с именем Маяковского. Теснейшим образом с ними переплетались вопросы политической ориентации и политической активности, очень остро стоявшие в сложной литературно-политической обстановке того времени. Безупречность и идейная принципиальность большевистской политической позиции Маяковского, естественно, вызвала на себя огонь и яростное сопротивление всех явных и тайных врагов партии и советской власти, действовавших на литературном фронте. Формы борьбы были очень разнообразны — от откровенно злобных и пасквильных статей, подписанных именами, которые давно уже справедливо и прочно забыты, и до никакой библиографией не учитываемых мелких уколов, провокационных выпадов, третирований и замалчивания, — от срыва издания книг Маяковского и до вырезывания портретов Маяковского из журналов..

Наиболее крупные факты и этапы этой борьбы нашли себе место в «хронике», но вся она в целом, конечно, является предметом специального исследования, которое будет когда-нибудь написано.

Не следует забывать, что для самого Маяковского все то, что писалось о нем, было не единственным показателем реакции читателя на его работу. Маяковский знал своего читателя в лицо. Сотни тысяч читателей в десятках городов Советского Союза рецензировали аплодисментами его стихи, писали ему записки, задавали вопросы. «Не знаю, была ли когда-нибудь у какого-либо поэта такая связь с читательской

массой?» — писал Маяковский. Он был прав, сказав о себе в автобиографии: «Я знаю, о чем думает читающая масса». И когда бюрократы из издательств отказывались от печатания его книг, утверждая, что на Маяковского нет спроса, он знал, что это — ложь. Он собственными глазами видел «живые тиражи» своих книг в сотнях рабочих, комсомольских, вузовских, красноармейских аудиторий страны.

Эта сторона работы Маяковского прослежена в книге со всей возможной полнотой. Приведены все тексты афиш, которые удалось разыскать. Они составлены всегда самим Маяковским и содержали обычно тезисы будущих выступлений. Цитаты из отчетов и рецензий имеют целью прежде всего восстановить в какой-то мере сказанное Маяковским и обстановку выступления. Иногда цитируются места, касающиеся реакции слушателей. В большинстве случаев — это единственный материал о данном выступлении, дающий если не изложение речи Маяковского, то хотя бы отдельные тезисы.

В книге почти нет цитат из отрицательных рецензий о выступлении Маяковского, не потому, конечно, что их не было, а потому, что они ничего не прибавляют к нашим знаниям о Маяковском и ничего не выражают, кроме мнения данного рецензента. Какой интерес, например, может представлять сегодня мнение некоего «Н. Род», который утверждал, что свои американские стихи Маяковский мог бы написать, и не выезжая из Москвы («Заря Востока», 27 февраля 1926), или прискорбный факт, что рецензенту газеты «Советский Юг» не понравилась поэма «Хорошо!»? Это, как говорится, факты их биографии.

Автор считает необходимым предупредить читателя о некоторых неизбежных пробелах в освещении отдельных сторон деятельности Маяковского. Это относится прежде всего к работе Маяковского в Росте в годы гражданской войны. Несомненно, что число текстов, которые Маяковский сделал для «Окон сатиры» в 1919—1921 годах, было значительно больше того, что автор имел возможность включить сегодня в «Хроннику». Установление авторства Маяковского в отношении всех сохранившихся «Окон» требует больших архивных изысканий и скрупулезного стилистического и художественного анализа.

Равным образом следует иметь в виду, что работа Маяковского в местной печати представлена в книге далеко не полностью — архивы Прессбюро, рассылавшего газетам материалы, до сих пор не разысканы, огромная работа по библиографии Маяковского в провинциальной печати только начата. То же самое и в отношении выступлений Маяковского по радио — два десятка выступлений, которые удалось установить до сего времени, это, разумеется, не все...

Для того, чтобы сделать «Хроннику» удобочитаемой, из текста убрано большинство ссылок на печатные источники и документы и на место их нахождения. Оставлены только самые необходимые. С начала книги и до 1917 года все даты приведены по старому стилю. В ссылках на печатные источники отсутствие указания на место издания означает, что данная книга, журнал или газета вышли в Москве.

Автор выражает глубокую признательность товарищам, которые материалами и указаниями помогли ему в работе над книгой, — Г. В. Бebutову, Л. Ю. и О. М. Брик, Л. А. Гринкругу, Т. С. Грицу, Л. И. Жевержееву, Е. Ю. Каган, А. Е. Крученых, С. С. Кэмарду, П. И. Лавуту, О. И. Лешковой, П. В. Незнамову, Н. Н. Пунину, Н. Ф. Рябовой, А. А. Садовскому, С. Л. Симовскому, А. В. Февральскому, Н. И. Харджиеву, П. И. Чагину, К. И. Чуковскому.

Маяковский — гордость русской поэзии XX века.

Слава его далеко перекинулась за границы Советской Страны, она — шире необъятных просторов его родины. Имя его безусловно станет в ряд славнейших имен, которые представляют великий русский народ в пантеоне мировой культуры.

и поэм. Это — непомерный труд всей его жизни, «до самого последнего листка» отданный народу.

Маяковский был властителем дум и воспитателем чувств того поколения советской молодежи, которое целиком вышло сегодня на поле боя защищать свою советскую родину. Он готовил их к этой битве, воспитывая в их сердцах стойкость и смелость, верность и чувство своего достоинства, ненависть к врагу и ласку к людям. Армия советского народа ведет эту жестокую войну с фашистами-захватчиками не одна, а вместе со всем народом, со всей его многовековой культурой, вооруженная не только автоматами и пулеметами, но и великими духовными ценностями глубоко человеческого русского искусства.

Вони Красной Армии слышит на поле боя не только дыхание двухсотмиллионного народа, но и ободряющие голоса тех, чьими именами он по праву всегда гордился.. И, конечно, он тоже здесь, на передней линии огня, — этот огромный человек с лицом рабочего и великой душой русского поэта.

Маяковский жив! Маяковский — с нами! С нами его любовь к родной земле, его верность знамени, взвитому в октябре 1917 года, его глубокая вера в свой народ и в светлое будущее, которое он себе завоюет.

Литературная хроника

М А Я К О В С К И Й

1893

Владимир Владимирович Маяковский родился 7 (19) июля в селе Багдады, близ Кутаиса (теперь село Маяковски Советской социалистической республики Грузии), в семье лесничего Владимира Константиновича Маяковского и Александры Алексеевны (урожденной Павленко).

«Отец, Владимир Константинович, лесничий; высокий, широкоплечий, с черными волосами, зачесанными набок, с черной бородой, загорелым, подвижным, выразительным лицом. Огромный грудной бас, который целиком передался Володе. Движения быстрые, решительные. Веселый, приветливый, впечатлительный. Настроения сменялись часто и резко. Отец обладал большим темпераментом, большой и глубокой силой чувства к детям — своим, чужим, к родным, к животным, к природе.. Отец был слит с природой, он любил и понимал ее всем своим существом..

Служба лесничего опасная, а тем более на Кавказе. Много бессонных ночей проводили мы, ожидая возвращения отца из разъездов.

Тревожили жуткие, темные ночи, скверные дороги, где можно проехать только на лошади или пройти пешком.

Вспоминается такой случай: отец шел, беседуя с объездчиком, потом оба замолкли... Через некоторое время отец обернулся к спутнику, но его уже не было — он провалился в пропасть.

...Отец легко находил тему для разговора с каждым. Хорошо владея речью, он пересыпал ее пословицами, прибаутками, остротами. Знал бесчисленное множество случаев и анекдотов и передавал их на русском, грузинском, армянском, татарском языках, которые знал в совершенстве.

Выдача разрешений на порубки тоже сопровождалась шутками, остротами. Крестьяне просят уступить за лес, отец убеждает: «Мамис мамули ки арарис, аршейдзлеба» («Это не имение моего отца, невозможно»). Убеждение не всегда помогает, крестьянин настаивает, рисуя свое тяжелое положение, и отец добавляет, из своего кармана.

Мама — Александра Алексеевна — среднего роста. Глаза карие, серьезные, смотрят немного исподлобья. Довольно высокий лоб, нижняя часть лица немного выдается вперед. Волосы каштановые, всегда зачесаны гладко. Лицом Володя похож на мать, а сложением, манерами — на отца. Мама худая, хрупкая, болезненная. С хрупкой комплекцией матери так странно не выжета огромная воля и выдержка...

Своим характером и внутренним тактом мама нейтрализовала вспыльчивость, горячность отца, его смены настроений и тем создавала самые благоприятные условия для общей семейной жизни и для воспитания детей. За всю жизнь мы, дети, ни разу не слышали не только ругани, но даже резкого, повышенного тона.

Условия жизни в Багдадах были трудные. В доме приходилось ве-

сти большое хозяйство, женщину-работницу трудно было найти, а потому всю домашнюю работу приходилось делать маме. У нас почти не было нянь, не говоря о боянях и гувернантках. С утра и до вечера мы жили в трудовой, полной забот обстановке». (Воспоминания старшей сестры Маяковского Л. В. Маяковской.)

1894—1900

Детские годы в селе Багдады.

«Первый дом, воспоминаемый отчетливо. Два этажа. Верхний — наш. Нижний — винный заводик. Раз в году — арбы винограда. Давили. Я ел. Они пили. Все это территория стариннейшей грузинской крепости под Багдадами. Крепость четырехугольничается крепостным валом. В углах валов — накаты для пушек. В валах бойницы, За валами рвы. За рвами леса и шакалы. Над лесами горы. Подрос. Бегал на самую высокую. Снижаются горы к северу. На севере разрыв. Мечталось — это Россия. Тянуло туда невероятнейше.

...Лет семь. Отец стал брать меня на верховые объезды лесничества. Перевал. Ночь. Обстигло туманом. Даже отца не видно. Тропка узешая. Отец, очевидно, отдернул рукавом ветку шиповника. Ветка с размаху шипами в мои щеки. Чуть повизгивая, вытаскиваю колючки. Сразу пропали и туман, и боль. В расступившемся тумане под ногами — ярче неба. Это электричество. Клепочный завод князя Накашидзе...

Учение. Учила мама и всякоюродные сестры. Арифметика казалась неправдоподобной. Приходится рассчитывать яблоки и груши, раздаваемые мальчикам. Мне ж всегда давали, и я всегда давал без счета. На Кавказе фруктов сколько угодно. Читать выучился с удовольствием.

...Первая книга. Какая-то «Птичица Агафья». Если б мне в то время попало несколько таких книг — бросил бы читать совсем. К счастью, вторая — «Дон-Кихот». Вот это книга! Сделал деревянный меч и латы, разил окружающее...» (Автобиография.)

«Обычно Володя брал книгу, набивал карманы фруктами, захватывал чего-нибудь своим друзьям-собакам и уходил в сад. Там ложился на живот под деревом, и две-три собаки любовно сторожили его. И так долго читал.

А по вечерам, наоборот, он лежал на спине и рассматривал звездное небо, изучая созвездия по карте, которая прилагалась, кажется, к журналу «Вокруг света». (Воспоминания Л. В. Маяковской.)

1901

Переехал с матерью из Багдады в Кутаис — готовиться к поступлению в гимназию.

В письме к Л. В. Маяковской писал: «...Я здоров и живу хорошо. Я, Нина Александровна и Оля ходили гулять на Архиерейскую гору и собрали немного фиалок. У нас сильный ветер, а деревья цветут...»

1902

В мае держал экзамены в старший приготовительный класс Кутаисской гимназии.

«Выдержал. Спросили про якорь (на моем рукаве) — знал хорошо. Но священник спросил — что такое «око». Я ответил: «Три фунта» (так по-грузински). Мне объяснили любезные экзаменаторы, что «око» —

это «глаз» по-древнему, церковно-славянскому. Из-за этого чуть не провалился...» (Автобиография.)

Осенью начал посещать гимназию.

«Приготовительный, 1-й и 2-й. Иду первым. Весь в пятерках. Читаю Жюль Верна. Вообще фантастическое. Какой-то бородач стал во мне обнаруживать способности художника. Учит даром». (Автобиография.)

Л. В. Маяковская пишет в своих воспоминаниях: «В это время он рисовал уже довольно хорошо, преимущественно по памяти. Срисовывал и увеличивал крейсера, иллюстрировал прочитанное, рисовал карикатуры на наш домашний быт... Я стала брать уроки рисования у единственного в Кутаисе художника А. Краснухи, окончившего Академию художеств. Рассказывала ему о Володе, о его талантливости и любви к рисованию, показала его рисунки. Краснуха попросил привести брата, сказав, что будет заниматься с ним бесплатно. Володя был несказанно рад... Учитель засиживался с нами, не считая времени, увлекаясь вместе с нами. Он рассказывал нам о русской и западной живописи, об отдельных художниках... Уроки проходили оживленно и интересно. Володя быстро почти догнал меня в рисовании... Мы стали привыкать к мысли, что Володя будет художником...».

1904

27 января началась русско-японская война. 30 января во время молебна в гимназии ученики Кутаисской гимназии «произвели беспорядки (шипением)». Трое из учащихся старших классов были арестованы.

«Японская война. Увеличилось количество газет и журналов. «Русские ведомости», «Русское слово», «Русское богатство» и прочее. Читаю все. Безотчетно взвинчен... Появилось слово «прокламация». Прокламации вешали грузины. Грузинов вешали казаки. Мои товарищи грузины. Я стал ненавидеть казаков». (Автобиография.)

8 сентября В. К. Маяковский подал директору гимназии прошение об освобождении сына от платы за право учения.

«На самом скромном моем содержании, без всяких других подспорных средств, мне приходится воспитывать на отлете от местопребывания троих детей, что при получаемых средствах страшно чувствительно...» (Резолюция на прошении — «отказать».)

В сентябре Маяковский писал сестре Людмиле: «... Я рисую и слава богу у нас теперь хороший учитель рисования...»

1905

2 февраля — письмо к сестре Л. В. Маяковской.

«... Я, наконец, собрался с багдадским воздухом и пишу тебе. Я на несколько дней ездил в Багдад, потому что по выражению местных грузинов у нас в Кутаисе был «пунти»¹. В Багдаде нет ничего нового... Я купил спиртовую лампочку и учусь выжигать. Пиши чаще. Прости за ошибки...»

Революционные волнения 1905 года в западной Грузии имели своим центром город Кутаис. Большевистскими организациями здесь руководил созданный по инициативе товарища Сталина Имеретинско-мингрельский комитет. Ленинский «Пролетарий» в номере от 20 июня отмечал, что

¹ Бунт.

комитет вербовал пропагандистов также и «из бастующей учащейся молодежи».

Волнения в Кутаисе продолжались весь 1905 год. В революционных выступлениях принимала живейшее участие и учащаяся молодежь — ученики старших классов гимназии и реального училища.

«19-го января толпа молодежи человек в 100 направилась с бульвара по Гимназической улице с революционными песнями и возгласами. Остановленная полицией, она повернула к базару, а потом в Заречный участок, где и была рассеяна. В этот день арестовано 7 человек. На другой день манифестация повторилась; арестовано 40 человек, в том числе 10 гимназистов; их грозят предать суду. Из толпы были даны выстрелы, ранен в голову городской. 25-го опять была манифестация с красным знаменем... В театре была распространена масса прокламаций, которые читались с жадностью; полиция была изгнана, после чего начались речи на политические темы; затем толпа с революционными песнями прошла по городу. Вообще, волнение у нас не прерывается вот уже две недели. В городе забастовки приказчиков, водовозов, извозчиков, учащихся...» (Газета «Вперед», 15 февраля 1905.)

«25-го января в гимназии после первого и второго урока в верхнем и нижнем коридорах среди учеников раздавались шум и крики, которые, однако, быстро прекратились, когда к ученикам подходили г.г. директор, инспектор и преподаватели.

В конце большой перемены, несмотря на присутствие в коридорах как инспектора, так преподавателей и помощников классных наставников, ученики сгруппировались в верхнем и нижнем коридоре; среди них послышались крики «долой» (по-грузински и по-русски); ученики особенно сильно шумели и кричали в верхнем коридоре; там их крики прерывались нестройным пением песни революционного содержания, слышались отдельные возгласы «да здравствует свобода, и кто-то крикнул: «долой самодержавие». (Журнал заседания педагогического совета Кутаисской гимназии, 26 января 1905.)

«Волнения в учебных заведениях, начавшись с этого момента, не прекращались, пока училища не были закрыты до начала следующего учебного года. 14-го февраля группа бастующей молодежи столкнулась с нарядом казаков. Засвистели нагайки, началось немилосердное побоище...» (Газета «Пролетарий», № 5, 1905.)

«В Кутаисе все средние учебные заведения и городское училище закрыты вследствие забастовки учащихся. Учащиеся предъявили политические требования. Забастовщики гимназисты, реалисты и гимназистки устроили политическую демонстрацию. (Газета «Вперед», 30 марта 1905.)

Весной «... приехала сестра из Москвы. Восторженная. Тайком дала мне длинные бумажки. Нравилось: очень рискованно. Помню и сейчас...

Опомнись, товарищ, опомнись-ка, брат,
скорей брось винтовку на землю.

Это была революция. Это было стихами. Стихи и революция как-то объединялись в голове». (Автобиография.)

«...Я приехала домой революционно настроенная, привезла с собой литературу, легальную и нелегальную... В Володе я почувствовала взрослого человека, шагнувшего далеко в своем развитии. Я считала возможным говорить с ним, как с равным. Познакомила его с нелегальными стихами и песнями. Володя их читал и заучивал наизусть». (Воспоминания Л. В. Маяковской.)

В августе Маяковский держал экзамены и перешел в третий класс. Занятия в гимназии вследствие непрекращающихся волнений шли с перерывами.

«Не до учения. Пошли двойки...»

Речи, газеты. Из всего — незнакомые понятия и слова. Требую у себя объяснений. В окнах белые книжицы. «Буревестник». Про то же... Покупаю все. Встал в шесть утра. Читал запоём. Первая: «Долой социал-демократов». Вторая: «Экономические беседы». На всю жизнь поразила способность социалистов распутывать факты, систематизировать мир. «Что читать?» — кажется, Рубакина. Перечел советуемое. Многое не понимаю. Спрашиваю. Меня ввели в марксистский кружок. Попал на «Эрфуртскую». Середина. О «лumpен-пролетариате». Стал считать себя социал-демократом: стащил отцовские берданки в эсдечий комитет. (Автобиография.)

Сестра Ольга писала Л. В. Маяковской: «Я теперь читаю очень интересные книги. Я купила себе книги — «Положение женщины в настоящем и будущем», «Долой социал-демократов», «Социализм в Японии», «О программе работников», «Что такое рабочий день», «Идеи марксизма в германской рабочей партии», «Буржуазия, пролетариат и коммунизм», «Среди людей мозга». Подобных книг купил себе и Володя 10 штук».

В октябре — письмо к Л. В. Маяковской.

«У нас была пятидневная забастовка, а после была гимназия закрыта четыре дня, так как мы пели в церкви марсельезу. В Кутаисе 15-ого ожидается беспорядки, потому что будет набор новобранцев. 11-ого здесь была забастовка поваров. По газетам видно, что и у вас большие беспорядки...»

26 октября во всех учебных заведениях Кутаиса занятия были прекращены. 27 октября Кутаисская губерния была объявлена на военном положении.

В ноябре — письмо к Л. В. Маяковской.

«...Пока в Кутаисе ничего страшного не было, хотя гимназия и реальное забастовали, да и было зачем бастовать. На гимназию были направлены пушки, а в реальном сделали еще лучше. Пушки поставили во дворе, сказав, что при первом возгласе камня не оставят на камне. Новая «блестящая победа» была совершена казаками в городе Тифлисе. Там шла процессия с портретом Николая и приказала гимназистам снять шапки. На несогласие гимназистов казаки ответили пулями, два дня продолжалось это избиение. Первая победа над царскими башибузуками была одержана в Гурии, этих собак там было убито около двухсот. Кутаис тоже вооружается, по улицам только и слышны звуки марсельезы. Здесь тоже пели «Вы жертвою пали», когда служили панихиду по Трубецком и по тифлисским рабочим...»

Октябрь — ноябрь участвовал в демонстрации протеста против убийства Н. Баумана.

«...При панике (может, разгоне) в демонстрацию памяти Баумана мне (упавшему) попало большущим барабанищем по голове». (Автобиография.)

1906

19 февраля умер В. К. Маяковский.

«Умер отец. Уколот палец. (Сшивал бумаги.) Заражение крови... Благополучие кончилось. После похорон отца у нас в кармане 3 рубля...» (Автобиография.)

«Володя самый младший, но почти взрослый по своему развитию.. Распоряжался на похоронах, обо всем хлопотал, не растерялся. Он сразу почувствовал себя мужчиной, заботливо и внимательно относился к нам. С этого времени Володя стал серьезней, характерная складка на лбу обозначилась едва заметной линией. Смерть отца на всю жизнь осталась неизгладимой. Все изменилось...» (Воспоминания Л. В. Маяковской).

В начале июня перешел в IV класс, выдержав переэкзаменовку по латинскому языку.

«Перешел в четвертый только потому, что мне расшибли голову камнем (на Рионе подрался) — на переэкзаменовках пожалели». (Автобиография.)

13 июня по прошению матери выбыл из Кутаисской гимназии.

В июле семья Маяковского — мать, сестры Людмила и Ольга — переехала в Москву.

«...Инстинктивно, лихорадочно мы распродали столы и стулья. Двинулись в Москву. Зачем? Даже знакомых не было.

...Остановились в Разумовском. Утром паровиком в Москву. Сняли квартиру на Бронной». (Автобиография.)

В августе поступил в IV класс пятой московской гимназии.

«Перевелся в 4-й класс пятой гимназии. Единицы, слабо разнообразимые двойками. Под партией «Анти-Дюринг».

...С едами плохо. Пенсия — 10 рублей в месяц. Я и две сестры учимся. Маме пришлось давать комнаты и обеды. Комнаты дрянные. Студенты жили бедные. Социалисты. Помню — первый передо мной «большевик» Вася Канделаки». (Автобиография.)

«...В действительности он увидел вскоре много большевиков в своей комнатке. Это были студенты Московского университета, товарищи и приезжие. Говорили, курили, спорили много и горячо. Тащили вороха нелегалщины. Иногда, спохватившись, оглядывались на неподвижно сидевшего долговязого мальчугана. Я успокаивал: «Это сын хозяйки, Володя Маяковский, свой». В горячке учебы и кружковщины мне было не до «ребенка», каким я считал Володю. Помню мимолетное свое удивление, когда он смущенно, робко, боясь, что откажут, брал почитать «что-нибудь революционное». Потом он перестал спрашивать, просто брал, глотал. Когда приходили товарищи, бросал свое выпиливание и присаживался в уголке, жадно слушая». (Воспоминания В. Канделаки.)

1907

Через соседей-студентов Маяковский знакомится с практической революционной работой и постепенно втягивается в революционное движение. Товарищ гимназист Сережа Медведев ввел Маяковского в социал-демократический кружок 3-й гимназии.

«Чтение. Беллетристики же признавал совершенно. Философия, Гегель. Естествознание. Но главным образом марксизм. Нет произведения искусства, которым бы я увлекся более, чем «Предисловием» Маркса. Из коммат студентов шла нелегалщина, «Тактика уличного боя» и т. д. Помню отчетливо синенькую ленинскую «Две тактики». Нравилось, что книга срезана до букв. Для нелегального просовывания. Эстетика максимальной экономии.

Первое полустихотворение. Третья гимназия издавала нелегальный журнальчик «Порыв» Обиделся. Другие пишут, а я не могу?! Стал скрипеть. Получилось невероятно революционно и в такой же степени безобразно. Не помню ни строки. Написал второе. Вышло лирично. Не считая такое состояние сердца совместимым с моим «социалистическим достоинством», бросил вовсе.

Работа. Денег в семье нет. Пришлось выжигать и рисовать. Особенно запомнились пасхальные яйца. Круглые, вертятся и скрипят, как двери. Яйца продавал в кустарный магазин на Неглинной. Штука 10—15 копеек. С тех пор бесконечно ненавижу Бемов, русский стиль и кустаршину». (Автобиография.)

«В холоде, за полуметной лампой, в дыму и копоти сидели мы за столом и рабогали... — Часто сидели до утра. Умоешься и пойдешь на занятия, а Володя ходил относить работу в магазин. Сидишь целый вечер, заработаешь два-три рубля, а эти вещи потом красуются в магазине Дациаро и продаются по пять—семь рублей. Несмотря на то, что Володя эту работу не любил, он выполнял ее хорошо. Эта работа нас выручала». (Воспоминания Л. В. Маяковской.)

Весной был переведен в V класс (очевидно, с несколькими переэкзаменовками — см. письмо от 14 июля).

14 июля — письмо к О. В. Маяковской.

«..День своего рождения провел хорошо, только на другой день вспомнил о нем. Ты пишешь, что хорошо проводишь время, рад за тебя. Я же сижу дома, или что-нибудь читаю, или же учу уроки и ругаю бога за вавилонское столпотворение. Захотелось ему башню разрушить, он и перемешал языки, а я за него страдаю и учу уроки, совсем у бога логики нет! У Медведевых время провел так, как и вообще у них проводят — ел, пил, спал, купался, гулял, читал и изредка занимался...»

1908

В конце 1907 года или самом начале 1908 года Маяковский вступил в РСДРП (большевиков).

«К студенту Московского университета Вегеру, известному под революционной кличкой «Поволжец», явился молодой парень, сообщивший о себе следующее: больше года назад он приехал в Москву с Кавказа, где был связан с революционными социал-демократическими кружками молодежи, и хочет теперь работать в московской организации РСДРП... На обычные вопросы: кого знает? с кем связан в Москве? кто направил? — пришедший дал ответы, вполне соответствующие требованиям конспирации... Пришедший высказался чрезвычайно презрительно о деятелях земств и городов, употребив некоторые выражения из статей Ленина, посвященных либералам, и очень толково, обнаруживая складку пропагандиста, объяснил, почему рабочий класс должен быть гегемоном революции, ведущим за собой крестьянство. Поволжцу стало ясно, что парень подходящий, свой, — и он направил его на организационную работу в Лефортовский район». (По воспоминаниям В. И. Вегера (Поволжца)¹).

О своем вступлении в партию Маяковский говорит в автобиографии: «Держал экзамен в торгово-промышленном подрайоне. Выдержал. Пропагандист. Пошел к булочникам, потом к сапожникам и наконец к типографщикам... Звался «товарищем Константином».

¹ Сборник «Маяковский». Материалы и исследования. М., 1940, стр. 74, 75. \

В начале года (до первого ареста) был кооптирован в районный городской комитет РСДРП.

1 марта выбыл из пятой гимназии по постановлению Педагогического совета вследствие невзноса платы за первую половину 1908 года. В прошении матери о выдаче документов и свидетельства об успехах указывалось, что он «по болезни не может продолжать учиться в гимназии».

«Освободившись от гимназии, Володя всецело занялся партийными делами. Занимался сам, изучал политическую экономию и другие социологические науки. В это время Володя не признавал никакой литературы, кроме философии, политэкономии, истории, естествознания, а также неизменно читал газеты...» (Воспоминания Л. В. Маяковской.)

29 марта арестован засадой полиции в подпольной типографии Московского комитета РСДРП (большевиков) (на квартире Т. Трифонова в Ново-Чухнинском пер.). При Маяковском нашли 70 экземпляров прокламации «Новое наступление капитализма», 76 экземпляров газеты «Рабочее знамя» и 4 экземпляра «Солдатской газеты» (орган Военной организации МК РСДРП).

«...Нарвался на засаду в Грузинах. Наша нелегальная типография. Ел блокнот. С адресами и в переплете. Пресненская часть. Охранка. Суцевская часть». (Автобиография.)

8 апреля — допрос следователем по особо важным делам Вольтановским.

На допросе отрицал причастность к партии, заявил, что сверток дал ему «неизвестный человек по имени Александр», с которым познакомился «при каких обстоятельствах — сейчас не помню», — просил отнести по адресу Трифонова (Жигитова).

«Следователь Вольтановский (очевидно, считал себя хитрым) заставлял писать под диктовку: меня обвиняли в писании прокламации. Я безнадежно перевернул диктант. Писал: «социальдимокритическая». Провел». (Автобиография.)

9 апреля освобожден до суда под ответственность матери с обязательством никуда не отлучаться без ведома полиции.

8 мая Московское охранное отделение предложило приставу 1 участка Суцевской части установить за Маяковским «особый надзор полиции».

27 мая по предложению следователя врач городской части г. Москвы освидетельствовал Маяковского и нашел его «в психическом отношении вполне нормальным».

В августе Московское охранное отделение установило за Маяковским наружное филерское наблюдение.

6 августа 1908

«Высокий»¹ — проживает в д. Бутюгиной по Долгоруковской ул.

В 8 час. 45 мин. утра вышел из дома и пошел в булочную Макарычева по Тверской ул., где купил булок и вернулся домой, вторично вышел из дома в 10 час. 40 мин. дня с неизвестным молодым человеком

¹ Так в филерских донесениях назывался Маяковский.

и пошли в дом Перетц по Триумфальной Садовой во дворе. Откуда взяты не были».

12 августа 1908

«В 11 час. 50 мин. утра вышел из дома, сел на трамвай и отправился в городские номера по Никольской ул., где пробыл 50 мин. Вышел и пошел в дом графа Сумарокова-Эльстон по проезду Тверского бульвара в парад., где контора типографии градоначальства, скоро вышел, имея при себе небольшие листочки в виде листа почтовой бумаги, свернув, положил в карман, дойдя до М. Дмитровки, сел в трамвай и вернулся домой».

15 августа 1908

«В 9 час. 45 мин. утра вышел из дому и пошел в дом Елизаровой, угол Лихова и Малого Спасского пер., в парадное за №№ 9—16, где пробыл 10 м., вышел, дойдя до Сухаревой башни, сел в трамвай, доехал до Ярославского вокзала, слез и пошел в вокзал, где взял билет II класса до ст. Лошино-Островской, сел в поезд № 6 и доехал до ст. Лошино-Островская. Слез и пошел тут же на дачу № 118 Шекина, откуда до 11 ч. 30 м. возвращения не было. Наблюдение остается до последнего поезда».

16 августа.

«...Вторично вышел из дома в 11 часов 30 мин. дня и пошел в городские номера по Никольской улице, где пробыл 1 час, вышел с неизвестным молодым человеком, дойдя до Лубянской площади, сели в трамвай. «Высокий» у Сухаревки слез и пошел в д. Биркель по Даеву пер. во дворе, где проживает «Дубовый». Пробыв 55 минут, вышел, пошел домой, в 4 часа 50 мин. вышел, дойдя до Лесной улицы, сел в трамвайный вагон вокзальный и поехал по направлению к Сухаревской площади, где и был из виду упущен».

30 августа по прошению матери Маяковский принят в число учеников подготовительного класса Строгановского художественно-промышленного училища.

11 октября Московский окружной суд на основании медицинского освидетельствования признал Маяковского «действовавшим при совершении преступления с разумением», и Маяковский в числе других обвиняемых был предан суду Московской судебной палаты.

23 декабря составлен обвинительный акт по делу о подпольной типографии МК РСДРП (большевиков).

По недоразумению обвинительный акт не был своевременно вручен Маяковскому. Полиция почему-то считала Маяковского скрывшимся из Москвы и проживающим в Самаре. Из-за этого слушание дела было отложено.

1909

14 января — «прошение» на имя директора Строгановского училища разрешить сдать экзамены за 5 классов по общеобразовательным предметам в мае.

18 января — второй арест Маяковского.

Из Сушевской полицейской части, куда был посажен, написал письмо сестре Л. В. Маяковской.

«Арестовали меня в тот день, как я вышел из дому в 11 часов утра на улице. Арестовали бог знает с чего, совершенно неожиданно схватили на улице, обыскали и отправили в участок. Сижу опять в Сушев-

ке, в камере у нас 3 человека (всего политических 9). Кормят или вернее кормимся очень хорошо. Немедленно начну готовиться по предметам; и если позволят, то усиленно рисовать. А пока прошу у тебя следующее: пришли мне подушку, одеяло, полотенце, что есть из белья, простыню, наволочку, зубной порошок, щеточку, зеркальце, гребень, платков носовых и черную рубаху; затем следующие книги (поройся у меня, найди, которые есть, а которых нет, спроси у Сережи, Владимира, Хози или у других товарищей). Алгебру и геометрию Давидова, Цезаря, грамматику лат. Никифорова, немецкую грамматику Кайзера, немецкий словарь, маленькую книжницу на немецком языке Ибсена (она лежит у меня на полке), физику Краевича, историю русской литературы Саводникова и программу для готовящихся на аттестат зрелости. Из книг для чтения следующие: психологию Челпанова, логику Минто. Историю новейшей русской литературы (чья не помню, она лежит у меня на столе), введение в философию (Кюльпе), диалектические этюды Унтермана и сущность головной работы человека Дицгена.

Все эти книги ты найдешь у меня в комнате. Затем спроси, где найдется ли у Владимира или Сергея 1-й том «Капитала» Маркса, введение в философию Челпанова и сочинения Толстого или Достоевского.

Все эти книги притащи сама или попроси кого-нибудь принести мне, в Сущевку, принеси не все сразу, конечно, а понемногу. Затем спроси у Сергея адрес Виктора Михайловича, которому я рисовал плакат. Сходи туда, спроси деньги (проси 8 рублей), а если понадобится что-нибудь дорисовать, то сделай это пожалуйста.

На полученные деньги купи акварельных красок в училище, обязательно с коробкой, затем папку для рисования, но только пожалуйста отрывную, блок-нотом, такую, какая у меня была раньше, средних размеров (в 1 р. 25 к. — 1 р. 75 к.).

Ее ты можешь достать на Петровке, в писчебумажном магазине, кажется Гринבלата, две резины, три карандаша и перочинный нож, он у меня на столе.

Постарайся так, чтоб осталось рублей 3—5, и принеси их мне, деньги здесь понадобятся. Обзаведусь хозяйством, да и заживем помаленьку. Сходи в охранку: тебе, маме и Оле дадут свидания. Свидания здесь по четвергам и по воскрес. Ну пока до свидания.

Целую всех вас крепко, поцелуй за меня маму и Олю.

За меня не беспокойтесь, т. к. по новому делу привлечь меня не могут, ибо невинен и чист, аз есмь аки архангел. Поклон товарищам.

Пусть не забывают.

Володя.

Р. С. Если найдешь (постарайся), то принеси Гнедича «Историю искусств» и Мутера «Историю живописи в 19 столетии». Если есть, то принеси от кого-нибудь другого, а если нет, то в крайнем случае те, которые лежат у меня в сундучке. Только обери на бумагу.

Сейчас говорил со зрителем. Разрешил принести краски и рисовать только, чтобы все принадлежности были небольших размеров, а то неудобно. Да принеси еще две кисточки.

Ну, примусь за занятия, обстановка подходящая. Я сижу сейчас со студентом технологом IV курса, знающим немецкий язык, немного рисующим. Книги приноси обязательно понемногу, иначе не пропустят. Приноси по 4—7.

Я здоров. Настроение хорошее. Веселое.

Целую всех. Ваш Володя».

12 февраля — «прощение» матери Маяковского на имя Московского градоначальника с просьбой о выдаче ей сына на поруки.

13 февраля Московское охранное отделение телеграфно просило Департамент полиции продлить срок ареста Маяковскому. Министр разрешил.

27 февраля был освобожден из-под стражи. Маяковскому никаких улик и конкретных обвинений не было предъявлено. Освобожден без всяких последствий.

По выходе из тюрьмы возобновил свои занятия в Строгановском училище.

28 апреля Маяковскому была вручена копия обвинительного акта по обвинению его в преступлении, предусмотренном в 1 ч. 102 статьи Уголовного уложения («в насильственном посягательстве на изменение в России или в какой-либо ее части установленного законами основным образом правления...»).

2 июля — третий арест Маяковского — на кв. С. Морчадзе по подозрению в причастности к организации побега тринадцати политических каторжанок из женской Новинской тюрьмы (1 июля). Был заключен в Басманный полицейский дом.

О предстоящем побеге политкаторжанок Маяковский был осведомлен очень хорошо: он был близок с организатором побега С. С. Морчадзе (Коридзе), в семье Маяковского шили платья для беглянок, смолили канат..

14 июля вследствие «буйного поведения» был переведен из Басманного полицейского дома в отдельную камеру Мясницкого полицейского дома. Здесь политические заключенные избрали Маяковского своим старостой.

16 июля — заявление в Охранное отделение с просьбой разрешить пропуск принадлежностей для рисования.

25 июля Охранное отделение телеграфно просило Департамент полиции продлить срок ареста Маяковскому. Министр разрешил.

7 августа получил повестку, вызывавшую его в качестве обвиняемого по делу о тайной типографии на судебное заседание Московской судебной палаты 9 сентября.

17 августа — заявление смотрителя Мясницкого полицейского дома в Охранное отделение с просьбой перевести Маяковского в другое место заключения.

«Владимир Владимирович Маяковский своим поведением возмущает политических арестованных к неповиновению чинам полицейского дома, настойчиво требует от часовых служителей свободного входа во все камеры, называя себя старостой арестованных, при выпуске его из камеры в клозет или умываться к крану не входит более получаса в камеру, прохаживаясь по коридору, на все мои просьбы относительно порядка Маяковский не обращает внимания.. 16 сего августа в 7 часов вечера был выпущен из камеры в клозет, он стал прохаживаться по коридору, подходя к другим камерам и требуя от часового таковые отворить, на просьбы часового войти в камеру отказался почему часового дабы дать возможность выпустить других по одиночке в клозет стал убедительно просить его войти в камеру. Маяковский, обозвав часового

«холоум» стал кричать по коридору, чтобы слышали все арестованные, выражаясь, товарищи, старосту холуй гонит в камеру, чем возмутил всех арестованных, кон в свою очередь стали шуметь... Сообщая о том охранному отделению покорно прошу не отказать сделать распоряжение о переводе Маяковского в другое место заключения, при этом присовокуплю, что он и был ко мне переведен из Басманного полицейского дома за возмущение».

На заявлении резолюция: «Перевести в Пересыльную тюрьму в отдельную камеру».

18 августа переведен в Центральную пересыльную (Бутырскую) тюрьму. Заключен в одиночную камеру № 103.

24 августа обратился с прошением в Московское охранное отделение:

«Ввиду того, что у Охранного отделения нет и, конечно, не может быть никаких фактов, и даже улик, указывающих на мою прикосновенность к деяниям, приписываемым мне Охранным отделением, что в моей полной неприкосновенности к приписываемому мне легко убедиться, проверивши факты, которые были приведены мною при допросе, как доказательство моей невинности, покорнейше прошу Вас рассмотреть мое дело и отпустить меня на свободу. Прошу также Охранное отделение на время моего пребывания в Центральной пересыльной тюрьме разрешить мне общую прогулку».

На прошении резолюция: «31/VIII. Сообщить Маяковскому, что до окончания дела он освобождению не подлежит; просьбу об общих прогулках отклонить».

9 сентября — судебное заседание Московской судебной палаты по делу о тайной типографии МК РСДРП (большевиков). Маяковского защищал присяжный поверенный П. Лидов.

На вопрос — виновен ли Маяковский в том, что, «проживая в марте месяце 1908 г. в Москве, принимал участие в преступном сообществе московской организации Российской Социал-Демократической партии, заведомо для него, подсудимого, поставившей ближайшей целью своей деятельности насильственное посягательство на изменение в России установленного законами основным образом правления путем организации вооруженного восстания, причем, будучи задержан во время прихода в означенную типографию, имел у себя с целью распространения партийные издания, а именно... и т. д.» — суд ответил: «Да, виновен, но участия в преступном сообществе не принимал, сношения с членами сообщества не поддерживал и поручения членов сообщества не исполнял».

На второй вопрос — если подсудимый Маяковский виновен в преступлении, описанном в предыдущем вопросе, «то совершил ли он таковое с разумением, т. е. мог ли он понимать свойство и значение им совершаемого или руководить своими поступками?» — суд ответил: «Совершил без разумения».

На основании этих ответов сословных представителей Мо-

сковская судебная палата постановила Маяковского «отдать под ответственный надзор родителям».

«Перед судом Володя уговаривал маму не ходить на разбор дела, а сестру и меня просил не пускать маму, так как беспокоился, что она будет чересчур нервничать и тяжело переживать обстановку суда. Володю вели под конвоем. Он был худ и бледен, в своей неизменной черной сатиновой рубаше. На суде он держал себя внешне спокойно, и только горящие глаза выдавали его состояние. Он улыбался мне и знакомым, которые были на суде...» (Воспоминания Л. В. Маяковской.)

«Маяковский внешне бравировал деланным безразличием и спокойствием. Прозвучали первые слова приговора, касавшиеся Трифонова. Юноша опустил голову, но тотчас глаза его широко открылись, и он, как говорят в школе, «установился» на фигуру председателя...» (Воспоминания П. П. Лидова, «Литературная газета», 10 июня 1931.)

После судебного заседания Маяковский был отправлен обратно в Бутырскую тюрьму. Охранное отделение задержало исполнение приговора палаты, продолжая допрашивать Маяковского по делу о побеге политкаторжанок из Новинской тюрьмы. 17 сентября предложено было начальнику тюрьмы произвести еще одно медицинское освидетельствование Маяковского «на предмет определения его возраста».

После приговора Маяковский имел несколько свиданий с матерью и сестрами.

27 октября Маяковского известили, что дело его перешло в Министерство внутренних дел.

В тот же день подал прошение Охранному отделению:

«Прошу Вас разрешить мне общую прогулку, так как в баню водят заключенных в количестве 10 (десяти) человек, и следовательно, водится гораздо большее число лиц, чем на общей прогулке, на которую выводят всего четыре человека».

18 ноября — прошение на имя Охранного отделения.

«Покорнейше прошу Охранное отделение разрешить мне общую прогулку».

20 ноября прокурор сообщил Московской судебной палате, что ее приговор от 9 сентября не может быть приведен в исполнение, так как по постановлению Московского охранного отделения Маяковский подлежит высылке под гласный надзор полиции в Нарымский край на три года.

Маяковский узнал об этом решении во время одного из свиданий с родными. А. А. Маяковская поехала в Петербург. Ходатайства об отмене высылки мотивировались главным образом несовершеннолетием Маяковского — ему было тогда шестнадцать лет.

1910

9 января освобожден из-под ареста под гласный надзор полиции. При выходе из тюрьмы у Маяковского отобрали тетрадь со стихами, которые он начал писать в заключении.

«Появление Володи дома было неожиданно. Бурной радости не было конца. Володя пришел к вечеру. Помню, он мыл руки и с намыленными руками все время обнимал нас и целовал, приговаривая: «Как я рад, бесконечно рад, что я дома, с вами». Володя вышел из тюрьмы в холодный день в одной тужурке Строгановского училища. Пальто его было заложено. Мы просили Володю дожидаться утра, чтобы достать где-

нибудь денег и выкупить пальто. Но Володя, конечно, не мог отказать себе в страстном желании видеть друзей...» (Воспоминания Л. В. Маяковской.)

«Помню один его рассказ о том, как он, выйдя из тюрьмы, где просидел с лета до крутых морозов... побежал осматривать Москву. Денег на трамвай не было, теплого пальто не было, было только одно огромное, непревзойдимое и неукротимое желание снова увидеть и услышать город, жизнь, многолюдство, шум, звонки конки, свет фонарей. И вот в куцой куртке и налипших снегом безгалошных ботинках шестнадцатилетний Владимир Владимирович Маяковский совершает свою первую постюремную прогулку по Москве, по кольцу Садовых...» (Воспоминания Н. Н. Асеева.)

О своем пребывании в Бутырской тюрьме Маяковский говорит в автобиографии: «Важнейшее для меня время. После трех лет теории и практики — бросился на беллетристику.

Перечел все новейшее. Символисты — Белый, Бальмонт. Разобрала формальная новизна. Но было чуждо. Темы, образы не моей жизни. Пробовал сам писать так же хорошо, но про другое. Оказалось так же про другое — нельзя. Вышло ходульно и ревлаксиво. Что-то вроде:

В золото, в пурпур леса одевался,
Солнце играло на главах церквей.
Ждал я; но в месяцах дни потерялись,
Сотни томительных дней.

Исписал таким целую тетрадку. Спасибо надзирателям — при выходе отобрали. А то б еще напечатал!

Отчитав современность, обрушился на классиков. Байрон, Шекспир, Толстой. Последняя книга — «Анна Каренина». Не дочитал. Ночью вызвали с вещами по городу. Так и не знаю, чем у них там, у Карениных, история кончилась...

Вышел взбудораженный. Те, кого я прочел — так называемые великие. Но до чего же нетрудно писать лучше их. У меня уже и сейчас правильное отношение к миру. Только нужен опыт в искусстве. Где взять? Я неуч. Я должен пройти серьезную школу. А я вышиблен даже из гимназии, даже и из Строгановского. Если остаться в партии — надо стать нелегальным. Нелегальным, казалось мне, не научишься. Перспектива — всю жизнь писать легучки, выкладывать мысли, взятые из правильных, но не мной придуманных книг. Если из меня вытряхнуть прочитанное, что останется? Марксистский метод. Но не в детские ли руки попало это оружие? Легко орудовать им, если имеешь дело только с мыслью своих. А что при встрече с врагами? Ведь вот лучше Белого я все-таки не могу написать. Он про свое весело — «в небеса запустил ананасом», а я про свое ною — «сотни томительных дней». Хорошо другим партийцам. У них еще и университет. (А высшую школу — я еще не знал, что это такое — я тогда уважал!)

Что я могу противопоставить навалившейся на меня эстетике старья? Разве революция не потребует от меня серьезной школы? Я зашел к тогда еще товарищу по партии Медведеву: хочу делать социалистическое искусство. Сережа должно смеяться; кишка тонка.

Думаю всё-таки, что он не дооценил мой кишки.

Я прервал партийную работу. Я сел учиться.

...Думалось — стихов писать не могу. Юпыты плачевные. Взялся за живопись». (Автобиография.)

В первой половине года — около четырех месяцев — учился живописи в студии худ. С. Жуковского.

В середине года поступил в студию худ. П. Келина. Готовился к поступлению в Училище живописи, ваяния и зодчества.

«Пошел к Келину. Реалист. Хороший рисовальщик. Лучший учитель. Твердый. Меняющийся. Требование — мастерство, Гольбейн. Терпеть не могущий красивенькое.

Поэт почитаемый — Саша Черный. Радовал его антиэстетизм». (Автобиография.)

3 августа — прошение директору Училища живописи, ваяния и зодчества о допущении к конкурсному экзамену для поступления в начальный («головной») класс.

Экзамен Маяковский не выдержал и продолжал учиться в студии Келина, готовясь в будущем году поступить в следующий («фигурный») класс училища живописи.

1911

12 августа послал прошение ректору Высшего художественного училища при Академии художеств (Петербург) о допущении к конкурсному экзамену.

К прошению была приложена копия метрического свидетельства. 19 августа (по требованию канцелярии) Маяковский дополнительно послал документы — метрическое свидетельство, свидетельство о звании, о приписке к призывному участку и квитанцию Московского градоначальства в принятии заявления о выдаче свидетельства о благонадежности.

Маяковский был включен в список допущенных к экзаменам, но на экзамены не явился. Можно предполагать — потому, что не смог получить свидетельства о благонадежности, без которого в Императорскую академию художеств вход был закрыт.

В августе держал экзамены в Училище живописи, ваяния и зодчества. Был принят в фигурный класс.

«Поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества: единственное место, куда приняли без свидетельства о благонадежности. Работал хорошо.

Удивило: подражателей лелеют — самостоятельных гонят. Ларионов, Машков. Революстинком стал за выгоняемых». (Автобиография.)

В первых числах сентября — знакомство с обучавшимся в Училище живописи художником и поэтом Д. Д. Бурлюком.

В училище появился Бурлюк. Вид наглый. Лорнетка. Сюртук. Ходит напевая. Я стал задирать. Почти задрались». (Автобиография.)

В своих воспоминаниях о Маяковском (1920) Бурлюк пишет: «Мое личное знакомство с Маяковским произошло в первых числах сентября 1911 года... Какой-то нечесаный, немытый, с эффектным красивым лицом апаха верзила преследовал меня своими шутками и остротами «как кубиста». Дошло до того, что я готов был перейти к кулачному бою... Но случись это, и мне, с таким трудом попавшему кубисту, не удержаться в Академии Москвы (за это по традиции всегда исключали). Мы посмотрели друг на друга и помирились, и не только помирились, а стали друзьями».

(Д. Бурлюк — значительно старше Маяковского, был к тому времени уже профессиональным живописцем, начиная с 1907 года, принимал участие в выставках новой живописи, выступал как организатор группы «будетлян», участвовал вместе с Хлебниковым и В. Каменским

в первом «бюджетянском» (футуристическом) сборнике «Садок судей», вышедшем весной 1910 г.).

24 ноября — выступление на похоронах художника В. Серова с речью от имени учеников Училища живописи.

«...Над раскрытой могилой Серова речь говорил Маяковский». (Д. Бурлюк. «Маяковский и его современники», «Красная стрела», Нью-Йорк, 1932.)

«Над могилой говорили речи... и один ученик Училища живописи, ваяния и зодчества». («Утро России», 25 ноября 1911.)

«...ученик Училища живописи, указав на тяжелые потери, которые понесло русское искусство за последние пять лет в лице Мусатова, Врубеля и наконец В. А. Серова, высказался в том смысле, что лучшее чествование светлой памяти покойного — следование его заветам». («Русское слово», 25 ноября 1911.)

«...Помню, после похорон я сказал Маяковскому:

— Я вам очень благодарен, что вы так хорошо отнеслись к Серову.

А он в ответ:

— Подождите, Петр Иванович, вас мы еще не так похороним. (Воспоминания П. И. Келлина, журн. «Искусство», № 3, 1940.)

4 декабря открылась в Петербурге выставка общества художников «Союз молодежи». Через Д. Бурлюка Маяковский передал на эту выставку «Портрет Р. П. Коган».

1912

4 февраля был на 7-м симфоническом концерте Кусевицкого. В программе «Остров смерти» Рахманинова. (Журн. «Музыка», № 63, 11 февраля 1912.)

Об этом посещении вместе с Бурлюком концерта в Благородном собрании Маяковский вспоминает в автобиографии:

«Благородное собрание. Концерт. Рахманинов. Остров мертвых. Бежал от невыносимой мелодизированной скуки. Через минуту и Бурлюк. Расхотались друг в друга. Вышли шляться вместе.

Памятнейшая ночь. Разговор. От скуки рахманиновской перешли на училищную, от училищной — на всю классическую скуку. У Давида — гнев обогнавшего современников мастера, у меня — пафос социалиста, знающего неизбежность крушения старья. Родился российский футуризм».

25 февраля — первое публичное выступление Маяковского на II диспуте о современном искусстве, устроенном обществом художников «Бубновый валет». Маяковский и А. Крученых выступали официальными оппонентами по докладу Д. Бурлюка «Эволюция понятия красоты в живописи (кубизм)».

Летом Маяковский жил на даче в селе Петровско-Разумовском (под Москвой).

Соседом Маяковского по даче был летчик Г. Кузмин. По свидетельству композитора С. Долинского Маяковский писал тогда стихи, которые, повидимому, потом уничтожил. Осенью, когда проекты Бурлюка выпустить декларативный сборник «бюджетлян» потерпели неудачу, Маяковский предложил Кузмину дать деньги на издание этого сборника. В конце концов Маяковский уговорил его «рискнуть» (см. декабрь).

Осенью Маяковский впервые прочел свои стихи Д. Бурлюку.

«Днем у меня вышло стихотворение. Вернее — куски. Плохие. Нигде не напечатаны. Ночь. Сретенский бульвар. Читаю строки Бурлюку. Прибавляю — это один мой знакомый. Давид остановился. Осмотрел меня. Рывкнул: «Да это же ж вы сами написали! Да вы же ж гениальный поэт!» Применение ко мне такого грандиозного и незаслуженного эпитета обрадовало меня. Я весь ушел в стихи. В этот вечер совершенно неожиданно я стал поэтом». (Автобиография.)

«Это было осенним вечером на бульваре около Страстного монастыря. Мы шли по асфальтовой панели, под серым туманным небом...

Маяковский прочитал мне одно стихотворение.

— Чье это? Твое?

Он сознался не сразу, лишь после того, как я не верил, когда он приписывал его какому-то поэту. Это было его первое стихотворение». (Д. Бурлюк. Журн. «Творчество» № 1, Владивосток, 1920.)

«Уже утром Бурлюк, знакомя меня с кем-то, басил: «Не знаете? Мой гениальный друг. Знаменитый поэт Маяковский». Толкаю. Но Бурлюк непреклонен. Еще и рычал на меня, отойдя: «Теперь пишите. А то вы меня ставите в глупейшее положение».

...Пришлось писать. Я и написал первое (первое профессиональное, печатаемое) «Багровый и белый» и другие.

...Всегдашней любовью думаю о Давиде. Прекрасный друг. Мой действительный учитель. Бурлюк сделал меня поэтом. Читал мне французов и немцев. Всовывал книги. Ходил и говорил без конца. Не отпускал ни на шаг. Выдавал ежедневно 50 копеек. Чтобы писать не голодая». (Автобиография.)

В середине ноября — поездка в Петербург по приглашению общества художников «Союз молодежи».

20 ноября — выступление в Петербурге в Троицком театре с докладом «О новейшей русской поэзии» (после доклада Д. Бурлюка: «Что такое кубизм?»).

Тезисы (по афише): «I. Борьба за освобожденное искусство и поэзия».

II. Пройденные этапы русской поэзии. 1) Литературность поэзии. 2) Боязнь индивидуализма. 3) Аполлон и аполлонизм — расадники духовного филистерства.

III. Наши достижения — основа свободной поэзии. 1) Связь нашей поэзии с мифом, в частности с русским, культ языка как творца мифа. 2) Свойства слова — поэтический импульс. 3) Возрождение первобытной роли слова».

В конце года написаны стихотворения «Ночь» и «Утро».

Совместно с В. Хлебниковым, Д. Бурлюком, А. Крученых написан декларативный манифест для сборника «Пощечина общественному вкусу».

«В Москве Хлебников. Его тихая гениальность тогда была для меня затемнена бурлящим Давидом. Здесь же явился футуристический кезуит слова — Крученых.

После нескольких ночей лярики родили совместный манифест. Давид собирал, перелисывал, вдвоем дали имя и выпустили «Пощечину общественному вкусу». (Автобиография.)

В декабре — поездка с Д. Бурлюком в «Маячку» (имение в Херсонской губернии, которым управлял отец Бурлюка).

В поездке написако стихотворение «Порт».

В конце декабря вышел сборник «Пощечина общественному вкусу» (изд. Г. Кузмина) с коллективным манифестом

и стихотворениями Маяковского «Ночь» и «Утро» (первое выступление Маяковского в печати).

Выход сборника вызвал резко отрицательные и просто издевательские рецензии в целом ряде газет и журналов. На фоне сплошной ругани исключением был отзыв В. Брюсова в «Русской мысли»: «Не удовлетворяют нас такие способы находить новую форму... какие предлагает Маяковский. Однако за пределами этих крайностей остается кое-что, не лишенное ценности, как новый прием выразительности в поэзии». (№ 3, 1913.)

1913

В феврале вышел сборник «Садок судей» II (П.), с коллективным манифестом и с стихотворениями Маяковского «Порт» и «Уличное».

Вышла листовка «Пощечина общественному вкусу» с коллективным манифестом и стихотворением Маяковского «Из улицы в улицу».

24 февраля — выступление на «Втором диспуте о современном искусстве», организованном обществом художников «Бубновый валет» (по докладам: И. Аксенова «О современном искусстве» и Д. Бурлюка «Новое искусство в России и отношение к нему художественной критики»).

«Некто Маяковский, громадного роста мужчина, с голосом, как трюбон, заявил, что он, футурист, желает говорить первым. По каким-то причинам выступление Маяковского было, очевидно, не наруку организаторам диспута. Они настаивали, что очередь Маяковского — только седьмая. Футурист зычно апеллировал к аудитории: «Господа, прощу вашей защиты от произвола кучки, размазывающей слюни по студию искусства». Аудитория стала на сторону футуриста... Целых четверть часа в зале стоял стон от аплодисментов, криков «долой», свиста и шиканья. Все-таки решительность Маяковского одержала победу». («Московская газета», 25 февраля 1913.)

В марте вышел сборник «Требник троих» (Маяковский, Бурлюк, Хлебников) с стихотворениями: «А вы могли бы?», «Вывескам», «Театры», «Кое-что про Петербург», «За женщиной» и двумя рисунками Маяковского. Кроме того, в сборнике были перепечатаны «Порт» и «Из улицы в улицу» под заглавием «Разговариваю с солнцем у Сухаревой башни».

Во второй половине марта — поездка в Петербург.

24 марта — выступление в Петербурге в Троицком театре на I публичном диспуте о новейшей русской литературе с докладом «Пришедший сам»¹. (Диспут был организован обществом художников «Союз молодежи».)

«В своем выступлении Маяковский подверг критике произведения символистов и акмеистов... «Бальмонт — парфюмерная фабрика. Блок, Брюсов, Гумилевы, Городецкие слащавы, фальшивы, крикливы. Разве произведения «гробокопателя» Сологуба, пугала Андреева и др. могут

¹ Название доклада Маяковского — полемическая перефразировка заглавия книги Д. Мережковского «Грядущий хам» (1906).

вселить в вас любовь к жизни?» И, прочитав несколько стихотворений Блока, Брюсова и др., докладчик противопоставляет им поэзию футуризма». («Русская молва», № 105, 1913.)

«...Не стану скрывать, мне было весело сидеть в этом переполненном зале театра, раздираемом страстями...

Маяковский говорил: «От Сологуба — гробокопателя, от Андреева — отца самоубийств мы зовем вас к современности. Жить клокочущей жизнью города, скрежетом рельсов, таять в дышаньи полей, прыгать, смеяться...».

...И... оппоненты из публики тотчас же подхватили еретический вызов:

— Нет, Сологуб отвлекает от ужасов жизни к мечте...

Среди непонятных отрывков и слов... проскакивали вдруг неожидано красивые строфы и смелые образы:

Лебеди шей колокольных, гнитесь в ситках проводов!

В небе жирафий рисунок готов

Выпестрить ржавые чубы». (В. Тан. «Кубисты и круглисты».

«Речь», П., 26 марта 1913.)

Весной написаны стихотворения «По мостовой моей души изъезженной...», «Несколько слов о моей жене», «Несколько слов о моей маме» и «Несколько слов обо мне самом».

Эти четыре стихотворения составили первый сборник Маяковского «Я!», отпечатанный в мае литографским способом тиражом в 300 экземпляров с иллюстрациями молодых художников Л. Жегина и В. Чекрыгина и с обложкой Маяковского.

«Штаб-издательской квартирой была моя комната. Маяковский принес литографской бумаги и диктовал Чекрыгину стихи, которые тот своим четким почерком переписывал особыми литографскими чернилами. Четыре рисунка, сделанные Чекрыгиным тем же способом (литографским), сами по себе замечательны, однако мало вяжутся с текстом Маяковского.

— Ну вот, Вася, — бурчит Маяковский, — опять ангела нарисовал, ну нарисовал бы муху, давно муху не рисовал.

Работа над внешним оформлением книжечки продолжалась неделю или полторы. Наконец подготовленные к печати листки были собраны с большой осторожностью (ибо литографская бумага чувствительна к каждому прикосновению пальцев) и снесены в маленькую литографию, которая, как помнится, помещалась на Никитской в Хлудовском тупике.

Через две-три недели книжонка «Я!» с рисунками Чекрыгина и моими была отпечатана в количестве, кажется, 300 экземпляров. Маяковский разнес их по магазинам, где они были довольно скоро распроданы. Все издание, помнится, обошлось всего-навсего в 30 рублей, которые Маяковский у меня и занял. Материальные его обстоятельства в ту пору были весьма стесненные. Книжка имела, несомненно, некоторый успех, обратила на себя даже внимание самого «медного всадника русской речи» Валерия Брюсова. Он отметил, что у молодого поэта есть свои самостоятельные образы...» (Воспоминания Л. Жегина.)

Весной — знакомство с Н. Н. Асеевым.

«Познакомился я с ним на улице в солнечный день. Кто познакомил, не помню. Служил я тогда техническим секретарем журнала «Русский архив». Дружил с С. П. Бобровым, Б. Пастернаком. Маяковский сразу привлек меня к себе ширью добрых глаз, необычайным складом речи, всей добротностью и ладом своей высоченной фигуры... После двух-трех

встреч (на большом протяжении времени — около года) Маяковский сказал мне: «Что вы, Асеев, там с Бобровым возитесь! Ведь он же — символист! Пишите так же, как я: это будет поэзия будущего». Я, тогда молодой желторотый лирик, даже немного обиделся, полагая, что Маяковский просто вербует приверженца своего «стиля». Только много позже я понял, насколько прост, прав и прям, был подход Маяковского». (Воспоминания Н. Асеева, «Красная новь», кн. 6, 1930.)

7 мая — выступление в «Обществе свободной эстетики» на чествовании К. Бальмонта¹.

«...Некоторое замешательство в собрании вызывает выступление неофутуриста г. Маяковского, стяжавшего известность на диспутах «валетов».

Г-н Маяковский начинает с того, что спрашивает г. Бальмонта, не удивляет ли его то, что все приветствия исходят от лиц, ему близко знакомых, или соратников по поэзии. Г-н Маяковский приветствует поэта от имени его врагов.

— Когда вы, — говорит он, — начнете знакомиться с русской жизнью, то вы столкнетесь с нашей голой ненавистью. В свое время и нам были близки ваши искания, ваши плавные, мерные, как качалки и турецкие диваны, стихи. Вы пели о России — отживающих дворянских усадьбах и голых, бесплодных полях. Мы, молодежь, поэты будущего, не воспевали всего этого. Наша лира звучит о днях современных. Мы слиты с жизнью. Вы восходили по шатким, скрипящим ступеням на древние башни и смотрели оттуда в эмалевые дали. Но теперь в верхних этажах этих башен приютились конторы компаний швейных машин, в эмалевых даях совершаются «звездные» пробеги автомобилей...

В завершение своей речи г. Маяковский.. декламирует одно из... стихотворений К. Д. Бальмонта: «Тише, тише совлекайте с древних идолов одежды...».

После речи г. Маяковского раздались шиканья и свистки.

В. Я. Брюсов, обращаясь к собранию, говорит, что все собралось приветствовать К. Д. и он надеется, что здесь больше не будет произнесено подобных речей. К. Д. Бальмонт отвечает г. Маяковскому одним из своих стихотворений, в котором говорится, что у поэта не может быть врагов, что он выше вражды». («Русское слово», 8 мая 1913.)

Весной—летом (?) — поездка в Киев.

27 июля в «Кине-журнале», № 14, напечатана статья «Театр, кинематограф, футуризм».

¹ Бальмонт только что возвратился в Россию после семилетнего пребывания в эмиграции. 5 мая 1913 года на Брестском вокзале предполагалась торжественная встреча. «Среди ожидающих, — писала газета «Руль», — как это ни странно, представитель футуристов г. Маяковский.

— А вы как же сюда попали? Ведь это как будто непоследовательно?

— Тише, тише совлекайте с древних идолов одежды... — вместо ответа процитировал лидер московских футуристов стихотворение поэта отвергнутого прошлого, Бальмонта...» («Руль», 6 мая 1913.)

Можно предположить, что Маяковский собирался выступить здесь с той самой речью, которую он произнес 7 мая в «Обществе свободной эстетики», но все выступления на вокзале были неожиданно полицией запрещены.

Летом в Москве и в Кунцеве (под Москвой) Маяковский работал над трагедией «Владимир Маяковский» (первоначальные заглавия «Железная дорога», «Восстание вещей»). В начале сентября она была «уже почти написана»¹. О постановке этой вещи велись к этому времени уже переговоры с Петербургским обществом художников «Союз молодежи» (см. дальше — ноябрь).

В августе вышел сборник «Дохлая луна» с стихотворениями Маяковского: «Исчерпывающая картина весны», «От усталости», «Любовь», «Мы», «Шумики, шумы и шумищи». Кроме того, в сборнике был перепечатан цикл стихов «Я!»².

24 августа в «Кине-журнале», № 16, напечатана статья «Уничтожение кинематографом «театра» как признак возрождения театрального искусства».

18 сентября в «Кине-журнале», № 17, напечатана статья «Отношение сегодняшнего театра и кинематографа к искусству».

Эти три статьи Маяковского в «Кине-журнале» появились в связи с анкетой об отношении писателей к кино в журнале «Вестник кинематографии». Ответы были в большинстве отрицательные. Маяковский и Бурлюк вступились за кино. Попытка Маяковского определить свое отношение к современному театру, несомненно, связана с началом работы Маяковского для театра — трагедией «Владимир Маяковский».

В первой статье Маяковский писал: «Великая ломка, начатая нами во всех областях красоты во имя искусства будущего — искусства футуристов, не остановится, да и не может остановиться, перед дверью театра».

Ненависть к искусству вчерашнего дня, к неврастении, культивированной краской, стихом, рампой, ничем не доказанной необходимостью выявления крошечных переживаний уходящих от жизни людей, заставляет меня выдвигать в доказательство неизбежности признания наших идей не лирический пафос, а точную науку, исследование взаимоотношений искусства и жизни».

К этому же времени, повидимому, относится и первый опыт работы Маяковского в кинематографии, — сценарий «Погоня за славой», предложенный кинематографической фирме Перского (он же издатель «Кине-журнала»).

Об этом сценарии Маяковский упоминал в предисловии к неосуществленному сборнику сценариев (1927):

«Первый — «Погоня за славой» — написан в 13 году. Для Перского. Один из фирмы внимательно прослушал сценарий и безнадежно сказал:

— Ерунда.

Я ушел домой. Пристыженный. Сценарий порвал. Потом картину с этим сценарием видели ходящей по Волге. Очевидно, сценарий был прослушан еще внимательнее, чем я думал».

¹ Об этом писал Д. Бурлюк М. Матюшину 6 сентября 1913 г.

² В 1913 г. — повидимому, в первой половине — было написано еще стихотворение «В авто», появившееся в печати впервые только в сборнике «Все сочиненное Владимиром Маяковским» в 1919 г.

13 октября — выступление в зале «Общества любителей художеств» на «Первом в России вечере речетворцев» с докладом «Перчатка».

«Зала была переполнена до крайности, билеты были все проданы, фаланга городских с околоточными и приставом отделяла несчастных безбилетных от тех, кому судьба улыбнулась билетом. Герои вечера появлялись тут и там, разжигая нетерпение и без того возбужденной публики. Самый героический из них был в изысканной желто-черной кофте в полоску и без пояса.. Не желая отодвигать события в будущее, хотя и близкое, молодой футурист «в полоску» прямо начал с дела: — Мы разрушаем ваш старый мир... Вы нас ненавидите...» («Русские ведомости», 15 октября 1913.)

У Маяковского «...нашелся недурной образ в ответ на указания, что футуризм не нюв: и у других могли быть проблески «истинной» поэзии. Но египтяне, которые гладили черных сухих кошек, может быть, тоже извлекали иногда электрическую искру. Однако мы прославляем не их, а тех, кто дал огненные зрачки мертвым головам фонарей и тысячи рук поющим дугам трамваев». («Утро России», № 237, 1913.)

О своей «желтой кофте», в которой он выступал в 1913—1914 годах, Маяковский писал в автобиографии:

«Костюмов у меня не было никогда. Были две блузы — гнуснейшего вида. Испытанный способ — украшаться галстуком. Нет денег. Взял у сестры кусок желтой ленты. Обвязался. Фурур. Значит, самое заметное и красное в человеке галстук. Очевидно — увеличишь галстук, увеличится и фурур. А так как размеры галстуков ограничены, я пошел на хитрость: сделал галстукую рубашку и рубашковый галстук. Впечатление неотразимое»¹.

19 октября — выступление на открытии футуристического кабаре «Розовый фонарь» (в Мамоновском пер.) с чтением стихотворения «Нате!» («Через час отсюда в чистый переулок вытечет по человеку ваш обрюзгший жир...»)

Это стихотворение, написанное осенью 1913 года, среди ранних вещей Маяковского, должно быть отмечено, как первое стихотворение, обличительно-публицистически направленное. Мотивы социального протеста и тема поэта и буржуазного общества сближает эту вещь с только что написанной трагедией «Владимир Маяковский». Чтение «Нате» в кабаре «Розовый фонарь» вызвало скандал.

Газета «Руль» писала: «Маяковский стал читать свои стихи о том, как:

— После кабаре толпа понесет свои жирные тела по темному переулку.

— Вы будете топтать меня грязными калошами, мою грудь! — кричал он...

В воздухе стало пахнуть скандалом». («Руль», 21 октября 1913.)

«...Публика пришла в ярость. Послышались оглушительные свистки, крики «долой». Маяковский был непоколебим. Продолжал в том же стиле. Наконец, решил, что его миссия закончена, и удалился». («Московская газета», 21 октября 1913.)

1 ноября—выступление в «Обществе свободной эстетики» на музыкальном вечере романсов, написанных на тексты стихотворений Бальмонта.

¹ По рассказу С. Долинского, эта кофта была сшита по образу кофты знакомого Маяковского, наездника Синегубкина.

«По окончании музыкального отделения состоялся ужин, во время которого Бальмонт и Брюсов прочитали несколько своих новых стихотворений. Настроение вечера было несколько испорчено очередным выступлением «футуристов». Г-н Маяковский в грубой форме объявил об отсталости бальмонтского творчества. Остановленный в резкой форме В. Брюсовым, он покинул помещение». («Голос Москвы», 2 ноября 1913.)

«Содержание «пасквиля» г. Маяковского на этот раз было такое:

— Общество свободной эстетики, мол, потому свободное, что в нем свободно только... своим...

Футуристу дал ответь г. Брюсов, указавший на то, что гостям надлежит себя держать в гостях... прилично.

Г. Маяковский отрезал:

— Тогда до свидания! Я ухожу.

— Кто сказал до свидания? — спросил один из присутствовавших.

— Известный поэт Маяковский! — ответил, уходя, г. Маяковский.

— Мы такого не знаем в России! — заметил г. Брюсов.

Инцидент на этом и закончился». («Раннее утро», 5 ноября 1913.)

В первых числах ноября — поездка в Петербург на несколько дней.

В эту поездку, очевидно, окончательно выяснился вопрос о постановке трагедии «Владимир Маяковский» в Петербурге. Финансировал это предприятие «Союз молодежи» — фактически Л. И. Жевержев. Маяковский сам должен был ставить, режиссировать и играть в трагедии. Кроме перспективной платы, Маяковский получал от «Союза молодежи» по три руб. за репетицию. Повидимому, тогда же был дан организаторам и текст трагедии (представлен в цензурный комитет 9 ноября, разрешен 15 ноября 1913 г.)

3 ноября был на лекции Д. Бурлюка «Пушкин и Хлебников» в Тенишевском училище.

«На эстраде, позади лектора, оказался человек в желтой кофте. Через пять минут все знали, что это — поэт Маяковский». («День», II, 4 ноября 1913.)

5 ноября — выступление в Петербурге на лекции К. Чуковского: «Искусство грядущего дня (русские поэты-футуристы)».

«Первым говорит футурист Маяковский, поставивший К. Чуковскому вопрос ребром:

«Да понимаете ли вы, г. Чуковский, что такое поэзия, что такое искусство и демократия?.. только та поэзия демократична, которая разрушает старую психологию плоских лиц и душ. Вашу старую парфюмерную любовь мы разбили!.. — восклицает г. Маяковский и закашляет так: — Чуковский не может понять поэзии футуризма, ибо не знает ее основ. Поэты — мы». («День», II, 8 ноября 1913.)

11 ноября — выступление в Политехническом музее на вечере «Утверждение российского футуризма» с докладом «Достижения футуризма».

«На входных дверях вместо афиши начертано: «Сегодня футуристы». Над окошком кассы объявление: «Присутствие корреспондентов не важно, а потому они особыми правами не пользуются». Появление на эстраде футуристов и в их рядах В. Маяковского в желтой кофте с черными полосами вызывает добродушные аплодисменты и смех. Тема доклада Д. Бурлюка была рискованная: «Пушкин и Хлебников»... Не поскунился г. Бурлюк на похвалы поэту-футуристу Хлебникову. Публика про-

сит показать поэта. Г. Бурлюк делает жест по направлению к одному юноше, сидящему на эстраде среди футуристов. Аудитория весело приветствует поэта аплодисментами. Досталось критике и от второго докладчика — В. Маяковского. Попутно он оскорбился за российский футуризм, которому приписывается подражание Маринетти, тогда как на самом деле сборник поэта Хлебникова появился в 1908 году, а манифесты итальянских футуристов дошли до русских только в 1910 году.. В значительной своей части доклад В. Маяковского изобилует образцами футуристической поэзии.

В конце вечера Д. Бурлюк, Н. Бурлюк, В. Маяковский, В. Хлебников и В. Камёнский читали свои стихи». («Русские ведомости», 12 ноября 1913.)

В середине ноября выехал в Петербург.

Во второй половине ноября — участие в репетициях трагедии «Владимир Маяковский».

20 ноября — выступление в Петербурге в Троицком театре на диспуте, организованном обществом художников «Союз молодежи», с докладом «О новейшей русской литературе».

23 ноября — письмо к А. А. Маяковской.

«..Придется еще жить в С.П.Б. (2-ого декабря первый спектакль моей трагедии)... — Я здоров, но работы по горло. В первый раз целый день. Я рад. Mamочka, за свидетельством попросите зайти в училище Олю, а деньги, пожалуйста, перешлите мне сюда, а то я к первому весь выйду и сяду на мель...».

В тот же день в письме к Л. В. и О. В. Маяковским писал:

«..Целые дни и ночи занят. Репетиции, лекции, лекции, концерты, репетиции и т. д...»

29 ноября — второе выступление в Петербурге в зале «Соляного городка» с докладом «О новейшей русской литературе».

2 декабря — первое представление трагедии «Владимир Маяковский» в театре Луна-парк в Петербурге.

Все роли исполнялись не профессиональными актерами, а учащими-ся и любителями. Главную роль — поэта — исполнял сам Маяковский. Он же был режиссером и постановщиком спектакля. Декорации были сделаны художниками П. Филоновым и И. Школьником.

Спектакль вызвал множество рецензий в столичной и провинциальной печати, в большинстве резко отрицательных и издевательских. Однако в некоторых рецензиях отмечалось, что мнения публики разделились — действие прерывалось и свистками и аплодисментами. Об обстановке и впечатлении, произведенном первым представлением трагедии, сохранились очень подробные воспоминания режиссера А. Мгеброва:

«Я пришел в театр серьезным и сосредоточенным и тотчас же побрел на сцену... Место действия — совсем небольшое пространство. Участвующие — их было немного — уже в костюмах. Это — молодежь, ничего общего с театром не имеющая... Мне показывают декорации... Ко мне подходят разные люди: одни, кто любят, т. е. — друзья, другие — кто смеется, т. е. — враги. Любящие спокойны, смеющиеся шипят, цитируют текст и грубо, грубо острят... Вот Владимир Маяковский, в пальто и мягкой шляпе. Величественный и самоуверенный и, как всегда, красивый. Однако я замечаю, что на этот раз Маяковский волнуется. Вот другие.

Но все они скромны и тихи. Все это совсем не похоже на скандал... Маяковский делает последнее распоряжение. Он один сосредоточен.

А в зрительном зале уже толпа. Она ждет. Как-то по-особенному волнуется... Множество всяких рецензентов... много молодежи — публика не первых представлений, но совершенно особенная и притом разнородная не по-обычному. Я сижу вместе с Велимиром Хлебниковым, сосредоточенным и тихим до странности. Он тоже футурист.

Погас свет, и вот поднялся занавес. Началось представление. Полумистический свет слабо освещает затянутую сукном или коленкором сцену и высокий задник из черного картона, который, в сущности, один и составляет всю декорацию. Что этот картон должен изображать, — я так же, как и другие, не понимаю, но странное дело, — он производит впечатление: в нем много крови, движения... Быть может, то, что я увидел тогда, на этом картоне, — самое реальное изображение города, какое когда-либо я видел...

Из-за кулис медленно дефилировали, одни за другими, действующие лица: картонные живые куклы. Публика пробовала смеяться, но смех обрывался. Почему? Да потому, что это вовсе не было смешно... Если я пришел требовать зрелища, непременно забавного, непременно смешного, если я пришел издеваться над паяцом, и вдруг этот паяц серьезно заговорит обо мне, — смех застынет на устах. И когда с первого мгновения замолк смех, — сразу почувствовалась напряженность зрительного зала...

Вышел Маяковский. Он взошел на трибуну без грима, в своем собственном костюме. Он был как бы над толпой, над городом; ведь он — сын города, и город воздвиг ему памятник. За что? Хотя бы за то, что он поэт. «Издевайтесь надо мною! — словно говорил Маяковский. — Я стою, как памятник, среди вас. Смейтесь, я — поэт... Мое богатство и мое утешение — любовь. Моя радость в том, что я поэт. Я — стремление, вы — подножие. Я иду на вас, против вас и с вами, — но иду над вами... Но я люблю вас. Я — одинок, я — голоден, я — нищий... Вот мои грезы, — возьмите их, если можете. Вот моя трагедия, — вы не сумеете взять ее...».

Всего этого, разумеется, не говорил Маяковский, но мне казалось, что он говорил так. Потом он сел на картон, изображающий поле. Потом стал говорить тысячелетний старик: все картонные куклы — это его сны, сны человеческой души, одинокой, забытой, затравленной в хаосе движений...

«Не уходите, Маяковский», — кричала насмешливо публика, когда он, растерянный, взволнованно собирал в большой мешок и слезы, и газетные листочки, и свои картонные игрушки, и насмешки зала — в большой холщевый мешок; он собирал их с тем, чтобы уйти в вечность, в бесконечно широкие пространства...

Разумеется, они плохо играли, плохо и непонятно произносили слова, но все же у них было, мне кажется, что-то от всей души. Зал же слушал слишком грубо для того, чтобы хоть что-нибудь могло долететь со сцены. Однако за время представления мои глаза дважды наполнились слезами. Я был тронут и взволнован». (А. Мгебров. «Жизнь в театре», 1932, стр. 274—280.)

4 декабря — второе представление трагедии «Владимир Маяковский» в театре Луна-парк.

Около 9 декабря вернулся в Москву.

В первых числах декабря Совет Училища живописи, ваяния и зодчества постановил запретить воспитанникам училища публичные выступления.

По сообщению «Утра России» (от 8 декабря) в училище предполагалась сходка — «как оградить доброе имя училища от выступлений его воспитанников Маяковского и Бурлюка».

Сообщения об этом постановлении Совета были напечатаны во многих столичных и провинциальных газетах под заголовками «Борьба с футуристами», «Мальчишек секут» и т. д.

В автобиографии Маяковский по этому поводу писал: «Генералитет искусства ощерился. Князь Львов. Директор училища. Предложил прекратить критику и агитацию. Отказались. Совет «художников» изгнал нас из училища». (См. дальше — 21 февраля 1914.)

Около 12 декабря выехал в Харьков.

Намеченное выступление в Харькове (14 декабря) было первым в большом турне футуристов (Маяковского, Д. Бурлюка и В. Каменского) по городам России (декабрь 1913 — март 1914): Харьков, Симферополь, Севастополь, Керчь, Одесса, Кишинев, Николаев, Киев, Минск, Казань, Пенза, Ростов-на-Дону, Саратов, Тифлис, Баку. (В нескольких вечерах в Крыму приняли участие, кроме того, Игорь Северянин и его подражатель В. Баян, но затем в Керчи между Маяковским и Северяниным произошел конфликт, и турне продолжалось в прежнем составе.) Во время турне Маяковский читал доклад «Достижения футуризма» (прочитанный впервые 11 ноября 1913 г., см. выше), Д. Бурлюк — «Кубизм и футуризм», В. Каменский — «Смехачам наш ответ» и (в конце турне) «Аэропланы и поэзия футуристов».

14 декабря — выступление в Харькове в зале Общественной библиотеки (с Бурлюком и Каменским).

Тезисы доклада Маяковского «Достижения футуризма» (по афише):

«1) Квазимодо-критика. Вульгарность, 2) Мы в микроскопах науки, 3) Взаимоотношение сил жизни, 4) Город дирижер, 5) Группировка художественных сил, 6) Задача завтрашнего дня, 7) Достижение футуризма сегодня, 8) Русские футуристы: Д. Бурлюк, Н. Бурлюк, Хлебников, Василий Каменский, Крученых, 9) Различие в достижениях, позволяющее говорить о силе каждого, 10) Идея футуризма — как ценный вклад в идущую историю человечества».

Лекцию иллюстрируют чтением своих стихов поэты: Д. Бурлюк, В. Маяковский, В. Каменский.

В половине девятого вечера появились на эстраде лектора... У каждого в петлице странные длинные цветы. Привлекла внимание публики и знаменитая «желтая кофта» Маяковского. «Желтая кофта» оказалась обыкновенной блузой без пояса, типа парижских рабочих блуз, с отложным воротником и галстуком... На красивом смуглом и высоком юнше блуза производила очень приятное впечатление...

...Он (Маяковский) призывал к научному мышлению, в частности — к диалектическому пониманию истории и эстетики.. В эстетике больше чем где-либо держится метафизический взгляд, что эстетические нормы неизменны... В заключение состоялось отделение декламации... Заинтересованная публика задержала лекторов после лекции и в вестибюле, ведя с ними долгие и оживленные прения». («Утро», Харьков, 16 декабря 1913. Самое подробное и достоверное изложение этого доклада Маяковского было помещено в «Трудовой газете», Николаев,—см. 24 января 1914.)

Около 18 декабря вернулся в Москву.

20 декабря был на вернисаже выставки Общества художников «Мир искусства». («Голос Москвы», 21 декабря 1913.)

26 декабря был на вернисаже XXXV (юбилейной) выставки картин учащих Училища живописи, ваяния и зодчества.

На выставке — три шаржа Маяковского: «Футуристы», «Ослиный хвост», «Автошарж» (не сохранились).

В тот же день был на вернисаже XI выставки Союза русских художников. («Московский листок», 28 декабря 1913.)

26 декабря выехал в Симферополь.

31 декабря был на встрече Нового года в симферопольском Дворянском театре.

1914

1 января — письмо к А. А., Л. В. и О. В. Маяковским.

«... Здоров и весел, развезжаю по Крыму, поплаываю в Черном море и почитываю стихи и лекции. Через неделю или через две буду в Москве. Сегодня я в Симферополе, отсюда в Севастополь и дальше, пока не доеду до вас...»

7 января — выступление в Симферополе в театре Таврического дворянства на вечере «Олимпиада футуризма» (вместе с Бурлюком, И. Северяниным, В. Баяном).

9 января — выступление в Севастополе в зале Общественного собрания — «Олимпиада футуризма» (с Бурлюком, Северяниным, Баяном).

13 января — выступление в Керчи в Зимнем театре (с Бурлюком и Баяном).

16 января — выступление в Одессе в Русском театре (вместе с Бурлюком, Каменским и критиком П. Пильским).

19 января — второе выступление в Одессе в Русском театре (вместе с Бурлюком, Каменским и Пильским).

21 января — выступление в Кишиневе в зале Благородного собрания (те же участники).

24 января — выступление в Николаеве в театре Шеффера (с Бурлюком и Каменским).

«В день футуристского вечера все билеты были заранее распроданы. Публика большими массами ходила за футуристами, и не мало трудов стоило полицейской власти разогнать толпу... Во время вечера наряд полиции дежурил в театре, не допуская скандала...» («Свет», П., 30 января 1914.)

«...Мы, — сказал Маяковский, — хотим дать теоретическое обоснование футуризма. Те, кто полагает, что им придется участвовать в скандале и работать фуками, должны разочароваться: им придется работать мозгами... Поэзия футуризма — это поэзия города, современного города. Город обогатил наши переживания и впечатления новыми городскими элементами, которых не знали поэты прошлого. Весь современный культурный мир обращается в огромный исполинский город. Город заменяет природу и стихию. Город сам становится стихией, в недрах которой рождается новый городской человек. Телефоны, аэропланы, экспрессы, лифты, ротационные машины, тротуары, фабричные трубы, каменные громады домов, копоть и дым — вот элементы красоты в новой городской природе. Электрический фонарь мы чаще видим, чем старую романтическую луну. Мы, горожане, не знаем лесов, полей, цветов — нам знакомы туннели улиц с их движениями, шумом, гро-

хотом, мельканием, вечным круговращением. А самое главное — изменился ритм жизни. Все стало молниеносно, быстротечно, как на ленте кинематографа. Плавные, спокойные, неспешащие ритмы старой поэзии не соответствуют психике современного горожанина. Лихорадочность — вот что символизирует темп современности. В городе нет плавных, размеренных, округлых линий, углы, изломы, зигзаги — вот что характеризует картину города. Поэзия... должна соответствовать новым элементам психики современного города... Слово не должно описывать, а выражать само по себе. Слово имеет свой аромат, цвет, душу, слово — организм живой, а не только значок для определения какого-нибудь понятия. Слово способно к бесконечной каденции, как музыкальная гамма». («Трудовая газета», Николаев, 26 января 1914.)

28 января — выступление в Киеве во Втором городском театре (с Бурлюком и Каменским).

«Маяковский очень убедительно и толково на языке обыкновенной человеческой речи изложил теорию новой поэзии. Исходя из основного положения, что новые формы жизни требуют и новых форм искусства, он доказывал, что человеку, воспитавшему свою эстетическую восприимчивость в шумной прозаической суеде большого города, непонятны и ее могут быть понятны, скажем к примеру, хотя бы идиллии Феокрита. Горожанин, для которого музыкальные впечатления слагаются из вой фабричных гудков, дребезжания экипажей, гудения телефонных проволок, шума автомобилей, лязга якорных цепей, вряд ли способен правильно понять и оценить музыку Бетховена и Моцарта...» («Киевлянин», 30 января 1914.)

31 января — второе выступление в Киеве в том же помещении.

3 февраля вернулся в Москву.

В первых числах февраля предполагалось выступление в Екатеринославе, но вечер футуристов администрацией был запрещен.

В начале года вышел сборник «Молоко кобылиц» с стихотворением «Адище города» (под заглавием «Зигзаги в вечер»).

Вышел сборник «Рыкающий Парнас» (Петербург) с коллективным манифестом «Идите к чорту!» и стихотворениями Маяковского «Нате!» и «Ничего не понимают» (под заглавием «Пробиваясь кулаками»). На сборник был наложен арест комитетом по делам печати.

В первой половине февраля Д. Бурлюком и Маяковским подготавливался к выпуску № 1—2 «Первого журнала русских футуристов». Маяковский принял участие в журнале стихотворениями «Кофта фата», «Послушайте», «А все-таки», «Еще Петербург», написанными в конце 1913 — начале 1914 г.

Одновременно готовилась к выходу отдельным изданием трагедия «Владимир Маяковский» с рисунками В. и Д. Бурлюков.

9—12 февраля — поездка в Минск.

11 февраля — выступление в Минске в зале Купеческого собрания (вместе с Д. Бурлюком).

«...Зал был переполнен любопытствующими. Первым говорил г. Маяковский, и, слушая его, нельзя отказать ему в талантливости оратора и в логической последовательности развития мыслей». («Северо-западная жизнь», Минск, 13 февраля 1914.)

«Публика стала смеяться, когда В. Маяковский заявил, что он поэт нового направления и человек очень умный; но он был в праве сказать это, ибо он не только большой умница, но и, несомненно, очень талантливый человек. Его продолжительная речь-лекция, произнесенная с большим подъемом и чувством, произвела на публику ошарашивающее действие: все было так ново, так оригинально, так любопытно...

Я, как человек несколько подготовленный чтением к восприятию футуристической теории искусства, понял вместе с меньшинством зала, что это... настоящая революция в области как пластического искусства, так и поэзии». (Д. Бохан. «Революционеры», «Минский голос», 13 февраля 1914.)

12 февраля — выступление в Политехническом музее на диспуте «Общество и молодежь».

13 февраля — выступление в литературно-художественном кружке на лекции Ф. Маринетти * (в «Обществе свободной эстетики»). В тот же день в том же помещении второе выступление — в прениях по докладу С. Глаголя «О новейших течениях в современной живописи».

«Вчерашнее выступление г. Маринетти в «Обществе свободной эстетики» не обошлось без инцидента... Г. Маринетти прочитал доклад о футуризме в искусстве вообще и в театре в частности. Желающим возражать было предложено сделать это на французском языке... Встал Маяковский и громогласно заявил:

— Требование вести диспут на французском языке — это публичное наведение намордника на русских футуристов! В «Обществе эстетики» можно свободно получать только кушанья по карточке!

Во избежание «сложнений» устроитель диспута объявил заседание закрытым». («Голос Москвы», 14 февраля 1914.)

«...Затем футуристы перешли в зал, где читал Сергей Глаголь на тему «Новейшие течения в современной живописи». После лекции были бурные прения, в которых приняли участие и футуристы» («Вечернее время», П., 14 февраля 1914.)

15 февраля в газете «Новь» напечатано письмо в редакцию (за подписью Маяковского и В. Шершеневича) об отношении русских футуристов к приезду Ф. Маринетти. В письме отрицалась «всякая преемственность от итало-футуристов».

17 февраля — выступление в Политехническом музее в прениях по докладу А. Лепковской «Сказка и правда о женщине».

«... Общественное мнение, к которому взывала докладчица, он обозвал парфюмерно-будуарной логикой мещан». («Русские ведомости», 18 февраля 1914.)

18 февраля выехал в Казань.

20 февраля — выступление в Казани в зале Дворянского собрания (вместе с Бурлюком и Каменским).

21 февраля Совет Училища живописи, ваяния и зодчества постановил исключить Маяковского и Д. Бурлюка из числа учеников.

Сообщения об этом были напечатаны во многих московских и провинциальных газетах под заголовками «Репрессии против футуристов», «Дурная трава из поля вон», «Финал футуристических выступлений» и т. д.

Маяковский и Бурлюк, узнав об исключении, вернулись на несколько дней в Москву, но вскоре возобновили турне. В первых числах марта предполагались выступления в Гродно и Белостоке. Гродненский губернатор послал запрос о политической благонадёжности футуристов московскому градоначальнику. К ответу была приложена справка Охранного отделения о Маяковском, и выступления были запрещены.

3 марта — выступление в Пензе в зале Соединенного собрания (вместе с Д. Бурлюком).

Около 5 марта вернулся в Москву.

В марте вышла трагедия «Владимир Маяковский» в издании «Первого журнала русских футуристов» (тираж 500 экз.) с рисунками Д. и Н. Бурлюков.

Вышел № 1—2 «Первого журнала русских футуристов» с четырьмя стихотворениями Маяковского (см. первую половину февраля).

11 марта выехал в Ростов-на-Дону.

17 марта — выступление в Ростове в Большом Машонкинском театре (вместе с Д. Бурлюком).

«Очень милое впечатление несомненно искреннего юноши произвел Владимир Маяковский, который вполне откровенно рассказал о своих желаниях и тайных мыслях. Маяковский хочет создать песни сегодняшнего дня, дня, «когда носят ботинки Vega с загнутыми концами», песни для толпы. Петь об аэропланах, экспрессах, автомобилях, а не о белых колоннах разрушающихся старых особняков... Горячий призыв юного поэта подкупил аудиторию (наполовину тоже юную), как подкупает всякий призыв к борьбе за новое...» («Приазовский край», 19 марта 1914.)

19 марта — выступление в Саратове в зале Консерватории (вместе с Д. Бурлюком).

«Маяковский оказался прекрасным оратором, который овладел вниманием аудитории. Речь Маяковского, сказанная с большим ораторским мастерством, образно построенная, ясная и содержательная, произвела впечатление на слушателей. Аудитория ответила на эту речь горячими аплодисментами». («Саратовский листок», 21 марта 1914.)

27 марта — выступление в Тифлисе в Казенном театре (вместе с Бурлюком и Каменским).

«Собравшаяся на вечер футуристов публика провела время довольно интересно и весело. Г. Маяковский, несмотря на свою желтую кофту... оказался недурным оратором. Со многими его положениями об эволюции искусства можно было вполне согласиться...» («Театр и искусство», П., 20 апреля 1914.)

Об этом выступлении Д. Бурлюк писал впоследствии: «Я помню то удивление, кое было вызвано среди грузин приветственным словом, с каким Маяковский обратился на лекции к местному населению. Маяковский сказал его по-грузински». (Журн. «Творчество», № 1, Владивосток, 1920.)

29 марта — выступление в Баку в театре бр. Маиловых (вместе с Бурлюком и Каменским).

Этим выступлением закончилось турне футуристов. Из Баку Маяковский вернулся в Москву.

Около 10 — 14 апреля — поездка в Калугу.

12 апреля — выступление в Калуге в городском театре.

13 апреля — второе выступление в Калуге в городском театре.

«На вторую лекцию пришло десятка два. Игра не стояла свечей, и футуристический спектакль, то бишь доклад подлежал отмене. И только благодаря любезности лично присутствовавшего в театре г. Чукмалдина (?), принявшего на себя убыток, вторая лекция состоялась. Она прошла более оживленно, нежели первая... Г. Маяковский импонирует хорошей дикцией и плавностью речи. В тоне слышится убежденность, сплетающаяся с самовосхвалением... «Я диктую России законы поэзии... Я учитель, и вам у меня, а не мне следует у вас учиться...» («Калужский курьер», 17 апреля 1914.)

Первая половина года — начало работы над поэмой «Облако в штанах».

В автобиографии под рубрикой «Начало 14-го года» Маяковский писал: «Чувствую мастерство. Могу овладеть темой. Вплотную. Ставлю вопрос о теме. О революционной. Думаю над «Облаком в штанах».

В первой половине года (?) — проект постановки трагедии «Владимир Маяковский» в театре Эвелинова.

Художник А. Лентулов в своих воспоминаниях пишет: «В 1914 году Владимир Владимирович договорился о постановке своей трагедии «Маяковский» в театре Эвелинова (где теперь театр Революции). Эвелинов, опереточный антрепренер, согласился на эту постановку, рассчитывая, очевидно, получить какое-нибудь фарсовое зрелище. Эвелинов приходил ко мне по этому поводу. Заказал эскиз. Я сделал два эскиза. Второй вариант эскиза, окончательно утвержденный Владимиром Владимировичем, сохранился¹. Он его очень одобрил. Почему постановка не состоялась, я не знаю». (Журн. «Искусство», № 3, 1940.)

В мае в журнале «Новая жизнь» (П.—М.) напечатана статья «Живопись сегодняшнего дня» (с оговоркой редакции о несогласии «со всеми оценками автора»).

«Закон машинного города — разделение труда. А где художник?»

При каких условиях его труд из индивидуально полезного, интересующего нас не больше, чем еда ближнего или его гимнастические упражнения, может стать общественно необходимым.

... Ведь никто не справит свадьбу под похоронный марш, на войну не пойдут под напев танго, а в завтрашний день не пройти ведомым бессильными стариками и старящимися. Надо окончательно освободить живопись».

В июне в журнале «Новая жизнь» (П.—М.) напечатана статья «Два Чехова» (в связи с десятилетием со дня смерти Чехова). Статья была напечатана с оговоркой редакции о несогласии «с некоторыми из выставляемых положений».

Июль — начало империалистической войны.

«Принял взволнованно. Сначала только с декоративной, с шумовой стороны. Стихотворение «Война объявлена». Рисование заказных плакатов». (Автобиография.)

¹ Был воспроизведен в красках в альманахе «Весеннее контрагентство муз» (1915).

21 июля — выступление на митинге у памятника Скобелеву с чтением стихотворения «Война объявлена». («Русское слово», 22 июля 1914, «Рампа и жизнь», № 10, 1918.)

В августе в журнале «Новая жизнь» (П. — М.) напечатано стихотворение «Война объявлена» (вторично в альманахе «Война» в сентябре 1914 г. вместе с политической карикатурой Маяковского «Germania grandiosa — mania grandiosa»).

В августе — октябре написаны тексты для народных лубков и лубочных открыток: «Подошел колбасник к Лодзи...», «В славном лесе Августовом...», «Эх и грозно, эх и сильно жирный немец шел на Вильно...», «Выезжал казак за Прут...», «Глядь, поглядь, уж близко Висла...», «Масса немцев, пеших, конных, едут с пушками в вагонах...», «Жгут дома, наперли копать, а самим-то неча лопать», «Немец рыжий и шершавый разлетался над Варшавой...», «Выезжали мы от Ковно, уж от немцев поле ровно», «Ах ты, милый город Люблин...», «Сдал австриец русским Львов...», «Живо заняли мы Галич...», «Как заехали за Лык...», «Ну и треск же, ну и гром же был от немцев возле Ломжи...», «Под Варшавой и под Гродно...», «Шел австриец в Радзивиллы...», «Эх ты, немец, при да при же, не допрешь, чтоб сесть в Париже...», «Вильгельмова карусель», «С криком «Дейчланд юбер аллес» немцы с поля убирались», «Отвалилось у Вильгельма штыковое рыжеусие...», «Ах, как немцам под Намюром досталось по шевелюрам», «Турки, севши у Димотижи, чешут с голода животики», «Эх, султан, сидел бы в Порте...», «Англичан у Гельгоlanda сторожила немцев банда...», «У Вильгельма Гогенцолерна размалюем рожу колерно...», «Немцы, сильны хоша вы...», «Австрияки у Карпат поднимали благой мат...», «Скоро, скоро будем в Краков...», «Не ходи, австриец, плутом...», «Как казаки цепелину ободрали пелерину», «Немцы, с горя сев в Берлин...», «Плыли этим месяцем турки с полумесяцем...», «У союзников французов битых немцев полный кузов...»

Лубки и открытки с этими текстами выпускало издательство «Сегодняшний лубок» в Москве. Художники К. Малевич, А. Лентулов, М. Лафионов, В. Чекрыгин и др. Несколько рисунков сделал и Маяковский. Тексты Маяковского не перепечатывались и до сих пор полностью не собраны.

В августе — поездка в Петроград.

21 августа — письмо из Петрограда к А. А., Л. В. и О. В. Маяковским.

«Здоров я ужасно. Живу в Петрограде. Стараюсь пока что наладить к зиме какую-нибудь денежную комбинацию...»

Долго ли прожил тогда в Петрограде — неизвестно. Как можно установить из другого (недатированного) письма к родным, он приезжал в Москву (в сентябре?) и опять уехал в Петроград.

«Я живу замечательно. Здоров. Зарабатываю более или менее. Очевидно околотовный приходил по поводу квартирного налога. Я когда приезжал в прошлый раз, говорил об этом. Во всяком случае пошлите его куда следует...»

В августе или сентябре — поездка из Петрограда в Мустамьяки и знакомство с А. М. Горьким.

О первой встрече Маяковского с Горьким осенью 1914 года на вилле Ланг, где жил А. М., рассказывает в своих воспоминаниях М. Ф. Андреева. Маяковский приехал в то время, когда А. М. работал. До обеда, по предложению М. Ф. Андреевой, пошли собирать грибы.

«Когда мы вернулись домой, пришли все наши — стол у нас всегда был большой и многолюдный. Слышим: лестница скрипит, спускается Алексей Максимович. Очень было занятно смотреть, как волновался Маяковский... Алексей Максимович вошел, посмотрел на него: — А, здравствуйте! Вы кто — вы Владимир Маяковский? — Да. — Ну, отлично, чудесно, чудесно! Давайте обедать! Вы уже познакомились?»

За обедом говорил больше Алексей Максимович, а Маяковский больше слушал, и по тому, как он смотрел на Алексея Максимовича, и по тому, как Алексей Максимович на него посматривал, я твердо знала, что мое предположение о том, что они друг в друга влюбятся, правильно, — весьма ближайшее будущее показало, что это так и было. («Правда», 13 апреля 1940.)

Не позже первой половины октября вернулся в Москву.

Написано стихотворение «Мама и убитый немцами вечер».

14 октября — выступление в Политехническом музее на лекции Д. Бурлюка, В. Каменского и Н. Бурлюка «Война и искусство» с чтением стихотворений «Война объявлена» и «Мама и убитый немцами вечер».

24 октября подал заявление о принятии добровольцем в армию.

12 ноября на основании справки Охранного отделения о политической неблагонадежности Маяковского ему в этой просьбе было отказано. **16 ноября** ему объявили об этом.

«Первое сражение. Вплотную встал военный ужас... Чтобы сказать о войне — надо ее видеть. Пошел записываться добровольцем. Не позволили. Нет благонадежности». (Автобиография.)

12 ноября в газете «Утренний телефон газеты «Новь» напечатана статья «Штатская шрапнель».

13 ноября — в газете «Утренний телефон газеты «Новь» напечатана статья «Поэты на фугасах».

«...Сидели старички, ругались на молодую поэзию, не пуская никого к работе, цеплялись за хлебные места толстых журналов, а война их вымерила, и оказалось, что это только живые трупики, терпимые только скопческой психологией поросшего покоем обывателя... Поэзия, господа, не теплое одеяло, сшитое из пятачковых лоскутьев фельетонной мысли, не пишется потом филолога, выносившего в университете ямбы. Поэзия — ежедневно по-новому любимое слово».

14 ноября в газете «Утренний телефон газеты «Новь» напечатана статья «Вравшим кистью».

«...теперь все — война.

...я никогда не был в Олонецкой губернии, но я достоверно знаю — сегодня ее пейзаж изменится до неузнаваемости оттого, что под Антверпеном ревели сорокадвухсантиметровые пушки... Тот не художник,

кто на блестящем яблоке, поставленном для натюр-морта, не увидит повешенных в Калише.

Можно не писать о войне, но надо писать войною».

15 ноября в газете «Новь» напечатана статья «Теперь к Америкам».

В том же номере газеты появилось сообщение редакции о предполагающейся по четвергам литературной странице газеты под редакцией Маяковского. Маяковскому удалось составить только одну такую страницу — см. 20 ноября.

16 ноября в газете «Новь» напечатана статья «И нам мяса!»

17 ноября в газете «Новь» напечатана статья «Не бабочки, а Александр Македонский».

19 ноября в газете «Новь» напечатана статья «Россия. Искусство. Мы».

«Россия борется за то, чтобы не стать хлебным мешком Запада. Если до сегодняшнего дня Германия не сделала попыток обрубить рост России, то только потому, что видела в нас спеющую колонию, которая, налившись, сама упадет в ее зубастую пушками пасть.... Для нас «быть Европой» — это не рабское подражание Западу, не хождение на помочах, перекинутых сюда через Вержболово, а напряжение собственных сил в той же мере, как это делается там... Русская литература (новейшая) числит в себе непревзойденные образцы слова. Это та литература, которая... вытекала не из подражания вышедшим у «культурных» наций книгам, а из светлого русла родного, первобытного слова, из безымянной русской песни».

20 ноября в газете «Новь» появилась литературная страница, составленная Маяковским, под заглавием «Траурное ура». Были напечатаны: стихотворение «Мама и убитый немцами вечер» и рассказ Маяковского «Давно прошедшее» (под псевдонимом «—ъ»), стихи Н. Асеева, Б. Пастернака, Д. Бурлюка и рассказ Д. Бурлюка.

23 ноября в газете «Новь» напечатана статья «Без белых флагов» (в связи с полемикой, возникшей по поводу составленной Маяковским литературной страницы).

«Нам слово нужно для жизни. Мы не признаем бесполезного искусства. Каждый же период жизни имеет свою словесную формулу. Борьба наша за новые слова для России вызвана жизнью. Развилась в России нервная жизнь городов, требует слов быстрых, экономных, отрывистых, а в арсенале русской литературы одна какая-то барская тургеневская деревня. Мы же берем каждый живущий сейчас предмет, каждое вновь родившееся ощущение и смотрим — правильное ли соотношение между ними и именами».

27 ноября в газете «Новь» напечатана статья «Война и язык»..

30 ноября в журнале «Театр в карикатуре» напечатано стихотворение «Скрипка и немножко нервно».

19 декабря в газете «Новь» напечатана статья «Будетляне». «История на месте, длинной от Кронштадта до Баязета, кровавыми буквами выписала матери—России метрическое свидетельство о рождении нового человека... Изменилась человекья основа России. Родились мощные люди будущего. Вырисовываются силачи будетляне... Борясь с на-

силами прошлого, с тупой силой изжитых авторитетов, — перед этим, сегодня начавшимся новым человеком благоговейно снимаю шляпу».

20 декабря в газете «Новь» напечатана статья «Как бы Москве не остаться без художников».

«...кому нужно это приглашенное Европой искусство? ...Хоть теперь, когда граница закрыта, надо откопать живописную душу России, надо вместо лириков, пейзажистов с настроением—оружейных мастеров знания. Молодые! Боритесь за создание новой свободной академии, из которой могли бы диктовать одряхлевшему Западу русскую волю...»

23 декабря в газете «Новь» напечатана рецензия «Поэзо-вечер Игоря Северянина» (в Политехническом музее 21 декабря).

«Впечатление такое: люди объаты героизмом, роют траншеи, правят полетами ядер, и вдруг из толпы этих «деловых» людей хорошенький глос: «крем де виолет», «ликер из банана», «устрицы», «пудра». Откуда? Ах да, это в серые ряды солдат пришла маркитантка. Игорь Северянин — такая самая маркитантка русской поэзии».

29 декабря в газете «Новь» напечатана статья «Бегом через вернисажи».

В конце года написано стихотворение «Мысли в призыв» (появилось в печати только в 1919 г. в сборнике «Все сочиненное Владимиром Маяковским»).

1915

В конце 1914 года или в самом начале 1915 года написано стихотворение «Я и Наполеон».

В январе выехал в Петроград.

Маяковский, видимо, собирался переселиться в Петроград. Постоянной квартиры в это время у него не было ни в Москве, ни в Петрограде. Жил в гостиницах.

Из Петрограда писал А. А., Л. В. и О. В. Маяковским:

«...Я живу ничего. Что же касается моих дел, то пока я сам об этом ничего не знаю. Во всяком случае пока все говорит за то, что я устроюсь хорошо. Приеду ли скоро в Москву, не знаю: как сложатся обстоятельства...».

В первой половине года Маяковский несколько раз приезжал в Москву, а с конца июля его постоянным местожительством стал Петроград (до начала 1919 г.).

В середине февраля — выступление в артистическом подвале «Бродячая собака» с чтением стихотворения «Вам!»

Резкие памфлетные строки этого стихотворения, направленные против буржуазии, обогащающейся на военных спекуляциях, вызвали взрыв возмущения в публике, принявшей обращение Маяковского прямо на свой счет.

«Публика... застыла в изумлении: кто с поднятой рюмкой, кто с куском недоеденного цыпленка. Раздалось несколько недоумевающих возгласов, но Маяковский, перекрывая голоса, громко продолжал чтение.

Когда он вызывающе выкрикнул последние строчки... некоторые женщины закричали: «ай, ох!» и сделали вид, что им стало дурно. Мужчины, остервенясь, начали галдеть все сразу, поднялся гам, свист, угрожающие возгласы...

Маяковский стоял очень бледный, судорожно делая жевательные движения, — желвак нижней челюсти все время вздувался, — опять закурил и не уходил с эстрады.

Очень изящно и нарядно одетая женщина, сидя на высоком стуле, вскрикнула:

— Такой молодой, здоровый... Чем такие мерзкие стихи писать, шел бы на фронт.

Маяковский парировал:

— Недавно во Франции один известный писатель выразил желание ехать на фронт. Ему поднесли золотое перо и пожелание: «Останьтесь, ваше перо нужнее родине, чем шпага».

Та же «стильная женщина» раздраженно (крикнула:

— Ваше перо никому, никому не нужно.

— Мадам, не о вас речь, вам перья нужны только на шляпу.

Некоторые засмелись; но большинство продолжало негодовать, словом, все долго шумели и не могли успокоиться. Тогда распорядитель вышел на эстраду и объявил, что вечер окончен». (Воспоминания Т. Телстой-Вечерки¹.)

«Биржевые ведомости» писали об этом выступлении:

«В цитадели футуризма, в подвале «Бродячей собаки», был бой, заставивший публику на минуту отвлечься от боев под Ипром и Суассоном. Г. Маяковскому удалось на минуту оттеснить Вильгельма и приковать опять внимание публики к футуризму...» (Утренний выпуск, П, 20 февраля 1915.)

20 февраля — вечер Маяковского в артистическом подвале «Бродячая собака».

После доклада, повторявшего некоторые положения статьи «Война и язык», Маяковский читал отрывки из поэмы «Облако в штанах».

«В подвале «Бродячей собаки» состоялся вечер Маяковского, недавно обновившего свою известность бурным инцидентом на одном из предшествовавших вечеров... Для успеха нового выступления потребовалось заявление Н. И. Кульбина о том, что Маяковский на этот раз будет вести себя в стиле Louis XIV. «Король-Солнышко» выступил с докладом, в котором, несмотря на отвлеченное задание, пытался определенным образом осветить отношение футуризма к войне...»

Футуризм пытается в наше «зжиревшее ухо втиснуть нежное слово...» Стихотворения Маяковского, представляющие в звуковом отношении невыносимую какофонию, хороши тем, что не являются принадлежностью футуристической теории, — хороши своей острой и выпуклой образностью... Эти живые места проблематически делают возможным добрососедские отношения футуристов с представителями других течений, как это осуществлено уже в недавно вышедшем сборнике «Стрелец»... Общество, собравшееся в подвале, с равным жаром аплодировало и дерзаниям Маяковского, и остроумным словам Озаровского, с иронией предложившего Маяковскому звание «пушкинского стипендиата». (Журн. «Голос жизни», № 10, П., 4 марта 1915.)

«Маяковский на этом вечере выступил не только как поэт, а как зачинатель нового искусства, теоретик новой поэзии, обосновав которую он посвятил специальный доклад». (Журн. «Наши дни», № 1, П., 1 марта 1915.)

Во второй половине февраля вышел сборник «Стрелец» с отрывками из пролога и четвертой части поэмы «Облако в штанах».

¹ Маяковский, т. I, 1939, стр. 434.

В сборнике «Стрелец» футуристы и символисты впервые были напечатаны вместе — Маяковский, Хлебников, Каменский, Бурлюк, Кручных и Блок, Сологуб, Кузмин, Ремизов. Это обстоятельство широко отмечалось печатью.

25 февраля — выступление в артистическом подвале «Бродячая собака» на вечере, посвященном выходу сборника «Стрелец».

На вечере, после некоторых участников сборника и критиков, выступил приглашенный футуристами А. М. Горький. (Это было его первое выступление после возвращения из эмиграции в Россию. Появлению Горького на этом вечере предшествовали встречи с ним Маяковского, Бурлюка и Каменского в Петрограде.)

«Это было знаменательное для русских футуристов собрание. Было три интересных момента в нем: пришествие к футуристам символистов, отзыв М. Горького и самооценка футуристов.

О пришествии символистов футуристы говорили скромно, как победители: вы, мол, смеялись над нами и вот пришли к нам и под общей кровлей творите свое дело, футуризм получил признание. Тщетно пытался защитник символистов П. Е. Щеголев убедить собрание, что это участие Сологуба в «Стрельце» «является совершенно случайным». Молодая поэтесса М. Моравская подошла к вопросу с точки зрения здравого смысла и высказала ряд совершенно правильных мыслей. Символисты, — говорила она, — это старцы, полутрупы, отжившие люди. Они дряхлы, седы и во власти рамолисмента. Но им чрезвычайно не хочется показать, что они стары... На общение с футуристами эти молодящиеся старички смотрят, как на омолаживающее средство. Вот почему они очутились не случайно в «Стрельце», а с обдуманном заранее намерением.

Но нужно отдать должное футуризму: он, гордясь пришествием к себе символистов, все же иронически относится к возможности благотворного влияния на себя такого общения. По крайней мере, г. Маяковский, наидерзостнейший футурист, презрительно заявил, говоря о возможном воздействии символистов на футуристов, что он не желает, чтобы ему «прививали мертвую ногу»...

Когда М. Горький, выслушав образцы самых талантливых поэтических произведений футуристов, сделался предметом их напряженного внимания, — все ждали от него решающего слова, — положение сделалось действительно любопытным...» (журн. «Современный мир», П., № 3, 1 марта 1915.)

«Встреченный продолжительными аплодисментами собравшейся многочисленной публики, Горький с необычайной теплотой и подъемом произнес короткую речь о «молодом» в жизни, о ценности этого «молодого» и значении «активности».

Писатель вспоминал, что очень многое новое в литературе часто встречалось смешками и улыбочками. Это не значило, что то самое новое, встреченное иронически, было бы абсолютно худым...» («Биржевые ведомости», П., 26 февраля 1915.)

«Футуристы — скрипки (сказал Горький), хорошие скрипки, только жизнь еще не сыграла на них скорбных напевов. Талант у них, кажется, есть, — запюют еще хорошо. Над символистами в свое время смеялись и ругали их точно так же, а теперь они всеми признаны, в славе. Надо внимательнее и любовнее относиться к человеку и к труду человеческого, а творчество тоже труд. У футуристов есть одно бесспорное преимущество — молодость. Жизнь же принадлежит молодым, а не убежденным сединами».

Еще одно преимущество у футуристов, по мнению Горького, в нашей крови — «неиритие мира», мы не активны, не умеем любить жизнь.

У нас даже есть теория неприятия мира. А футуристы принимают жизнь целиком, с автомобилями, аэропланами. Принятие жизни — ценнейшее качество в глазах Горького. «Не нравится жизнь, сделайте другую. но мир принимайте, как футуристы». Много лишнего, ненужного у футуристов, они кричат, ругаются, но что же им делать, если их хватают за горло! Надо же отбиваться. Конечный вывод Максима Горького: «В футуристах все-таки что-то есть!» («День», П., 27 февраля 1915.)

26 февраля в журнале «Новый сатирик», № 9 (П.), напечатано стихотворение «Гимн судьбе» (под заглавием «Судья»).

«В рассуждении чего б покушать» стал писать в «Новом сатириконе». (Автобиография.)

13 марта приехал в Москву.

Этот приезд был отмечен Охранным отделением (в связи с одним перехваченным письмом, в котором упоминался Маяковский): Полиция установила, что Маяковский приехал из Петрограда в Москву 13 марта, остановился в доме Нирензее по Б. Гнездииковскому пер. в кв. 317-В1, «он художник, пишет картины и продает, прописан... до 15 августа 1915 года. Более подробных сведений никаких не имеется».

19 марта в журнале «Новый сатирик», № 12 (П.) напечатано стихотворение «Гимн ученому» (под заглавием «Ученый»).

В конце марта принял участие в выставке живописи «1915 год». Маяковский выставил «Смопортрет» и живописную композицию («Рулетка»), приобретенную тогда же худ. П. Кузнецовым².

В апреле в «Журнале журналов», № 1 (П.), напечатана статья М. Горького «О футуризме» с примечанием редакции: «Ввиду путаницы, созданной газетными известиями о выступлении Максима Горького на вечере футуристов, редакция «Журнала журналов» обратилась к знаменитому писателю с просьбой выяснить его точку зрения».

«Русского футуризма нет. Есть просто Игорь Северянин, Маяковский, Бурлюк, В. Каменский. Среди них есть, несомненно, талантливые люди, которые в будущем, отбросив плевелы, вырастут в определенную величину. Они мало знают, мало видели, но они, несомненно, возьмутся за разум, начнут работать, учиться.

Их много ругают, и это, несомненно, огромная ошибка. Не ругать их нужно, к ним нужно просто тепло подойти, ибо даже в этом крике, в этой ругани есть хорошее: они молоды, у них нет застоя, они хотят нового, свежего, и это достоинство несомненное.

Достоинство еще в другом: искусство должно быть вынесено на улицу, в народ, в толпу, и это они делают, правда, очень уродливо, но это простить можно. Они молоды... молоды.

И все они, этот хоровод галдящих, кричащих и именующих себя почему-то футуристами, сделают свое маленькое, — а может, и большое! — дело, которое, очевидно, даст всходы. Пусть крик, пусть ругань, пусть угар, но только не молчание, мертвое, ледянищее молчание.

Трудно сказать, во что они выльются, но хочется верить, что это будут новые, молодые свежие голоса. Мы их ждем, мы их хотим.

¹ В этой квартире жил Д. Бурлюк.

² Передана теперь в библиотеку-музей Маяковского.

Их породила сама жизнь, наши современные условия. Они не выкидаши, они во-время рожденные ребята.

Я только недавно увидел их впервые живыми, настоящими, и, знаете, футуристы не так уже страшны, какими выдают себя и как разрисовывает их критика.

Вот возьмите для примера Маяковского — он молод, ему всего 20 лет, он криклив, необуздан, но у него, несомненно, где-то под спудом есть дарование. Ему надо работать, надо учиться, и он будет писать хорошие, настоящие стихи. Я читал его книжку стихов. Какое-то меня ошановило. Оно написано настоящими словами...»

В мае вышел альманах «Весеннее контрагентство муз» с стихотворениями Маяковского «Я и Наполеон», «Война объявлена» и «Мама и убитый немцами вечер».

В середине мая выехал в Петроград.

Первую половину лета жил в Куоккале (под Петроградом).

«Выиграл 65 рублей. Уехал в Финляндию. Куоккала.

Семизнакомая система (семипольная). Установил семь обедающих знакомств. В воскресенье «ем» Чуковского, понедельник — Евреинова и т. д. В четверг было хуже — ем репинские травки. Для футуриста рюстом в сажень — это не дело.

Вечера шатаюсь пляжем. Пишу «Облако». (Автобиография.)

К этому времени относится ряд портретных зарисовок Маяковского в альбоме К. Чуковского («Чукоккала») — Л. К. Чуковской, Д. Шмидта, сестер Берсон, Д. Бурлюка, Г. Гнесина, К. Чуковского и три — И. Е. Репина¹.

Тогда же И. Репин сделал с Маяковского небольшой портрет (местонахождение неизвестно).

18 июня в журнале «Новый сатирикон», № 25 (П.), напечатано стихотворение «Военно-морская любовь».

2 июля в журнале «Новый сатирикон», № 27 (П.), напечатано стихотворение «Гимн здоровью».

В первой половине июля — поездка к А. М. Горькому в Мустамяки и чтение Горькому поэмы «Облако в штанах».

Сохранилась открытка Горького Маяковскому от 3 июля: «Буду рад видеть Вас. Если можно, приезжайте к часу, к завтраку».

«Поехал в Мустамяки. М. Горький. Читал ему части «Облака». Расчувствовавшийся Горький облакал мне весь жилет. Расстроил стихами. Я чуть, загордился». (Автобиография.)

Вероятно, тогда же Горький подарил Маяковскому экземпляр своего «Детства» с надписью:

«Без слов, от души.

Владимиру Владимировичу Маяковскому

М. Горький».

4 июля — выступление в Куоккале на «Белом вечере» с чтением стихотворений: «Послушайте!» и «Вот так я сделался собакой».

«4 июля в Куоккале состоялся лит.-муз.-танцевальный вечер под странным «официальным» названием «Белый вечер»... Вступительное слово сказал масгитый Репин.

¹ Несколько раньше, в апреле—мае, в Москве Маяковский сделал три зарисовки К. Чуковского.

...Выступление г. Маяковского многих... разочаровало. От него, как от «футуриста», ожидали какой-нибудь дикой выходки. Вместо того этот очень неуравновешенный, но, несомненно, обладающий недюжинным дарованием поэт прочел несколько стихотворений, очень своеобразных и колоритных, вовсе лишенных каких-либо специальных эксцессов. Пьесы Маяковского про собаку и про звезды — произведения прямо отличные, рельефные, очень индивидуальные, весьма лобопытные в отношении ритмической и рифмической техники». (Журн. «Театр и искусство», № 28, П., 1915.)

В июне — начале июля Маяковский вел переговоры с редакцией «Нового сатирикона» об издании сборника стихов. Книга называлась «Для первого знакомства», была набрана, но в свет не вышла¹.

В «Журнале журналов» сообщалось, что Маяковский «на днях выпускает новую книгу, почти совсем уже «понятных» произведений. Предисловие к книге написал Корней Чуковский». (№ 12, июль, 1915.)

9 июля в журнале «Новый сатирикон», № 28 (П.), напечатано стихотворение «Гимн критику».

Середина июля — поездка на несколько дней в Москву.

16 июля в журнале «Новый сатирикон», № 29 (П.), напечатано стихотворение «Гимн обеду».

23 июля в журнале «Новый сатирикон», № 30 (П.), напечатано стихотворение «Теплое слово кое-каким порокам».

30 июля в журнале «Новый сатирикон», № 31 (П.), напечатано стихотворение «Вот так я сделался собакой» (с подзаголовком «Нам. Вам. Им».)

В конце июля — знакомство с Л. Ю. и О. М. Брик.

В одну из первых встреч чтение поэмы «Облако в штанах», которая к тому времени была целиком закончена. О. М. Брик предложил — ввиду того, что ни одно из издательств не хотело ее печатать, — выпустить ее своими средствами. Одновременно возникла мысль об издании журнала «Взят». В статье «О разных Маяковских» в «Журнале журналов» Маяковский писал о предстоящем выходе в свет сначала журнала «Взят», потом «Облака в штанах» (см. 12 августа). Но журнал вышел значительно позже (в декабре).

6 августа в журнале «Новый Сатирикон», № 32 (П.), напечатано стихотворение «Кое-что по поводу дирижера».

12 августа в «Журнале журналов», № 17, напечатана статья «О разных Маяковских» (в статье Маяковский привел ряд неопубликованных цитат из «Облака в штанах»).

13 августа в журнале «Новый сатирикон», № 33 (П.), напечатано стихотворение «Пустяк у Оки» (под инициалами В. М.)

20 августа в журнале «Новый сатирикон», № 34 (П.), напечатано стихотворение «Великолепные нелепости».

27 августа в журнале «Новый сатирикон», № 35, (П.), в номере, специально посвященном «взятке», напечатаны стихотворения «Гимн взятке» и «Внимательное отношение к взяточникам» (первое под инициалом В.).

¹ Гранки сохранились у К. Чуковского.

3 сентября в журнале «Новый сатирик», № 36 (П.), напечатано стихотворение «Чудовищные похороны».

В сентябре вышла отдельным изданием поэма «Облако в штанах». (П., изд. О. М. Брик, тираж 1050 экз.)

«Облако вышло перистое. Цензура в него дула. Страниц шесть сплошных точек». (Автобиография.)

«Облако в штанах»... сначала называлась «Тринадцатый апостол». (Когда я пришел с этим произведением в цензуру, то меня спросили: «Что вы, на каторгу захотели?») Я сказал, что ни в каком случае, что это никак меня не устраивает. Тогда мне вычеркнули шесть страниц, в том числе и заглавие. Это — вопрос о том, откуда взялось заглавие. Меня спросили, как я могу соединить лирику и большую грубость. Тогда я сказал: «Хорошо, я буду, если хотите, как бешеный, если хотите, буду самым нежным, не мужчина, а облако в штанах».

...Люди почти не покупали ее, потому что главные потребители стихов были барышни и барыни, а они не могли купить из-за заглавия... (Выступление в Доме комсомола 25 марта 1930.)

«Облако в штанах»... считаю катехизисом сегодняшнего искусства. «Долой вашу любовь», «долой ваше искусство», «долой ваш строй», «долой вашу религию» — четыре крика четырех частей». (Предисловие ко 2-му изданию в 1918 г.)

17 сентября в журнале «Новый сатирик» напечатано стихотворение «Мое к этому отношение».

8 октября Маяковский был призван на военную службу.

В октябре — письмо к А. А., Л. В. и О. В. Маяковским.

«...Я призван и взят в Петроградскую автомобильную школу, где меня определили в чертежную, как умелого и опытного чертежника. Беспокоиться обо мне совершенно не следует. После работы в школе я могу вести все те занятия, какие вел и раньше. Адрес мой остается прежний... Присылаю свою «военную карточку».

Осенью написана поэма «Флейта-позвоночник» (первоначальное заглавие «Стихи ей»).

Начало работы над поэмой «Война и мир» (в конце 1915 г. была написана третья часть поэмы).

В декабре вышел журнал-альманах «Взял» (изд. О. М. Брик) с передовой программной статьей Маяковского «Капля дегтя» («Речь, которая будет произнесена при первом удобном случае»), первой частью поэмы «Флейта-позвоночник» и стихотворением «Вам!» (под заглавием «Вам, которые в тылу!»). В альманахе: две статьи о поэме «Облако в штанах» — О. Брика и В. Шкловского, стихи В. Хлебникова, Н. Асеева, В. Каменского, Б. Пастернака.

В декабре — доклад Маяковского «о футуризме» для друзей на квартире худ. Н. Любовиной. На вечере присутствовал А. М. Горький. Маяковский прочел поэму «Флейта-позвоночник».

«...Алексей Максимович за последнее время носится с Вл. Маяковским. Он его считает талантливейшим, крупнейшим поэтом. Восхищается его стихотворением «Флейта-позвоночник». Говорит о чудовищном размахе Маяковского, о том, что у него — свое лицо. «Собственно говоря,

никакого футуризма нет, а есть только Вл. Маяковский. Поэт. Большой поэт...» (По записи в дневнике Б. Юрковского от начала 1916 г. Сборник «Маяковский», Л., 1940, стр. 76.)

Вышел № 1 журнала «Летопись» под редакцией М. Горького. Маяковский был приглашен Горьким в число постоянных сотрудников журнала.

1916

В течение года Маяковский работал над поэмами «Война и мир» и «Человек».

Об одновременности работы над двумя этими вещами Маяковский говорит в автобиографии, в главе «Солдатчина»: «В голове разворачивается «Война и мир», в сердце — «Человек». Затем в главе «16-й год»: «Окончена «Война и мир». Немного позднее — «Человек».

Третья часть поэмы «Война и мир» была принята к напечатанию в горьковском журнале «Летопись», но не была пропущена военной цензурой. В № 9 «Летописи» она значится в списке произведений, которые «не могут быть напечатаны по независящим от редакции обстоятельствам». Конечно, невозможны были и никакие публичные выступления с чтением поэмы. Поэма увидела свет только после революции.

В январе письмо к А. А., Л. В. и О. В. Маяковским.

«...У меня новостей никаких, все тише воды и ниже травы... Праздники провел по обыкновению. Служил. Потом кончал. Спал...»

В феврале вышла отдельным изданием поэма «Флейта-позвоночник». (П., изд. О. М. Брик, тираж 600 экз. Дата цензурного разрешения 4 декабря 1915 г. Цензура выкинула ряд строк и отдельных слов.)

18 февраля в журнале «Новый сатирикон», № 8 (П.), напечатано стихотворение «Эй!»

В начале года написано стихотворение «Себе любимому посвящает эти строки автор».

В первой половине года издательством «Парус», которым руководил А. М. Горький, был сдан в печать сборник стихов Маяковского «Простое как мычание» (первоначальные заглавия — «Фуфайка», «Пять распятий»). Горький принимал непосредственное участие в его составлении.

24 апреля — письмо к А. А., Л. В. и О. В. Маяковским.

«...Мои дела попрежнему. Разница только та, что сейчас приходится очень много работать (часов девять-десять). Но это пустяки, только на пользу, т. к. я здоров, настроение у меня очень хорошее...»

26 мая написано стихотворение «Дым табачный воздух выел...» (Напечатано не было.)

В июне — поездка в Москву.

13 июня — разговор по телефону с Александром Блоком.

«Звонил Маяковский. Он жаловался на московских поэтов и говорил, что очень уже много страшного написал про войну...» (Запись в записной книжке А. Блока.)

Когда произошло знакомство Маяковского с Блоком, точно не установлено. Известно, что Блок был на одном из представлений трагедии «Владимир Маяковский» (декабрь 1913) и, по свидетельству Вл. Гиппиуса, очень заинтересовался Маяковским, отметив его «демократичность». В библиотеке Блока сохранился экземпляр первого издания «Облака в штанах» с надписью: «А. Блоку В. Маяковский расписка всегдашней любви к его слову».

29 июня — письмо к А. А., Л. В. и О. В. Маяковским.

«...Доехал я в Петроград шикарно. До сего времени здоров, молод, красив и весел. Много работаю. Работать теперь трудно...»

В августе вышел II сборник «Стрелец» с стихотворением Маяковского «Ко всему» (под заглавием «Анафема»).

26 августа в газете «Биржевые ведомости» напечатано письмо в редакцию Маяковского с протестом против помещения в сборнике «Стрелец» антисемитской статьи В. Розанова.

В сентябре — письмо к А. А., Л. В. и О. В. Маяковским.

«...Я здоров. Живу не хуже остальных, а это не так уже плохо. Спасибо за посылку, съел замечательно... Я получил отпуск до середины октября. Приеду позднее в Москву. Сначала попробую немножко одеться... Работаю много...»

19 октября — письмо к А. А., Л. В. и О. В. Маяковским.

«...О себе писать прямо нечего. Все дни одинаковы, как лошади...»

В октябре вышел сборник «Простое как мычание». (П., изд. «Парус», стр. 116, тир. 2000 экз.)

Выход сборника вызвал в печати ряд нареканий на Горького за то, что он печатает и поддерживает Маяковского. В газете «День», напр., писали: «Совсем было поставили крест на «творчестве» Маяковского, но вдруг его стихи издает издательство, девиз которого: «Сейте разумное, доброе, вечное». Издательство, возникшее при «Летописи». Большой грех на душе издателей Маяковского!» (21 октября 1916.)

3 ноября в журнале «Новый сатирикон», № 45 (П.), напечатано стихотворение «Никчемное самоутешение». (под заглавием «Не говорите глупостей» — из цикла «Издательства»).

10 ноября в журнале «Новый сатирикон», № 46 (П.), напечатано стихотворение «Надоело».

24 ноября в журнале «Новый сатирикон», № 48 (П.), напечатано стихотворение «Дешевая распродажа».

1 декабря в журнале «Новый сатирикон», № 49 (П.), напечатано стихотворение «Мрак» (в связи со смертью Эмиля Верхарна) и «Лунная ночь».

8 декабря в журнале «Новый сатирикон», № 50 (П.), напечатано стихотворение «Следующий день».

15 декабря в журнале «Новый сатирикон», № 51 (П.), напечатано стихотворение «В. Я. Брюсову на память».

22 декабря в журнале «Новый сатирикон», № 52 (П.), напечатано стихотворение «Хвои».

В декабре — вечер в редакции «Летописи» в связи с годовщиной журнала.

«Первому предложено было читать Маяковскому, и он, остановившись у роаяля, гаркнул:

— Нерон! ¹

Затем постоял, подумал, повернулся и сказал:

— Нет, читать не буду.

Его просили, но напрасно». (А. Демидов. «Мои встречи с Горьким» ².)

В течение года написаны стихотворения «Последняя петербургская сказка» и «России» (второе, повидимому, в декабре — см. последние строки). Появились в печати впервые в 1919 году в сборнике «Все сочиненное Владимиром Маяковским».

1917

В начале года закончена поэма «Человек».

12 января в журнале «Новый сатирикон», № 3 (П.), напечатано стихотворение «Братья писатели».

В январе — поездка на несколько дней в Москву.

27 февраля (12 марта) ¹ — свержение самодержавия.

Накануне (26 февраля), как рассказывает Маяковский в автобиографии, «пошел с автомобилями к Думе. Въез в кабинет Родзянки... Принял на несколько дней командование Автошколой».

11 (24) марта участвовал (выступал?) в организационном собрании Союза художественных, артистических, музыкальных и поэтических обществ, издательств, журналов и газет «Свобода искусству».

На следующий день в газете «День» было опубликовано обращение Союза: «Признавая, что вопрос о нормальных общеправовых условиях художественной жизни в России может быть решен лишь Учредительным собранием всех деятелей искусств и что созыв такого собрания возможен лишь после войны, Союз «Свобода искусству» решительно протестует против всяких недемократических попыток некоторых групп захватить заведывание искусством в свои руки путем учреждения министерства искусств и призывает всех деятелей искусства идти сегодня к двум часам на художественный митинг в Михайловский театр и голосовать за следующих лиц, отстаивающих принципы свободы художественной жизни...» (в числе этих лиц — Маяковский. «День», П., 12 марта 1917).

12 (25) марта — выступление на митинге деятелей искусства в Михайловском театре.

Митинг этот был создан по инициативе Общества архитекторов-художников, «в целях объединения деятелей всех отраслей искусств для решения вопросов художественной жизни в обновленной Родине на началах широкой общественности. При входе в театр просят расписываться либо предъявлять визитные карточки». («Петроградская газета», «Биржевые ведомости», веч. вып. 11 марта 1917.)

¹ Первая строка III части поэмы «Война и мир».

² Сборник воспоминаний о Горьком. (М., 1928.) Повидимому, Маяковский опасался читать на широком собрании вещь, запрещенную военной цензурой.

¹ От этого числа и до введения в СССР нового стиля (в феврале 1918 г.) даты указываются по старому и (в скобках) по новому стилю.

Маяковский выступал с протестом против проекта организации министерства искусств, против попыток захвата власти над искусством консервативной группировкой «Мир искусства», за созыв Всероссийского собора деятелей искусств.

Большинство предложений Маяковского и левых художников прошло. Была принята резолюция о создании Союза деятелей искусств, о созыве Всероссийского учредительного собора на основе всеобщего, прямого, равного голосования без различия пола, о протесте против учреждения министерства искусств и захвата власти отдельными группами до Учредительного собора.

17 (30) марта в журнале «Новый сатирикон», № 11 (П.), напечатаны отрывки из 2-й и 3-й части поэмы «Облако в штанах», не пропущенные в 1915—1916 годах царской цензурой.

17 (30) марта участвовал в совещании «левых» художников (на кв. Л. Жевержеева).

Несмотря на резолюцию, принятую собранием в Михайловском театре (12 марта), в газетах появились сообщения о близкой организации министерства изящных искусств, инспирированные письма о «темных личностях, вылезших из щелей, которые не прочь похозяйничать в смутное время», и т. д. Это заставило революционно настроенных художников активизироваться. Решено было созвать в Троицком театре митинг протестантов против учреждения министерства. Предполагались еще уличная демонстрация с плакатами, музыкантами, речами на улице, балаганными представлениями на платформах грузовиков и выход специальной газеты.

21 марта (3 апреля) — выступление в Троицком театре на общем собрании федерации деятелей искусств «Свобода искусству».

«Была прочитана длинная декларация, включавшая 14 тезисов, в том числе о ненужности министерства искусств и государственной опеки, упразднении всех академий, о децентрализации искусства, материальной поддержке его городскими самоуправлениями, о художественных советах для сношений с ними, съездах, всероссийском союзе, стипендиях, авансах художникам, испытательном стаже, приобретаемых произведениях и пр. ... В. Маяковский высказался против Федерации и настаивал на необходимости идейной борьбы, создания особого органа и нового синдиката футуристов, во главе которых должен быть поставлен он». («Речь», П., 26 марта 1917.)

Около 24 марта (6 апреля) выехал в Москву.

26 марта (8 апреля) — выступление в театре Эрмитаж на «Первом республиканском вечере искусств».

29 марта (11 апреля) — выступление на совете организаций художников Москвы с информацией об организации петроградского Союза деятелей искусств. Маяковский и художник К. Коровин были избраны представителями московских художников в петроградский Союз деятелей искусств.

В первых числах апреля (ст. стиля) вернулся в Петроград.

3 (16) апреля — выступление на открытии выставки финского искусства.

4 (17) апреля — выступление на заседании Временного ко-

митета уполномоченных Союза деятелей искусств с сообщением о решениях, принятых Советом художественных организаций гор. Москвы.

«По его сообщению Московский Союз пластических искусств в основу своих начал положил право самоопределения художественных сил в свободной России, созыв общей конференции всех деятелей искусств. Относительно же Особого совещания по делам искусств при Временном правительстве Московский Союз порешил считать возможным сохранение его существования при условии... включения в его состав представителей общественных художественных организаций. Оратор предложил собранию присоединиться к решению Совета художественных организаций гор. Москвы и по последнему пункту» (по протоколу).

Маяковский входил в Временный комитет уполномоченных Союза деятелей искусств от «Федерации футуристов»¹ и принимал участие в жизни Союза и заседаниях комитета в продолжение всего 1917 года (до отъезда в Москву в декабре). В существовавшем тогда внутри Союза «левом блоке» непосредственного участия не принимал, но по большинству вопросов на заседаниях комитета солидаризировался с позициями «блока» (против «делового» или «правого блока»).

В 1927 году в статье «Только не воспоминания!» Маяковский писал об этом времени:

«Первые... собрания работников искусств шли в залах «Императорской академии художеств». ...Здесь под председательством архитектора Таманова собрался союз деятелей искусств. Неестественным путем революции перемешались все, от беспардонного ослинохвостца юнца Зданевича до каких-то ворочающих неслышащими, заткнутыми ватой ушами профессоров, о которых, я думаю, уже появились некрологи. Впервые многие художники узнали, что кроме масляных красок и цены на картину есть и какие-то политические вопросы.

Ярость непонимания доходила до пределов. Не помню повода, но явилось чье-то предположение, что я могу с какой-то организационной комиссией влезть в академию. Тогда один бородач встал и заявил:

— Только через мой труп Маяковский войдет в академию. А если он все-таки пойдет, я буду стрелять.

Вот оно, внеклассовое искусство!

Возникают и обостряются противоположные предложения. Кто-то требует создания комиссии по охране памятников старины... Кто-то просит послать охрану в разрушаемую помещичью усадьбу: тоже-де памятник, и тоже старина... Мнение академической части гениально подтожил писатель Федор Сологуб. Он сказал:

— Революции разрушают памятники искусств. Надо запретить революции в городах, богатых памятниками, как, например, Петербург. Пускай воюют где-нибудь за чертой и только победители входят в город.

17 (30) апреля написано стихотворение «Революция (позтохроника)» (авторская дата в первопечатном тексте).

19 апреля (2 мая) вышел № 1 газеты «Новая жизнь» (П.) под редакцией М. Горького. Маяковский приглашен в число постоянных сотрудников газеты.

Весной сделаны для издательства «Парус» тексты и рисунки к трем агитлукбам — «Царствование Николая Послед-

¹ Эта «федерация» организационно никак не была оформлена.

него», «Забывчивый Николай» и «Кого солдат защищал раньше».

В журнале «Летопись», № 2 — 4 (П., февраль — апрель), напечатана 5-я часть поэмы «Война и мир».

В альманахе «Чудо в пустыне» (Одесса) напечатан отрывок из 4-й части поэмы «Война и мир».

3 (16) мая — выступление в концертном зале Тенишевского училища на вечере «Революция. — Война. — Футуризм. — Маяковский».

Маяковский читал поэму «Война и мир».

21 мая (3 июня) в газете «Новая жизнь» (П.) напечатано стихотворение «Революция».

22 мая (4 июня) участвовал в совещании «поэтов, беллетристов, художников и музыкантов — интернационалистов», созванном «Обществом пролетарских искусств» во дворце Кшесинской.

«Это было собрание второе по счету; на предыдущем первом собрании¹ присутствовала только немногочисленная группа организаторов, поручившая оформить «кредо» Общества поэту Бальмонту. Бальмонт прислал свой текст этого «кредо», но он был организационной группой возвращен Бальмонту для введения поправок в духе большей радикальности, а пока собрание решило заниматься текущими задачами и делами. На собрании присутствовало около 20 человек, из которых, кроме В. В. Маяковского, одного художника и одного певца, не было ни одного профессионала в какой бы то ни было области искусства... Поставлен был вопрос об установлении «классовой сущности искусства» и предложено было исходить из партийности авторов... По словам одного из выступавших членов Общества, не состоять в партии — это просто мелкое упрямство: в каждом районе есть комитет партии, — пойди и запишись и обретишь право быть членом Общества... Во время обсуждения этого вопроса В. В., очень недовольный собранием, взял слово и кратко, сжато и строго по существу сказал, что удивляется тому, что говорят о формальной партийности (и не думают вовсе ни о роде дарования, ни о мировоззрении авторов, а это вернее могло бы гарантировать годность произведений для пролетариата. В тоне В. В. сквозило раздражение из-за необходимости говорить языком азбучных истин... В. В. встал из-за стола и начал в раздражении ходить по комнате. Через несколько минут, когда собрание приняло беспокойный характер, председательница Богдатева сказала шагающему В. В.: «Маяковский, сядьте, вы мешаете работать». Маяковский остановился, но не сел, а ударив дверь сильным движением, вышел в сад и стал ходить взад и вперед по дорожке. Через некоторое время он вернулся, но уже не сел за стол, а уселся поодаль в стороне и продолжал наблюдать с сердитым видом... Тем временем обсуждался вопрос о необходимости ограждения пролетариата от буржуазного искусства... Были попытки исходить из происхождения автора, из сюжетов, из изображаемой среды... Вопрос о том, что же делать с классиками, — остался открытым. Сидя в стороне, В. В. слушал все это с ироническим любопытством... потом встал и, махнув рукой, ушел из собрания, не дождав-

¹ 14(27) мая, там же. См. «Правду», № 57 (П.).

пись его окончания»¹. (По неопубликованным воспоминаниям О. И. Лешковой.)

Во второй половине июня (ст. стили)—поездка в Москву.

27 июня (10 июля) вступил в профессиональный союз художников-живописцев Москвы.

«На одно из заседаний являются двое: один большой, другой маленький, оба в военной форме. Это были Маяковский и Якулов. Мандат с правом голоса и участия во всех заседаниях делегатов получали представители от группы художников не менее 12—20 человек. Маяковский и Якулов заявили очень солидно, что они явились от группы 40 футуристов. Мандаты получили оба. Маяковский много выступал на этих собраниях... Помню инцидент на одном из собраний делегатов Союза художников в начале лета 1917 года. Временное правительство Керенского выпустило обращение с просьбой об общественной поддержке. Председательствующий Шабшал зачитал обращение и поставил вопрос о поддержке правительства Керенского... Маяковский произнес громовую речь, и резолюцию провалили». (Н. Удальцова. «Из воспоминаний», журн. «Искусство», № 3, 1940.)

Летом Маяковский составил сборник стихов 1913—1917 годов «Кюфта фата» и предложил издательству М. Ясного. Книга была принята к печати, набрана, должна была выйти в свет в 1918 году, но не была отпечатана.

В июле при газете «Новая жизнь» предполагался выход сатирического журнала «Тачка». Маяковский написал для первого номера программное стихотворение «Раньше художники, ландышами дыша...» (Журнал не вышел в свет).

30 июля (12 августа) в газете «Новая жизнь» (П.) напечатано стихотворение «Сказка о Красной шапочке» (под заглавием «Сказочка», — цвету интеллигенции посвящаю).

В 1917 году было написано еще близкое по жанру к «Сказочке» стихотворение «Интернациональная басня». Было ли напечатано — не установлено.

9 (22) августа в газете «Новая жизнь» (П.) напечатано стихотворение «К ответу».

Это стихотворение вызвало издевательский отклик «Футурист — Интернационалист» в пехановской газете «Единство» (11 августа): «Если до сих пор только скучные прозаики победно боролись с «империализмом» Милюкова, французов и англичан, то теперь за это дело взялся в стихах футурист Маяковский...»

13 (26) августа в газете «Новая жизнь» (П.) напечатана третья часть поэмы «Война и мир».

На этом прекратилось сотрудничество Маяковского в «Новой жизни». В главке «Август» (1917) в автобиографии Маяковский писал: «Рос-

¹ В автобиографии Маяковский неверно упоминает об этом собрании в главке «18-й год» («Заходил в Пролеткульт к Кшесинской!»). Участие Маяковского именно в этом собрании подтверждается в письме О. И. Лешковой к художнику Ле-Дантю от 25—27 мая 1917 г.: «...на-днях я попала на собрание «Общества пролетарских поэтов и художников» в доме Кшесинской... На собрании этом был Маяковский...» (Не опубликовано.)

сия понемногу откренщивается. Потеряли уважение. Ухожу из «Новой жизни».

Уход Маяковского из «Новой жизни» связан был, очевидно, с постановлением ЦК РСДРП (большевиков) от 20 августа (2 сентября) о выходе из «Новой жизни» всех большевиков, сотрудничавших до этого времени в ней¹. Это постановление вызвано было выступлением «новожизненцев» со своим особым списком кандидатов при выборах в петроградскую городскую думу. См. об этом статьи В. Володарского в газете «Правда», 16(29) и 18(31) августа 1917.

Август — «задумываю «Мистерию-Буфф». (Автобиография.)

Не позже августа издательством «Парус» была принята к печати отдельным изданием поэма «Война и мир».

В первой половине сентября (ст. стиля) выехал в Москву².

24 сентября (7 октября) — выступление в Москве в Политехническом музее с докладом и чтением стихов «Большевики искусства» — «Война и мир» — «Революция».

В первой половине октября (ст. стиля) вернулся в Петроград.

Осенью (до октября) написано двестише «Ешь ананасы, рябчиков жуй...»

О происхождении этих двух строк Маяковский писал в статье «Только не воспоминания» (1927): «К «Привалу»³ стали приваливаться остатки фешенебельного и богатого Петербурга. В такт какой-то разухабистой музычке я сделал двестише:

Ешь ананасы, рябчиков жуй.
День твой последний приходит, буржуй.

Это двестише стало моим любимейшим стихом: петербургские газеты первых дней Октября писали, что матросы шли на Зимний, напевая какую-то песенку:

Ешь ананасы... и т. д.»

В октябре Петроградский Народный дом предложил Маяковскому написать текст политического обозрения для представления на сцене Народного дома.

Идея этого представления (по свидетельству М. П. Венгрова) была предложена М. Горьким. Во главе комиссии Городской думы, в ведении

¹ Хотя Маяковский не состоял членом партии, но, видимо, сделал для себя вывод из этого постановления ЦК. (Сравни в речи Маяковского 25 марта 1930 г. в Доме комсомола: «Я от партии не отделяю себя и считаю себя обязанным выполнять все постановления большевистской партии, хотя не ношу партийного билета».)

² «Примерно в конце сентября 1917 года Владимир Владимирович оставил, не застав меня дома, записку с просьбой ссудить ему срочно небольшую сумму, так как ему, как он мне писал, «необходимо немедленно, сегодня же, смыться из Петрограда. Из предыдущих встреч мне было известно, что он окончательно испортил отношения с начальством той военной части, где числился на военной службе, и ему грозили большие неприятности». (Л. Жевержеев. «Воспоминания», сборник «Маяковскому», Л., 1940.)

³ «Привал комедиантов» — богемский кабачок.

которой находился Народный дом, стоял А. В. Луначарский. В художественный совет Дома входили М. Ф. Андреева, О. М. Брик, А. Бенуа и др. Маяковский согласился, но было ли что-либо сделано им в этом направлении — не установлено.

25 октября (7 ноября) — Великая октябрьская социалистическая революция.

В этот день Маяковский был в Смольном, где помещался ЦК коммунистической партии и штаб восстания, видел В. И. Ленина (это было описано потом в поэме «Владимир Ильич Ленин»).

«Принимать или не принимать? Такого вопроса для меня не было. Моя революция. Пошел в Смольный. Работал. Все, что приходилось» (Автобиография.)

В конце октября—начале ноября (ст. стиля) участвовал в совещании писателей, художников и режиссеров, созванном ВЦИК в Смольном, по вопросу о сотрудничестве с советской властью.

30 октября (12 ноября) комиссией врачей Маяковский был освобожден от действительной военной службы.

17 (30) ноября участвовал в заседании Временного комитета уполномоченных Союза деятелей искусств.

Обсуждалось предложение Наркома просвещения А. В. Луначарского о создании Государственного совета по художественным делам.

Маяковский: «Нужно приветствовать новую власть и войти с нею в контакт» (по протоколу).

В ноябре написано стихотворение «Наш марш».

Переговоры с Наркомпросом об организации издательства «Асис» (Ассоциация социалистического искусства).

Около 5 (18) декабря выехал в Москву.

В декабре—выступления в Кафе поэтов (вместе с Д. Бурлюком и В. Каменским).

Это кафе, в помещении бывш. прачечной в Настасьинском переулке, было организовано В. Каменским осенью 1917 года.

«В кафе поэтов нельзя слишком долго грустить. «Дредноуты современного искусства рассекают мертвое море традиций и гулким чудом сигнализируют друзьям»... Маяковский — блестящ и умен. Если он варвар, то из нью-йоркского предместья. Он не возражает несчастным «одонтологам», забредшим в Кафе поэтов, — ловким боксерским приемом он просто делает им knock-out — «отшибает им орган дыхания». У него четырехугольный рот, из которого вылетают не слова, а гремящие камни альпийского потока... У него замыслы — космогонические, но он не Дант, а Уолт Уитман. Ему к лицу бы властвовать над стихиями... Его поэма «Человек», которую он читает в Кафе поэтов, при всей своей кажущейся сумбурности, необыкновенно точна, логична и убедительна». («Театральная газета», 17 декабря 1917.)

«Близость футуристов к большевизму еще более подчеркивается их восприятием современности. Маяковский в стихах воспевает насаждение социализма... В маленьком черном подвале... футурист поет:

Ешь ананасы!
Рябчики жуй!
День твой последний
приходит, буржуй!» («Понедельник Власти народа».

12 (25) февраля 1918.)

«Кафе поэтов, куда потянулись от скуки с тайной мыслью посмеяться над забавным представлением (живой Маяковский или Д. Бурлюк...— это ли не острое зрелище?), оказалось далеко не тем гостеприимным и милым уголком, о котором грезит в конце концов всякий порядочный беженец: в Кафе поэтов слишком уж нападают на буржуа, кушающего рябчиков и жующего ананас. И вот буржуй сбжал от футуристов в кафе «Питтореск». («Рампа и жизнь», № 11—12, 1918.)

17 (30) декабря — выступление с докладом на 2-й выставке современного декоративного искусства «Вербовка»¹. («Вперед», 17 декабря 1917.)

В декабре вышла отдельным изданием поэма «Война и мир». (Изд. «Парус», П., тираж 2000 экз.)

«Смолкли барабаны футуристов. Школа литературных «низвергателей» оказалась сама низвергнутой безжалостной рукой времени. Остался один Маяковский, но не потому, что был футурист, а потому, что... оказался обладателем выдающегося поэтического дарования. Первая «большая» его книга «Простое как мычание» лишь на немногих произвела хорошее впечатление. «Война и мир», недавно выпущенная в свет, покажет, вероятно, и многим кулителям Маяковского, что в его лице мы имеем крупного поэта». («Новая жизнь», П., 31 декабря 1917.)

24 декабря (6 января 1918) в журнале пролетарской сатиры «Соловей», № 1, на обложке в виде подписи под рисунком напечатано двустишие «Ешь ананасы, рябчиков жуй...»

30 декабря (12 января) — выступление в Политехническом музее на вечере «Елка футуристов».

Последние числа декабря — первые числа января 1918 г. (ст. стиля) — выступление в цирке с чтением стихов. (См. письмо от 8 января. Возможно—на одном из вечеров, устроенных Международным союзом артистов цирка 22 декабря в цирке Саломонского и 23 декабря в цирке Никитина.)

1918

В конце января (ст. стиля)—выступление на вечере «встреча двух поколений поэтов» на квартире поэта А. Амари с чтением поэмы «Человек».

На вечере присутствовали К. Бальмонт, Вяч. Иванов, Андрей Белый, Ю. Балтрушайтис, Д. Бурлюк, В. Каменский, И. Эренбург, В. Ходасевич, М. Цветаева, Б. Пастернак, А. Толстой, П. Антокольский, В. Инбер, индусский поэт Сура-Варди и др.

«В квартире поэта А. недавно имел место интересный поэтический вечер, на котором присутствовали как представители состарившихся уже течений—Бальмонт, Иванов, Белый и др., так и «держатели», срывающие покров с будущего, — футуристы Маяковский и др. Следует отметить, что столкновение двух указанных крайностей привело к неожиданным результатам — к признанию «стариками» футуриста Маяковского крупным талантом». («Мысль», 28 января 1918.)

¹ На выставке были представлены художественные изделия (вышивки, кружева, плахты) из деревни Вербовка Киевской губернии.

«Начался вечер речью Вяч. Иванова, призывавшего к выявлению тех реальных ценностей, которые, очевидно, были скоплены футуристами помимо их программных, так сказать, выступлений, столь ожесточенных и привлекавших в то же время критику и публику.

Далее, краткое слово произнес Д. Бурлюк, указавший на то, что вечер этот явился важным и интересным именно потому, что на нем впервые встречаются два литературных поколения, причем здесь, несомненно, происходит исторический турнир, на котором хотя и подняты дружественно забрака, но вечные соперники впервые лицом к лицу видят друг друга...

После этих выступлений последовало чтение стихов. Владимир Маяковский читал свое новое произведение «Человек»...

Едва кончил Маяковский, с места встал побледневший от переживаемого А. Белый и заявил, что он даже представить себе не мог, что в России в это время могла быть написана поэма столь могучая по глубине замысла и выполнению, что вещь этой двинута на громадную дистанцию вся мировая литература и т. д.

К сожалению, мы не можем привести дословно это хвалебное слово, обращенное старым поэтом к Маяковскому, но впечатление у присутствующих от нее осталось настолько сильное, что после окончания этого сплошного дифирамба слушавшие инстинктивно обратились с аплодисментами не к оратору, а к Маяковскому.

Встал маститый К. Д. Бальмонт. Вскинул движением проснувшегося орла — характерный жест — свою «обожженную солнцем скитаний» — голову. Начал читать сонет. И в этом сонете, сквозь дружескую и отеческую похвалу, звучала горечь признания в сдаче позиций и отступлении на второй план». («Дальневосточное обозрение», Владивосток, 29 июня 1919. Интервью Д. Бурлюка, данное Н. Асееву.)

30 января (12 февраля) — выступление на открытии кафе «Питтореск».

2 (15) февраля — выступление в Политехническом музее с чтением поэмы «Человек».

«Владимир Маяковский выступил с речью «Наше искусство — искусство демократии». То, что он говорил, убедительно не было, когда же стал читать свою новую вещь — поэму «Человек», пришлось поверить теоретически не доказанному положению. (Журн. «Наш путь» кн. II., 1918.)

Во второй половине февраля под маркой издательства «Асис» (Ассоциация социалистического искусства)¹ вышли в свет поэма «Человек» и 2-е (бесцензурное) издание поэмы «Облако в штанах». (Обе книги помечены «Петроград», но были напечатаны в Москве.)

27 февраля — выступление в Политехническом музее на вечере «Избрание короля поэтов».

«Поэты! Учредительный трибунал созывает всех вас состязаться на звание короля поэзии. Звание короля будет присуждено публикой всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием.

Всех поэтов, желающих принять участие на великом, грандиозном празднике поэтов, просят записываться в кассе Политехнического музея до 12 (25) февраля. Стихотворения неявившихся поэтов будут прочитаны артистами.

¹ Фактически на деньги, занятые Маяковским у друзей.

Желающих из публики прочесть стихотворения любимых поэтов просят записаться в кассе Политехнического музея до 11 (24) февраля. Результаты выборов будут объявлены немедленно в аудитории и всенародно на улицах.

Порядок вечера: 1) Вступительное слово учредителей трибунала. 2) Избрание из публики председателя и выборной комиссии. 3) Чтение стихов всех конкурирующих поэтов. 4) Баллотировка и избрание короля и кандидата. 5) Чествование и увенчание мантией и венком короля и кандидата. («Власть народа», 15 февраля 1918.)

Маяковский «прочитал «Облако в штанах»¹ к немалому удовольствию собравшихся». («Рампа и жизнь», № 10, 1918.)

«Ни один из серьезных поэтов участия в этом вечере не принял. К футуристической компании присоединился Игорь Северянин, которого и венчали на царство². Публика возмущалась, и устроители приходилось ее довольно резко укрощать... Очень удивило всех, что критик П. С. Коган согласился председательствовать на вечере. Наличие в президиуме, среди жюри, «такого» авторитетного ценителя поэзии, как клоун Дуров, и соседство его с П. С. Коганом вызывали недоумение». («Мысль», 4 марта, 1918.)

«Публика аплодировала, свистала, ругала, стучала ногами, гнала артистов, читавших стихи Бунина и Блока... Часть аудитории, желавшая видеть на престоле г. Маяковского, еще долго после избрания Северянина продолжала шуметь и нехорошо выражаться по адресу нового короля и его «верноподданных»². («Рампа и жизнь», № 9, 1918.)

15 марта вышел № 1 «Газеты футуристов» под редакцией В. Маяковского, Д. Бурлюка и В. Каменского

В газете были напечатаны стихотворения Маяковского — «Наш марш», «Революция (поэтохроника)», две коллективные декларации — «Декрет № 1 о демократизации искусств», «Манифест летучей федерации футуристов» и «Открытое письмо рабочим» Маяковского.

«... С жадностью рвите куски здорового, молодого, грубого искусства, даваемые нами.

Никому не дано знать, какими огромными солнцами будет освещена жизнь грядущего. Может быть художники в стоцветные радуги превратят серую пыль городов, может быть с кряжей гор неумолимо будет звучать промовая музыка превращенных в флейты вулканов, может быть волны океанов заставим перебирать сети протянутых из Европы в Америки струн. Одно для нас ясно — первая страница новейшей истории искусств открыта нами». («Открытое письмо рабочим».)

В «Декрете о демократизации искусств» прокламировалась отмена «проживания искусства в кладовых, сараях человеческого гения — дворцах, галереях, салонах, библиотеках, театрах... Пусть улицы будут праздником искусства для всех... «Все искусство — всему народу!» Первая расклейка стихов и вывеска картин произойдет в Москве в день выхода нашей газеты». («Газета футуристов» действительно была рас-

¹ Второе место по числу голосов занял Маяковский, третье — Бальмонт.

² 14 марта 1918 г. в газете «Московский вечерний час» была напечатана заметка о том, что у нового короля появилась уже «оппозиция» и что «по последним известиям оппозиция заговаривает дворцовый переворот. 16 марта Бурлюк, Маяковский и В. Каменский устраивают в той же многострадальной аудитории Политехнического музея утро революционной поэзии, лозунгом которого служит девиз «Против всяких королей». Говорят, что король будет низложен... Надо надеяться, что переворот произойдет бескровно». (Состоялось ли это «утро», мы не установили.)

клеена по стенам домов (как афиша), а Д. Бурлюк в этот день вывесил несколько своих картин на Кузнецком мосту.)

В отделе объявлений было помещено следующее: «Летучая федерация футуристов ораторов, поэтов, живописцев объявляет: бесилатно выступаем речами, стихами, картинами во всех рабочих аудиториях, жаждущих революционного творчества».

Выход газеты на первом номере прекратился.

В марте Маяковский написал для кинофирмы «Нептун» сценарий «Не для денег родившийся» (по роману Джека Лондона «Мартин Иден») и снимался в этой картине в главной роли поэта Ивана Нова.

Съемки происходили в ателье в Самарском переулке. Об этой и сделанной вслед за этим картине «Барышня и хулиган» Маяковский писал в 1927 году в предисловии к сборнику сценариев: «2-й и 3-й сценарии... сентиментальная заказная ерунда... Ерунда не тем, что хуже других, а что не лучше... Режиссер, декоратор, артисты и все другие делали все, чтобы лишити вещи какого бы то ни было интереса».

Картина была закончена в конце апреля. Маяковский сам сделал для нее рекламный плакат. В кино «Модерн» (Метрополь) был устроен общественный просмотр, на котором присутствовал нарком просвещения А. В. Луначарский. Картина шла на экранах многих городов несколько лет. Ни один экземпляр фильма до сих пор не разыскан. В отзывах о картине отмечалась игра Маяковского, «который произвел очень хорошее впечатление и обещает быть хорошим характерным киноактером». («Рампа и жизнь», № 23, 1918.) В заметке о фильме, появившейся в журнале «Мир экрана» (№ 3, май 1918) и написанной, повидимому, Маяковским, о содержании картины говорилось: «Когда гениальный человек, пройдя сквозь строй нужды и непризнания, добьется громкой славы — нас интересует каждый штрих, каждый анекдот его жизни. Мы забываем, что, выброшенный бурей борьбы на тихий берег благополучия, он только ест и отлеживается, как чудом спасшийся от кораблекрушения. Джек Лондон в романе «Мартин Иден» первый провел фигуру гениального писателя по всей его удивительной жизни. К сожалению, огромный и сильный Иден испорчен плаксивым концом. В своем киномане «Не для денег родившийся» Маяковский дает Ивана Нова, это тот же Иден, только сумевший не быть сломленным под тяжестью хлынувшего золота».

В апреле написал для кинофирмы «Нептун» сценарий «Барышня и хулиган» по повести Э. Амичис «Учительница рабочих» и снимался в этой картине в заглавной роли.

Картина была снята в очень короткий срок (1—2 недели). Вышла на экран в мае, почти одновременно с «Не для денег родившийся».

1 мая — выступление в кафе «Питтореск».

Маяковский выступал с речью «Мой май» и чтением отрывков из книг «Война и мир», «Облако в штанах», «Человек», «Простое как мычание». Стихи Маяковского читала артистка О. В. Гзовская. Были прочитаны также переводы стихов Маяковского на французский, немецкий и болгарский языки (по афише).

В первой половине мая написал для кинофирмы «Нептун» сценарий «Закованная фильмой» («легенда кино»).

«Ознакомившись с техникой кино, я сделал сценарий, стоявший в ряду с нашей литературной новаторской работой»¹ (Предисловие к сборнику сценариев, 1927.)

¹ В 1926 г. Маяковский вернулся к этой теме и написал вторую редакцию сценария под заглавием «Сердце кино» или «Сердце экрана».

«Поэт В. В. Маяковский написал легенду кино «Закованная фильмой». Этот оригинальный сценарий куплен «Нептуном». На-днях режиссер Н. В. Туркин приступает к его постановке. Главные роли исполняют Лилия Брик, Маргарита Кибальчич, А. В. Ребикова и автор сценария В. В. Маяковский». («Мир экрана», № 3, 19 мая 1918.)

Маяковский играл в этой картине главную роль художника. Рекламный плакат для картины был сделан им самим. Картина была закончена в начале июня.

23 мая — лекция А. В. Луначарского в Политехническом музее «Новое искусство и его пути».

«Лектор предвидит появление нового могучего пролетарского искусства, созданного творцами из народа. Предтечу этих еще не появившихся художников лектор видит в Уитмане, Верхарне, смеявших уныние на бодрость, чуждую эгоизма всеобъемлющую любовь к миру и веру в счастливое будущее человечества... Особенно удачное выражение этого направления лектор видит во Владимире Маяковском. Лекция закончилась чтением последних страниц «Войны и мира» Маяковского». (Газета «Четвертый час», 24 мая 1918.)

Весной вышел альманах «Весенний салон поэтов» с стихотворениями Маяковского «Себе любимому посвящает эти строки автор» (написано в 1916 г.), «Шумики, шумы и шумищи» (1913) и отрывком из 5-й части поэмы «Война и мир».

9 июня в московском издании газеты «Новая жизнь» (№ 8) напечатано стихотворение «Хорошее отношение к лошадям».

Во второй половине июня вернулся в Петроград.

Лето Маяковский прожил в Левашеве (под Петроградом). Работал над «Мистерией-буфф».

27 июля участвовал в заседании литературной коллегии Комиссариата народного просвещения Союза коммун Северной области. Обсуждался вопрос об издании хрестоматии футуристической литературы.

Было постановлено: поручить Маяковскому издание хрестоматии, предложить ему представить смету, выдать субсидию.

31 августа — письмо к О. В. Маяковской.

«...У меня к тебе колоссальная просьба: разыщи в тех вещах, которые ты у меня взяла, костюм старый, брюки, пиджак и жилет, затем найди какого-нибудь не очень дорогого портного и снеси все это ему. Пусть перелицует. Если брюки слишком порваны, то пусть он сделает вставки из жилета. Жилет мне не нужен. Все это нужно сделать немедленно, т. е. в четверг или в пятницу, т. е. дня через четыре, я буду в Москве, пробуду там два дня, не больше, и хочу его, т. е. костюм, взять с собою. Поторопи его, пожалуйста...»¹

В конце сентября Маяковский был приглашен руководить литературным отделом журнала Комиссариата народного просвещения Союза коммун Северной области.

В сентябре закончил «Мистерию-буфф».

27 сентября — первое чтение «Мистерии-буфф» дома

¹ Был ли Маяковский в Москве, как собирался — 5—6 сентября, — не установлено.

друзьям. На чтении присутствовал А. В. Луначарский, режиссеры и художники¹.

«Отзывались роскошно. Окончательно утвердил хорошее мнение шофер Анатолия Васильевича, который слушал тоже и подтвердил, что ему понятно и до масс дойдет» (Маяковский «Только не воспоминания», 1927.)

«Пьеса произвела на присутствующих большое впечатление. А. В. Луначарский в кратком отзыве отметил проникающий все произведение революционный порыв и приветствовал В. В. Маяковского как выразителя подлинно-революционного чувства». («Вестник общественно-политической жизни, искусства, театра и литературы», П., 28 сентября 1918 г.)

Свое мнение о «Мистерии-буфф» Луначарский подтвердил в выступлении на открытии Петроградских государственных свободных художественно-учебных мастерских 10 октября 1918 года: «Один из талантливых футуристов, поэт Маяковский, написал поэтическое произведение, которое назвал «Мистерией-буфф». Я видел, какое впечатление произвело эта вещь на рабочих: она их очаровывает... Содержание этого произведения дано всеми гигантскими переживаниями настоящей современности, содержание, впервые в произведениях искусства последнего времени адекватное явлениям жизни». («Луначарский об искусстве», П., 1918, стр. 26.)

Конец сентября — начало октября — выступление с чтением «Мистерии-буфф» в Центральном бюро по организации празднеств первой годовщины Октябрьской революции.

«Мистерия была прочитана в комиссии праздников и, конечно, немедленно подтверждена к постановке. Еще бы! При всех ее недостатках, она достаточно революционна, отличаясь от всех репертуаров.

Но пьесе нужен театр...» (Маяковский. «Только не воспоминания».)

Конец сентября — начало октября — выступление с чтением «Мистерии-буфф» актерам Александринского театра.

«А. В. Луначарский чуть ли не на другой день распорядился о том, чтобы пьеса была прочитана в Александринском театре и затем там же поставлена. Стоявший в то время во главе «автономной труппы» театра артист Д. Х. Пашковский предложил прослушать рекомендуемую Наркомом просвещения т. Луначарским к постановке пьесу молодого поэта. Чтение началось при гробовом молчании. (Актерское фойе, переполненное артистами, настороженно-недружелюбно встретило и рекомендацию наркома и вступление Д. Х. Пашковского. В то время, вопреки декрету, в уголке под потолком продолжала висеть иконка, и уже само заглавие пьесы «Мистерия» в сочетании «буфф» сразу же огорошило кое-кого из «старых александринцев».. Чтение закончилось при общем длительном молчании, затем послышались заявления о краткости оставшегося до 7 ноября срока, о трудности освоения стихотворного текста. После нескольких кратких выступлений председательствовавшему пришлось резюмировать понятое им отношение труппы. Он очень ловко, с десятком комплиментов по адресу иронически улыбавшегося Маяковского, сообщил, что, по его мнению, такую интересную, насыщенную современностью пьесу старейшему театру не поднять и что необходимо для ее исполнения найти таких же молодых и современных актеров, как и сам автор». (Л. Жевержеев. «Воспоминания», сборник «Маяковскому», Л., 1940.)

¹ Маяковский звал на это чтение А. Блока, но Блок был только на первом представлении «Мистерии-буфф» 7 ноября. (Сборник «Маяковский», Л., 1940, стр. 331.)

Невозможность поставить «Мистерию-буфф» в профессиональном театре заставила Маяковского попытаться осуществить постановку ее собственными силами, с помощью актеров любителей.

«Театра не находилось, — писал Маяковский в статье «Только не воспоминания». — Насквозь забыты Макбетами. Предоставили нам цирк, разбитый и разломанный митингами. Затем и цирк завтео М. Ф. Андреева предписала отобрать.

Я никогда не видел Анатолия Васильевича кричащим, но тут раскричался и он. Через минуту я уже волочил бумажку с печатью насчет папок и насчет колес.

Дали музыкальную драму. Актеров, конечно, взяли сборных.

12 октября в нескольких петроградских газетах появилось «Обращение к актерам».

«Товарищи актеры! Вы обязаны великий праздник революции ознаменовать революционным спектаклем. Вами должна быть разыграна «Мистерия-буфф», героическое, эпическое и сатирическое изображение нашей эпохи, сделанное Владимиром Маяковским. Приходите все в воскресенье 13 октября в концертный зал Тенишевского училища (Моховая, 33). Автор прочтет «Мистерию», режиссер изложит план постановки, художник покажет эскизы, а те из вас, кто загорится этой работой, будут исполнителями. Центральное бюро по устройству октябрьских торжеств предоставляет все необходимые средства для осуществления «Мистерии». Все к работе! Время дорого! Просят являться только товарищей, желающих принять участие в постановке. Число мест ограничено».

8 октября — докладная записка Наркомупро просвещения А. В. Луначарскому об организации издательства книг нового искусства «ИМО» («Искусство молодых»).

В записке, заключавшей 12 пунктов, были указаны условия взаимоотношений нового издательства с Наркомпросом и Госиздатом (бумагу и типографию предоставлял Госиздат, гонорар авторам уплачивался после распространения издания). Луначарский подписал эту записку, и таким образом она явилась как бы договором между Наркомпросом и издательством «ИМО».

Одновременно с запиской Маяковский представил Наркомупро рукописи первых двух книг «Мистерии-буфф» и составленной им «Революционной хрестоматии футуристов» «Ржаное слово», которые предполагалось выпустить к первой годовщине Октябрьской революции.

8 или 9 октября выехал в Москву.

12 октября — выступление с чтением «Мистерии-буфф» в театральном отделе Наркомпроса (в гостинице «Метрополь») на собрании режиссеров московских театров.

«...Я перекинулся с «Мистерией» в Москву. Читал в каком-то театральном ареопаге для самого Комиссаржевского. Сам послушал, сказал, что превосходно, и через несколько дней... сбежал в Париж». («Только не воспоминания».)

«Поэт Маяковский написал к предстоящим октябрьским праздникам пьесу. Вчера Маяковский читал ее в театральном отделе Комиссариата народного просвещения, и пьеса произвела очень хорошее впечатление. Вопрос о постановке ее выяснится на-днях» («Театральный курьер», 13—14 октября 1918.)

В тот же день состоялось совещание о репертуаре московских театров в дни октябрьских торжеств (без Маяковского). Собранию были предложены пьесы В. Каменского «Стенька Разин» и «новая пьеса Маяковского «Мистерия-буфф», предназначенная для постановки в Петрограде».

де, а в Москве прочитанная в нескольких кружках и вызвавшая большие похвалы. Пьеса красочная, оригинальная и вполне отвечающая моменту. Вопрос о постановке этих пьес вызвал оживленный обмен мнений. Большинство режиссеров во главе с А. П. Петровским находило, что приготовить новую пьесу и должным образом поставить в столь короткий срок нельзя даже при лихорадочной работе над ней. Такое же мнение выражал и Ф. Ф. Комиссаржевский, который заявил, что ему нужно полгода работать над пьесой Маяковского. Решено в заключение: вопрос о двух новых пьесах Маяковского и Каменского обсудить в режиссерской комиссии, тут же на собрании организованной. («Театральный курьер», 13—14 октября 1918.). (Режиссерская комиссия предложила поставить «Мистерию-буфф» Камерному театру. Постановка не была осуществлена.)

13 октября вернулся в Петроград.

13 октября — выступление с чтением «Мистерии-буфф» в зале Тенишевского училища для всех, желающих принять участие в постановке (см. выше, стр. 60).

После чтения тут же была проведена запись и отбор актеров.

Начавшиеся вскоре после этого репетиции проходили в учебных комнатах Консерватории. Маяковский принимал самое ближайшее участие в режиссуре спектакля и, кроме того, играл в пьесе роль «человека просто».

О трудностях подготовки этого спектакля Маяковский писал в статье «Только не воспоминания»: «Аппарат театра мешал во всем, в чем и можно и нельзя. Закрывал входы и запирали гвозди... Только в самый день спектакля принесли афиши, и то нераскрашенный контур, и тут же заявили, что клеить никому не велено. Я раскрасил афишу от руки. Наша прислуга Тоня шла с афишами и с обоянными гвоздочками по Невскому и — где влезал гвоздь — приколачивала тотчас же срываемую ветром афишу.

И наконец в самый вечер один за другим стали пропадать актеры. Пришлось мне самому на скорую руку играть и «Человека просто», и «Мафусаила», и кого-то из чертей».

В первых числах ноября, к первой годовщине Октябрьской революции, вышли отдельным изданием «Мистерия-буфф» и сборник «Ржаное слово» (революционная хрестоматия футуристов) с предисловиями Маяковского и А. Луначарского (изд. «ИМО», П.). В хрестоматию вошли «Наш марш», «Революция» и 5-я часть поэмы «Война и мир» Маяковского, стихи Н. Асеева, Д. Бурлюка, В. Каменского, В. Хлебникова.

«В ней собраны стихи на специальную тему — слово революции у революционеров слова..»

В чем насыщенность сегодняшней поэзии?

«Да здравствует социализм» — под этим лозунгом строит новую жизнь политик.

«Да здравствует социализм» — этим возвышенный идет под дула красноармеец.

«Днесь небывалой сбывается бьелью социалистов великая ересь», — говорит поэт.

Если б дело было в идее, в чувстве — всех троих пришлось бы назвать поэтами. Идея одна. Чувство одно.

Разница только в способе выражения». (Маяковский. «Эту книгу должен прочесть каждый».)

«Сейчас государству рабочих и крестьян приходится все в большей мере брать на себя дело издательства литературных произведений, все равно каким путем, непосредственно ли через государственное издательство, или через советское, или путем субсидий.

И уж, конечно, оно должно поставить себе за правило дать всему новому, свежему доступ к массовому читателю. Лучше ошибиться и предложить народу что-нибудь, не могущее ни сейчас, ни позже снискать его симпатии, чем оставить под спудом (на том основании, что тому или другому оно сейчас не по вкусу) произведение, богатое будущим.

..В стихах Маяковского звучит много нот, которым не будет внимать равнодушно ни один молодой годами или душою революционер». (А. Луначарский. Предисловие.)

Обложки к обеим книгам были сделаны Маяковским.

Вышел альбом «Герои и жертвы революции» — 18 рисунков худ. Козлинского, Пуни, Маклецова и др. с подписями Маяковского. С текстом Маяковского «Красноармеец» («Если красное знамя рдеет...») был выпущен впоследствии (в 1919 — 1920 гг.?) литографский двухцветный плакат (Петроград, художник неизвестен).

Вышли ноты музыки А. Лурье на слова «Нашего марша» Маяковского¹.

5 ноября в газете «Петроградская правда» напечатана статья А. В. Луначарского «Коммунистический спектакль» в связи с предстоящей премьерой «Мистерии-буфф».

«Эго, — писал Луначарский, — веселое символическое путешествие рабочего класса, после революционного потопа постепенно освобождающегося от своих паразитов, через рай и ад, в землю обетованную, которая оказывается нашей же грешной землей, только омытой революционным потоком, и на которой все «товарищи вещи» ждут с нетерпением своего брата трудящегося человека. И написано все это острым, пряным, звонким языком. Так что на каждом шагу попадаются такие выражения, которые, быть может, станут ходячими...

Я от души желаю успеха этой молодой, почти мальчишеской, но такой искренней, шумной, торжествующей, безусловно демократической и революционной пьесе. Я от души желаю, чтобы в зале Музыкальной драмы и Народного дома² как можно больше было нашей, настоящей публики, нашей рабочей, красноармейской, крестьянской.

Если я немного побаиваюсь виртуозности художников-футуристов, то мне все же кажется, что сам бойкий, звучный поток поэзии Маяковского разнесет всякий слишком новый хлам, который так же вреден, как хлам старый, и предстанет перед публикой с достаточной непосредственностью.

Во всяком случае, вечером в день праздника я не премину критику и друзей своих привести именно сюда, на этот спектакль...

7 ноября в журнале «Пламя», № 27 (II), напечатано стихотворение «Ода революции».

¹ 7 ноября «Наш марш» исполнялся на эстрадах, площадях и при открытии памятника Карлу Марксу на Марсовом поле в Петрограде. («Жизнь искусства», П., 20 ноября 1918.)

² Предполагалось, что после двух первых спектаклей «Мистерии-буфф» в театре Музыкальной драмы состоится спектакль в Народном доме.

7 ноября — премьера «Мистерии-буфф» в театре Музыкальной драмы.

Афиша (составлена и рисована Маяковским).

«7, 8 ноября н/с мы, поэты, художники, режиссеры и актеры, празднуем день годовщины Октябрьской революции революционным спектаклем. Нами будет дана «Мистерия-буфф», героическое, эпическое, и сатирическое изображение нашей эпохи, сделанное В. Маяковским. I карт. Белые и черные бегут от красного потопа. II карт. Ковчег. Чистые подсовывают нечистым царя и республику. Сами увидите, что из этого получается. III карт. Ад, в котором рабочие самого Вельзевула к чертям послали. IV карт. Рай. Крупный разговор батрака с Мафусалом. V карт. Коммуна: солнечный праздник вещей и рабочих».

На премьере перед началом представления А. В. Луначарский произнес вступительное слово. «Мистерия-буфф» шла в театре Музыкальной драмы всего три дня — 7, 8 и 9 ноября 1918 года.

В ноябре — предложение Наркому просвещения А. Луначарскому проекта организации «Летучего театра».

«Постановка «Мистерии-буфф» показала, насколько существующий театр не приспособлен к постановке пьес революционных и формой своей и своим содержанием. Мытарства «Мистерии» достаточно поучительны. Один театр громко вопиет о недопустимости «тенденциозного зрелища» в «храме чистого искусства». В другом актеры только крестятся при чтении непривычных строк, звучащих для них кошунством. Третий, в который чуть не силком удается протащить пьесу, прилагает, как известно, максимум усердия к ее провалу; добиться постановки в больших театрах новой вещи невозможно. Такое положение не может считаться нормальным. Необходимо дать объективную возможность новым произведениям увидеть сцену... Правильным выходом при этих условиях явится — создание «Летучего театра», волевой организации революционеров сцены, не связанных никаким громоздким техническим аппаратом, сосредоточивших все свое внимание на актерской игре и на словах, произносимых с подмостков...

Первой постановкой такого театра должна быть «Мистерия-буфф», как наиболее подходящая по своему революционному пафосу пьеса, уже принятая к постановке и в Москве (отсутствие режиссера — причина проволочки) и требуемая отдельными рабочими театрами — например, Кронштадтским... Давая новую, современную форму театра, наша организация поможет вместе с тем развитию целого течения искусства, предоставив возможность раскиданным в посторонней работе силам возвратиться к их прямой обязанности — к созданию новой красоты.

22 декабря проект этот был напечатан в газете «Искусство коммуны» — «Ввиду новых требований постановки революционных пьес считаем необходимым, после месячного ожидания, напомнить о нем опубликованием». (Проект осуществлен не был.)

21 ноября в газете «Петроградская правда» напечатано открытое письмо Маяковского Народному комиссару по просвещению А. Луначарскому¹.

«Товарищ! Вами была принята к постановке и опубликованию «Мистерия-буфф». Я пригласил вас и ваших товарищей на первое чтение «Мистерии», чтобы получить подтверждение в необходимости ее появле-

¹ Письмо датировано 12 ноября и написано в связи с появлением в газете «Жизнь искусства» 11 ноября рецензии А. Левенсона на «Мистирию-буфф». (Левенсон — бывший сотрудник кадетской «Речи», впоследствии белоземлянин.)

ния от тех людей, чьей быть она претендовала. Вы называли «Мистерию-буфф» единственной пьесой революции. После этого у вас было достаточно и времени и материала для пересмотра вашего мнения. У вас был экземпляр «Мистерии», вы присутствовали на генеральной репетиции, но вы не только не изменили своим словам, но даже еще укрепили их — сначала статьей в «Правде», а затем приветственной речью в театре перед поднятием занавеса. Очевидно, товарищ, вы были не один, а точно выражали желания коммуны, ибо «Мистерия» была единогласно принята Центральным бюро к постановке в Октябрьские дни.

Отношение аудитории первых двух дней не пошло вразрез с вашим; вспомните хотя бы шумную радость после пролога. Из этого ясно, что задача советской печати заключается в пропагандировании «Мистерии» в пролетарских кругах, в случае же недостатков в постановке — приложении всех усилий к их искоренению. Иначе смотрит на это единственная в настоящее время театральная газета «Жизнь искусства», официальный орган отдела театров и зрелищ Комиссариата Народного просвещения. В единственной этой театральной советской газете появление этой советской властью принятой и проводимой «Мистерии» объяснено желанием подлизаться, «желанием угодить» новым хозяевам людей, еще вчера мечтавших вернуться к допетровской России». Не удивляясь и не останавливаясь на пикантности таковой, оценки моих, едва вырвавшихся из всяких цензур стихов со стороны известного автора статьи А. Левенсона, перенесшего на наши страницы гнусность покойной «Речи», я возмущен возможностью появления подобной инсинуации в газете советской власти, принявшей «Мистерию». Дело не в эстетической оценке — она в статье не заметна и во всяком случае допустима в любой форме, дело в моральном осуждении «Мистерии».

Если автор статьи прав и «Мистерия» вызывает только «подавляющее чувство ненужности, вымученности совершающегося на сцене», то преступление тратить деньги на ее постановку, обманывая доверие рабочего класса; если же верно сделали вы, ставя «Мистерию», — тогда достойно оборвите речистую клевету. Требуя к общественному суду за грязную клевету и оскорбление революционного чувства редакцию газеты и автора статьи, я обращаю на это и ваше внимание, тов. комиссар, ибо вижу в этом организованную черную травлю революционного искусства».

24 ноября — выступление на митинге об искусстве «Храм или завод?» во Дворце искусств (Зимнем дворце).

«Большой успех имел поэт В. Маяковский. «Нам нужен, — сказал он, — не мертвый храм искусства, где томятся мертвые произведения, а живой завод человеческого духа. Искусство должно быть сосредоточено не в мертвых храмах-музеях, а повсюду — на улицах, в трамваях, на фабриках, в мастерских и в рабочих квартирах». («Искусство коммуны», П., 7 декабря 1918.)

Около 25 ноября участвовал в заседании Государственного совета по делам искусства.

Обсуждался вопрос об издании отделами Наркомпроса своих журналов.

28 ноября участвовал в заседании коллегии по делам искусства и художественной промышленности при Отделе изобразительных искусств Наркомпроса.

Решено было до выхода общего органа Наркомпроса подготовить к выпуску еженедельную газету «Искусство коммуны».

2 декабря — выступление в Выборгской партийной школе.

«Были прослушаны «Наш марш», отрывки из «Мистерии-буфф» и т. д. После чтения стихов и доклада были оживленные прения, в которых футуризм нашел и ярых защитников и слушателей недоброжелательных. Возражающие указывали главным образом на непривычную непонятность, защитники приветствовали современность. И те и другие примирились на необходимости частых встреч с обменом мнений по этому вопросу». («Искусство коммуны», П., 22 декабря 1918.)

5 декабря участвовал в заседании коллегии Отдела изобразительных искусств Наркомпроса.

Обсуждались вопросы: 1) о газете «Искусство коммуны». Первый номер газеты был к этому дню уже отпечатан (помечен 7 декабря). Маяковский принимал в его выпуске самое ближайшее участие. Газета считалась органом отдела, но первый номер был выпущен явочным порядком инициативной группой, которая решила «поставить коллегию перед фактом издания газеты с тем, чтобы привлечь к дальнейшему редактированию всю коллегию» (Маяковский). «Сейчас, — сказал Маяковский на заседании, — ответственность за издание несет главным образом Литературная секция, которая взялась за это дело инициативно. В первом редакционном совещании участвовали: Брик, Пунин, Альтман и я, в виде совещательной лошади, которая ходила по делам этой газеты»¹. В дальнейшем, хотя Маяковский и не входил официально в число членов редколлегии, он принимал в издании газеты самое ближайшее участие вплоть до начала марта 1919 года (до отъезда в Москву).

2) Доклад Маяковского от имени Литературно-издательской секции о программе выпуска иллюстрированных изданий. Среди этих книг намечалось в первую очередь два сборника Маяковского — «Для детков» (повидимому, в него должны были войти «Красная шапочка», «Интернациональная басня», «Тучкины штучки»². Точный состав сборника неизвестен). В книге, как сообщил Маяковский «имеется политический отдел». Вторая книга — «Издательство» — сатирические стихи. Она состоит из моих стихов, напечатанных в различных сатирических журналах, а также содержит многие стихотворения, появляющиеся в печати впервые и не напечатанные раньше по цензурным условиям (даст объяснения)». Первую книгу предполагалось иллюстрировать рисунками художников Н. Альтмана, Д. Штеренберга, В. Козлинского, на иллюстрации ко второй Маяковский предложил объявить конкурс. Вместе с докладом Маяковский представил на заседание технические сметы изданий. Коллегия постановила обе книги выпустить, но издание осуществлено не было. (В январе 1919 г. по поручению Литературно-издательской секции Отдела ИЗО Бюро Труда Государственных свободных художественно-учебных мастерских (бывш. Академии художеств) объявило среди учащихся закрытый конкурс рисунков к книге «Издательство». Предлагалось выполнить 12 одноцветных рисунков (по 4 в каждой из трех частей книги) и обложку в два цвета. «Рисунки желательны не иллюстрационные, а носящие характер украшений. Жюри состоит из трех представителей Отдела изобразительных искусств и двух представителей от учащихся Государственных мастерских». «Искусство коммуны», П., 2 февраля 1919.) (Результаты конкурса неизвестны.)

¹ По стенограмме.

² У Н. Н. Пунина сохранилась часть этого сборника в авторизованных списках. Когда было написано стихотворение «Тучкины штучки» — неизвестно (впервые появилось в печати в сборнике «Все сочиненное Владимиром Маяковским» в 1919 г.).

3) Маяковский выступал в прениях по докладу о деятельности Кинокомитета. Речь шла о конкретных условиях «художественного» вмешательства Отдела изобразительных искусств в дела кинопромышленности (которая в то время еще не была национализирована). Маяковский предлагал усилить представительство отдела в Кинокомитете, регулирующем производство картин, и добиться предоставления Отделу нескольких самостоятельных постановок. На заседании была избрана киносекция, в состав которой вошел и Маяковский.

7 декабря вышел № 1 газеты «Искусство коммуны» с стихотворением Маяковского «Приказ по армии искусства» вместо передовой.

7 декабря — второе выступление в Выборгской партийной школе (см. 2 декабря).

«Более ознакомленные с новым искусством по книгам, распространенным в эти дни, слушатели встретили тов. Маяковского определенным сочувствием. После стихов и речи тов. Маяковского, в которой он указывал на необходимость той же непримиримой классовой борьбы в области искусства, которая ведется на политическом фронте, выступил один из присутствующих, указавший... на необходимость обращения со стороны футуристов не к старым интеллигентским кругам, поставившим до сих пор делателей искусства, а к рабочим, единственной среде, в которой лозунги новаторов искусства встретят творческий отклик». («Искусство коммуны», П., 22 декабря 1918.)

12 декабря участвовал в заседании коллегии Отдела изобразительных искусств Наркомпроса.

Маяковский сделал доклад о работе киносекции за неделю. Секция, ити, вернее, один Маяковский пытался подыскать помещение для съемок. «Имеется уже четыре сценария, которые нам предложены... Необходимо образование литературной коллегии, чтобы один или два человека заведывали бы приемкой сценариев. Необходимо решить вопрос о созыве определенной группы и выяснить те условия, на которых она могла бы работать».

Никаких определенных решений на этом заседании не было вынесено. О дальнейшей работе киносекции и участии в ней Маяковского ничего неизвестно.

14 декабря — выступление в одном из рабочих клубов в Охтенском районе.

«После речи тов. Маяковского и чтения стихов и отрывков пьесы, принятых слушателями горячо, был поставлен вопрос о возможности практической работы в области нового искусства. Охтенский район — обладатель большого театра на 700 мест, остро испытывающего на себе отсутствие нового, сегодняшнего репертуара. Среди рабочих-актеров вызвало живой отклик предложение поставить совместно с желающими из заинтересовавшихся за это время товарищей других районов «Мистерию буфф» Маяковского... Новые книги были буквально расхватаны». («Искусство коммуны», П., 22 декабря 1918.)

Об этих своих выступлениях в рабочих районах Петрограда в декабре 1918 года Маяковский писал впоследствии в статье «Только не воспоминания»: «...семнадцатилетняя коммунистка Выборгского района стала водить нас через пустыри, мосты и груды железного лома по клубам, заводам Выборгского и Василеостровского районов. Я читал все что у меня было, главным образом — «Поэтохронику», «Левый», «Войну и мир» и сатириконские вещи».

Одновременно Маяковский использовал эти выступления для расширения изданий «ИМО». Сохранилась, напр., расписка «Коллектива коммунистов (большевиков) при 1-м морском береговом отряде в принятии для продажи 25 экз. «Мистерии-буфф» и 25 экз. «Ржаного слова» (от 19 декабря 1918).

15 декабря в газете «Искусство коммуны», № 2 (П.), напечатано стихотворение «Радоваться рано».

Стихотворение это вызвало полемику между Наркомом просвещения А. Луначарским, с одной стороны, и редакцией газеты и Маяковским — с другой. Луначарский написал в № 4 «Искусства коммуны» статью «Ложка противоядия», Маяковский в этом же номере газеты ответил стихотворением «Той стороне»¹.

17 декабря — выступление в Матросском театре, бывш. Гвардейского экипажа.

«Это было первое выступление с искусством в Матросском театре, существующем уже несколько месяцев, но почему-то обойденном культурно-просветительной работой. Сомнение, высказываемое некоторыми товарищами на возможность чтения стихов... перед аудиторией, склонной до этого лишь к «танцульке», не оправдалось ни в какой мере. Горячая встреча и целая очередь покупающих книги была радостным окончанием выступления...» («Искусство коммуны», П., 22 декабря 1918.)

На этом вечере Маяковским впервые был прочитан «Левый марш», написанный, как он впоследствии об этом говорил, специально для этого выступления.

«Мне позвонили из бывшего Гвардейского экипажа и потребовали, чтобы я приехал читать стихи, и вот я на извозчике написал «Левый марш». Конечно, я раньше заготовил отдельные строфы...» (Выступление в Доме комсомола, 25 марта 1930.)

21 декабря — выступление в Центральном районном клубе (Б. Монетная, 11) с чтением стихов (после лекции Н. Пунина «Что такое искусство»).

22 декабря в газете «Искусство коммуны», № 3 (П.), напечатано стихотворение «Поэт-рабочий».

22 декабря — выступление во Дворце труда на диспуте «Пролетариат и искусство».

«Мы приветствуем призыв докладчика к созданию пролетарского искусства. Но разве можно привлекать к этому делу огульно всех людей искусства, как это делается сейчас? Вы говорите: «добро пожаловать». Мы говорим: предъявите ваши мандаты. Кем вы посланы, — сердцем, бьющимся с пролетарской революцией, или жаждой заказов нового хозяина?..»

О новом говорить надо и новыми словами. Нужна новая форма искусства... Внеклассового искусства нет. Новое создает только пролетариат, и только у нас... общая с пролетариатом дорога». («Искусство коммуны», П., 29 декабря 1918.)

29 декабря в газете «Искусство коммуны», № 4 (П.), напечатано стихотворение «Той стороне».

29 декабря председательствовал на митинге «Старое и

¹ По поводу этого стихотворения есть запись в дневнике А. Блока в виде письма к Маяковскому (повидимому, неотправленного). («Дневник Ал. Блока», 1928, стр. 136.)

новое искусство» в зале Вождей пролетарской революции (Дом Лассалья).

Митинг был устроен культурно-просветительным отделом Совета городского хозяйства в пользу красноармейцев. На митинге должны были выступать представители всех направлений. «Часть публики, узнав о неприбытии некоторых деятелей старого искусства... а также Шалапина, стала требовать возвращения денег за билеты. Поэт Маяковский, вышедший на эстраду, обратился к собравшейся публике с призывом оставаться на своих местах, указывая, с одной стороны, на то, что отсутствие видных деятелей старого искусства еще не есть предлог для того, чтобы нельзя было говорить вообще об искусстве, с другой стороны, что деньги, истраченные этой нетерпеливой и столь патетически относящейся к великим мира сего частью публики, идут на подарки красноармейцам, поэтому ему кажется странным и самый уход части слушателей из зала и тем более требование ими возврата денег. Встреченный громом аплодисментов подавляющего большинства присутствующих, Владимир Маяковский был избран председателем митинга и, после того как разбушевавшиеся страсти улеглись, открыл собрание». («Искусство коммуны», П., 5 января 1919.)

В тот же день — второе выступление на диспуте «Пролетариат и искусство» во Дворце труда.

«Поэт Маяковский указал, что футуристы сами отвергают сегодня то, что ими было сделано вчера. С таким же пафосом футуристы выступают против своего же искусства, если оно становится мертвым и старым.

Поэт Маяковский отбрасывает обвинение, что левые будто бы призывают к насилию над старым искусством. Он, сам готов возложить хризантемы на могилу Пушкина...» («Искусство коммуны», П., 5 января 1919.)

1919

В течение года работал над поэмой «150 000 000» (см. 10 февраля). Закончена была в начале 1920 года.

12 января в газете «Искусство коммуны», № 6 (П.), напечатано стихотворение «Левый марш».

19 января в газете «Искусство коммуны», № 7 (П.), напечатано стихотворение «Потрясающие факты».

30 января участвовал в заседании коллегии Отдела избразительных искусств Наркомпроса.

Обсуждался вопрос об устройстве художественной выставки в Зимнем дворце (Дворце искусств).

В январе — письмо к А. А., Л. В. и О. В. Маяковским.

«...Все время собирался выехать к вам сам, но сейчас на железных дорогах никто не может ездить, кроме шпротов, привыкших к такой упаковке. А так как я ваш сын и брат, а не шпрот, то и сами понимаете... Я здесь работаю массу и вообще не жалуясь...»

В первых числах февраля — письмо Наркому просвещения А. Луначарскому от имени издательства «ИМО».

В письме предлагалось изменить некоторые пункты «соглашения» Наркомпроса с «ИМО» (от 8 октября 1918 г.), в частности об оплате литературного гонорара авторам после «ликвидации издания». «...Скорое получение денег с продажи при всей неорганизованности книжного рас-

пространения — дело почти невозможное. Вследствие этого наше издательство — в положении завода, обещающего оплатить труд через год».

Луначарский согласился с этим, и 4 февраля в соглашение Наркомпроса и «ИМО» были внесены изменения. Авторский гонорар согласно новому условию должен уплачиваться при выходе книги.

6 февраля участвовал в заседании коллегии Отдела изобразительных искусств Наркомпроса.

Обсуждался порядок приема работ, заказываемых отделом, в частности рисунков к сборнику стихов Маяковского «Для детков».

6 февраля Театрально-декорационная секция Отдела изобразительных искусств заказала Маяковскому эскизы декораций и костюмов к «Мистерии-буфф» (для предполагавшихся постановок в районах).

По постановлению коллегии Отдела ИЗО (от 14 января) секция должна была объявить «конкурс-заказ» на декорации к пяти пьесам, в том числе и к «Мистерии-буфф».

Сохранились сделанные тогда Маяковским эскизы декораций к четырем актам («Потоп», «Ковчег», «Рай», «Земля обетованная») и эскизы 28 костюмов («Семь пар чистых» и «Семь пар нечистых»). Были ли выполнены заказанные еще декорация к III акту — «Ад» — и костюмы Вельзевула, Чорта, Мафусаила, Ангела, Дамы истерики, Вещей, — неизвестно¹.

9 февраля в газете «Искусство коммуны», № 10 (II), напечатано стихотворение «С товарищеским приветом Маяковский» (в связи с годовщиной Отдела изобразительных искусств Наркомпроса).

10 февраля представил Наркому просвещения А. Луначарскому список книг, предполагаемых к выпуску издательством «ИМО».

В список входили: «Сборник статей, посвященных обоснованию революционного искусства», «Сборник по теории поэтического языка», «История художественных завоеваний после символизма» (1909—1919), книга поэм Хлебникова, сборники стихов Каменского и Пастернака, Маяковский — «Шесть выпусков. Все написанное с критическим очерком», книга «Воля миллионов», альманах «Сегодня в стихах и рисунках»

На списке пометка Луначарского: «Просмотрел. Интересно».

Упомянутая здесь книга «Воля миллионов» — очевидно, поэма «Сто пятьдесят миллионов», над которой Маяковский начал работать в то время (см. в главке «19-й год» автобиографии: «Голову охватила «150 000 000»). Заглавие ее имело еще несколько вариантов: «Иван. Былина. Эпос революции», «Былина об Иване» (см. дальше, II июля).

17 февраля получил разрешение литературного издательства отдела Наркомпроса на сдачу в набор рукописей «Сборника Маяковского»² и сборника по теории поэтического языка («Поэтика»).

Всю практическую работу по издательству «ИМО» вел фактически один Маяковский. Он получал разрешение от издательского отдела

¹ В одном из «блоков для рисования» есть несколько набросков Маяковского костюмов Мафусаила и Чорта, относящихся, по видимому, к этому времени.

² «Все сочиненное Владимиром Маяковским».

Наркомпроса на печатание книги, сдавал рукопись в типографию, наблюдал за печатанием, сам собирал на книгу заказы, заключая на нее соглашения с книгораспределяющими организациями (главным образом с Центропечатью в Москве и Севцентропечатью в Петрограде. По этим предварительным заказам устанавливался тираж издания). В связи с этим после переезда в Москву в марте, апреле и мае Маяковскому приходилось несколько раз бывать в Петрограде.

27 февраля участвовал в заседании коллегии Отдела изобразительных искусств Наркомпроса.

Обсуждался вопрос о порядке приобретения государством произведений живописи. Маяковский, в частности, высказывался против установившейся практики, когда картины умерших художников оценивались выше, чем картины живых.

27 февраля — выступление на вечере поэтов в «Привале комедиантов».

«Прочли стихи А. Блок, Б. Езгеньев, Г. Иванов, Кузмин, Н. Оцуп, В. Рождественский... Приблизительно все по-старому, и поэты все прежние, и читали стихи, кажется, старые, и опять было впечатлительное призрачности и чего-то бездушного. Можно было... понять Маяковского, который самосильно явился на эстраду, как фея Карабосс, которую не пригласили на крестины, и стал читать свои стихи, предпослав, разумеется, им вступительное слово... Он бранил только что читавших поэтов, противопоставляя им себя... Ни восторга, ни возмущения это выступление не возбудило; публика лениво посмеялась, потом выслушала хорошо известный «Наш марш», только режиссеры смотрели на Маяковского, думая: какие прекрасные актерские данные остаются неиспользованными». (М. Кузмин. «Вечер поэтов», «Жизнь искусства», П., 5 марта 1919.)

В первых числах марта — переезд в Москву.

В Москве получил комнату в Лубянском проезде (в доме ВСНХ), № 3; кв. 12. Маяковский прожил в этой комнате семь лет. С переездом на квартиру в Гендриков переулок (1926), комната осталась за ним и служила ему рабочим кабинетом.

Около 5 марта — выступление в клубе-мастерской искусств «Красный петух» (бывш. кафе «Питтореск») в прениях по докладу А. Гидони.

7—11 марта — поездка в Петроград по делам издательства «ИМО».

10 марта сдал в 18-ю типографию (Петроград) для набора сборник «Поэтика», 2-е издание «Мистерии-буфф», 2-е издание поэмы «Война и мир» и «Собрание сочинений В. Маяковского» (25 листов)¹.

Март—апрель — предложение Маяковского поставить «Мистерию-буфф» 1 мая силами актерской молодежи на Лубянской площади.

Об этой предполагавшейся постановке была заметка в харьковском журнале «Пролетарское творчество» (№ 4, 1 мая 1919). «Секция по устройству народных празднеств усердно готовится к первомайским торжествам. Государственные художественные мастерские готовят к этому дню «Мистерию-буфф» на площадях Москвы».

¹ «Все сочиненное Владимиром Маяковским».

Сам Маяковский, выступая 30 января 1921 года на диспуте «Надо ли ставить «Мистерию-буфф?», упомянул об этом проекте:

«К майской годовщине я выволок ее («Мистерию-буфф») на свет божий и... пошел к революционным актерам, к революционной молодежи и художникам. На общем собрании учащихся Первых государственных мастерских, консерватории, филармонии и рабочих училища было решено подготовить постановку пьесы на Лубянской площади. Пьесу передали для рассмотрения в первомайскую комиссию МОНО, но тогда выступил товарищ Фриче, который сказал, что пролетариат пьесы не поймет: пьесу снова сняли с репертуара».

1 апреля в газете «Искусство», № 5, напечатано стихотворение «Мы идем».

Первые числа апреля — поездка в Петроград на несколько дней (по делам изд-ва «ИМО»).

Около 22 апреля выехал в Петроград.

В двадцатых числах апреля в Петрограде вышли в свет 2-е издание «Мистерии-буфф» и 2-е издание поэмы «Война и мир» (изд. «ИМО»).

24 апреля в Петрограде написано предисловие к сборнику «Все сочиненное Владимиром Маяковским» — «Любителям юбилеев».

«В этой книге все сочиненное мною за десять лет: и вещи, получившие право на отдельный оттиск, и мелочи, соренные газетами и альманахами. Нами, футуристами, много открыто словесных Америк, ныне трудолюбиво колонизируемых всеми, даже благородно шарахающимися от нас писателями. Скоро сделанное нами станет не творимой, а разучиваемой азбукой. Оставляя написанное школам, ухожу от сделанного, и только перешагнув через себя, выпущу новую книгу».

24 апреля участвовал в заседании коллегии Отдела изобразительных искусств Наркомпроса.

Обсуждался вопрос о подготовке к празднованию 1 Мая.

Около 28 апреля вернулся в Москву.

Около 9 мая выехал в Петроград.

В середине мая в Петрограде вышел в свет сборник «Все сочиненное Владимиром Маяковским» (изд. «ИМО», стр. 283).

Около 18 мая вернулся в Москву.

В конце мая представил Центропечати список предполагаемых изданий «ИМО».

В список вошли: Пастернак — «Сестра моя жизнь», стихи; Виктор Хлебников — «Все сочиненное», первый том, лирика, предисловие Якобсона; «Ржаное слово», хрестоматия, 2-е дополн. издание с предисловием Луначарского; Маяковский — «Наш марш», «Облако в штанах» и «Война и мир» с французскими и немецкими текстами, «Воля миллионов».

На списке против каждого названия пометки зав. Центропечати о количествах, которые могла бы взять Центропечатъ.

30 мая подписал договор с Центропечатью (от имени изд-ва «ИМО») на книгу поэм В. Хлебникова.

Еще до заключения этого договора на продажу будущей книги Маяковский 28 марта и 16 апреля выдал Хлебникову авансом в счет гонорара 1150 рублей. Об этой попытке выпустить собрание сочинений Хлебникова Маяковский писал в 1922 году в статье «В. В. Хлебников»:

«Года три назад мне удалось с огромным трудом устроить платное печатание его рукописей. (Хлебниковым была передана мне небольшая папка путаннейших рукописей, взятых Якобсоном в Прагу, написавшим единственную прекраснейшую брошюру о Хлебникове.) Накануне сообщенного ему дня получения разрешения и денег я встретил его на Телятальной площади с чемоданчиком:

«Куда вы?» — «На юг, весна!» — и уехал. Уехал на крыше вагона...»

В июне Маяковский поступил на работу в Наркомпрос — сотрудником Литературно-художественного подотдела Отдела изобразительных искусств (Москва).

В чем конкретно заключалась работа Маяковского в Наркомпросе в июне — сентябре 1919 года — не установлено.

Дата «июнь» подтверждается сохранившимся удостоверением Маяковского от 7 июня 1919 года. Кроме того, в двух анкетах, заполненных в 1921 году, на вопрос «Время поступления в комиссариат?» Маяковский оба раза ответил: «Июнь 1919 года». (Центральный архив Октябрьской революции.)

11 июля подписал договор с Центропечатью (от имени изд-ва «ИМО») на книгу «Былина об Иване»¹, и 2-е издание сборника «Ржаное слово».

18 июля — докладная записка Наркому просвещения А. Луначарскому об итогах работы издательства «ИМО» за год.

Из двенадцати намеченных книг было издано шесть. «Принятые сперва недоверчиво, они по мере распространения завоевывали внимание: так «Мистерия-буфф» и «Ржаное слово», взятые вначале такими рабочими центрами, как «Коммунист», всего 25 экз. и то на комиссию, а месяц спустя были заказаны издательству в количестве 3000 экз.; и в результате «Ржаное слово», изданное в количестве 5000 экз. из боязни нераспространения, заказано теперь 30 000 экз. Но его нехватило даже для народных библиотек, где оно должно быть приобретено согласно постановлению экспертной комиссии. Укажем также, что книги наши не поступали в розничную продажу магазинов, а распространялись преимущественно по районам во время чтения нами на рабочих собраниях лекций по вопросам нового искусства».

Годовая программа издательства не могла быть полностью выполнена, как указывалось в записке, «по причинам, от нас не зависящим (ввиду недостатка бумаги и пр. издательских возможностей)». Теперь же выдача бумаги — «временно на все иные надобности, кроме агитационных, прекращена».

Луначарский распорядился выдать издательству некоторую сумму денег для расплаты с авторами заказанных книг, но реальной помощи в издании книг оказать не мог. (Положение с бумагой вследствие блокады было очень тяжелым.)

Издательство «ИМО» на этом свою деятельность прекратило.

В августе Маяковский сделал еще одну издательскую попытку — выпустить сборник статей «Искусство коммуны» через Отдел изобразительных искусств, но издать книгу не удалось.

Во второй половине сентября написана «Советская азбука».

Политические эпиграммы на каждую букву алфавита снабжены были рисунками Маяковского и им самим изданы (автолитографически). Вышла в свет в октябре (без фамилии автора).

¹ Поэма «150 000 000».

«Это очень интересная страница из истории нашей революционной поэзии... Она была написана как пародия на старую, была такая порнографическая азбука... написана для армейского употребления. Там были такие остроты, которые для салонов не очень годятся, но которые для окопов шли очень хорошо.

Написавши эту книгу, я принес ее перепечатать в Центропечать. Там сидела одна не вычищенная еще машинистка, которая с большой злобой мне сказала: «Лучше я потеряю всякую работу, но эту гадость я перепечатывать не буду». Вот с этого и началось. Дальше никто не хотел эту книжку печатать. Типографии не было. Я нашел одну пустующую типографию тогдашнего Строгановского училища, сам перевел на камень. Рабочих не было, кто бы мог пустить в ход машину. Мне самому приходилось пускать ее в ход. Не было никого, кто бы принял уже напечатанные листы. У меня были приятели, с которыми я это сделал. Нужно было покрасить, нехватало краски, мы от руки три-пять тысяч раскрашивали и дальше весь этот груз на собственной спине разносили. Это была по-настоящему ручная работа в пору самого зловещего окружения Советского Союза». (Выступление в Доме комсомола 25 марта 1930.)

Раскрашенные от руки экземпляры «Азбуки» Маяковский сам отвез в Кремль и раздавал там на проводах курсантов и красноармейцев, направлявшихся на фронт.

Отдельные двустишия «Азбуки» Маяковский в дальнейшем во время работы в Роста помещал в «Окнах сатиры» (см. ниже).

20 октября поступил на службу в Первые Государственные свободные художественные мастерские в качестве лектора (4 часа в неделю).

По какому предмету Маяковский читал лекции и долго ли проработал в мастерских — не выяснено. Дата установлена по копии ведомости на жалованье сотрудникам мастерских. В графе «время поступления» указано — 20 октября, Маяковский получил жалованье за время с 20 октября по 15 ноября 1919 года.

Октябрь — начало работы Маяковского в Российском телеграфном агентстве (РОСТА) над текстами и рисунками для «Окон сатиры».

«Моя работа в Роста началась так. — Я увидел на углу Кузнецкого и Петровки, где теперь Моссельпром, первый вывешенный двухметровый плакат. Немедленно обратился к заву Ростой, тов. Керженцеву, который свел меня с М. М. Черемных, одним из лучших работников этого дела.

Второе окно мы делали вместе. Дальше пришел и Малютин, а потом художники: Лавинский, Левин, Брик, Моор, Нюренберг и др. Графаришники: Шиман, Михайлов и многие еще. Фотограф Никитин.

Первое время над текстом работал тов. Грамен, дальше почти все темы и тексты мои: работали еще над текстом О. Брик, Р. Райт, Вольпин...

Вспоминаю — отдыхов не было. Работали в огромной нетопленной, сводящей морозом (впоследствии — выедающая глаза дымом буржуйки) мастерской Роста.

Придя домой, рисовал опять, а в случае особой срочности клал под голову, ложась спать, полено вместо подушки, с тем расчетом, что на полене особенно не заспишься, и, поспав ровно столько, сколько необходимо, вскочишь работать снова...

От нас требовалась машинная быстрота, — бывало, телеграфное из-

вестие о фронтовой победе через 40 минут — час уже висело по улице красочным плакатом.

«Красочным» — сказано чересчур шикарно; красок почти не было, брали любую, чуть размешивая на слюне. Этого темпа, этой быстроты требовал характер работы, и от этой быстроты вывешивания вестей об опасности или о победе зависело число новых бойцов.

Вне телеграфной, пулеметной быстроты — этой работы быть не могло. Но мы делали еще не только в полную силу и серьезность наших умений, но и революционировали вкус, подымали квалификацию плакатного искусства, искусства агитации». (Предисловие к сборнику «Грозный смех», 1929.)

«Окна сатиры Роста» были задуманы вначале как увеличенные страницы сатирического журнала, вывешиваемые в окнах пустующих магазинов (отсюда возникло и название). Плакат включал несколько тематически самостоятельных рисунков с подписями и отдельных стихотворений. С приходом Маяковского постепенно выработался тип агитационно-направленного «Окна», где все рисунки подчинены одной теме, последовательно раскрываемой в стихотворном тексте (4—6—8—12 рисунков).

Тематика «Окон сатиры» определялась теми общими политическими кампаниями, которые проводила советская власть, и конкретно всеми теми задачами, которые ставили перед печатью и органами агитации и просвещения коммунистическая партия и советское правительство. Коллектив художников Роста получал прямые указания и задания, и в то же время огромное количество тем и заданий возникало в самом процессе работы. «Приходили телеграммы, — рассказывает худ. М. Черемных, — их приносили Маяковскому; он выбирал самые нужные, намечал темы, писал текст, раздавал работу нам. Готовые «Окна» утверждал лично Керженцев (защ. Роста)».

Маяковский работал над текстами и рисунками «Окон сатиры» без перерывов с октября 1919 года до февраля 1922 года. Точное количество сделанной им здесь работы еще полностью не учтено. Вся работа текстовиков и художников Роста была анонимной. Всего Роста и Главполитпросвет (куда перешел весь коллектив художников в начале 1921 г.) выпустил около 1500 плакатов. Можно считать, что по крайней мере для 80% этого количества тексты были написаны Маяковским. Сам же он авторизовал только около 100 текстов (в составленном через десять лет сборнике «Грозный смех»). Около 350—400 плакатов Маяковский нарисовал сам (из них авторизованных почти нет). В первое полное собрание сочинений (1934—1937) вошло около 350 текстов¹.

Нумерация «Окон» в 1919 году велась для каждого магазина, где они выставлялись, отдельно. Этим очень затруднена их хронологизация. Примерно с начала 1920 года началась общая нумерация, дающая возможность если не точно датировать «Окна», то установить последовательность работы над ними.

¹ Количество текстов, которое должно войти во второе издание, начатое в 1939 году, будет увеличено, вероятно, примерно вдвое, но работа по установлению авторства Маяковского в отношении всех сохранившихся в оригиналах и фотографиях «Окон» еще не закончена и требует больших архивных изысканий и скрупулезного стилистического и художественного анализа. Поэтому нам в этой работе пришлось ограничиться упоминанием только тех «Окон», которые вошли в первое Полное собрание сочинений Маяковского (том IV, ч. I, 1937) и в альбом «Грозный смех» (1938) и авторство которых условно можно считать установленным.

В октябре—декабре Маяковским написаны тексты к следующим «Окнам сатиры»: «Рабочий! Глупость беспартийную выкинь!..», «Песня рязанского мужика», «Граждане самых отдаленнейших мест, слушайте широковещательный деникинский манифест!», «Кто что думает», «Октябрьские итоги в романсах», «Два гренадера и один адмирал», «Раки и щуки», «Деникинская территория», «Европейское обозрение», «Баллада об одном короле и тоже об одной блохе (он же Деникин)», «Ларчик просто открывается», «Драма из американской жизни», «Из речи Мартова», «Мухи оппозиции на Съезде Советов», «Открытки», «Объявления», «Новый враг», «Слегка подновленные пословицы», «Раек», «Строители коммуны», «Харьков», «Читайте! Специально для узбеков и киргизов будет эта сказка об одном верблюде», «Первый вывоз», «Второй вывоз», «Третий вывоз», «Четвертый вывоз» и несколько «Новогодних номеров»: «Под кровли хижин и дворцам под арки Роста разносит новогодние подарки...», «Грустное новогоднее раздумье матушки Антанты», «Раз в крещенский вечерок буржуа гадали...», «Драма буржуя», «Два новых года», «Красную Армию, истомленную походом, первую поздравим с новым годом!»

В конце года — ответ на анкету о творчестве Некрасова (предложенную К. Чуковским).

1920

В январе—феврале написаны тексты для «Окон сатиры»: «Буржуям елки Роста под Рождество...», «Пожелание к следующему Рождеству», «Какую елку готовили нам они и какую приготовили им мы», «Расчистка пути», «Неделя фронта — неделя победы», «Зажали империалистические гады Советскую Россию в кольцо блокады», «Из рук красноармейца белым не выйти», «Небылицы в лицах».

В феврале — начале марта закончена поэма «150 000 000».

3 марта — выступление на открытии Дома печати.

«Поэты пролеткультовцы декламировали стихи, с критикой которых затем выступил Маяковский, послуживший застрельщиком для оживленной дискуссии между защитниками футуристов и поэтами-пролеткультовцами». («Вечерние известия», 4 марта 1920.)

Маяковский входил в течение нескольких лет в правление Дома печати и выступал в зале Дома печати в 1920—1930 годах много раз — особенно часто в первые годы (далеко не все его выступления в это время могут быть сейчас учтены. См., напр., в хроникальной заметке о вечерах в Доме печати в журн. «Экран», № 8, ноябрь 1921): «Маяковский — всегдашний, постоянный из вечера в вечер «гвоздь»».

5 марта — выступление на открытии клуба при Всероссийском союзе поэтов.

«В вечер открытия проф. П. С. Коган прочел доклад «О поэзии дореволюционной и революционной». В. Маяковский прочел отрывки из своей новой поэмы-пьесы «Сто пятьдесят миллионов», в которой поэтом описывается борьба революционного пролетариата в лице одного собирательного «Ивана» с мировой буржуазией в лице опять-таки собирательного «Вудро Вильсона». Поэма, технически совершенная, произвела на слушателей огромное впечатление». («Вестник театра», 2—7 марта 1920.)

В марте написаны тексты к «Окнам сатиры»: «Неделя санитарной очистки», «День Парижской коммуны», «Германские события», «Коммунисты, все руки тянутся к вам...», «9-й съезд РКП».

В марте—апреле написаны для опытно-показательной студии Театра сатиры три небольшие пьесы: «А что если? Первомайские грезы в буржуазном кресле», «Пьеска про попов, кои не понимают праздник что такое», «Как кто проводит время, праздники празднуя (на этот счет замечания разные)».

Первая была поставлена в мае. Постановка двух остальных к 1 мая не была осуществлена и встретила ряд препятствий, вплоть до запрещения инспектором Рабоче-крестьянской инспекции. В дело вмешался Нарком просвещения А. Луначарский (см. дальше, 7 июля).

В апреле сдал рукопись поэмы «150 000 000» в Литературный отдел Наркомпроса (для отдельного издания в серии книг, намечавшейся к выпуску ЛИТО. Рукопись была переслана в Госиздат. См. дальше, 31 августа).

Во второй половине апреля в связи с пятидесятилетием В. И. Ленина (23 апреля) написано стихотворение «Владимир Ильич!»

28 апреля — выступление на «ленинском вечере» в Доме печати с чтением стихотворения «Владимир Ильич!»

В апреле написаны тексты для «Окон сатиры»: «Нам бы только вот это воскресить...», «Буржуи могут не нести трудовой повинности...», «Стой, гражданин, Рoste внимания, что надо сделать первого мая?», «1 мая» и текст и рисунок к литографскому плакату «Чем ходить по улицам, мостовые ломая, починим мостовые первого мая» (в связи с первым всероссийским трудовым субботником — 1 мая 1920).

Около 20 мая — выступление на заседании художественного совета Пролеткульта в прениях по докладу Б. Арватова «О коммунистах-футуристах».

В мае написаны тексты для «Окон сатиры»: «Мчит Пилсудский, пыль столбом, звон идет от марша...», «На нас Антанта бронированная перла...», «Братство не задушили военщины года...», «Товарищи, не поддавайтесь панике...», «Не увлекайтесь победами».

Лето (июнь—август) Маяковский жил на даче в Пушкине (под Москвой), продолжая работать в Роста и ежедневно приезжая в город.

В Пушкине в эти месяцы были написаны стихотворения: «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче (Пушкино, Акулова гора, дача Румянцева, 27 верст по Ярославской жел. дор.)», «Отношение к барышне», «Гейнеобразное», «Портсигар в траву ушел на треть...»

В июне написаны тексты для «Окон сатиры»: «Кто не хочет слушать, долой с глаз!», «Красноармейская песня», «Рабочие столицы, крестьяне окраины...», «Когда Киев нами был взят...», «Если ты все лето шела...», «Голодный, на Украине хлеба залежь...», «С винтовкой, но без знания—нет побед...», «Товарищи, не забывайте о Врангеле-бароне!», «Врангель верховным правителем себя объявил...», «Почему меньшевистская братия забастовкам рада?..», «Захотелось в цари пролезть барону...», «Оружие Антанты—деньги...», «Оружие дипломатов Антанты—язычище...», «Шел на Русь, да не ухарь купец...», «Красноармеец, узнай врагов своих...»

7 июля — письмо Наркома просвещения А. Луначарского в Рабоче-крестьянскую инспекцию по поводу запрета, наложенного на постановку первомайских агитпьес Маяковского в студии Театра сатиры (см. март—апрель).

«Я самым решительным образом оспариваю запрет.. Пьесы Маяковского прочел сам, и, если Вы захотите прочесть их, я Вам их пришлю... Маяковский—не первый встречный. Это один из крупнейших русских талантов, имеющий широкий круг поклонников как в среде интеллигентской, так и в среде пролетариев (целый ряд пролетарских поэтов — его ученики и самым очевидным образом ему подражают), это человек, большинство произведений которого переведены на все европейские языки, поэт, которого очень высоко ставят такие отнюдь не футуристы, как Горький и Брюсов. Для Театра сатиры он написал три довольно милых вещицы. Это не перлы художественности, но это очень не дурно сделанные карикатуры в бойком темпе. Но если трагедию «Буфф» ставил Петроградский исполком, то я совершенно не понимаю, почему этих глубоко советских пьесок не может поставить Театр сатиры. Отмечу, что Маяковский в течение полугода служил в Росте, засыпал через ее посредство всю Советскую Россию своими карикатурами и остротами...»

(«Пьеска про попов, кои не понимают праздник что такое» была поставлена в начале 1921 года (см. 29 января), постановка третьей пьесы «Как кто проводит время, праздники празднует» осуществлена не была.)

26 июля в вечерней «Стенной газете Роста» напечатано стихотворение «Третий интернационал» (марш-гимн) — в связи с демонстрацией в честь II конгресса Коминтерна.

В июле написаны тексты для «Окон сатиры»: «II Интернационал картонный домишко...», «Когда разгрызлись страны в империалистической войне...», «У рабочих Европы от яра на шее пена...», «Товарищи, не забывайте о бароне и пане...», «Солдаты самодержавной армии мясниками бывали...», «Без

двух вещей Россия не может обойтись», «Если белогвардейщину не добьем совсем...», «На две раскололся равные части...», «Вот как работает Антанта двуликая». «Лига наций—европейский пожарный...», «Ха-ха-ха-ха-ха! Можно со смеху умориться...», «Нормализованная гайка», «Кто виноват, что снова встретил Врангеля я?..», «Рабочий, не смотри Антанте в рот...»

20 августа — выступление на литературно-художественном вечере, посвященном новейшим течениям русской поэзии (в помещении ЛИТО Наркомпроса).

В августе написано стихотворение-песенка «Всем Титам и Власам РСФСР» (в связи с продовольственной агиткампанией, для передвижных театров).

26 августа участвовал в заседании коллегии Политпросветсектора Наркомпроса (как представитель Роста).

Обсуждался вопрос о проведении продагиткампании.

«Гов. Маяковский сообщает, что Роста совместно с ИЗО заготавливает витрины → плакаты на 14 тем, которые будут рассылаться в провинцию для размножения путем трафарета. Он предлагает устроить передвижной театр с одним актером и передвижными плакатами, декорации должны быть заготовлены на полотнах, чтобы дать возможность одному актеру провести 40—50 действий. Далее он читает свое стихотворение «Всем Титам и Власам РСФСР». Для подобного передвижного театра имеется еще несколько текстов для таких постановок.

Постановили: § 4. Предложить ТЕО (театральному отделу) обратить внимание на предложение т. Маяковского о новой форме театральных постановок и использовать материал, имеющийся у него для таких постановок». (По протоколу.)

31 августа — письмо Литературного отдела Наркомпроса в Госиздат (подписанное зам. заведующего ЛИТО В. Брюсовым) по поводу издания поэмы «150 000 000».

«Коллегия ЛИТО, признав направленную в Государственное издательство рукопись т. Маяковского — «150 миллионов» — имеющей исключительное агитационное значение, просит означенную рукопись издать в самом срочном порядке.

О последующем решении ЛИТО просит срочно поставить его в известность» (см. 20 октября).

В августе написаны тексты для «Окон сатиры»: «Если в красный город белые войдут...», «Хороша коммуна! И сад здоров...», «Если жить вразброд, как махновцы хотят...», «Красноармеец, заруби себе на носу — вот что паны и Врангели народу несут...», «Раньше была война национальная...» «Что делать? Паны идут верховодить тобой», «Капиталисты-буржуи и помещики-бары — два сапога из одной пары...», «Ненавистью древней против городов горели деревни...», «Крестьяне! Вы только должны быть рады...», «Кажется, небольшая вещь камень...», «Товарищ, если ты ешь кусок хлеба...», «Щадите пленных...», «Мы и до войны хотели мириться...». «Если будем голодать — причины вот...», «Если

жить не хочешь зимой в стуже...», «Что делать, чтоб сытому быть?..», «И остатки буржуазии русской!..», «Шляпами панов не забить...». «Остановитесь минуты на три!», «Снятся дурно чудеса...», «История про бублики и про бабу, не признающую республику». (С последним текстом был, кроме того, выпущен литографский плакат.)

Лето — начало осени (?) написан сценарий «На фронт».

Об этой работе Маяковского известно только из его предисловия к сборнику сценариев (1927): «...5-й сценарий «На фронт». Агиткартина, исполненная в кратчайший срок и двинутая в кино, обслуживающее армии, дравшиеся на польском фронте».

2 сентября участвовал в заседании коллегии Политпросветсектора Наркомпроса (как представитель Роста).

Обсуждались вопросы об агитационной работе на Западном фронте, о праздновании дня Октябрьской революции, доклад представителя Роста (Маяковского) об агитационной работе.

«Докладчик сообщает о работе на польском фронте. Идет успешно работа по продовольственной кампании, созданы «Окна сатиры». Докладчик отмечает, что работа могла бы вестись успешнее, если бы не технические затруднения со стороны Государственного издательства. Литературный отдел Роста издал песни, частушки, сценарии». (По протоколу.)

9 сентября участвовал в заседании коллегии Политпросветсектора Наркомпроса (как представитель Роста).

Обсуждались вопросы — о текущей агитационной работе на Западном фронте и о праздничных спектаклях в театрах в дни Октябрьской годовщины.

По первому вопросу «представитель Роста Маяковский предлагает четыре образца плакатов. Постановили: известить Государственное издательство о том, чтобы оно приняло представленные плакаты и изготовило их в количестве 5000 экземпляров, причем три плаката предлагаются как «Окна сатиры», а один в качестве плаката под названием «Последний час».

По второму вопросу «тов. Маяковский предлагает поставить новые пьесы исключительно революционного характера: пьесу Блока «Двенадцать», Каменского «Стенька Разин» и Маяковского «Мистерия-буфф». (По протоколу.)

20 сентября участвовал в заседании коллегии Политпросветсектора Наркомпроса (как представитель Роста).

Обсуждался доклад ТЕО об агитационно-революционных задачах театра.

«Тов. Маяковский предлагает: 1) напечатать имеющиеся революционные пьесы и разослать их по провинции, 2) организовать при ТЕО комиссию для создания новых пьес. |

Постановили: создать комиссию из представителей Политпросветсектора и ТЕО для пересмотра и создания нового революционного репертуара и для празднования дня Октябрьской революции». (Маяковский вошел в число членов комиссии.) (По протоколу.)

Повидимому, на одном из заседаний этой комиссии обсуждался вопрос о постановке к дням Октябрьских празднеств «Мистерии-буфф». См. в речи Маяковского 30 января 1921 года на диспуте: «Надо ли ставить «Мистерию-буфф»?»: «Через год¹ на заседании Политпросвета под-

¹ Т. е. в 1920 г.

бирали репертуар ко дню Октябрьской годовщины, и было предложено поставить «Мистерию-буфф». После обсуждения моя пьеса была признана единственной пьесой, не только революционной, но отчасти и коммунистической».

20 сентября на заседании коллегии Главполитпросвета Маяковский был избран в число членов комиссии по проведению пропагиткампании.

24 сентября участвовал в заседании коллегии Политпросветсектора Наркомпроса (как представитель Роста).

Обсуждался план подготовки празднования дня Октябрьской годовщины.

«Тов. Маяковский вносит в общий план празднества следующие директивы: 1) празднества должны быть агитационного характера, 2) работа должна носить характер постоянный, т. е. чтобы след ее остался надолго, 3) экономия в материале. В частности, при выработке плана надо 1) иметь в виду деревню, 2) придать торжеству праздничный характер, а не утомительный, 3) привлечь массу к участию, вынести все музыкальные инструменты на улицу в этот день, 4) издать отчет о деятельности советской власти.

Далее докладчик сообщает, что намерено сделать Роста: 1) Роста намерено распространять путем радио лозунги, 2) номер Агитпросвета, 3) номер стенной газеты, 4) издать сельский вестник для деревни, 5) устные газеты довести до 100 в провинции, 6) «Окна сагиры», агитационные сатирические игрушки. На фронте бросать с аэропланов литературу. Издать отчет-диаграммы». (По протоколу).

В сентябре написаны тексты для «Окон сатиры»: «Эй, товарищ! Если ты пришел на Сухаревку за рубахой...», «Кто без хлеба, кто без отдыха, кто в лишениях провел лето...», «Крестьяне, помогите себе же!», «Россия — единое советское хозяйство», «Если хлеб у крестьянина есть, как его справедливее съесть?», «Все давайте Советской республике...», «Холод идет...», «В мастерской хохочет глухо, ведьма старая, разруха...», «Серые! К вам орем вниз мы...», «Скрал спекулянт миллион...», «Рабочий, Советская Россия твой дом...», «Если щель в рядах есть...», «Мы на вершину вылезаем...», «Белогвардейщина лезла царями быть...», «Приехали делегаты к буржуам...», «Мы дали панам урок...», «Дело красноармейцев — драться...», «Нас потеснили...»

В сентябре—октябре, по инициативе Н. К. Крупской, клубный отдел Главполитпросвета предложил центральному рабочему клубу Хамовнического района организовать постановку «Мистерии-буфф» силами самих рабочих.

В клубе был устроен вечер, на котором Маяковский прочел пьесу. После чтения была открыта запись желающих участвовать в спектакле. Сначала предполагали осуществить постановку к Октябрьским торжествам, затем решили показать ее 1 мая 1921 года на Девичьем поле, на открытом воздухе. Постановка эта не была осуществлена вследствие тяжелых условий работы в самом клубе (клуб не отапливался) и, может быть, еще потому, что «Мистерия-буфф» в это время была уже включена в репертуар Театра РСФСР Первого.

1 октября — выступление в Доме печати в прениях по докладу А. В. Луначарского «Надежды и задачи предстоящей зимы».

В октябре в журнале «Художественное слово», № 1 («Временник Литературного отдела НКП»), напечатаны пролог и 3-я часть поэмы «150 000 000».

В октябре написано стихотворение «Рассказ про то, как кума о Врангеле толковала без всякого ума».

Есть предположение, что эта вещь предназначалась для плаката с серией рисунков, который задержался печатанием, а потом и вовсе не был выпущен вследствие того, что Врангель в начале ноября был разбит. Впервые это стихотворение появилось в печати в 1922 году в сборнике «Маяковский издевается» с подзаголовком «Старая, но полезная история».

Не позже октября написана «Сказка о дезертире, устроившемся недурненько, и о том, какая участь постигла его самого и семью шкурника» и с 28 рисунками Маяковского через Отдел военной литературы при Революционном военном совете Республики сдана в Госиздат для выпуска массовым тиражом (см. первую половину июля 1921).

20 октября участвовал в совещании художников и писателей, созданном Политуправлением Реввоенсовета Республики по вопросу об усилении агитации на Южном фронте.

20 октября — письмо в коллегия Госиздата (копия в ЛИТО Наркомпроса) о волоките с изданием поэмы «150 000 000».

«...полгода я обиваю пороги и каждый раз слышу стереотипный ответ «завтра будет сдана в печать...»

Товарищи! Если эта книга с вашей точки зрения непонятна и ненужна, верните мне ее. Если она нужна, искорените саботаж, иначе чем объяснить ее непечатание, когда книжная макулатура, издаваемая спекулянтами, умудряется выходить в свет в две недели».

В ответ на это письмо Маяковскому сначала хотели вернуть рукопись, потом сообщили, что книгу решено печатать немедленно. **27 октября** Маяковский взял от члена коллегии Госиздата Вейса «расписку» такого содержания: «В начале ноября (не позже 3—4) книга Маяковского будет сдана в типографию и будет набираться и печататься без всяких задержек». Но и в обещанный срок рукопись не была сдана в печать (см. дальше, 5 ноября).

22 октября в журнале «Вестник театра», № 71, напечатано стихотворение-пьеска «Всем Титам и Власам РСФСР» с режиссерскими указаниями, как использовать эту вещь в передвижных «продагиттеатрах».

Одновременно было напечатано в репертуарном сборнике «Театральная продагитация», вып. I (Госиздат, 1920).

В октябре «Мистерия-буфф» была включена в репертуар Театра РСФСР Первого. Для этой постановки Маяковский переработал и осовременил текст. Начало работы над этим вторым вариантом «Мистерии-буфф» относится, повидимому,

к октябрю, т. е. к тому времени, когда выяснилась реальная возможность постановки.

В октябре — первых числах ноября написаны тексты для «Окон сатиры»: «Все на субботник!», «Товарищ! Голодает зачастую твой защитник...», «Гражданин! У красноармейца, защищающего тебя, рука примерзает к винтовке...», «Врангель прет...», «Парижские газеты пишут...», «Не этот правильно годовщину празднует...», «Праздновать—способы разные, как мы праздник отпразднуем...», «Сегодня у буржуев мира вой...», «Мы третью годовщину встречаем...», «В грозном гуле борьбы третья годовщина...», «Когда победили в России рабочие...», «Не эти правильно Октябрь празднуют...», «Не эти правильно революцию празднуют...», «Паны перемирие заключили...», «Перемирие. Освободившейся рукой за винтовку!...», «Товарищи! Тернист к коммуне путь...», «На помощь Красной Армии!...», «Антанте не надо помогать панам...», «Октябрьская революция открыла дверь...», «С Польшей мир. К миру общему...», «Все на Врангеля! Оружие готовьте. Теплые вещи...», «Забудем солдатчину!...», «Радуется пан...», «С Польшей подписан мир...», «Тамбовская губерния заготовила 15 500 000 яиц...», «Лезет барон, лезет шайка баронова...», «Собственную революцию удушив...», «Не забывайте о тыле, работницы и работники...», «Если на фронт не попал ты...», «Ты не пошел на фронт бить барона?..», «Таково обучение старых школ...» («Красный командир»), «Дал Врангель крестьянам широченный манифест...». «Красный и белый командир», «У Врангеля-буржуя все в распоряжении...», «Врангель фон...», «Всеми силами помогает Врангелю буржуазия...», «Врангель, Врангель, где ты был?..», «Товарищи, смотрите за шептунами!...», «Долой волжкиту! Да здравствует революционная инициатива!», «Рабочий, не увлекайся перемириями...», «Их блок и наш блок», «Каждый, чем может, помогает фронту», «Крестьянин, так встречай Врангеля!», «В Германии «независимых» было два сорта...», «Была у Врангеля добрая тетя...», «Долой мешечников!», «Все еще европейская знать...», «Город и деревня — одной и той же коммуны равные части», «Товарищи! идите так на оборону...», «Товарищи! Почему в Европе до сих пор нет советов, а буржуи у власти?..»

Осенью написан для артиста Вит. Лазаренко текст циркового представления «Чемпионат всемирной классовой борьбы».

Был поставлен во 2-м Государственном цирке и шел в сезоне 1920—1921 года.

5 ноября — второе письмо в коллегия Госиздата («копия ЛИТО и А. В. Луначарскому») по поводу волокиты с изданием поэмы «150 000 000».

Перечислив все хождения в Госиздат со дня первого письма (20 октября), переговоры и обещания, Маяковский писал:

«...Сегодня 5-го я обратился к секретарше: «Печатается?» — «Нет! В полиграфическом отделе, а когда печататься будет — неизвестно, на ней нет «крестика», а вот видите список книг «с крестиками» — эти идут в первую очередь».

Товарищи, может быть, ценою еще полугусдового хождения я бы и мог заработать этот «крестик», но карьера курьера г-на Вейса мне не улыбается.

На написание этой книги мною потрачено 1½ года. Я отказался от наживы путем продажи этой книги частному издателю, я отказался от авторства, пуская ее и без фамилии, и, получив единогласное утверждение ЛИТО, что эта книга исключительна и агитационна, вправе требовать от вас внимательного отношения к книге.

Я не проситель в русской литературе, а скорее ее благотворитель. (Ведь культивированный вами и издаваемый Пролеткульт потееет, переписывая от руки «150 000 000».) И в конце концов мне наплевать, пусть книга появляется не в подлиннике, а плагиатами. Но неужели среди вас никто не понимает, что это безобразие?

Категорически требую — верните книгу. Извиняюсь за резкость тона — вынужденная».

В тот же день, через час,—третье письмо «Дополнительно в коллегиям Госиздата. (Копия ЛИТО и Наркомму Луначарскому)».

В результате этих писем рукопись была сдана в набор в ноябре (вышла в свет в апреле 1921.)

5 ноября — выступление в ЛИТО Наркомпроса на вечере, посвященном трехлетию Октябрьской революции.

6 ноября — выступление на Октябрьском вечере сотрудников Роста с чтением стихотворения «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче» и «Сказки о дезертире, устроившемся недурненько...»

Ноябрь (?) — предложение Маяковскому принять участие в проектируемом театре политической оперетты.

Маяковский согласился написать новый, политически актуальный текст к «Прекрасной Елене» Оффенбаха. Проект этот остался неосуществленным.

22 ноября — выступление на диспуте о постановке «Зорь» Э. Верхарна в Театре РСФСР Первом.

Маяковский выступал на этом диспуте дважды. Второй раз с возражениями А. В. Луначарскому, который выступил с резкой критикой спектакля и, в частности, всего футуристического в нем. Так как во время второго выступления Маяковского Луначарского в зале уже не было, Маяковский написал ему «Открытое письмо» в журнале «Вестник театра» (см. 30 ноября).

26 ноября — выступление в Доме печати на диспуте о драматургии.

«...Волькенштейн сказал, что поэта нельзя принудить. Вы ошибаетесь: поэта нельзя принудить, но сам себя он может принудить»¹.

¹ По стенограмме (Институт мировой литературы им. Горького).

30 ноября в журнале «Вестник театра», № 75, напечатано «Открытое письмо А. В. Луначарскому».

30 ноября — выступление в Политехническом музее в прениях по докладу В. Брюсова «Поэзия и революция».

«Понятие искусства — понятие труда. В литературе материал — слово. Революционное отношение к материалу. Язык развивается с жизнью и иногда отстает от нее. Тогда возникает несоответствие материала поэзии — жизни. Поэзия воспринимается только через современность. Самое революционное содержание не может быть революционным без революционного подхода к слову. Так, в «Мистерии-буфф» наряду с революционной темой ставится специальная задача в области слова: возобновление частушечного языка. Надо революционизировать язык». (По записи А. Февральского.)

В ноябре написаны тексты для «Окон сатиры»: «Близкий конец распутной дамы», «Врангель добит...», «Антанта признавала то ту, то эту власть...», «Офицер! Смотри на эту саблю...», «Крестьянин! К горлу твоему снова тянулась генеральская рука...», «Не увлекайся победой...», «Сломали красноармейцы шею барону. Новые враги: товарищи, на оборону!», «Врангель разбит. Крым отнят штыками красных рот...», «Антанта признавала Юденича...», «Что такое электровоз?»

Около 2 декабря выехал в Петроград.

4 декабря — выступление в Петрограде в Доме искусств с чтением поэмы «150 000 000».

В первых числах декабря прочитал для фонографической записи в Институте живого слова (Петроград) стихотворения: «Необычайное приключение...», «Военно-морская любовь», «Послушайте», «Гимн судьбе», «Отношение к барышне», «А вы могли бы?», «Наш марш».

8 декабря в альбоме К. Чуковского «Чукоккала» нарисовал шуточное «Окно сатиры Чукроста» (по поводу прочитанной Чуковским в петроградском Доме искусств лекции об Ахматовой и Маяковском).

Около 10 декабря—письмо к К. Чуковскому (о стихотворении «Гимн критику». Сборник «Маяковский», 1940, стр. 35).

11 декабря вернулся в Москву.

12 декабря — выступление в Политехническом музее с чтением поэмы «150 000 000».

Афиша: «150 000 000». I. Митинг людей, зверей, паровозов, фонарей и пр. II. Город на одном вичте, весь электро-динамо-механич. III. Вильсон и Иван. IV. Вторая Троя. V. Может быть, Октябрьской революции сотая годовщина. Может быть, просто изумительное настроение».

15 декабря—выступление на «Центральной арене Пролеткульта» на диспуте о пролетарском творчестве и футуристах.

18 декабря — письмо Литературно-издательского отдела Главполитпути НКПС Маяковскому с просьбой предоставить для печати два одобренных отделом плаката «Да здравствует революционная инициатива» и «Все на помощь Донбассу».

19 декабря — выступление в Политехническом музее на диспуте «Поэзия — обрабатывающая промышленность». Докладчик Маяковский, оппонент А. Луначарский.

Тезисы доклада (по афише): 1. «Деятель искусства» — сословие, подлежащее упразднению. 2. Искусство или промышленность? 3. Против всех течений. 4. Теория обработки слова. 5. Практика обработки слова. 6. Ложь о футуризме. 7. Правда футуризма».

В декабре закончена вторая редакция «Мистерии-буфф».

29 декабря — выступление с чтением второй редакции «Мистерии-буфф» коллективу Театра РСФСР Первого.

Пьеса принята к постановке. 5 января 1921 года начались репетиции. На репетициях Маяковский работал с актерами над текстом.

В декабре написаны тексты для «Окон сатиры»: ряд «Окон» к кампании «Все на помощь Донбассу», «Тебе светло?..», «Крестьянин, смотри, чтоб тебе подвезти всяческой стали...», «Крестьянин, долой мешечников!», «Эй, товарищ, железно-дорожник и водник!..», «Нападали белогвардейцы на Донецкий бассейн...», «Из Крыма с Врангелем буржуи удрали...», «Донецкий шахтер голодает...», «Врангеля мы добились...», «Гордо Антанта лезла...», «Америка от нас концессии получает...», «Надежды Антанты», «Франция задумалась...», и ряд «Окон» — в связи с VIII съездом Советов: «На мирный труд перейти думалось съезду седьмому...», «Власть канцелярии» — вот слова «бюрократия» перевод...», «Радуются, смеются буржуи...», «Что делать, чтобы Всероссийский съезд советов...», «Смотри, каменщик...», «Рабочий при капитализме работал из-под палки...», «Со страхом и трепетом открывали газету...», «Динь, динь, дон...», «Капитал в агонии...», «Мы добились русских белогвардейцев...», «Насыть красноармейца!..», «Товарищ, сегодня ты в казарму не забудь пойти!»

1921

В начале года вышел сборник «Лирень» со стихотворениями Маяковского «Необычайное приключение...», «Отношение к барышне» и «Гейнеобразное».

В начале года — выступление в Доме печати с чтением поэмы «150 000 000».

3 января — выступление в Театре РСФСР Первом на диспуте «Художник в театре».

«Взятие Зимнего дворца «Лесом» Островского не разыграешь! Это химера! Октябрь (в искусстве) наступил не потому, что дана пьеса, где художник идейно развернул себя. Нет! Весь тот вулкан и взрыв, который принесла с собой Октябрьская революция, требует новых форм и в искусстве. Каждую минуту нашей агитации нам приходится говорить: где же художественные формы? Мы видим лозунги, по которым все 150 миллионов населения России должны двинуться на электрификацию. И нам

нужен порыв к труду не за страх, а во имя грядущего будущего... Да здравствует Октябрь в искусстве...»

19 января — выступление в Доме печати с чтением второй редакции «Мистерии-буфф».

22 января — выступление с чтением «Мистерии-буфф» в кинотеатре «Вулкан».

24 января — выступление в Доме печати с докладом «Производственная пропаганда и искусство».

29 января — премьера «Пьески про попов, кои не понимают праздник что такое» в Театре революционной сатиры.

30 января — выступление на диспуте «Надо ли ставить «Мистерию-буфф» в Театре РСФСР Первом с чтением пьесы, вступительным и заключительным словом.

Устройство диспута вызвано было борьбой вокруг «Мистерии-буфф», которая продолжалась и в процессе постановки.

В вступительном слове Маяковский, рассказав историю постановок пьесы, сказал:

«Не имея времени и возможности всем и каждому доказывать и объяснять, что это за пьеса и какая она, я предпринял объезд районов, где я читал рабочим мою пьесу. При голосовании в аудитории Рогожско-Симоновского района против пьесы подняли руки 5 человек, а за пьесу — все остальные, то есть около 640 человек рабочих и красноармейцев¹. Но этих товарищей недостаточно, и если сегодня мы вызвали сюда представителей всей Москвы, РКП, Рабкрина, Всерабиса и прочих организаций, если мы сегодня найдем эту пьесу заслуживающей внимания, то я льщу себя надеждой, что уже более не выступит какой-нибудь Всро-бейчиков от имени пролетариата и не будет требовать снятия пьесы с репертуара.

Так приступим же к чтению пьесы, которая в зависимости от новых, нарастающих обстоятельств будет все время переделываться». («Вестник театра», № 83—84, 1921.)

«Я читал «Мистерию» с подъемом, с которым обязан читать тот, кому надо не только разогреть аудиторию, но и разогреть самому, чтоб не замерзнуть.

Дошло.

Под конец чтения один из присутствующих работников Моссовета (почему-то он сидел со скрипкой) заиграл «Интернационал», и замерзший театр пел без всякого праздника.

Результат «закрытия» был самый неожиданный — собрание приняло резолюцию, требующую постановки «Мистерии» в Большом театре. Словом — репетиции продолжались». («Только не воспоминания».)

(Резолюция присутствовавших на диспуте, среди которых было 87 коммунистов, гласила: «Мы, собравшиеся 30 января в Театре РСФСР Первом, прослушав талантливую и истинно пролетарскую пьесу Вл. Маяковского «Мистерия-буфф» и обсудив ее достоинства как агитационного и революционного произведения, требуем настоятельно постановки ее во всех театрах Республики и напечатания ее в возможно большем количестве экземпляров». («Вестник театра», № 83—84, 1921.)

В январе написаны тексты для «Окон сатиры»: «Мы подбили капиталу одну щеку...», «Политике сам научился и других научил рабочий народ...», «Мы зажгли над миром истину»

¹ Повидимому, на чтении пьесы в кинотеатре «Вулкан» 22 января.

эту...», «Хозяйство, России подымается...», «Кому свет — кому горе», «Долой прогулы!», «Пусть с поражением Врангеля притихла Антанта...», «8-й Съезд советов установил орден трудового знамени», «Мыловарение и электрификация», «Все мы знаем, что народному хозяйству электрификация даст...», «Мы власть советов упрочили...», «Заносы не дают железным дорогам жить...», «Враг последний готов...», «По 17 декабря в Донецкий бассейн отправлено», «Белогвардейские заграничные газеты пишут...», «Все, что может, дает коммуна шахтеру...», «Делайте лопаты».

20 февраля — письмо правления клуба при Спасских казармах Маяковскому.

«Коллектив гарнизонного рабоче-крестьянского клуба при Спасских казармах обращается к вам, как пролетарскому поэту и коммунисту, с просьбой прочесть в театре клуба вашу высокоревOLUTIONную пьесу «Мистерия-буфф» для постановки на сцене красноармейского театра».

(Дата выступления Маяковского неизвестна.)

25 февраля — посещение В. И. Лениным коммуны студентов Высших художественно-технических мастерских.

«...Ильич смотрел на молодежь, на сияющие лица обступивших его молодых художников и художниц — их радость отражалась и у него на лице. Они показывали ему свои наивные рисунки, объясняли их смысл, засыпали его вопросами. А он смеялся, уклонялся от ответов, на вопросы отвечал вопросами: «Что вы читаете? Пушкина читаете?» — «О нет, — выпалил кто-то, — он был ведь буржуй. Мы — Маяковского». Ильич улыбнулся. «По-моему, Пушкин лучше». После этого Ильич немного подобрел к Маяковскому. При этом имени ему вспомнилась вхутемасовская молодежь, полная жизни и радости, готовая умереть за советскую власть... Позже Ильич похвалил однажды Маяковского за стихи, высмеивающие советский бюрократизм». (Н. К. Крупская. «Воспоминания о Ленине». Говоря, что В. И. Ленин «подобрел» к Маяковскому, Н. К. Крупская имеет в виду не понравившееся Ленину стихотворение «Наш марш», которое он слышал в исполнении артистки Гзовской на одном из вечеров для красноармейцев в Кремле. Стихи о бюрократизме, которые похвалил Ленин, — «Прозаседавшиеся». (См. 6 марта 1922.)

В феврале вошел в состав членов совета 1 самодеятельного театра Красной Армии.

Маяковский предложил инсценировать для постановки поэму «150 000 000».

В феврале сделал для ЦК союза железнодорожников текст агитплаката: «Чтобы не были брюха порожненьки, берегите дрова, железнодорожники». Сделал для Всероссийского бюро производпропаганды ВЦСПС текст агитплаката: «Делайте предложения» (вариант «Окна сатиры»). (Оба плаката вышли в сентябре.)

В феврале написаны тексты для «Окон сатиры»¹: «Россия

¹ В начале февраля Роста прекратило выпуск «Окон сатиры», и производство «Окон» вместе со всем аппаратом перешло в Главполитпросвет Наркомпроса. Нумерация «Окон» Роста прекратилась на девятисотых номерах и была начата Главполитпросветом с начала.

была союзница французов...», «Каждый прогул — радость врагу...», «Хочешь? — Вступи», «Победа в труде», «Поляки к дядюшке американскому едут...», «В Европе кризис», «Америка и Япония лихорадочно готовятся к войне», «Думай об Армии», «Россия — страна земледельческая...», «Всего с начала кампании заготовлено», «Красная и черная», «За истекший декабрь добыча по Подмосковному бассейну составила...», «Кто герой?..», «На войне опасность всегда есть...», «За 1919 год было добыто в Подмосковном районе...», «Красноармеец! Если ты демобилизован...», «Образец!», «Забивай, забойщик...», «Из Московского района было в 1919 году вывезено...», «В связи с острым недостатком топлива прекращено движение на следующих линиях», «Как восстановить хозяйство?..», «Без соли хлеб плох...», «Горняк! Всей России нужны», «Донбассу отправлено нижеследующее техническое имущество», «Товарищи, смотрите, чтоб проводов не рвали...», ряд «Окон» в связи с «Неделей профдвижения»: «Не только для того, чтоб тебя накормить...», «Чтоб нас не заела разруха...», «Профсоюзы — производства рычаг...», «Мало толку в профсоюзе, если он только билеты в театр достает...», «Должны быть чисты ряды наших союзов трудовых...», «Если сеть профсоюзов крепим мы...», «Товарищи, идите на зов профнедели...», «Если мы и объединимся, а что делать — знать не будем...», «Если профсоюз оторвется...», «Лишь власть советов — рабочая власть...», «Мы не организованы, а надо взвить над фабриками дымы...», ряд «Окон» в связи с посевной кампанией: «План советской властью дан...», «Эх, найду участие в ком?..», «Поднял раз крестьянин вой...», «Весь провел советский план...», «Эй, крестьянин, помни ты...», «Было с белым много дел...», «Помните, отпускные красноармейцы...», «Отпускные красноармейцы, внимание!», «Эй, отпускной красноармеец, стой-ка!..», «Если надо уезжать, не толпитесь стадом...», «Спорт — наш отдых», «Мы голодаем...», «Товарищи! Если поверим меньшевичкам-шептунам...», «Совет труда и обороны сделал ассигнование миллионное...», «Меньшевики рабочим обещают это», «Разрушили большевики меньшевистский уют...»

В феврале — марте сделаны по заказу отдела производственной пропаганды ЦК горнорабочих тексты и рисунки для двух плакатов: «Крестьянин не рад ни земле, ни воле, если к хлебу не имеется соли», «Смотри! Эй, шахтер, приска-тель...»

24 марта в газете «Горняк» напечатаны подписи под рисунками — «Два съезда горняков» и «Все в ряды ударных групп».

В марте послал рукопись поэмы «150 000 000» в редакцию журнала «Творчество» (Владивосток).

Связь журнала «Творчество» с Маяковским была установлена еще в конце 1920 года. В «Творчестве» сотрудничали Н. Асеев и Д. Бурлюк, в первых шести номерах журнала (1920) было несколько статей о Маяковском и перепечатаны большие отрывки из «Облака в штанах» и «Войны и мира».

В начале апреля, как сообщалось в хронике, № 7 (июнь 1921), «Мы получили от поэта письмо... и рукопись последней — еще не отпечатанной поэмы Маяковского — для напечатания»¹.

Несколько позже — «второй посылкой из Москвы» редакция получила от Маяковского второй вариант «Мистерии-буфф», (см. № 7, стр. 136, 137).

Редакция «Творчества» собиралась выпустить обе эти вещи отдельными изданиями (см. об этом объявления в том же № 7). Поэма «150 000 000» должна была выйти «со статьей Н. Чужака о народности произведения с классовой точки зрения». Издания не были осуществлены, повидимому, потому, что и поэма и «Мистерия-буфф» вышли к тому времени в Москве.¹

В последних числах марта ТЕО Главполитпросвета направило рукопись 2-й редакции «Мистерии-буфф» в Госиздат с просьбой о выпуске отдельным изданием.

Госиздат отклонил издание книги, мотивируя «отсутствием бумаги» (см. дальше, 5 апреля).

В марте написаны тексты для «Окон сатиры»: «Подходи, товарищ, смотри лучше,— вот чему кронштадтские события учат», «Ремонтируй сельскохозяйственный инвентарь — получишь хлеб!», «Чтобы нас от голода по кладбищам не разметало...», «Вместо разверстки—налог», «А вот, а вот, подходи народ! Ты не знаешь о взаимопомощи декрета?...», «Сдай налог...».

5 апреля — письмо в комиссию ЦК ВКП(б) по обследованию газетного и издательского дела о бюрократизме в Госиздате.

10 апреля в газете «Горняк» напечатано стихотворение

¹ Письмо не сохранилось. В № 7 «Творчества» напечатан «Рассказ курсанта», посетившего Маяковского в Росте и привезшего от него это письмо и рукопись. «...Он что-то рисовал, окруженный несколькими товарищами; мой приход оторвал его от работы. Наш разговор продолжался около получаса; из них больше половины Маяковский расспрашивал меня о сибирском житье-бытье... Маяковского радовало присутствие на Дальнем Востоке товарищей, вдали от центра культурной жизни защищающих и стойко проводящих культуру... Набросав письмо и передав мне некоторые материалы, Маяковский дружески попрощался со мной. Перед самым окончанием нашего разговора к Маяковскому подошел какой-то молодой человек и попросил что-то нарисовать. На поданных нескольких листах бумага Маяковский быстро набросал оригинальный рисунок... У меня осталось волнующее впечатление; если я сравнил его с сильным физически спартанцем, то это также и сильный мыслью спартанец...»

«Сказка для шахтера-друга про шахтерки, чуни и каменный уголь» и подписи под рисунками: «Эй, шахтер, в опасности трудовая республика твоя».

16 апреля в газете «Горняк» напечатаны рисунки Маяковского с подписью: «Лишь за соль муку дадут».

В апреле при ближайшем участии Маяковского вышел № 1 журнала «Бов» (Боевой отряд весельчаков) с обложкой Маяковского. В журнале напечатаны стихотворения: «О дряни», «Последняя страничка гражданской войны», «Сказка для шахтера-друга про шахтерки, чуни и каменный уголь» (с рисунками Маяковского), подписи под рисунками: «Про то, как за немцами, на денешки Антанты, отечественные двинулись, для удушения наняты», «Три белогардейщины», «Мильеран», «Клемансо», «Ллойд-Джордж», лозунги для «Бова» и рисунки Маяковского с подписями: «Раньше и теперь».

В конце апреля вышла без фамилии автора поэма «150 000 000» (Госиздат).

30 апреля — чтение 2-й редакции «Мистерии-буфф» комиссии МК ВКП(б).

В апреле написаны тексты для «Окон сатиры»: «Эй, рабочий! 7 марта подписан важнейший декрет», «Чтоб с голодом справиться и с разрухой душой...», «Если вы не знаете об урегулировании оплаты декрета...», «Эй, товарищи! Чтоб ему не на кого было опираться...», «Эй, товарищи, за труд! Мы в работе ловки», «День в маевочку мою ясен словно золото».

В апреле — мае написаны по заданию Главполитпросвета тексты к четырем агитплакатам о новой экономической политике: «Эй, крестьянин, если ты не знаешь о налоге декрета...», «Декрет о натуральном налоге на хлеб, картофель и масличные семена», «Декрет о натуральном налоге на яйца», «Трудовая взаимопомощь инвентарем». (Вышли в августе — ноябре.)

1 мая в газете «Горняк» напечатаны рисунки Маяковского с подписями: «Эй, уралец, без помощи твоего рудника...»

1 мая — премьера «Мистерии-буфф» (второй редакции) в Театре РСФСР Первом.

В начале мая был на вечере Александра Блока¹.

¹ Блок выступал в Политехническом музее, Доме печати, Итальянской студии и Союзе писателей. На каком из этих вечеров был Маяковский — неизвестно. В статье «Умер Александр Блок» (август 1921) Маяковский писал: «Я слушал его в мае этого года в Москве: в полупустом зале, молчащем кладбище, он тихо и прустно читал старые строки о цыганском пении, о любви, о прекрасной даме...»

В середине мая — второе предложение Маяковского Госиздату издать «Мистерию-буфф».

22 мая — выступление на диспуте о «Мистерии-буфф» в клубе Союза поэтов.

В мае написаны тексты и сделаны рисунки для «Окон сатиры»: «Декрет о свободном обмене», «Издан декрет о натурпремии», «Смотри, рабочий. Вот о чем сегодня речь».

Лето (июнь—август) Маяковский жил на даче в Пушкине (под Москвой), продолжая работать в Главполитпросвете (над «Окнами сатиры») и ежедневно приезжая в город.

6 июня — выступление в Доме печати на диспуте о «Мистерии-буфф».

В конце мая — начале июня был еще диспут о «Мистерии-буфф» в клубе 2 театра МОНО (б. Незлобина), но выступал ли на нем Маяковский — неизвестно.

15 июня вышла вторая редакция «Мистерии-буфф» в издании «Вестника театра» (в виде приложения к № 91—92 журнала).

В конце июня — три спектакля «Мистерии-буфф» на немецком языке в 1 Государственном цирке в честь делегатов III конгресса Коминтерна.

Для этой постановки Маяковский написал специальные пролог и эпилог, обращенные к представителям международного пролетариата, и сценку во II действии, в которой соглашатель пытается навязать рабочим сперва 2-й, затем 2½, и, наконец, 2¾ Интернационалы. Перевод пьесы, по предложению Маяковского, был сделан Ритой Райт. Маяковский принимал участие в постановке и репетициях.

В июне написаны тексты для «Окон сатиры»: «Товарищи! У нас газет мало...», «Трудно достать теперь газету...», «Что делать, чтобы не умереть от холеры?», «Совет труда и обороны издал декрет — отныне езды на паровозах нет...», «Близится сушь. Пожары растут...», «Гражданин! Хочешь чтоб у тебя украли кошелек?...», «Берегись сырой воды», «Прилезли из-за границы меньшевик и эс-эр...», «Чтоб к партии рабочих буржуи не подходили близко...», «Мы окружены врагами, мы голодаем...», «Рабочий, читай постановление ЦО от 15 июня 1921 года», «Коммунисты—руководители политики», «Радостью загоритесь, рабочих лица...»

1 июля — выступление в Театре РСФСР Первом после пятидесятого спектакля «Мистерии-буфф».

Работниками театра Маяковский был избран «героем труда».

В первой половине июля вышла «Сказка о дезертире, устроившемся недуренько, и о том, какая участь постигла

его самого и семью шкурника» с рисунками Маяковского. (Госиздат, тираж 200 000.)

Эта «Сказка», написанная Маяковским не позже октября 1920 года и предназначенная для агитации в действующих армиях, вследствие неоперативной работы Госиздата вышла через несколько месяцев после окончания гражданской войны. (Об этом тогда же была заметка в «Известиях», см. 14 июля 1921: «Развал Госиздата»).

В июле написаны тексты для «Окон сатиры»: «Для возрождения экономической мощи страны...», «При свободной торговле особенно смотреть надо...», «В России голод...», «Эй, граждане, берегите воду», «Эй, товарищи, подходите и гляньте!», «Эй, товарищ! Ты знаешь это вот...»

10 августа в газете «Агит-Роста» напечатана статья «Умер Александр Блок» (в связи со смертью Блока 7 августа)¹.

«Творчество Александра Блока — целая поэтическая эпоха недавнего прошлого.

Славнейший мастер-символист, Блок оказал огромное влияние на всю современную поэзию. Некоторые до сих пор не могут вырваться из его обаяющих строк, — взяв какое-нибудь блоковское слово, развивают его на целые страницы, строя на нем все свое поэтическое богатство. Другие преодолели его романтику раннего периода, объявили ей поэтическую войну и, очистив души от сблосков символизма, прорывают фундаменты новых ритмов, промоздят камни новых образов, скрепляют строки новыми рифмами — кладут героический труд, созидющий поэзию будущего. Но и тем и другим одинаково любовно памятен Блок...»

16 августа в газете «Агит-Роста» напечатано стихотворение «Неразбериха» под заглавием «Наш быт № 1».

Около 20 августа — письмо к Н. Н. Асееву в Читу.

«Громовый привет и широкое футуристическое мерси за агитацию нашего искусства и за восславление моей скромной фигуры в частности.

...Вы просите песен, их нет у меня...

Полтора года я не брал в рот рифм (пера в руки, как Вам известно, я не брал никогда). Сейчас только чувствую себя крайне удрученным — так как нужно во Всероссийскую газету сдать стихи о голоде. Если с этого что-нибудь поэтическое выйдет, то конечно будет идти в Д. В. Р.

...Хочу приехать в Читу... Шлю стишенок «Наш быт». Можно бы пожалуй напечатать. Отпечатан только в Агитросте, распространение малое».

Одновременно — письмо к Н. Ф. Чужаку в Читу².

¹ Газета «Агит-Роста» печатала материалы для местных газет. Известно о перепечатках этой статьи в газетах «Красный Алтай», № 187, 1921, и «Новый мир», Берлин, 24 августа 1921.

² Н. Чужак был в 1920—1921 гг. редактором газеты «Дальневосточный телеграф» и журнала «Творчество» (Владивосток, Чита). Это письмо Маяковского было процитировано им в статье «О дегте, о воротах и о прочем». («Дальневосточный телеграф», № 56, 1921.) Местонахождение оригинала письма не известно.

«На Ваш шутливый запрос о том, «как живет и работает Маяковский», отвечаю. Здесь приходится так грызться, что щеки летают в воздухе... Для иллюстрации шлю копию моего заявления в М.Г.С.П.С. о Госиздате. 25 числа будет дисциплинарный суд... Не считайте изложенное в заявлении за исключение: таких случаев тыщи. Со «150 000 000» было так же, если не хуже. Месяцев 9—10 я обивал пороги и головы. Уже по отпечатанию была какая-то «ревизия» и «выемка»: кто, мол, смеет печатать такую дрянь, когда на Немировича-Данченко бумаги нехватает! «Ну, батенька, и подвели же вы нас!» — а потом утешил, сказав, что «повидимому с вами ничего не будет». Но это все мелочи. Главное — мы побеждаем. Сторонники растут. Все, выступающее против нас, настолько мелко и глупо, что всякий «коммерчески» не заинтересованный в нашем уничтожении, переходит к нам...»

22 августа — выступление в Доме печати на диспуте о перспективах театрального сезона.

25 августа дисциплинарный товарищеский суд при Губернском отделе труда и МГСПС разбирает дело о неуплате Госиздатом Маяковскому гонорара за «Мистерию-буфф».

Суд постановил немедленно уплатить гонорар. Госиздат обжаловал этот приговор, 8 сентября дело было рассмотрено вторично и передано на разрешение Наркомтруда.

«После двух судов.. это наконец разрешилось в Наркомтруде, и я вез домой муку, крупу и сахар — эквивалент «строк». (Маяковский «Только не воспоминания».)

29 августа в однодневной газете «На помощь», изданной «Известиями» в помощь голодающим Поволжья, напечатано стихотворение «Два не совсем обычных случая».

В августе вышли из печати агитплакаты с текстами Маяковского «Трудовая взаимопомощь инвентарем», «Эй, крестьянин, если ты не знаешь о налоге декрета...» (постановление ВЦИК о замене разверстки налогом) и «Декрет о натуральном налоге на хлеб, картофель и масличные семена». (Главполитпросвет, Госиздат.)

В августе написаны тексты для «Окон сатиры»: «Эй, товарищ, чтоб справиться с этим годом...», «Что делать, чтоб не заболеть холерой?..», «Помогите цынготным детям». «Нечеловеческой силы требовала война», «Рабочий, ты читал СНК наказ?..», «Крестьянин, эй! То, что делаешь, делай скорей...», «Эй, товарищ, не медли долго!..», «Смотрите и слушайте! Сегодня речь о том, что республику надо беречь», «Имеет ли значение наша внешняя торговля или это нуль?..»

14 сентября — выступление в Политехническом музее на вечере А. Крученых.

19 сентября — выступление в Политехническом музее — «Дювлам» («Двенадцатилетний юбилей Владимира Маяковского»).

«Программа юбилейного вечера состояла из следующих трех отделений: 1) образцы творчества за 12 лет, 2) желающие присутствующие приветствуют Маяковского, 3) Маяковский приветствует присутствующих». («Новый путь», Рига, 28 сентября 1921.)

«Наиболее интересная часть вечера состояла в рассказе автора об эволюции своего творчества и сопровождалась его чтением собственных произведений, кончая «Необыкновенным приключением с Владимиром Маяковским». («Жизнь искусства», П., 1 ноября 1921.)

«Аудитория Политехнического музея была битком набита публикой. Вечер начался выступлением самого поэта, рассказавшего биографию своего поэтического творчества. Останавливаясь на этапах развития своего творчества, Влад. Маяковский читал характерные для каждого периода произведения. Затем начались приветствия. Первым приветствовал известного поэта представитель левого течения Пролеткульта. За ним приветствовали представители: от Государственных художественных мастерских, от Московского лингвистического кружка, от Первого театра РСФСР, от группы украинцев, персов и проч. Были приветствия и от отдельных лиц. Отвечая на приветствия, Вл. Маяковский отметил особую ценность приветствия Московского лингвистического кружка где, по его мнению, собрались «пенки» ученой молодежи, в руках которой будущее русской филологической науки. Вечер прошел очень оживленно». («Новый путь», Рига, 1 октября 1921.)

В сентябре вышли из печати агитплакаты с текстами Маяковского: «Делайте предложения» и «Чтобы не были брюха порожненьки, берегите дрова, железнодорожники». (Госиздат.)

В сентябре сделано для Губрабиса «Окно сатиры» (текст и рисунки): «Песня про гостей из французских областей».

Написаны тексты для «Окон сатиры»: «Прекрасная Елена», «Сказка для мужика про историю странную с помощью французскою с баночкой иностранною», «Вот по борьбе с голодом отчет...», «Сказка про белого бычка», «В РСФСР с деньгами туго...», «Радуются ли империалисты победители?», «Весь год должен быть сплошной неделей помощи голодающим», «Песня про гостей из французских областей».

Октябрь—начало работы над поэмой «V Интернационал».

Над поэмой «V Интернационал», которая до этого, окончательно, имела еще несколько вариантов заглавий — «IV Интернационал», «Тридцатый Интернационал», Маяковский работал в конце 1921 года — первой половине 1922 года. В автобиографии об этой вещи Маяковский писал (в главке «22-й год»): «Начал записывать работанный третий год 5 интернационал. Утопия. Будет показано искусство через 500 лет».

О замысле поэмы, восходящем, как указывает сам Маяковский, к 1920 году, есть интересные воспоминания Р. Якобсона: «Весной 1920 года я вернулся в закупоренную блокадой Москву. Привез новые европейские книги, сведения о научной работе Запада. Маяковский заставил меня повторить несколько раз мой сбивчивый рассказ об общей теории относительности и о ширившейся вокруг нее в то время дискуссии. Освобождение энергии, проблематика времени, вопрос о том, не является ли скорость, обгоняющая световой луч, обратным движением во времени,—

все это захватывало Маяковского. Я редко видел его таким внимательным и увлеченным. «А ты не думаешь, — спросил он вдруг, — что так будет завоевано бессмертие?» Я посмотрел изумленно, пробормотал нечто недоверчивое. Тогда с гипнотизирующим упорством, наверное, знакомым всем, кто ближе знал Маяковского, он задвигал скулами: «А я совершенно убежден, что смерти не будет. Будут воскрешать мертвых. Я найду физика, который мне по пунктам растолкует книгу Эйнштейна. Ведь не может быть, чтобы я так и не понял. Я этому физику академический жак платить буду». Для меня в эту минуту открылся совершенно другой Маяковский: требование победы над смертью владело им. Вскоре он рассказал, что готовит поэму «Четвертый Интернационал» (потом она была переименована в «Пятый») и что там обо всем этом будет... Маяковский в то время носился с проектом послать Эйнштейну приватное радио: Науке будущего от искусства будущего».

В конце 1921 — январе 1922 года Маяковский закончил пролог к поэме и напечатал его отдельно в «Красной нови» (кн. 3, 1922) под заглавием «IV Интернационал». Затем он, видимо, этот пролог отбросил и начал писать поэму заново. В 1922 году (до сентября) были написаны две части из задуманных восьми (напечатаны в «Известиях» 10 и 23 сентября). Поэма осталась незавершенной. В записных книжках, кроме напечатанных кусков, сохранилось несколько отрывочных набросков.

10 октября — выступление в Доме печати на диспуте о Театре РСФСР Первом.

27 октября в газете «Новый мир» (Берлин) напечатан очерк—интервью московского корреспондента газеты: «У Маяковского».

«Только что пил чай у Маяковского. Чай пили без сахара. Без блюдец. Без... ничего. Маяковский и Брик «чистили» какого-то молодого поэта, только что приехавшего из провинции. Молодой этот поэт не признает футуризма, поклоняется импрессионистам, считает Брюсова своим учителем, считает Блока «почти гением». Маяковский горячо, зычным, трубным каким-то голосом доказывал, что Брюсов—бездарность, а Блок—талантливый, но «никчемный» поэт.

Маяковский оказался именно таким, каким я его себе представлял. Опробного роста, широкоплечий богатырь, а голос — труба иерихонская И в то же время он ловок, подвижен, даже — представьте себе! — элегантен. А могучий голос его гибок и даже — представьте себе! — музыкален. Он прочел нам отрывок из своей поэмы «Сто пятьдесят миллионов». Я никогда в жизни не слышал такого яркого художественного чтения...»

27 октября — выступление в Доме печати.

«В беседе после доклада энергично возражал докладчику Маяковский... указавший на ряд положительных и ярких, по его мнению, явлений настоящего дня в искусстве, к которым оратор причислил прежде всего творчество поэтов Пастернака, Асеева и др., работы художественной молодежи в области живописи, опыты нахождения новых форм сценического искусства в области театра». («Экран», № 7, 1921.)

В октябре вышел из печати агитплакат с текстом Маяковского: «Декрет о натуральном налоге на яйца». (Госиздат.)

Написаны тексты для «Окон сатиры»: «Кружатся и рыщут, ища упавших, волки да вороны...», «Да здравствуют недели помощи по всей республике!», «Набросилось на Русь

оголтелое пановье...», «Вот что для голодающих прислали из-за границы...», «Да здравствует 4-я годовщина!»

2 ноября — письмо к Л. Ю. Брик.

«... Приехал из Владивостока скульптор Жуков, привез сборник статей Чужака¹ (большинство старые) и газету «Д. В. Телеграф». Прислал Чужак гонорар мне за посланные материалы. Сегодня Жуков у нас обедает.

Как будто есть и у меня крохотная новостиска. Вчера приходил человек (из Харьковского Губполитпросвета) и хочет взять меня в Харьков на 3 вечера. Если сегодня он не раздумает, я на будущей неделе в четверг или в пятницу уеду дней на 8—10 в Харьков. Отдохну и напишу. Работы сейчас фантастическое количество и очень трудная...»

10 ноября — выступление в Доме печати на диспуте о Большом театре.

14 ноября — выступление в Доме печати на диспуте: «Почему молчат писатели?»

«В. Маяковский возражал как докладчику (В. Полонскому), так и Андрею Соболю. Никакого оскудения литературы, заявил он, никакого ее понижения нет. Наоборот, в настоящее время новая литература все крепнет и крепнет. Теперь, как никогда раньше, в довоенное и дореволюционное время, замечается полный расцвет поэзии, влачившей раньше жалкое существование. Новой русской литературе необходим новый язык и выработка его, выработка новых форм слова может производиться лучше и легче всего только поэзией. Вот почему сейчас наблюдается расцвет именно поэзии, а не прозы. Как на образцы этой новой поэзии, великолепно чувствующей современность, тов. Маяковский указывает на произведения Асеева и Пастернака». («Театральная Москва», № 8, 1921.)

В ноябре написана по заданию Главполитпросвета и Наркомзема агитационная пьеса «Вчерашний подвиг». («Что сделано нами с отобранными у крестьян семенами? Театральный отчет»)².

28 ноября — докладная записка Наркому просвещения А. Луначарскому (подписанная Маяковским и О. Бриком) об организации издательства «МАФ».

«Нами организуется издательство левого искусства «МАФ» (Московская — в будущем международная — ассоциация футуристов). Цель издательства — издание журнала, сборников, монографий, собраний сочинений, учебников и пр., посвященных пропаганде основ грядущего коммунистического искусства и демонстраций сделанного на этом пути... Просим оказать содействие скорейшей организации издательства «МАФ» и получению разрешения на ввоз изданий в РСФСР». (По примеру Госиздата, печатавшего в то время часть книг за границей — вследствие плохого состояния восстанавливаемой полиграфической промышленности — предполагалось наладить печатание изданий «МАФ» в Риге, с тем чтобы готовые книги ввозились в РСФСР.)

К записке был приложен список книг, предполагаемых к изданию: **«1) «МАФ» — иллюстрированный журнал искусства. Редакция: В. Мая-**

¹ Н. Чужак, «К диалектике искусства». Чита, 1921.

² Как была использована эта пьеса — неизвестно. В печати была только одна заметка, что труппа Форегера, отправляющаяся на гастроли в Рязань, «предполагает везти туда новую агитационную пьесу Маяковского». («Театральная Москва», № 11—12, 29 ноября 1921.)

ковский и О. Брик. Сопрудничают: Асеев, Арватов, Пастернак, Чужак и др.; 2) Маяковский — сборники стихов; 3) Б. Пастернак — Лирика; 4) Книга о русском плакате; 5) Сборник статей по теории поэтического языка; 6) В. Хлебников — Творения; 7) «Искусство в производстве» — сборник статей; 8) Хрестоматия новейшей литературы».

На записке резолюция Луначарского: «Идею издательства считаю приемлемой. Книги прошу разрешить к ввозу при соблюдении соответственных постановлений».

Кроме резолюции Луначарского, Маяковский получил принципиальное согласие Наркомвнешторга (на ввоз книг) и Госиздата, но осуществить этот проект тогда не удалось (вследствие технических и материальных затруднений). Издательство «МАФ» было организовано Маяковским весной 1922 года на других основаниях — на договорных отношениях с производственным бюро Вхутемаса (см. стр. 100).

В ноябре написаны тексты для «Окон сатиры»: «Вот о помощи голодающим отчет», «Чтоб из недели «заботы о достоянии» толку выйти...», «Рассказ о том, как из-за пуговицы голова пропадает дешевле луковицы», «Сколько народу прижалося...», «Сколько миллионов голодных?..», «Забудьте календари, висевшие встарь...», «Мы должны восстановить промышленность во что бы то ни стало...», «Бдителен будь!», «Да здравствует 5-й год советской власти...» «Используем все», «Штык красногвардейца возможность дал...»

2 декабря — выступление в Доме печати на обсуждении пьесы В. Брюсова «Диктатор».

5 декабря — письмо к Л. Ю. Брик.

«... В Харькове идет «Мистерия»¹. Уже пять раз назначались мои вечера, билеты проданы, а я не могу никак выехать... Последние дни я ничего не рисую — стал писать и рад бы был пребывать в таком состоянии».

Около 11 декабря выехал в Харьков.

12 декабря — выступление в Харькове в Драматическом театре — «Диспут о футуризме».

14 декабря — второе выступление в Харькове в Оперном театре с чтением поэмы «150 000 000».

15 декабря — третье выступление в Харькове в Героическом театре — «Дювлам» (Двенадцатилетний юбилей Владимира Маяковского).

18 декабря вернулся в Москву.

29 декабря — выступление на рабфаке Вхутемаса (вместе с В. Хлебниковым, А. Крученых, В. Каменским).

В декабре написаны тексты для «Окон сатиры»: «Когда потребовалась назад семенная ссуда...», «Вот по 11 ноября отчет».

¹ «Мистерия-буфф» в Харькове в Героическом театре была поставлена к IV годовщине Октябрьской революции.

1922

2 января — письмо к Л. Ю. Брик.

«...Приехал Витя Хлебников! В одной рубашке! Одели его и обули. У него длинная борода — хороший вид, только чересчур интеллигентный».

8 января — выступление в Политехническом музее — «Первый настоящий вечер сатиры».

Афиша: «Образец веселого доклада. 1. Древний юмор. Саша Черный, Александр Черный, Александр Иванович Белый. Пр. Аверченки. 2. Сегодняшний гробовой юмор: вечер смеха и забавы. 3. Моя сатира: анекдоты, пословицы, надписи и прочие смешные вещи. Маяковский прочтет штук 15 своих сатирических вещей и штук 12 юмористических (большие и маленькие)».

В первой половине января — выступление в Доме печати на обсуждении спектакля мастерской Н. Форегера «Хорошее отношение к лошадям».

19 января — выступление в Политехническом музее — «Чистка современной поэзии».

В январе — первой половине февраля написана поэма «Люблю» (первоначальное заглавие — «Любовь»).

В январе — первых числах февраля были сделаны последние «Окна сатиры».

Из последних «Окон», сделанных Маяковским в январе—феврале, сохранилось только одно (видимо, в это время прекратилось фотографирование каждого «Окна», как это принято было в Росте с самого начала работы). Последнее известное «Окно сатиры» Маяковского — «Опыт новой экономической политики показал, что мы на верном пути» (худ. М. Черемных) — имеет № 453. Но между последним декабрьским «Окном» (№ 413, «Вот по 11 ноября отчет») и № 453 сорок «Окон» до сих пор не разысканы, не известны ни в оригиналах, ни в фотографиях.

13 февраля — выступление на открытии Центрального дома просвещения и искусств.

«Тов. Маяковский приветствует Дом просвещения и искусств как центр творческой мысли, призывая к решительному отпору мещанину. Тов. Маяковский кончает чтением отрывка своей последней поэмы «IV Интернационал». («Вестник искусств», № 2, 1922.)

17 февраля — выступление в Политехническом музее — продолжение вечера «Чистка современной поэзии».

Афиши этих выступлений неизвестны, газетных и журнальных отчетов нет. Известно, что по программе поэты должны были выступать с чтением своих стихов. Стихи неявившихся поэтов читал сам Маяковский. Затем он и желающие из публики выступали в защиту или с критикой прочитанного. Поэтов, обходящих в своих произведениях советскую действительность, избегающих современности, Маяковский предлагал «вычистить» из современной поэзии. Вопрос решался голосованием всех присутствующих.

2 марта — выступление в Политехническом музее на вечере «Поэты — голодающим».

«Выйдя на усиленные вызовы публики, Маяковский заявил, что прочтет свою новую вещь «Пролог к четвертому Интернационалу» только в том случае, если публика хорошо пожертвует в пользу голодающих.

В результате обхода аудитории Маяковским была собрана значительная сумма, которая вместе с пожертвованиями присутствующих поэтов составила 16 миллионов рублей, здесь же переданных члену комиссии Помгола». («Вечерние известия», 6 марта 1922.)

Весной написан текст для агитплаката: «Займем у бога» (в связи с постановлением ВЦИК об изъятии из церквей золота); был ли выпущен плакат — не установлено.

5 марта в газете «Известия» напечатано стихотворение «Прозаседавшиеся» под заглавием «Наш быт. Прозаседавшиеся».

С этого стихотворения началось сотрудничество Маяковского в «Известиях».

6 марта В. И. Ленин, выступая на коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов, похвалил стихотворение Маяковского «Прозаседавшиеся».

«...Вчера я случайно прочитал в «Известиях» стихотворение Маяковского на политическую тему... Давно я не испытывал такого удовольствия с точки зрения политической и административной. В своем стихотворении он вдрызг высмеивает заседания и издевается над коммунистами, что они все заседают и перезаседают. Не знаю, как насчет поэзии, а насчет политики ручаюсь, что это совершенно правильно. (Том XXVII, стр. 177. Речь Ленина была напечатана в «Известиях» 8 марта 1922.)

О начале своей работы в «Известиях» Маяковский рассказал на диспуте «Больные вопросы советской печати» 14 декабря 1925 года: «Я лично ни разу не был допущен к Стеклову. И напечататься мне удалось только случайно, во время его отъезда, благодаря Литовскому¹. И только после того, как Ленин отметил меня, только тогда «Известия» стали меня печатать».

12 марта в газете «Известия» напечатано стихотворение «Спросили раз меня: «Вы любите ли НЭП?» — «Люблю, — ответил я, — когда он не нелеп».

13 марта — выступление на двухлетнем юбилее Дома печати.

«В. Маяковским была прочитана новая поэма «Люблю». («Кооперативное дело», 15 марта 1922.)

15 марта в газете «Известия» напечатано стихотворение «Сволочи» под заглавием «Слушайте!»

25 марта — выступление в Доме печати (на вечере на усиление средств Дома печати)

В конце марта вышла отдельным изданием поэма «Люблю». (Изд. «МАФ» «Московская — в будущем международная — ассоциация футуристов», тираж 2000, серия поэтов, № 1.)

Издательство «МАФ» было организовано Маяковским на договорных началах с Высшими художественно-техническими мастерскими (Вху-

¹ Стежков — в то время редактор «Известий» (впоследствии был разоблачен, как враг народа). О. Литовский — ответственный секретарь редакции.

темас), у которых была своя учебная типография. На каких условиях была выпущена первая книга («Люблю») — неизвестно, но в дальнейшем установился такой порядок: Маяковский получал от Госиздата ссуду на издание, передавал ее производственному бюро Вхутемаса, книга печаталась и сдавалась Госиздату. Госиздат шел на такую систему работы в некоторых областях (напр., беллетристика, детская литература и т. д.), не имея в то время возможности удовлетворить потребности по основным разделам своей программы — политической и учебной литературе. В числе авторов, печатаемых издательством «МАФ», на обложке поэмы «Люблю» были объявлены: Асеев, Хлебников, Маяковский («Сатиры»), Брик, Каменский, Крученых, Пастернак.

В марте вышли агитплакаты с текстами Маяковского в помощь голодающим Поволжья: «Товарищи! Граждане! Всех бороться с голодом зовет IX съезд Советов», «В РСФСР 130 миллионов населения...», «Надо помочь голодающей Волге!»

В марте—апреле в журнале «Вещь», № 1—2 (Берлин), напечатано стихотворение «Приказ № 2 армии искусств» (без заглавия).

2 апреля в газете «Известия» напечатано стихотворение «Бюрократиада».

В первой половине апреля написано стихотворение «17 апреля», в связи с десятой годовщиной Ленского расстрела. (Было ли напечатано в 1922 году — не установлено. См. 17 апреля 1923.)

10 апреля — выступление в Малом зале Консерватории на диспуте «Первый удар направо», организованном Ассоциацией деятелей революционного искусства.

12 апреля в газете «Известия» напечатано стихотворение «Моя речь на Генуэзской конференции».

30 апреля в газете «Известия» напечатано стихотворение «Мой май».

В апреле вышли агитплакаты с текстами Маяковского в помощь голодающим Поволжья: «Граждане, поймите же наконец!», «Нечего есть, обсемениться нечем...» и плакат Главполитпросвета: «Топливо — основа республики».

2 мая выехал в Ригу (первая поездка Маяковского за границу).

В Риге в это время вышло 2-е издание поэмы «Люблю» (издательство «Арбейтерхейм» — («Рабочий дом»), но было конфисковано полицией. Предполагавшаяся лекция Маяковского об искусстве в Советской России была запрещена рижским префектом (см. стихотворение «Как работает республика демократическая» и заметку «Владимир Маяковский в Риге». (Журн. «Советская Латвия», № 3—4, 1941, Рига.)

13 мая вернулся в Москву.

15 мая заключил договор с производственным бюро Вхутемаса на издание сборника «Маяковский издевается».

Срок сдачи 20 мая. Вхутемас обязан выпустить книгу не позднее 10 июня.

Около этого времени еще один договор на 2-е (фактически 3-е) издание поэмы «Люблю» (договор без даты).

Срок сдачи рукописи — 20 мая. Вхутемас обязан выпустить книгу не позже 25 июня.

15 мая — выступление на диспуте о постановке «Великодушного рогоносца» Кромелинка.

23 мая в газете «Известия» напечатано стихотворение «Как работает республика демократическая» (о поездке в Латвию).

28 мая в газете «Известия», № 117, стихотворение «Баллада о доблестном Эмиле».

В мае в журнале «Красная новь», № 3, напечатан «IV Интернационал» (пролог к поэме «V Интернационал». См. выше, октябрь 1921).

В мае вышел плакат с текстом Маяковского: «Басня про красноармейца, у которого из-за пуговицы голова пропала дешевле луковицы». (Худ. М. Черемных, изд. Высшего Военно-редакционного совета.)

В последних числах мая вышел сборник «Маяковский издается» (Изд. «МАФ», стр. 48, тираж 5000, серия поэтов № 3¹.)

В сборнике впервые были напечатаны «Рассказ про то, как кума о Врангеле толковала без всякого ума» (см. октябрь 1920) и «Стихотворение о Мясницкой, о бабе и о всероссийском масштабе», написанное, по видимому, в конце 1921 года.

Лето (июнь — август) Маяковский жил на даче в Пушкине (под Москвой), очень часто приезжая в город по делам.

12 июня заключил договор с производственным бюро Вхутемаса на издание полного собрания сочинений в 4-х томах.

Сроки сдачи томов: 2-го — 19 июня, 3-го — 26 июня, 4-го — 3 июля, 1-го — 11 июля. Вхутемас обязан выпустить издание до 20 августа.

19 июня сдал в производственное бюро Вхутемаса 3-й и 4-й тома полного собрания сочинений.

26 июня сдал в производственное бюро Вхутемаса 2-й том полного собрания сочинений.

11 июля сдал в производственное бюро Вхутемаса 1-й том полного собрания сочинений.

Вместе с 1-м томом была сдана автобиография Маяковского «Я сам», написанная для этого издания. (В 1928 г. для собрания сочинений, выходящего в Госиздате, Маяковский дополнил ее и довел до 1928 г.)

В июле вышло 2-е издание поэмы «Люблю». (Изд. «МАФ», тираж 3000.)

¹ В серии поэтов, № 2, вышел сборник стихов Н. Асеева: «Стальной соловей».

Вышло 2-е издание сборника «Маяковский издается». (Изд. «МАФ», стр. 48, тираж 5000.)

В июле — августе в журнале «Красная новь», № 4, напечатана статья «В. В. Хлебников» (в связи с смертью В. Хлебникова 28 июня).

18 августа — выступление в 3-й студии МХАТ на диспуте: «Современные писатели и революционный народ».

10 сентября в газете «Известия» напечатана 1-я часть поэмы «V Интернационал» под заглавием «Тридевятый Интернационал».

11 сентября заключил дополнительное соглашение к договору от 12 июня с производственным бюро Вхутемаса на собрание сочинений.

Производственное бюро, не выпустившее собрание сочинений к сроку (20 августа), обязуется закончить издание в 2-х томах не позже 25 сентября. Маяковский обязуется «остаться в Москве до 25 сентября и вести всю редакционную сторону издания».

17 сентября в журнале «Крокодил», № 4, напечатано стихотворение «Нате — басня о «Крокодиле» и о подписной плате».

23 сентября в газете «Известия» напечатана 2-я часть поэмы «V Интернационал».

В примечании ко 2-й части Маяковский писал: «Тридевятый», «пятый интернационал — название одной и той же вещи. На заглавии «Пятый интернационал» остановлюсь окончательно».

24 сентября в журнале «Крокодил», № 5, напечатано стихотворение «Стих резкий о рулетке и железке».

2 октября — заявление в производственное бюро Вхутемаса об аннулировании договора от 12 июня на собрание сочинений

«ввиду, во-первых, позорного невыполнения пункта шестого договора и, во-вторых, ввиду полной небрежности в отношении печатания моих книг и в отношении выполнения заказов... Тем более считаю необходимым сделать это, так как мною не только добросовестно выполнялись условия договора, но и был испрошен для Вхутемаса в Гизе заем в размере десяти миллиардов рублей, а также получены заказы на приобретение в наличный расчет четыре тысячи девятисот экземпляров моих сочинений, что совершенно облегчало работу Вхутемаса».

В начале октября вышел том II Собрания сочинений Маяковского: «13 лет работы». (Изд. «МАФ», стр. 464, тираж 10 000.)

В октябре в журнале «Кино-фот» напечатан ответ Маяковского на анкету о кино — «Кино и кино».

«Для вас кино — зрелище.

Для меня — почти мирозерцание..»

Но — кино болен. Ловкие предприниматели водят его за ручку по улицам. Собирают деньги, шевеля сердца плаксивыми сюжетцами.

Этому должен быть конец. Коммунизм должен отобрать кино у спекулятивных поводырей».

Первые числа октября — выступление в Большом зале Консерватории с чтением поэмы «V Интернационал».

«Слякоть и осенняя унылость не помешали публике собраться в Большой зал Консерватории на вечер Маяковского.

— Я уезжаю в Европу, как хозяин, посмотреть и проверить западное искусство, — так заявил Маяковский во вступительном слове. — Искусство должно идти и служить массам.

— «V Интернационал» — это поэма предвидения. Образец формы творчества грядущих лет.

Чтение поэмы заняло львиную часть вечера... «Левым маршем» Маяковского вечер закончился». («Вечерние известия», 9 октября 1922.)

6 октября — выступление на «Вечере Маяковского» в Доме печати.

Не позже начала октября (до отъезда за границу) сдал в редакцию петроградской «Красной газеты» стихотворение «Владимир Ильич!» (написанное в апреле 1920 г. Было напечатано в утреннем выпуске 5 ноября).

Сдал в редакцию «Красного журнала для всех» (П.) стихотворение «После изъятий». (Напечатано в № 1, ноябрь.)

9 октября выехал в Берлин (через Ревель, Штеттин).

20 октября — выступление в Берлине в кафе «Леон» на собрании Дома искусств с докладом и чтением стихов.

«В теоретическом вступлении Маяковский бесцеремонно разделался с несимпатичными ему течениями русской поэзии, особенно яростно обрушился на «имажинист»... Бегущая впереди этого «поэта божьей милостью» слава писателя революции — заслуженная слава, а не преобладающая мода. «Голод» — это не только лучшее, что было написано в связи с прошлогодним русским бедствием, но и одно из самых мощных произведений на эту тему вообще. Поэма «150 миллионов» полна такого искромётного вдохновения, такой бичующей сатиры, что может смело выдержать сравнение с выдающимися творениями европейской поэзии. А стихотворение о страдающей лошади свидетельствует о высокой лиричности разностороннего таланта Маяковского. В цельности, в непосредственности, в непредвзятости, в смелых исканиях и творческом жаре — ценность Маяковского». (Газета «Накануне», Берлин, 24 октября 1922.)

27 октября — второе выступление в Берлине на собрании Дома искусств (в кафе «Леон») в прениях по докладу В. Шкловского: «Литература и кинематограф».

В октябре в журнале «Новая русская книга» № 9 (Берлин) напечатана автобиография «Я сам».

1 ноября заключил договор с издательством «Накануне» в Берлине на сборник «Избранный Маяковский». Срок сдачи рукописи 10 ноября 1922 года.

3 ноября — третье выступление в Берлине в Доме искусств на диспуте «Современная русская живопись и русская выставка в Берлине».

7 ноября — четвертое выступление в Берлине в полпредстве СССР на вечере, посвященном V годовщине Октябрьской революции.

15 ноября — пятое выступление в Берлине в Шубертзале, на вечере, организованном объединением российских студентов в Германии.

«В своем докладе о поэзии РСФСР В. В. Маяковский указал на пробуждение интереса к поэзии в России со стороны тех кругов, которые до революции ничем другим не могли заниматься, кроме каторжного труда на господствующие классы, требовавших от поэзии непременно соловья и девушки с томным взором.

Ныне поэты, отождествляющие себя с революцией и прошедшие «испытание в грозе и буре», пользуются широкими симпатиями населения, глухого к произведениям, где нет отражения последних героических лет. «Быть русским поэтом, писателем (сказал Маяковский) можно только живя в России, с Россией. Пусть не думают въехать в Москву на белом коне своих многотомных произведений засевшие за границей авторы...» Многочисленная аудитория со вниманием и бурными восторгами отнеслась к поэту». («Накануне», Берлин, 18 ноября 1922.)

18 ноября выехал из Берлина в Париж.

В течение семи дней пребывания в Париже Маяковский посетил мастерские ряда художников — Пикассо, Делонэ¹, Брака, Леже, Барта, художественные галереи (магазины) С. и Л. Розенбергов, выставку «Осенний салон», парижские театры «Майоль», «Альгамбра», «Фолли бержер», посетил композитора И. Стравинского на фабрике пианол Плевель, встретился с писателем Жаном Кокто, был на похоронах Марселя Пруста, пытался познакомиться с Анатолем Франсом и Анри Барбюсом (их не было в то время в Париже), побывал на заседании Палаты депутатов и осмотрел аэродром Бурже. (Все это было описано им потом в очерках в «Известиях» — декабрь—февраль 1923.)

24 ноября — банкет, устроенный редакцией журнала «Удар» и французскими художниками в честь Маяковского.

25 ноября выехал из Парижа в Берлин.

29 ноября — письмо худ. М. Ларионова из Парижа в Берлин Маяковскому с рисунками к стихотворению «Солнце»

«В Париже до сих пор идут разговоры о вечере и прочитанных стихах — Маяковский на втором слове. Ляпшицы и Вальдемар² не могут успокоиться, судят так и этак — заключают, что это очень грубо и резко, но ничего сделать нельзя. Поэты «Эспри-Нуво» скисли, и этот новый дух стал просто скверный запах. Все это их совсем перевернуло...»

В ноябре — декабре отпечатан в Берлине сборник «Маяковский для голоса» (оформлен худ. Л. Лисицким. Издание Госиздата).

7 декабря — письмо издательства Малик в Берлине Маяковскому о предполагающемся выходе поэмы «150 000 000» на немецком языке.

13 декабря вернулся в Москву.

Около 20 декабря — выступление в Политехническом музее с докладом: «Что Берлин?»

«Вл. Маяковский задается вопросом — почему мизерно западно-европейское искусство. И приходит к выводу, что, хотя все предыду-

¹ Р. Делонэ сделал карандашный рисунок с Маяковского. Маяковский нарисовал Делонэ на дверях его мастерской.

² Скульптор Жак Ляпшиц, критик Вальдемар Жорж.

щие искания и были формально плодотворны, но теперь этим формальным исканиям пришел конец. Они натываются на несоответствие социальной обстановки, которая не позволяет энтузиазму нового искусства перелиться на производство. Отсюда — трагедия западного искусства и переход гегемонии в этой области к Москве. («Зрелища», № 19, 1923.)

24 декабря в газете «Известия» напечатан очерк «Париж (Записки Людогуса)».

27 декабря в газете «Известия» напечатан очерк «Осенний салон».

27 декабря — выступление в Политехническом музее с докладом: «Что Париж?»

Последние числа декабря — начало работы над поэмой «Про это».

Не позже конца 1922 года написано стихотворение «Давиду Штеренбергу» (напечатано не было).

1923

В первых числах января Маяковский подал в Агитотдел ЦК ВКП(б) заявление с просьбой разрешить ему издание журнала Левого фронта искусств («Леф»). К заявлению был приложен издательский план, в котором были сформулированы цели журнала.

«а) Способствовать нахождению коммунистического пути для всех родов искусства; б) пересмотреть идеологию и практику так называемого левого искусства, отбросив от него индивидуалистическое кривлянье и развивая его ценные коммунистические стороны; в) вести упорную агитацию среди производственного искусства за принятие коммунистического пути и идеологии; г) принимая самые революционные течения в области искусства, служить авангардом для искусства русского и мирового; д) знакомить российскую рабочую аудиторию с достижениями европейского искусства, но не в лице его канонизированных, официальных представителей, а в лице лит.-худ. молодежи, ныне отвергаемой европейской буржуазией, но представляющей из себя ростки новой пролетарской культуры; е) бороться всяческим образом с соглашателями в области искусства, подменяющими коммунистическую идеологию в области искусства старыми, затрепанными фразами об абсолютных ценностях и вечных красотах; ж) давать образцы литературных и художественных произведений не для услаждения эстетических вкусов, а для указания приемов создания действительных агитационных произведений; з) борьба с декадентством, с эстетическим мистицизмом, с самодовлеющим формализмом, с безразличным натурализмом за утверждение тенденционного реализма, основанного на использовании технических приемов всех революционных, художественных школ».

В начале января (или, возможно, еще во второй половине декабря 1922 г.) Маяковский начал работать над серией политических памфлетов, объединенных впоследствии в книжку «Маяковская галерея» (Пуанкаре, Муссолини, Керзон, Пилсудский, Стиннес, Вандервельде, Гомперс).

В работе над этими памфлетами на протяжении нескольких месяцев — в каждом следующем варианте вплоть до корректуры отдель-

ного издания в октябре 1923 года — Маяковский стремился дополнить текст новым злободневным материалом.

В начале января вышел сборник «Маяковский для голоса». (Госиздат РСФСР, Берлин, стр. 61).

4 января в газете «Известия» напечатано стихотворение «Германия».

4 января заключил договор с Госиздатом и представил рукопись книги «398 страниц Маяковского». (Вышла под названием «255 страниц Маяковского».)

5 января в журнале «Календарь искусств», № 1 (Харьков), напечатан кусок очерка «Париж» с подзаголовком «Из письма Вл. Маяковского».

7 января в журнале «Красная нива», № 1, напечатано стихотворение «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче».

13 января в газете «Известия» напечатан очерк «Париж (Художественная жизнь города)».

15 января сдал в Госиздат рукопись книги «Семидневный смотр французской живописи», составленной из дополненных и переработанных очерков, напечатанных в «Известиях». Книга была снабжена 25 репродукциями с картин французских художников (привезенными Маяковским из Парижа). 12 февраля был заключен на нее договор, но книга издана не была.

16 января в газете «Известия» напечатано стихотворение «На цепь» (в связи с оккупацией французской армией Рурской области).

16 января участвовал в совещании в Агитотделе ЦК ВКП(б) по вопросу об издательстве «Левого фронта искусств».

Было постановлено: а) признать желательным и целесообразным поддержку издательства Левого фронта искусств; б) включить изд-во Леф в ведение Госиздата; в) предложить Госиздату приступить к изданию журнала Леф (гарантировав ежемесячный выход в течение 6 мес.) и содействовать выходу книг того же направления. (По протоколу.)

17 января в газете «Известия» напечатано стихотворение «Товарищи, разрешите мне поделиться впечатлениями о Париже и о Моне».

21 января в журнале «Красная нива», № 3, напечатано стихотворение «Пернатые».

22 января — совещание редколлегии журнала «Леф» на квартире Маяковского в Лубянском проезде.

В тот же день — письмо члену редколлегии журнала «Леф» Н. Ф. Чужаку по поводу разногласий, возникших на совещании при обсуждении № 1 журнала.

«Письмо это пишу немедленно после Вашего ухода, пошлю Вам с первой возможностью... Я еще раз сегодня с полнейшим дружелюбием буду

находить у нас в редакции пути для уговора Вас. Но я совершенно не могу угадать Ваших желаний, я совершенно не могу понять подоплеку Вашей аргументации. Приведите пожалуйста в порядок Ваши возражения и дайте их просто — конкретными требованиями. Но помните, что цель нашего объединения коммунистическое искусство (часть ком-культуры и ком. вообще!) область — еще смутная, но поддающаяся еще точному учету и теоретизированию, область, где практика, интуиция обгоняет часто головитейшего теоретика. Давайте работать над этим, ничего не навязывая друг другу, возможно шлифуя друг друга: вы — знанием, мы — вкусом. Нельзя понять Вашего ухода не только до каких бы то ни было разногласий, но даже до первой работы!»

23 января заключил договор с издательством «Красная новь» и сдал рукопись сборника «Стихи о революции».

В конце января написал для бюллетеней Прессбюро ЦК ВКП(б) очерк «Сегодняшний Берлин».

Очерк этот был напечатан в первой половине февраля в ряде провинциальных газет в городах: Минске, Тамбове, Саратове, Челябинске, Краснодаре, Семипалатинске, Барнауле и др.

Всю первую половину года Маяковский очень много работал для Прессбюро ЦК ВКП(б), выпускавшего специальные «городские» и «деревенские» бюллетени (на ротаторе) для провинциальных газет. Маяковский писал туда небольшие очерки, отдельные стихотворения на актуальные темы, а также пропустил через «деревенские» бюллетени почти все антирелигиозные лубки из сборников: «Обряды» и «Ни знахарь, ни бог, ни ангелы бога крестьянству не подмога».

Все эти вещи, как правило, в столичной печати не появлялись и, кроме антирелигиозных лубков, вышедших в 1923 году двумя отдельными сборниками, ни в одну книгу Маяковского и в собрание сочинений не вошли и до последнего времени были неизвестны. Комплекты бюллетеней до сих пор не разысканы, а работа по библиографии Маяковского в провинциальной печати только начата. Поэтому все приводимые дальше справки о перепечатках в провинциальных газетах из бюллетеней Прессбюро, конечно, не полны. Перепечаток было значительно больше. Связь Маяковского с Прессбюро не ограничивалась 1923 годом, а продолжалась с некоторыми перерывами до 1930 года, до последних дней.

2 февраля в газете «Известия» напечатан очерк «Париж. (Театр Парижа)».

2 февраля заключил договор с издательством «Круг» на сборник «До и после» («Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»). Рукопись была сдана днем раньше.

«...Надо вооружаться сатирическим знанием. Я убежден — в будущих школах сатиру будут преподавать наряду с арифметикой и с меньшим успехом. Особенно шалющие и резвые ученики будут выбирать смех своей исключительной специальностью. Будет, обязательно будет высшая смеховая школа... Общая сознательность в деле словесной обработки дала моим сатирам силу пережить минуту. Человеческие заставляют меня собрать воедино печатавшееся в «Новом сатириконе», «Известиях», «Крокодиле» и других газетах и журналах и дать это отдельной книгой всем прослезившимся от радости читателям». (Предисловие.)

Начиная с февраля Маяковский работал над циклами антирелигиозных крестьянских агитлубков, объединенных впоследствии в два сборника «Ни знахарь, ни бог, ни ангелы бога крестьянству не подмога» и «Обряды».

Отдельные стихотворения первого сборника Маяковский, очевидно, по мере написания, давал в бюллетени Прессбюро, и они появлялись в провинциальной печати в такой последовательности: вступительное стихотворение под заглавием «Еще одно долой!» — впервые в Саратове 2 марта; «Про Феклу, Акулину, корову и бога» — в Владимире 2 марта; «Ни знахарство, ни благодать бога в болезни не подмога» — в Владимире 15 марта; «Про Тита и Ваньку случай, показывающий, что безбожнику много лучше» — в Семипалатинске 29 марта; «Товарищи крестьяне, вдумайтесь раз хоть — зачем крестьянину справлять пасху?» — в Ярославле 1 апреля; «Прошения на имя бога в засуху не подмога» — в Минске 3 июня.

Из второго сборника «Обряды» только три стихотворения прошли через бюллетени — «Крестьяне, собственной выгоды ради поймите — дело не в обряде» — впервые напечатано в Калуге 6 июня; «От примет кроме вреда ничего нет» — в Архангельске 28 июня; «От поминок и панихид у одних попов довольный вид» — в Казани 14 июля.

Можно предполагать, что первую книжку Маяковский закончил в мае, вторую — в июне. Тогда же, очевидно, обе они были проиллюстрированы самим Маяковским.

6 февраля в газете «Известия» напечатан очерк «Париж (Быт. Отношение к нам)».

В начале февраля написал для бюллетеней Прессбюро очерк «Парижские провинции» (был напечатан в газете «Звезда», Минск, 17 февраля).

«Раньше было так: были в России провинции, медвежьи углы и захолустье. Где-то далеко были российские столицы — широкие, кипящие мировыми интересами. А совсем над всеми был Париж — сказочная столица столиц. И здесь, как и во всем, Октябрьской революцией сделан невероятный сдвиг. Мы даже не заметили, как наши провинциальные города стали столицами республик, федераций, как городки стали центрами огромной революционной культуры и как Москва из второранговых городов Европы стала центром мира. Только в поездке по Европе, в сравнении видишь гулливеровские шаги. Сейчас Париж для приехавшего русского выглядит каким-то мировым захолустьем. Все черты бывшей нашей провинции налицо... Конечно все сказанное мною относится главным образом к душевной опустошенности, к остановке роста материальной культуры. Во Франции, даже во вчерашней, есть на что разинуть рот, есть чему поучиться. Взять хотя бы огромный аэродром Бурже под Парижем... Учись европейской технике, но организуй ее своей революционной волей — вот вывод из осмотров Европы».

11 февраля закончена поэма «Про это» (авторская дата на первом беловике поэмы).

«Это для меня, пожалуй, и для всех других вещь наибольшей и наилучшей обработки». (Предисловие к сборнику «Вещи этого года».)

В первой половине февраля вышел том I Собрания сочинений Маяковского «13 лет работы». (Изд. «МАФ», стр. 304.)

Во второй половине февраля написано для бюллетеней Прессбюро стихотворение «На земле мир, во человецех бла-

говоление». (Напечатано в феврале — марте в ряде газет в Саратове, Ярославле, Семипалатинске, Екатеринбурге, Рязани, Уфе, Архангельске.)

18 февраля в журнале «Красная нива», № 7, напечатано стихотворение «О поэтах», под заглавием «Стихотворение — это одинаково полезно и для редактора и для поэтов».

21 февраля в газете «Известия» напечатано стихотворение «О «фиасках», «апогеях» и других неведомых вещах».

23 февраля в газете «Известия» в день Красной Армии напечатано стихотворение «Барабанная песня».

В тот же день в журнале «Красная нива», № 8, напечатана статья «Революционный плакат» и стихи — подписи из «Окон сатиры Роста» — «Рассказ о том, как из-за пуговицы голова пропадает дешевле луковицы», «Красный еж» и «Частушки».

«Годы войны, годы нашей защиты — эпоха величайшего напряжения всех сил Р. С. Ф. С. Р. Труднейшая работа была возложена и на Агит-искусство. Время учет и воздаст следуемое каждому усилию. Наше дело тщательно сохранить все материалы для итогов этой эпохи... Война и разруха шли вместе. Печатный станок не справлялся с требованием на плакат... Однодневка-агитка целиком перешла к «кустарям-ручникам. Эти плакаты имели огромные достоинства. Вместе с получением телеграмм (для газет, еще не напечатанных) поэт, журналист тут же давал «тему» — язвительную сатиру, стих. Ночь ерзали по полу над аршинными листами художники, и утром, часто даже до получения газет, плакаты — окна сатиры вывешивались в местах наибольшего людского скопища... К сожалению, сейчас от всего архива этих плакатов остались после всяческих «реорганизаций» и «сливаний» одни лохмотья. А по этим плакатам можно было бы шаг за шагом видеть в рисунке, в карикатуре годы нашей революции, нашей обороны...»

23 февраля заключил договор с издательством «Круг» на отдельное издание стихотворения «Солнце» с иллюстрациями М. Ларионова.

25 февраля в газете «Известия» напечатано стихотворение «Срочно. Телеграмма мусье Пуанкаре и Мильерану».

Во второй половине февраля в Берлине вышел сборник «Избранный Маяковский». (Изд. «Накануне», стр. 260.)

28 февраля выехал в Петроград на несколько дней.

В первой половине марта вышел сборник «Лирика». (Изд. «Круг», стр. 92.)

4 марта в журнале «Красная нива», № 9, напечатано стихотворение «Париж (разговорчики с Эйфелевой башней)».

8 марта — выступление на Интернациональном митинге искусств в Политехническом музее. (Маяковский прочел стихотворения «Париж», «Левый марш», «III Интернационал».)

В первой половине марта чтение поэмы «Про это» друзьям. На чтении присутствовал Нарком просвещения А. В. Луначарский.

В середине марта написал для бюллетеней Прессбюро статью «С неба на землю». (Напечатана в ряде газет в Харькове, Костроме, Минске, Гомеле и др.)

«Надо бы попросить господ поэтов слезть с неба на землю. Ты хвастаешься, что ты хорошо владеешь словом, — будь добр, напиши образцовое «постановление месткома об уборке мусора со двора». Не хочешь? Ты говоришь, что у тебя более возвышенный стиль? Тогда напиши образцовую передовицу, обращенную к народам мира, — разве может быть более возвышенная задача? Только тогда мы поверим, что твои упражнения в области поэзии имеют действительный смысл, что твоя возвышенная работа может быть использована для улучшения жизни людей... А то у нас в области словесного искусства одни инженеры и ни одного рабочего, ни одного мастера».

18 марта в журнале «Товарищ Терентий» (Екатеринбург) напечатана статья «Можно ли стать сатириком?»

Во второй половине марта написаны для бюллетеней Прессбюро стихотворения: «Строки охальные про вахханалии пасхальные», «Когда голод грыз прошлое лето — что делала власть Советов? Когда мы побеждали голодное лихо, что делал патриарх Тихон?» и «О патриархе Тихоне. Почему суд над милостью ихней». (В конце марта — начале апреля были напечатаны в ряде газет в Калуге, Рязани, Уральске, Архангельске, Уфе, Саратове, Смоленске, Краснодаре, Минске, Екатеринбурге, Семипалатинске, Киеве, Ново-Николаевске, Воронеже и др. Последнее стихотворение, кроме того, было выпущено брошюрой — приложением к газете «Волна», Архангельск, 1 апреля 1923.)

23 марта — письмо А. В. Луначарского Маяковскому.

«Дорогой Владимир Владимирович! Я нахожусь все еще под обаянием Вашей прекрасной поэмы. Правда, я был очень огорчен, увидя на афише, объявляющей о чтении, и рекламу относительно каких-то несравненных или невероятных 1800 строк. Мне кажется, что перед прочтением такой великолепной вещи можно уже и не становиться на руки и не дрыгать ногами в воздухе. Эти маленькие гримасы, которые были милы, когда вы были поэтическим младенцем, плохо идут к Вашему возмужалому и серьезному лицу. Предоставьте их окончательно Шершеневичу. Это так, маленький упрек исключительно потому, что я Вас вообще люблю, а за последнее Ваше произведение втрое. А теперь небольшая просьба. Так как непременно хочу написать этюд о «Про это», то, быть может, Вы были бы так добры дать мне копию или корректурный листок его до выхода Вашего произведения в свет. Жму Вашу руку».

В двадцатых числах марта — выступление с чтением поэмы «Про это» в Политехническом музее.

Во второй половине марта (не позже 25-го) в связи с болезнью В. И. Ленина написано стихотворение «Мы не верим». Маяковский передал его в Прессбюро, и под заглавием «Ленин» оно было напечатано в последних числах марта — начале апреля во Владимире, Рязани, Пензе, Краснодаре, Харькове, Архангельске (впервые 28 марта). 25 марта Мая-

ковский читал его в Доме печати. В Москве оно появилось 1 апреля в № 1 «Огонька».

В конце марта в сборнике «Навстречу», изданном Всероссийским комитетом помощи инвалидам войны и больным и раненым красноармейцам при ВЦИК, напечатано стихотворение «Горе».

25 марта в журнале «Красная нива», № 12, напечатано стихотворение «Тресты».

25 марта — выступление на открытии Дома печати.

«...Горячее участие в вечере приняли поэты. Маяковский прочел два новых стихотворения — «Газетный день» и «Ленину», как всегда, блестяще...» («Вечерние известия», 26 марта 1923.)

29 марта в газете «Известия» напечатаны «Парижские очерки».

В последних числах марта вышел № 1 журнала «Леф» под редакцией Маяковского. В номере была напечатана целиком поэма «Про это». Журнал открывался тремя передовыми статьями, написанными Маяковским: «За что борется Леф?», «В кого вгрызается Леф?», «Кого предостерегает Леф?»

«Леф должен собрать воедино левые силы. Леф должен осмотреть свои ряды, отбросив прилипшее прошлое. Леф должен объединить фронт для взрыва старья, для драки за охват новой культуры.

...В работе над укреплением завоеваний Октябрьской революции, укрепляя новое искусство, Леф будет агитировать нашим искусством массы, приобретая в них организованную силу.

...Мы не претендуем на монополизацию революционности в искусстве. Выясним соревнованием. Мы верим — правильностью нашей агитации, силой делаемых вещей мы докажем: мы на верном пути в грядущее». («За что борется Леф?») «...Мы будем бить... тех, кто проповедует внеклассовое, внечеловеческое искусство; тех, кто подменяет диалектику художественного труда метафизикой пророчества и жречества, ...тех, кто рассматривает труднейшую работу искусства только как свой отпускной отдых; тех, кто оставляет лазейку искусству для идеалистических излиятий о вечности и душе». («В кого вгрызается Леф?»)»

«Бойтесь выдавать случайные искры недочек за новаторство, за последний крик искусства. Новаторство дилетантов — паровоз на курьих ножках. Только в мастерстве право откинуть старье.

...Искуснейшие формы останутся черными нитками в черной ночи, будут вызывать только досаду, раздражение спотыкающихся, если мы не применим их к формовке нынешнего дня — дня революции. Леф защита всем изобретателям. ...Леф отбросит всех застывших, всех застывших, всех приобретателей». («Кого предостерегает Леф?»)»

В марте — апреле в журнале «Журналист», № 5, напечатано стихотворение «Газетный день».

3 апреля — выступление на диспуте «Футуризм сегодня» в Пролеткульте. Маяковским были прочитаны отрывки из поэмы «Про это».

«Первое, на что я обращаю внимание товарищей, это на их своеобразный лозунг «не понимаю». Попробовали бы товарищи сунуться с этим лозунгом в какую-нибудь другую область. Единственный ответ, который можно дать: «Учитесь». ...Здесь говорили, что в моей поэме нель-

зя уловить общей идеи. Я читал, прежде всего, лишь куски, но все же и в этих, прочитанных мною кусках есть основной стержень: быт. Тот быт, который ни в чем почти не изменился, тот быт, который является сейчас злейшим нашим врагом, делая из нас мешан.. Вы говорите, что у нас нет содержания, а между тем из 'одной нашей поэмы вы делаете пятьдесят своих. Пролетарские писатели становятся на нашу позицию. И мы и они учимся у жизни».

В начале апреля вышел сборник «Стихи о революции». (Изд. «Красная Новь», стр. 98.)

7 апреля в газете «Известия» напечатано антипасхальное стихотворение «Наше воскресенье».

8 апреля в журнале «Красная нива», № 14, напечатано стихотворение «Весенний вопрос».

12 апреля в газете «Красная смена» (Минск) напечатано стихотворение «Не для нас поповские праздники».

14 апреля заключил договор с издательством «Красная новь» на 2-е издание сборника «Стихи о революции». (Срок сдачи 15 апреля 1923).

Во второй половине апреля вышел сборник «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается». (Изд-во «Круг», стр. 109.)

16 апреля в газете «Юношеская правда» напечатано стихотворение «Марш комсомольца» под заглавием «Комсомолец».

17 апреля в ряде провинциальных газет были напечатаны в связи с одиннадцатой годовщиной Ленского расстрела два стихотворения Маяковского: «17 апреля» и «Крестьянин, помни о 17 апреля». (Стихи эти, полученные через бюллетени Прессбюро, были напечатаны в городах Тамбове, Воронеже, Архангельске, Саратове, Симферополе, Минске, Екатеринбурге, Ново-Николаевске, Чернигове, Владимире, Уральске, Вятке, Краснодаре, Череповце.)

23 апреля — письмо в Госиздат с издательским планом книг «Левого фронта искусств».

29 апреля в журнале «Огонек», № 5, напечатано стихотворение «Схема смеха» с рисунками Маяковского.

В тот же день в журнале «Красная нива», № 17, — стихотворение «1-е Мая» («Свети!..»); 30 апреля это же стихотворение было напечатано в харьковском журнале «Новая мысль», № 1.

1 мая в газете «Известия» напечатано стихотворение «1-е Мая» («Мы! Коллектив!..»).

В тот же день в журнале «Пламя», № 1 (Тифлис), — первая редакция стихотворения «Пуанкаре» — «Мусье Пуанкаре» («Моя галлерея № 1»).

1 мая Маяковский читал первомайские стихи на площадях Рогожского района Москвы.

5 мая в день печати в газете «Известия» (Одесса) напечатано стихотворение «Рабочий-корреспондент».

В первых числах мая вышел № 2 журнала «Леф» с стихотворением Маяковского «1-е Мая» («Поэты — народ дошлый...») и передовой статьёй — обращением ко всем революционным писателям и художникам мира: «Товарищи — формовщики жизни».

«Не случаен выбор Первого мая днем нашего обращения. Мы знаем, только в спайке с рабочей революцией — расцвет искусства будущего. ...Только Октябрь дал новые огромные идеи, требующие нового оформления. Только Октябрь, освободивший искусство от работы на бюрократического выцилиндренного заказчика, дал фактическую свободу искусству. ...Да здравствует искусство пролетарской революции!»

9 мая в газете «Известия» напечатано стихотворение «Крестьянам! Рассказ о Змее Горыныче и о том, в кого Горыныч обратился нынче».

Повидимому, около этого времени или несколько раньше — в марте — апреле — была написана агитпоэма «Вот самогон!» Две эти вещи связаны между собой не только одной темой, но и некоторыми общими образами и прямыми совпадениями отдельных строк.

Можно предполагать, что, когда Маяковский писал в стихотворении «Весенний вопрос» (напечатанном 8 апреля): «Я, например, считаюсь хорошим поэтом. Ну, скажем, могу доказать: «самогон — большое зло», — одна из этих вещей о самогоне была уже написана. Скорее всего — «Вон самогон!» Место первоначального ее напечатания не установлено. Тогда же, во всяком случае не позже июня, Маяковский сдал ее для отдельного издания вместе с 19 своими рисунками и обложкой в издательство «Красная новь». (Вышла в августе.)

10 мая — письмо Наркома просвещения А. В. Луначарского в Наркоминдел по поводу заграничного паспорта Маяковского:

«Наркомпрос дает командировку известному поэту коммунисту Маяковскому. Цели, которые он преследует своей поездкой в Германию, находят полное оправдание со стороны Наркомпроса. Они целесообразны с точки зрения вообще поднятия культурного престижа нашего за границей. Но так как лица, приезжающие из России, да притом еще с репутацией, подобной репутации Маяковского, натываются иногда за границей на разные неприятности, то я, ввиду всего вышеизложенного, прошу Вас снабдить Маяковского служебным паспортом».

12 мая — выступления на площади Свердлова и на Советской площади на митингах протеста против убийства тов. В. Воровского (10 мая) и ультиматума английского министра Керзона Советскому Союзу (9 мая).

«С песнями подошли манифестанты к балкону Коминтерна; впитали сердца расплавленную медь задушевных речей, и на митинг к Большому театру, там стальной голос Маяковского:

Эй, разворачивайтесь в марше...

...Коммуне не быть под Антантой!..

(«Правда», 13 мая 1923.)

«Половина третьего... Со Столешникова потянулись обратно колонны... На балконе памятника Свободы выступают ораторы. Митинг. Вот Владимир Маяковский. Резко, чеканно бросает на головы толпы стихи... И толпа дружно повторяет его припев:

— Левой, левой, левой!» («Рабочая Москва», 13 мая 1923.)

«Большой, басконечный Маяковский, выкрикивающий с балкончика статуи Свободы на медном зыке своего голоса:

— Разворачивайтесь в марше...

Левой!

и внизу ревущее тысячеголосое — «Левой!» («Правда», 13 мая 1923.)

20 мая, в день прибытия в Москву тела убитого в Лозанне полпреда СССР в Риме В. В. Воровского, в газете «Известия» напечатано стихотворение «Воровский» под заглавием «Сегодня».

Во второй половине мая в связи с нотой-ультиматумом Керзона Маяковским были написаны несколько стихотворений: «Товарищ Чичерин и тралеры отдаёт...» (не напечатанное и сохранившееся в неполной рукописи), «Универсальный ответ» «Это значит вот что!», «О том, как у Керзона с обедом разрасталась аппетитов зона». Последние два были напечатаны в «Известиях». «Универсальный ответ» был написан для бюллетеней Прессбюро и под заглавием «Мне надоели ноты. — много больно пишут что-то. Предлагаю без лишних фраз — универсальный ответ всем зараз» был напечатан в конце мая — начале июня в ряде газет в Минске, Саратове, Чернигове, Архангельске, Симферополе, Воронеже, Петропавловске, Краснодаре, Екатеринбурге.

23 мая в газете «Известия» напечатано стихотворение «Это значит вот что!»

25 мая в газете «Бакинский рабочий» напечатано стихотворение «Баку» (написанное в связи с трехлетием работы нефтяных промыслов).

27 мая — выступление на праздновании годовщины журнала «Молодая Гвардия».

Весной, не позже конца мая, написан второй расширенный вариант стихотворения «Всем Титам и Власам РСФСР» (1920), сохранившийся только в черновике в записной книжке. Был ли где-либо напечатан — не установлено. Заключительные строфы этого стихотворения под заглавием «Смыкай ряды» были переданы Маяковским в бюллетени Прессбюро и в июне напечатаны в ряде газет в Саратове, Краснодаре, Симферополе, Екатеринбурге, Петропавловске, Уральске, Одессе, Благовещенске.

2 июня заключил договор с Госиздатом и сдал рукопись сборника «236 страниц Маяковского» (книга 2-я, 3953 строки) (книга не вышла в свет).

3 июня в газете «Известия» напечатано стихотворение «О том, как у Керзона с обедом разрасталась аппетитов зона».

В тот же день в газете «Известия» (Одесса) — стихотворение «Разве у вас не чешутся обе лопатки?» под заглавием «Летим».

Это и ряд других «авиастихов» Маяковского этого времени («Издательство летчика», «Итог», «Авквачастушки» и др.) были написаны в связи с кампанией за строительство мощного советского воздушного флота.

10 июня в журнале «Красная нива», № 23, напечатано стихотворение «Марш комсомольца».

В тот же день в журнале «Товарищ Терентий», № 14 (Екатеринбург), напечатана статья «Агитация и реклама».

12 июня в газете «Известия» напечатано стихотворение «Разве у вас не чешутся обе лопатки?»

В первой половине июня вышла отдельным изданием поэма «Про это» (с фотомонтажами А. Родченко, Госиздат).

17 июня в журнале «Огонек», № 12, напечатано стихотворение «Горб».

21 июня в газете «Известия» напечатано стихотворение «Коминтерн» (в связи с пленумом Исполкома Коминтерна).

24 июня в журнале «Красная нива», № 25, напечатано стихотворение «Издательство летчика».

В тот же день в журнале «Товарищ Терентий», № 15 (Екатеринбург), — очерк «Мелкий нэп (Московские наброски)».

Во второй половине июня вышло отдельным изданием стихотворение «Солнце» («Необычайное приключение...», с рисунками М. Ларионова, изд-во «Круг»).

Не позже июня (до отъезда за границу) заключил договоры и сдал в издательство «Красная новь» рукописи следующих книг: «Маяковская галерея», «Ни знахарь, ни бог, ни ангелы бога крестьянству не подмога», «Обряды» и 2-й, дополненный вариант «Сказки о дезертире», — все четыре книги с рисунками и обложками Маяковского.

В июне вышел № 1 сатирического журнала «Крысодав» с программным стихотворением Маяковского «Мы» на обложке.

В июне-июле в журнале «Красная новь», № 4, напечатаны политические памфлеты из «Маяковской галереи» (Пуанкаре, Муссолини, Керзон, Пилсудский, Стиннес).

В журнале «Леф», № 3, — рекламные стихи «Лучшие советы».

В журнале «Молодая гвардия», № 4—5, — стихотворение «Молодая гвардия».

1 июля в литературном приложении к газете «Известия» (Одесса) напечатано стихотворение «Тоже вождь» («Гомперс» из «Маяковской галереи»).

В тот же день в журнале «Товарищ Терентий», № 16 (Екатеринбург), — статья «О мелочах».

1 июля на обложке журнала «Красная нива», № 26, было напечатано рекламное стихотворение и рисунок Маяковского «Глаза разбегаются! С чего начать? Во-первых, в Мосполиграффе вся печать...» (Оно было повторено затем в №№ 27, 28, 29 и 30 «Красной нивы»). В тот же день в «Известиях» в отделе объявлений была напечатана реклама Государственного универсального магазина (ГУМ): «Все, что требует сердце, тело или ум, — все человеку предоставляет ГУМ». С этих вещей началась работа Маяковского по рекламе государственных торговых и промышленных предприятий (см. дальше, сентябрь—декабрь). 2 июля, накануне отъезда за границу, Маяковский сдал ГУМу еще четыре рекламных плаката: «Нет места сомнению и думе — все для женщины только в ГУМе», о трубочном табаке и о голландском масле (худ. А. Родченко, четвертый плакат не установлен. Первый был напечатан в августе в № 20 «Огонька», о табаке и масле — в июле в № 28 «Красной нивы»).

Между 29 июня и 2 июля были написаны два стихотворения: «Итог» и «Авиадни» — в связи с передачей воздушному флоту 29 июня построенного на средства трудящихся Москвы самолета «Московский большевик». Первое было передано 2 июля в «Известия», но напечатано не было, второе — в бюллетени Прессбюро; в конце июля (в связи с предстоящим 2 августа Днем воздушного флота) напечатано в краснодарской, костромской и гомельской газетах.

3 июля в газете «Известия» напечатаны «Авиачастушки» Маяковского.

В тот же день вылетел из Москвы в Кенигсберг.

«Аэроплан, летевший за нами с нашими вещами, был снижен мелкой неисправностью под каким-то городом. Чемоданы были вскрыты, и мои рукописи взяты какими-то крупными жандармами какого-то мелкого народа». (Предисловие к сборнику «Вещи этого года».)

Около трех недель Маяковский отдыхал в Флинцберге. В конце июля был в Берлине и сдал в издательство «Накануне» сборник стихов «Вещи этого года (до 1 августа 1923 г.)».

25 июля написано предисловие к сборнику.

«Эти 12 месяцев работал больше, чем когда-либо. Для нас, мастеров слова России Советов, маленькие задачи чистого стиходелания отступают перед широкими целями помощи словом строительству коммуны. В этот же год мною написаны многие агитки-лубки: «Вон самогон», «Ни бог, ни ангелы бога человеку не подмога», а также многочисленные вещи в городских и деревенских бюллетенях ЦК.

...Сейчас пишу:

Роман (20—40 листов) проза

Пьеса (16 картин от Адама и Евы)

Образцовая повесть

Эпопея Красной армии

Названия есть, совершенствуются и будут опубликованы.

Стихи о Нордене
Стихи о Нордернее
О Сене и Пете (детское)

Август — прожил в Нордернее, на берегу Северного моря.

12 августа в газете «Известия» напечатано стихотворение «Нордерней» (присланное из Нордернея).

В первых числах сентября приехал в Берлин.

6 сентября написано стихотворение «Москва—Кенигсберг».

15 сентября — письмо из Берлина к Д. Бурлюку в Нью-Йорк.

«Пользуюсь случаем приветствовать тебя. Шлю книги. Если мне пришлете визу, буду через месяца два-три в Нью-Йорке.. Сегодня еду на 3 месяца в Москву».

Около 18 сентября вернулся в Москву.

За время отсутствия Маяковского появились в печати стихотворения: «Соглашательский идеал» («Вандервельде» из «Маяковской галереи») 29 июля в газете «Известия» (Одесса) и вступительные и заключительные строфы 2-го варианта «Сказки о дезертире» под заглавием «Наказ» в «Красном журнале для всех», № 7—8 (Петроград).

Вышли следующие книги Маяковского: в июле — сборник «255 страниц Маяковского» (Госиздат, стр. 255); в августе — агитпоэма «Вон самогон!» с рисунками Маяковского (изд. «Красная новь»); сборник «Ни знахарь, ни бог, ни ангелы бога нам не подмога» с рисунками Маяковского (изд. «Красная новь», стр. 35); сборник «Обряды» с рисунками Маяковского (изд. «Красная новь», стр. 40); 2-е издание «Сказки о дезертире» с рисунками Маяковского (изд. «Красная новь»); 2-е издание сборника «Стихи о революции» (изд. «Красная новь», стр. 124).

В конце сентября написаны для ГУМа четыре рекламных текста: «Комфорт и не тратя больших сумм...», «Дайте солнце ночью», «Хватайтесь за этот спасательный круг!», «Тому не страшен мороз злоеший, кто купит в ГУМе теплые вещи». Фото с плакатов худ. А. Родченко, сделанных по этим текстам, печатались неоднократно в «Известиях», «Огоньке» и «Красной ниве» в октябре—декабре.

Несколько позже Маяковский сделал для ГУМа еще четыре текста: «Нечего на цены плакаться...», «Приезжий из городов и сел...» и два — о часах Мозера.

Всю работу по рекламе для ГУМа и затем Моссельпрома, Резинотреста, Мосполиграфа и т. д. Маяковский вел совместно с художниками А. Родченко, В. Степановой, А. Лавинским, А. Левиным. Маяковский предлагал учреждениям использовать себя и художников в этой области, принимал заказы, писал тексты и делал предварительные эскизы плакатов, принимал от художников готовые плакаты и сдавал их учреждениям. Иногда даже по поручению заказчиков сдавал принятые работы для печатания в журналы.

1 октября в газете «Трудовая копейка» напечатано стихотворение «Солидарность».

В первых числах октября началась работа Маяковского по рекламе для Моссельпрома.

Рекламные тексты и лозунги Маяковского использовались Моссельпромом очень широко — на плакатах, в объявлениях, на вывесках киосков и магазинов, на обертках печенья, конфетных этикетках, фигурной рекламой на заборах и т. д. Первые рекламные тексты, сделанные для Моссельпрома, «Столовое масло», папиросы «Ира» («Нами оставляются от старого мира только папиросы Ира»), «Красная звезда» («Все курильщики всегда и везде отдают предпочтение «Красной звезде») заканчивались двустишием — сначала: «Нет нигде кроме как в Моссельпроме», потом просто: «Нигде кроме как в Моссельпроме». Это двустишие стало вскоре общим рекламным лозунгом Моссельпрома и получило огромное распространение. Работа Маяковского по рекламе (он называл ее «хозяйственной агиткой») вызвала целый ряд нареканий и издевательств со стороны критики и всяческих любителей «чистой» поэзии. В своей автобиографии Маяковский писал об этом: «Несмотря на поэтическое улюлюканье, считаю «Нигде кроме как в Моссельпроме» поэзией самой высокой квалификации».

В октябре Маяковский написал для Моссельпрома рекламные тексты о папиросах Ира, Моссельпром, Красная звезда, Шутка, Червонец, Прима, Араби, Леда, Посольские, о столовом масле, дешевом хлебе, печении, макаронах, шоколаде, четыре текста относительно обедов, отпускаемых на дом, и четыре — для уличной фигурной рекламы конфет.

В первой половине октября написаны рекламные тексты для Мосполиграффа: «У бумаги без печати никаких прав, печати делает Мосполиграфф», «Вспомните — у вас оборвались обои в комнате...», «Печать наше оружие...», «Каждый хозяйственник, умный который, здесь покупает все для конторы», всего десять текстов для плакатов и светорекламы.

14 октября в журнале «Огонек», № 29, напечатано стихотворение «Москва — Кенигсберг».

В середине октября написаны для Резинотреста рекламные тексты к плакатам о сосках («Лучших сосок не было и нет — готов сосать до старости лет»), мячиках, резиновых игрушках, шинах и восемь текстов о галошах. К одному из последних — «Дождик-дождь впустую льешь, я не выйду без галош. С помощью Резинотреста мне везде сухое место» — Маяковский сам нарисовал плакат.

Написаны два рекламных текста для журнала «Огонек» и издательства «Красная Новь».

В двадцатых числах октября предполагались два выступления Маяковского в Петрограде.

«В Петроград приезжает поэт Владимир Маяковский, который прочтет две лекции: «Воспоминания о Германии» и «Ну вас к чорту». Пер-

вая лекция состоится 28 октября в зале бывшей городской думы». («Красная газета», веч. вып., Л., 18 октября 1923¹.)

Во второй половине октября написана по заказу Резинотреста «агитреклама»: «Рассказ про Клима из черноземных мест про Всероссийскую выставку и Резинотрест». 23 октября Маяковский сдал ее Резинотресту и получил заказ на 50 рисунков к ней. Рисунки сделал сам и сдал в срок—27 октября.

1 ноября в газете «Беднота» в отделе объявлений напечатан «Рассказ про Клима из черноземных мест, про Всероссийскую выставку и Резинотрест» с 35 рисунками Маяковского.

В ноябре заключено соглашение между Лефом и Московской ассоциацией пролетарских писателей.

«В чем смысл этого соглашения? Что у нас общего?

Мы видим, что пролетарской литературе грозит опасность со стороны слишком скоро уставших, слишком быстро успокоившихся, слишком безоговорочно принявших в свои объятия кающихся заграничников, мастеров на сладкие речи и вкрадчивые слова. Мы дадим организационный отпор тяге «назад!», в прошлое, в поминки. Мы утверждаем, что литература не зеркало, отражающее историческую борьбу, а оружие этой борьбы.

Леф не затушевывает этим соглашением разниц наших профессиональных и производственных принципов. Леф неуклонно развивает намеченную им работу. Леф рад, что с его маршем совпал марш передового отряда пролетарской молодежи». (Передовая № 4 журнала «Леф», написанная Маяковским.)

Не позже ноября написана поэма «Рабочим Курска, добывшим первую руду, временный памятник работы Владимира Маяковского».

Во второй половине ноября написаны для Моссельпрома агиттексты для конфетных оберток карамели серии «Красная Москва» и «Наша индустрия» и совместно с Н. Асеевым текст для светорекламы Мосполиграфа: «О завхозе, который чуть не погиб со всей конторой». 15 рисунков к этой рекламе сделал сам Маяковский.

29 ноября заключил договор с Московским губернским отделом Союза рабочих полиграфического производства на агитпоэму о Кодексе законов о труде с 30 иллюстрациями. Срок сдачи — через две недели.

В ноябре в Екатеринбурге вышла агитпоэма «Вон самогон!» (Изд. «Уралкнига».)

В ноябре «Мистерия-буфф» была поставлена силами учащихся в Опытной школе эстетического воспитания детей. Маяковский был на одном из спектаклей.

¹ В «Литературном еженедельнике» (Л.) 21 октября было указано, что лекции состоятся 25 и 28 октября. Аналогичная заметка была и в журн. «Жизнь искусства». Но больше в печати никаких упоминаний, отчетов и рецензий нет. Выступления, очевидно, не состоялись. В указанные здесь дни Маяковский был в Москве.

В начале декабря написано рекламное объявление треста Моссушно: «Стой! Прочти! Посмотри! Выполни точка в точку. И в Моссушне, магазин № 3, оденешься в рассрочку» (4 декабря было напечатано в газете «Трудовая копейка»).

В декабре написаны для Моссельпрома агитрекламные тексты для оберток печенья: Римская азбука, Крестьянское, Венская смесь, Чайное печенье, Полпредское, Красный авиатор и Зебра. Написаны также для конфетных оберток 36 текстов, пропагандирующих введенные в СССР метрические меры (карамель «Новый вес» и «Новые меры»).

17 декабря сдал в губотдел Союза рабочих полиграфического производства рукопись агитпоэмы «Рассказ о том, как узнал Фадей закон, защищающий рабочих людей» (Кодекс законов о труде).

17 декабря присутствовал в Большом театре на чествовании В. Брюсова в связи с его пятидесятилетием.

19 декабря — письмо Наркома просвещения А. В. Луначарского «Товарищам полпредам, представителям НКП за границей и другим представителям Советской власти».

«Известный поэт В. Е. Маяковский командирован Наркомпросом в длительную поездку с широкими художественно-литературными целями. Наркомпрос РСФСР просит всех официальных представителей российского и союзных правительств, а равно всех лиц, стоящих на советской платформе и могущих быть полезными т. Маяковскому в его поездке, оказывать ему всемерную поддержку». (См. дальше — апрель 1924.)

В декабре Маяковский вел переговоры с Главполитпросветом о работе над целым рядом агитационных лозунгов для плакатов. Был составлен проект договора на следующие лозунги и рисунки к ним: а) по электрификации 5 лозунгов, б) по кооперации — 6, в) по местному бюджету — 4, г) по экспорту хлеба — 4, д) по конституции СССР — 4, е) по укреплению изб-читален и вовлечению в них крестьянских масс — 4, итого 33 лозунга и 7 чёрных рисунков по одному на каждую тему. Срок сдачи 2 января 1924 года. (Сохранена неподписанная копия; был ли подписан договор и выполнена вся работа — не установлено. Известно только о сделанных Маяковским 6 лозунгах для Главполитпросвета — по распискам художников, получивших свою долю гонорара. См. начало января 1924.)

В декабре совместно с Н. Асеевым написана по заказу треста Моссушно агитпоэма: «Ткачи и пряжи, пора нам перестать верить заграничным баранам».

29 декабря — заявление в издательство Мосполиграфа.

«Согласно переговорам предлагаю к изданию мои две книги: 1) Маяковский. Слова сегодняшнего образца Сборник в 5—6 листов последних стихотворений и поэм «Временный памятник рабочим Курска», «Про это»,

«Перелет Москва—Кенигсберг», «Германия», «Нордерней», «Чарли Чаплин», «Стихи о мандриле», «Молодая гвардия», «Баку» и др.; 2) Агитация—реклама идей, агитация вещей—реклама». На заявлении резолюция директора: «Согласен издать при условии отзыва о целесообразности издания от тов. А. В. Луначарского и представления от Ц. Б. Союза работников просвещения ставок оплаты литературного гонорара».

Маяковский представил требуемый отзыв от А. В. Луначарского. Луначарский написал: «Считаю бесспорно заслуживающими напечатания отдельным изданием интересные работы В. В. Маяковского, которые он предлагает в сборниках «Слово сегодняшнее» и «Агитация — реклама идей».

31 декабря Маяковский представил в «Мосполиграф» и справку губ. отдела Союза о минимальных расценках за стихи. Но затем, повидимому, в ходе дальнейших переговоров издательство высказало сомнения — будут ли распроданы эти книги. Маяковский решил доказать, что на его книги есть спрос.

3 января он получил в Контрагентстве печати справку, что его книги «в провинции из издаваемой поэзии, пожалуй, имеют самое большое распространение», и взял там же заказ на 600 экземпляров будущей книги. В тот же день такой же заказ на 200 экземпляров получил в книжном складе «Маяк»; 4 января на 300 экземпляров — в «Кооперативном издательстве» и в тот же день продал издательству «Молодая гвардия» весь тираж книги «Стихи сегодняшнего образца», (5000 экз.)¹. Однако договор с издательством «Мосполиграфа» так и не был подписан. Первый сборник через несколько дней Маяковский предложил издательству «Красная новь» (см. 9 января), на вторую книгу — о рекламе — Маяковский 28 июля заключил договор с Госиздатом, но издана она не была.

В конце декабря вышел сборник «Маяковская галерея». (Изд. «Красная Новь», стр. 63.)

1924

В первых числах января вышел журнал «Леф», № 4, с поэмой «Рабочим Курска, добывшим первую руду, временный памятник работы Владимира Маяковского», с передовой статьей Маяковского «Леф и Мапп» и рекламными стихами на обложке «Дальше».

Вышел сборник «Вещи этого года». (Изд. «Накануне», Берлин, 110 стр.)

В начале января написано для Главполитпросвета шесть текстов для плакатов (не разысканы; см. проект договора с ГПП в декабре 1923 г.); написаны текст для рекламного плаката журнала «Московский пролетарий», рекламный текст о макаронах для Моссельпрома. В конце января — начале февраля Маяковский сделал для Моссельпрома еще один текст о макаронах, шесть текстов о папиросах «Клад», тексты о папиросах «Кино» и «Трест», о пиве и еще 140 строк текста о папиросах «Клад» (последние не разысканы).

¹ Все эти документы сохранились в бумагах Маяковского.

9 января заключил договор с издательством «Красная новь» и сдал рукопись сборника «О Курске, о комсомоле, о Чаплине, о Германии и пр.».

Около 10 января выехал в лекционную поездку в Киев и Харьков.

12 января — выступление в Киеве в Пролетарском доме искусств (б. Купеческое собрание) с докладом и чтением стихов:

«О Лефе, белом Париже, сером Берлине, Красной Москве, Маяковский смеется, Маяковский улыбается, Маяковский издевается».

13 января — второе выступление в Киеве в клубе рабочих корреспондентов.

14 января — выступление в Харькове в Оперном театре с докладом и чтением стихов:

«I. Про Леф, белый Париж, серый Берлин и Красную Москву. II. Маяковский смеется, Маяковский улыбается, Маяковский издевается (последние сатирические стихи Маяковского). III. Стихи. IV. Поэмы». («Коммунист», Харьков, 13 января 1924.)

«Пожалуй самое интересное на вечере было заявление Маяковского, что он больше стихов писать не будет, а переходит на прозу, причем хочет затмить «Тарзана».» («Коммунист», Харьков, 17 января 1924.)

15 января — письмо к Л. Ю. Брик из Харькова.

«..Вчера приехал в Харьков, а через полчаса еду в Киев обратно.. В Ростов, очевидно, съездить не удастся — все помещения заняты съездами советов. В Харькове было полно, но с легкой проредью в ложах, а зато в Киеве стояло такое вавилоненье столпотворенское, что были даже два раненых. С книжками ничего не удастся, т. к. не сию нигде в городе более половины дня».

16 января — третье выступление в Киеве в театре им. В. И. Ленина с докладом: «Долой искусство, да здравствует жизнь!»

В программе: 1) Что такое Леф: а) от классиков монахов к ударной агитации, б) как делается сатира, реклама и анекдот; 2) стихи о революции; 3) сатира и юмор; 4) Маяковский о Пуанкаре, Керзоне, Муссолини, Пилсудском, Вандервельде и др.» («Пролетарская правда», Киев, 15 января 1924.)

Выступления в Киеве вызвали целую дискуссию о Маяковском на страницах «Пролетарской правды» (15, 17 и 18 января). Отчет Б. Розенцвейга о первом выступлении, развязно поругивавший Маяковского и вызвавший возражения, ничего по существу о выступлении Маяковского не сообщает.

18 января в поезде Киев — Москва написано стихотворение «Ух и весело!»

18—19 января вернулся в Москву.

20 января в журнале «Красная нива», № 3, напечатаны стихотворения: «Уже» и «Протестую».

22 января в газете «Известия» напечатано стихотворение «9-е января».

22 января присутствовал на заседании XI Всероссийского

съезда Советов, на котором М. И. Калинин сообщил о смерти Владимира Ильича Ленина 21 января.

27 января присутствовал на похоронах В. И. Ленина на Красной площади.

Смерть и похороны В. И. Ленина произвели на Маяковского огромное, подавляющее впечатление. Общий замысел поэмы о Ленине, как Маяковский говорит в автобиографии, возник еще в 1923 году. Но, несомненно, что трагические переживания, связанные со смертью В. И. Ленина, глубочайшая боль, которую вызвала в Маяковском эта смерть, были тем эмоциональным толчком, который поставил перед ним эту грандиозную тему вплотную. Глубокими переживаниями дня похорон начинается поэма «Владимир Ильич Ленин», и им посвящена вся третья часть поэмы. Описывая последние исторические минуты прощания народа со своим вождем, Маяковский говорит об охватившем его чувстве долга и необходимости писать об этом, «размножить» неизгладимые впечатления очевидца.

Начал писать поэму Маяковский, повидимому, спустя некоторое время, на что указывают первые строки поэмы. Закончил в начале октября (см. 3 октября и дальше). До окончания поэмы никаких отрывков из нее и даже сведений о том, что Маяковский над ней работает, в печати не появлялось.

В январе или феврале состоялся вечер Маяковского в Доме ученых.

В первых числах февраля Новый театр Буффонады предложил Маяковскому сделать для театра новый вариант «Мистерии-буфф».

8 февраля в газете «Известия» напечатано стихотворение «Здравствуйте» (в связи с признанием СССР Англией 2 февраля).

В феврале в журнале «Смехач», № 1, напечатано стихотворение «Ух, и весело!»

13 февраля — выступление в Большом зале Консерватории на вечере «Леф вызывает своих критиков».

Тезисы доклада Маяковского, который назывался: «Анализ бесконечно малых» (по записной книжке):

«1) Казалось бы, работа Лефа ясна и безапелляционна. 2) Книжные витрины заполнены, 3) Периодическая печать. 4) Лозунги. 5) Вид города. Реклама. 6) Сегодня в пяти театрах вещи лефов. 7) Даже за границей: Крученых и Маяковский в Германии.»

Но Лефу этого мало, Леф в отчаянии: нас не признал Гимельфарб! 1) Кто он? 2) Мелочь, но из-за Гимельфарба глядят тысячи Гимельфарбиков. 3) Вечер в целях экономии (нельзя же про все печатать?) 4) Это именно маленькие, а не малые. 5) В чем этот гимельфарбизм? 6) Гимельфарб делает выводы. 7) Ясно, антимарксизм: ситуация подгоняется под желаемый результат. 8) Не один Шебуев, 9) Не один Шебуев, 10) Сегодня на Верхариа обиделась небеса. 11) Шебуев, Граф Амори — Вербицкая. «Пробуждение» в три цвета. Может он о бедрах Венеры из Возрождения или о влиянии Санина на «Ключи счастья», нет, он корит футуристов 12) Шебуев — это уже циническое. Для сглаживания перейдем к чуть побольше. 13) Коган. Что Леф не бомба, а академия, а на предложение ввести 50 лефов сказал: вы нам всю академию разгромите! 14) Полян-

¹ Маяковский имел в виду статью Б. Гимельфарба «Литература и революция» в «Известиях» 16 декабря 1923 г.

ский тоже. 15) Правдухин. 16) За ними раки с клешней. Розенцвейг из Киева. И, наконец, целая поэма... Это барьер между нами, между вами, работниками новой культуры и рвущейся массой. Долой этот барьер. Да здравствует оценка нашей работы самим потребителем!»

«Вл. Маяковский в своем «Анализе бесконечно малых», имея в виду критиков Лефа, указал, что критики эти, по его мнению, просмотрели в Лефе главное и возвращаются к приемам критики 1912—1913 годов, когда о футуристах писали, как о скандалистах и т. п.» («Известия», 15 февраля 1924.)

«Началось с осады Большого зала Консерватории. Публика — большая все молодежь — с решительным видом, с зычными криками рвалась в будку администратора, на лестницы, и казалось, что вся эта масса молодежи повела правильную осаду на лефов, но оказалось, что публика пришла с самыми мирными и дружелюбными намерениями, пришла послушать и в случае нужды — горой постоять за своих поэтов.

— Лефов печатают, с лефами считаются. Но вот Гиммельфарб нас не признает, — заявляет Маяковский, — Гиммельфарб не персонально, а Гиммельфарб, как собирательное. Это — критики типа Шебуева, Когана и других.

Вызванные на дискуссию «старики», как и следовало ожидать, — не явились. Не явились ни Брюсов, ни Коган, ни Эренбург. Зато явилась молодежь! Поэт биокосмист Ярославский, поэт Герцман и рабочий завода «Динамо» Гаврилов яростно нападали на Леф и на лефов. Ответы критикам были не менее горячие. В общем прения были чрезвычайно пламенными и шумными». («Вечерняя Москва», 14 февраля 1924.)

17 февраля в журнале «Огонек», № 8, напечатано стихотворение «Кино-поветрие (О развлечениях Европы)».

20 февраля — выступление в Одессе в Северном театре.

«На лекцию пришли пролетарская молодежь и кое-кто из академической, седовласой интеллигенции... Как бы там ни было, Маяковский все-таки свой поэт, хоть и претенциозный и не отрешившийся еще от чудачества желтокофтного протестантизма. И одесская пролетарская общественность приняла его с достаточной чуткостью. Некоторые из прочитанных стихотворений, на которых лежало подлинное лицо творчества Маяковского, произвели сильнейшее впечатление. Выступление т. Маяковского — значительное событие на фоне нашей одесской литературной мертвечины». («Известия», Одесса, 22 февраля 1924.)

22 февраля — второе выступление в Одессе в Драматическом театре им. Луначарского.

23 февраля — третье выступление в Одессе в Центральном партийном клубе.

«У театров, где читал Маяковский, были «хвосты» рабфаковцев и комсомольцев, которые бурно и радостно аплодировали его стихам и на завтра пришли в еще большем количестве в Драматический театр и в Центральный партийный клуб... Выступления Маяковского на эстраде одесских театров выросли в «настоящее событие». Всколыхнулось застойное болото гниющих отбросов старой культуры, которыми в этих же театрах нас из сезона в сезон пичкают и зловоние которых душит живую мысль». («Известия», Одесса, 26 февраля 1924.)

24 февраля в журнале «Красная нива», № 8, и одновременно в газете «Известия» (Одесса) напечатано стихотворение «Дипломатическое» (в связи с признанием СССР Англией, Италией, Австрией в феврале 1924 г.).

25 февраля — выступление в Киеве в цирке.

Программа: 1. «Вступление — Кто мы? Что Лед? Как критика? 2. Новые стихи: «Киев», «Вагон до Козотопа», «Фантазия», «Признание и признание». 3. Портреты тех, кого я не видел: Маяковский о Муссолини, Керзоне, Пуанкаре и Вандервельде». («Пролетарская правда», Киев, 24 февраля 1924.)

В последних числах февраля вернулся в Москву.

В феврале вышла агитпоэма «Ткачи и пряжи, пора нам перестать верить заграничным баранам», написанная совместно с Н. Асеевым. (Изд. треста «Моссукуно».)

2 марта в газете «Пролетарская правда» (Киев) напечатано стихотворение «Киев».

4 марта — выступление в Политехническом музее.

Афиша: «1. Доклад: Отчет за 1923—1924 г. 1) Стихи на затычку, 2) Белебристика¹. 3) Белые сосиски Лизистраты. 4) Мололящиеся старички — Маковец. 5) Стариковствующие молодые — АХРР. 6) А все-таки Эренбург вертится. 7) Лес дыбом и т. д. П. Новые стихи: 1) Мандрилла². 2) Киев. 3) По дороге до Конотопа. 4) Приморские швейцарцы».

В начале марта написан текст агитплаката для Наркомфина: «Новые деньги, стоящие твердо, укрепят хозяйство деревни и города» (в связи с переходом на твердую валюту. Вышел в свет в начале мая.) Текст этого плаката под заглавием «Буржуй, прощайся с приятными деньками, добьем окончательно твердыми деньгами» был напечатан в газете «Известия» (Казань) 29 марта.

Очевидно, тогда же были написаны восемь текстов для плакатов Наркомфина о денежной реформе.

16 марта в журнале «Огонек», № 12, напечатано стихотворение «Киев».

В первой половине марта написаны лозунги для 14-ти агитационных профплакатов для издательства «Труд и книга».

В середине марта написаны для Моссельпрома рекламные тексты к 8 рисункам по двадцать строк, всего 160 строк (?) (Не разысканы.)

В конце марта — начале апреля написана по заданию Наркомфина совместно с Н. Асеевым агитпоэма «Рассказ о Кли-

¹ По поводу этого тезиса, в отчете с вечера есть следующее: «На углу Петровки и Кузнецкого висела вывеска... давно это было... «Журнал для женщин... даю советы, принимаю стихи и... белебристику». Туда явились в цилиндрах Бурлюк и Маяковский. От лица оскорбленной литературы умоляли исправить вывеску. Редакторша брыкалась: «Пусть, — говорила она, — кто ее читает?»

— Вот такова современная белебристика». («Вечерние известия», 10 марта 1924.)

² По поводу стихотворения «Мандрилла» в том же отчете есть указание, что «Маяковский пишет блестящую поэму о нэпе «Мандриллу». «Стихи о Мандрилле» упоминаются и в числе вещей, которые должны были войти в сборник «Стихи сегодняшнего образа» (см. 29 декабря 1923). Вещь под таким заглавием до сих пор не разыскана.

ме, купившем крестьянский заем, и о Прове, не подумавшем о счастье своем» (в связи с выпуском крестьянского выигрышного займа 19 марта).

24 марта — выступление в клубе издательства «Молодая гвардия».

31 марта — выступление в Голубом зале Дома Союзов на вечере журнала «Молодая гвардия».

31 марта написано стихотворение «Комсомольская».

1 апреля в газете «Звезда» (Минск) напечатано стихотворение «Твердые деньги — твердая почва для смычки крестьянина и рабочего».

В начале апреля написаны восемь лозунгов для агитплакатов Наркомфина о крестьянском займе. (Не разысканы.)

В начале апреля написаны для Моссельпрома стихотворные тексты и сделаны рисунки для карамельных оберток — серия «Красноармейская звезда».

«Влад. Маяковский занят композицией рисунков оберточных «бумажек» для карамели дешевых сортов, покупаемых деревней. Помимо рисунка, обертки-агитки будут содержать двустишие». (Газ. «Последние новости», 14 апреля 1924.)

В апреле в журнале «Молодая гвардия», № 2—3, напечатано стихотворение «Комсомольская».

10 апреля в журнале «Смена», № 6, напечатано стихотворение «На учет каждая мелочишка».

В тот же день в газете «Вечерняя Москва» напечатан ответ Маяковского на аңкету: «Что же такое СОПО?»

«К Союзу поэтов мое отношение чрезвычайно осторожное. Никакого участия в его организационной жизни я никогда не принимал (случайные выступления на эстраде — не в счет). «Кафе» СОПО в том виде, в какой оно сейчас пришло, внушает мне полное отвращение. Я не хотел до сих пор грубо рвать с СОПО, считая его очень слабым, но все же каким-то зачатком профессионального объединения. Во всяком случае, здесь должна быть проведена самая решительная чистка и переборы».

Около 15 апреля выехал за границу, через Ригу в Берлин.

19 апреля приехал в Берлин.

«Проездом в Америку прибыл вчера в Берлин Владимир Маяковский». («Накануне», Берлин, 20 апреля 1924.)

Намерение Маяковского проехать в Америку не удалось осуществить. Причины заключались очевидно, в затруднениях с визой. Подробности переговоров по этому поводу неизвестны. Маяковский пробыл в Берлине около двух недель. В результате этой поездки было написано стихотворение «Два Берлина» (см. 12 июля).

29 апреля вечер Маяковского в Берлине, устроенный Германским отделением Всероссийского союза работников печати в большом зале Палаты Господ.

Программа вечера: I) Расцвет Лефа. Что такое Леф? Леф в поэзии. Леф в прозе. Леф в рекламе. Леф в театре. II) Последние стихи: «Смерть не сметь», «Перелет Москва — Кенигсберг», «Киев», из поэмы «Про это», из поэмы «Памятник рабочим Курска» и др. III) Сатира: «Сти-

хотворение о Мясницкой, о бабе и о всероссийском масштабе», «Кума», «О дряни», «Как работает республика демократическая» и др. Начало ровно в 8½ ч. (по Лиге времени, т. е. минута в минуту)». («Накануне», Берлин, 25 апреля 1924.)

«Вечер прошел с большим успехом. Зал был переполнен. Присутствовало много иностранцев. («Накануне», 1 мая 1924.)

«Вечер Маяковского был разделен на две части. В первой поэт познакомил аудиторию с новым течением в кругах московских пролетарских писателей — с Лефом. Во второй части вечера Маяковский читал свои стихи. Леф, по словам докладчика, отмежевался от самодовлеющего искусства. Вместо сладких звуков и молитв он хочет идти об руку с мозолистыми руками рабочего, хочет укреплять в нем бодрость, веру в правоту Октября и сам старается слиться с создающей работой, к которой зовет сегодняшний новый день России... Леф хочет быть громким эхом новых звуков, несущихся по русским просторам... Стихи Маяковского скваны из стали в горниле русской революции. Бодро и призывно звучат они, поднимают радостными криками упавший дух, улыбаются дружески солнцу, гимнами встречают крепнущую пролетарскую силу и сливаются в песнях со сплоченными рядами новых русских людей. Маяковский — большой талант, и его эволюцию от сданного им в архив желтокофточного футуризма к поэзии «Леф» никоим образом не поставишь ему в упрек». («Накануне», 4 мая 1924.)

Около 9 мая вернулся в Москву.

В первой половине мая вышла тиражом в 200 000 экземпляров без имени автора агитпоэма «Рассказ о Климе, купившем крестьянский заем, и о Прове, не подумавшем о счастье своем», написанная совместно с Н. Асеевым. (Изд. «Финансовой газеты».)

В середине мая написаны тексты для одиннадцати упаковок шоколада Моссельпрома «Живые картинки» — 44 строки. (Не разысканы.)

Во второй половине мая вышла агитпоэма. «Рассказ про то, как узнал Фадей закон, защищающий рабочих людей». (Изд-во МГСПС «Труд и книга».)

Около 17 мая выехал в Ленинград.

19 мая — выступление в Ленинграде в зале Филармонии.

20 мая — второе выступление в Ленинграде в зале Филармонии с докладом «О современной поэзии»:

Тезисы выступления по записной книжке Маяковского: «Обзор всегда скучная вещь, но ввиду затишья не бесполезен. — После великих реалистов — Некрасова, Достоевского — Петербург спал, затих, стал реакционен литературно. — Символисты Брюсов, Бальмонт, Белый, Сологуб — Питер. — Блок мне не так интересен, как Белый. — Футуризм — Северянин, Олимпоз, Широкоев. Москва — Каменский, Хлебников, Крученых. — Революция. Рождение ее в Ленинграде дало вспышку. Искусство коммуны. Пролеткульт... Струны души. Архаизм. За 600 верст бьется художественная жизнь. не знавшая себе равной в Европе. В чем главное — не в создании произведений, а в тенденции. — Жизнестроение вместо жизнеописания. — Перевод работы из искусства в жизнь. — Этот лозунг объединяет массу. По отношению к этим лозунгам и строится сейчас литература, живопись. — Обычно принят другой порядок расценок, например: старая литература (вне Октября), попутчики, пролетарская. — Мы делим на Октябрьскую

революционную и реакционную. — Вокруг этого кипит борьба... Появился III фронт. — Каждый должен отдать себе отчет, уметь управлять оружием. — Поэтому молодежь от литературы оцупов — входите в литературную борьбу.

«Вчера ленинградским литературным кружкам сильно досталось от выступившего в зале Филармонии Маяковского... Искусство для пролетариата не игрушка, а оружие — поэтому, да здравствует страстная, беспощадная борьба за новое пролетарское искусство. «Долой метафизику» и «Буниновщину»,—закончил докладчик,—и «да здравствуют передовые рабочие круги!» Во втором отделении Маяковский прочел ряд наиболее популярных своих стихотворений». («Красная газета», веч. вып., Л., 21 мая 1924.)

21 мая — третье выступление в Ленинграде.

22 мая — четвертое выступление в Ленинграде в зале Филармонии.

Около 24 мая вернулся в Москву.

26 мая в газете «Вечерняя Москва» напечатано коллективное письмо редакции и сотрудников журнала «Лев» в Моссовет в связи со смертью худ. Л. Поповой.

Семья Поповой настаивала на религиозных похоронах, а Маяковский и подписавшие письмо просили постановления Моссовета о предостережении им «возможности совершить гражданские похороны тов. Поповой».

26 мая — выступление в Малом театре на диспуте о задачах литературы и драматургии по докладу А. В. Луначарского.

«Искусство должно являться сружьем; таким оружием, которое художник, писатель, актер дают классу. Но с точки зрения коменданта того интендантства, которое собирает все это искусство, не будут ли эти поставщики через 5—10 лет привлечены к ответственности за поставку явно гнилого сукна? Я считаю одним из огромнейших моментов в области искусства — это ремесло, умение, и вот, с точки зрения этого ремесла, прихожу к значительно более пессимистическим выводам, чем пришел Анатолий Васильевич. Я утверждаю, что литературного подъема в смысле работы сейчас нет, а есть подъем литдрак. Если бы у нас были произведения, равные по огненности, по убежденности защищаемых позиций всей этой драке, которая возгорелась, мы были бы обеспечены литературой. Но, к сожалению, все эти выступления прикрывают чрезвычайно мелкую литературу, чрезвычайно маленькое по существу искусство...

...Вот Анатолий Васильевич упрекает в неуважении к предкам, а я месяц тому назад, во время работы, когда Брик начал читать «Евгения Онегина», которого я знаю наизусть, не мог оторваться и слушал до конца и два дня ходил под обаянием четверостишия:

Я знаю: жребий мой измерен,
Но, чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я.

Конечно, мы будем сотни раз возвращаться к таким художественным произведениям, и даже в тот момент, когда смерть будет накладывать нам петлю на шею, тысячи раз; учиться этим максимально добросовестным творческим приемам, которые дают бесконечное удовлетворение и верную формулировку взятой, диктуемой, чувствуемой мысли.

В мае — июне написано стихотворение «Юбилейное» (в связи с 125-летием со дня рождения Пушкина).

В конце мая — начале июня написаны пять рекламных текстов для плакатов Контрагентства печати и для Чаеуправления — пятнадцать рекламных текстов чая, кофе и какао.

В июне, июле и первой половине августа написаны для Госиздата около 35 рекламных текстов и лозунгов для плакатов, вывесок и объявлений (см., напр., в «Известиях» 3 июля, 2 и 3 августа; восемь текстов не разысканы). За то же время были написаны еще совместно с Н. Асеевым рекламная поэма о Госиздате, рекламная сказка «Всем детям на свете» (580 строк) и четыре рекламных песенки (350 строк). (Все эти вещи не разысканы.)

В конце июня — первой половине июля написаны для Моссельпрома тексты рекламных плакатов о весовом печении, о специях, о колбасе, рекламная «поэма о папиросах» — «Перед курящим» (131 строка) и 220 строк для рекламных вкладок в папиросы. («Поэма» и вклады не разысканы.)

12 июля в газете «Волна» (Архангельск) напечатано стихотворение «Два Берлина».

В первой половине июля вышел сборник «О Курске, о комсомоле, о мае, о полете, о Чаплине, о Германии, о нефти, о V Интернационале и о проч.» (Изд-во «Красная новь», стр. 91.)

18 июля — выступление на диспуте о постановке «Д. Е.» в ТИМ.

28 июля заключил договор с Госиздатом на книгу «Реклама» (3 печ. л., срок сдачи 4 августа). 4 августа книга была сдана. В свет не вышла.

В тот же день заключен еще один договор с Госиздатом на 3-е издание поэмы «Война и мир».

В июле — первой половине августа написаны совместно с Н. Асеевым две агитпоэмы для «Кооперативного издательства» — «Одна голова всегда бедна, а потому бедна, что живет одна» и «Рассказ о том, путем каким с бедой управился Аким».

В августе в журнале «Леф», № 2, напечатано стихотворение «Юбилейное».

3 августа в газете «Известия» напечатано стихотворение «Пролетарий, в зародыше задуши войну». (Написано к десятилетию империалистической войны.)

В первой половине августа написаны лозунги для двенадцати агитационных кооперативных плакатов (для «Кооперативного издательства»).

В середине августа написаны для Моссельпрома тексты

рекламных плакатов о папиросах: «Таис», «Посольские», «Басма», «Селям».

Около 20 августа выехал на юг: Севастополь — Ялта — Новороссийск — Владикавказ — Тифлис.

29 августа приехал в Тифлис.

«В Тифлис из Новороссийска приехал поэт Владимир Маяковский. Следует ожидать его выступлений с новыми стихами». («Заря Востока», 30 августа 1924.) В этот приезд выступлений Маяковского не было.

В конце августа — начале сентября написано стихотворение «Севастополь — Ялта» и сдано в редакцию газеты «Заря Востока» во время пребывания в Тифлисе. (Напечатано не было.)

3 сентября в газете «Заря Востока» (Тифлис) напечатано стихотворение «Владикавказ — Тифлис».

7 сентября в газете «Заря Востока» напечатано стихотворение «Юбилейное».

В первых числах сентября — переговоры в Тифлисе с театром им. Руставели (режиссером К. Марджанишвили) о постановке «Мистерии-буфф» на горе Давида.

В первой половине сентября в Тифлисе написано стихотворение «Гулом восстаний, на эхо помноженным, об этом дадут настоящий стих, а я лишь то, что сегодня можно, скажу о деле 26-ти».

В середине сентября вернулся в Москву.

20 сентября, в шестую годовщину расстрела двадцати шести бакинских комиссаров, в газете «Заря Востока» (Тифлис) напечатано стихотворение «Гулом восстаний, на эхо помноженным...», 28 сентября это стихотворение было напечатано в журнале «Красная нива», № 39, под заглавием «О деле 26-ти».

21 сентября в газете «Известия» напечатано стихотворение «Прочь руки от Китая».

В сентябре вышел в Харькове сборник избранных авиастихов «Штурм неба» со стихотворениями Маяковского: «Это значит вот что», «Издевательство летчика», «Разве у вас не чешутся обе лопатки?»

Сентябрь — начало октября — написано стихотворение «Тамара и Демон» (датируется включением в сборник «Только новое» — см. 11 октября).

Сентябрь — октябрь — сотрудничество Маяковского в сатирическом журнале «Красный перец». В № 22 было напечатано стихотворение «Хулиганщина» (без подписи), в № 24 — «Селькор» и «На помощь» (под инициалами В. М.), в № 25 — октябрьское стихотворение «Посмеемся!». Кроме того, в эти месяцы был написан еще целый ряд подписей к рисункам в журнале: «Маленькая разница», «Запасливый кооператор»,

«Каждая фабрика, каждый завод, посмотри внимательно это вот»—№ 20; «Мы прогнали с биржи труда тех, кто так пролез туда» — № 21; «Постоял здесь, мотнулся туда, вот и вся производительность труда», «Ворковал (совсем голубочек) Макдональд посреди рабочих»...—№ 22; «Грустная повесть из жизни Филиппова», «Советский Союз, намотай на ус: кто Юз?», «Крестьянское», «Мотня в работе — разрухе родня» — № 23; «Рабочий! Эй!», «Наши поправки в англо-советский договор», «Маленькая электрификация», «Рабочий» Макдональд и буржуй Асквит»—№ 24; «Повествование это о странствии эсера вокруг света», «Смотри, чтоб праздник перешел в будни, чтоб шли на работу праздника многолюдней», «Паноптикум» — № 25; «Не предаваясь большевистским бредням, жил себе Шариков буржуйчиком средним...»—№ 26; «Юз, незнакомый с проволочкой, нас опутывал колючей проволочкой...» № 27. Все это было напечатано без подписи.

3 октября заключил договор с Госиздатом на поэму «Владимир Ильич Ленин». (Срок сдачи рукописи 17 октября.)

В тот же день заключил договор с Госиздатом на сборник «Стихи 1924 года» («Только новое». Срок сдачи рукописи 10 октября.)

В первых числах октября закончил поэму «Владимир Ильич Ленин».

«Закончил поэму «Ленин». Читал во многих рабочих собраниях. Я очень боялся этой поэмы, так как легко было снизиться до простого политического пересказа. Отношение рабочей аудитории обрадовало и утвердило в уверенности нужности поэмы». (Автобиография.)

11 октября сдал в Госиздат рукопись сборника «Только новое».

В первой половине октября вышла агитпоэма «Одна голова всегда бедна, а потому бедна, что живет одна», написанная совместно с Н. Асеевым. («Кооперативное издательство»).

В первой половине октября написаны совместно с Н. Асеевым два рекламных стихотворения для образцовой столовой Моссельпрома (б. «Прага»): «В других столовых люди тени», «Где провести сегодня вечер?» (Первое было напечатано 9 ноября 1924 г. в № 46 «Огонька» в отделе объявлений. Оба они были выпущены отдельными листовками.)

В октябре начаты переговоры с Госиздатом об издании Полного собрания сочинений (см. февраль 1925).

12 октября — выступление с чтением поэмы «Владимир Ильич Ленин» в редакции газеты «Рабочая Москва».

«Вчера в редакции «Рабочей Москвы» В. Маяковский в кругу сотрудников газеты читал свою новую поэму «Владимир Ильич Ленин». Поэма посвящается Российской коммунистической партии. В ней с большой силой даны изображения капитализма, постепенно нарастающей борьбы пролетариата, революции февральская и октябрьская, работа

и роль великого Ильича. Последняя часть поэмы посвящена смерти Ленина. Отдельные отрывки поэмы будут помещены в нашей газете». («Вечерняя Москва», 13 октября 1924.)

18 октября в газете «Рабочая Москва» напечатан отрывок «Партия» из 2-й части поэмы «Владимир Ильич Ленин».

18 октября — выступление с чтением поэмы «Владимир Ильич Ленин» в Думе печати.

«Небольшой зал Дома печати был переполнен публикой, главным образом молодежью». («Вечерняя Москва», 21 октября 1924.)

«Поэма разделена на несколько частей: отношение автора к теме, пролог, рождение Ленина, его жизнь и смерть... Путь Ленина служит как бы великим фоном, где иногда близко, до боли, проступают черты живого Ленина, простого и родного, товарища и вождя». («Известия», 26 октября 1924.)

20 октября сдал в Госиздат рукопись поэмы «Владимир Ильич Ленин».

21 октября в «Рабочей газете» напечатан отрывок «Улица в похороны» из 3-й части поэмы «Владимир Ильич Ленин».

21 октября — выступление с чтением поэмы «Владимир Ильич Ленин» перед активом Московской партийной организации в Красном зале МК ВКП(б).

«Зал был переполнен. Поэма была встречена дружными аплодисментами всего зала. В открывшихся прениях... ряд товарищей говорил, что это сильнейшее из того, что было написано о Ленине. Огромное большинство выступавших сошлось на одном, что поэма вполне наша, что своей поэмой Маяковский сделал большое пролетарское дело. После прений Маяковский отвечал оппонентам. В частности Маяковский указал, что он хотел дать сильную фигуру Ленина на фоне всей истории революции, а не интеллигентский эстетский образ...» («Поэма Маяковского «Ленин» перед судом партийного актива», «Рабочая Москва», 23 октября 1924.)

23 октября — письмо Наркомпроса А. В. Луначарского в административно-хозяйственный отдел ВСНХ.

«Поэт Маяковский отправляется за границу в качестве корреспондента и для научной работы. Наркомпрос просит на время его отъезда оставить за ним его комнату (Лубянский пр., 3, кв. 12), где находятся его работы и рукописи».

24 октября выехал из Москвы через Ригу и Берлин в Париж.

«В. В. Маяковский в ближайшее время уезжает в кругосветное путешествие». («Вечерняя Москва», 22 октября 1924.)

Около 2 ноября приехал в Париж.

«Через несколько дней после приезда Маяковский получил из префектуры предложение покинуть Париж.

...И вот мы оба в префектуре. Я еще вижу, как мы бродим по длинным запыленным коридорам, посылаемые из комнаты в комнату. Я — впереди, Маяковский — сзади. Он производит страшный шум стальными набойками каблучков и тростью, которая цепляется за стены, двери и стулья.

Наконец мы попали в кабинет какого-то важного чиновника. Это был очень раздражительный господин, который привстал из-за своего стола для того, чтобы громким и яростным голосом убедительнее сказать

нам, что господин Маяковский должен покинуть Париж в течение 24 часов.

Я пробормотала какие-то малоубедительные вещи, а невыносимый Маяковский непрерывно перебивал меня:

— Что ты ему говоришь?

— Что он тебе говорит?

— Я говорю, что ты не особенно опасный, потому что не говоришь, ни слова по-французски.

Лицо Маяковского вдруг просветлело, он посмотрел доверчиво на раздражительного господина и произнес густым и невинным голосом:

— Jambon¹.

Господин перестал кричать, взглянул на Маяковского, улыбнулся и сказал:

— На сколько времени вы хотите визу?» ? (Эльза Триоле. «Воспоминания».)

23 ноября присутствовал при перенесении праха Жана Жореса в Пантеон. (Это событие было описано впоследствии в стихотворении «Жорес».)

4 декабря — первый посол СССР во Франции Л. Б. Красин приехал в Париж.

«Перед зданием посольства толпа фотографов и репортеров. Перебегая с одного тротуара на другой, они ловят обрывки последних сведений и кучей вонючей устремляются в щель ворот, приоткрывшихся, чтобы впустить кого-то из посольских... Во двор впущены лишь сотрудники «Юманите». Перед носом проталкивающегося сквозь строй журналистов Маяковского раздраженный консьерж захлопывает вымытые свежей охрой ворота. Маяковский неистово стучит кулаком, и, наконец, выпускается во двор...» («Последние новости», Париж, 5 декабря 1924.)

6 декабря в парижской литературной газете «Le нувель литерер» напечатано интервью с Маяковским.

«Г-н Маяковский, который никогда не учился французскому языку, потому — как он говорит — что он не ладил с учителем в гимназии, объясняет через переводчика, что Россия в настоящее время переживает эпоху литературного возрождения. Поэзия значительно расширила сферу своего воздействия, она трактует о самых важных вопросах, и сами массы призваны судить о ее достоинствах, так как стихи теперь читаются перед огромными толпами народа. Кстати, по мнению Маяковского, рабочие Москвы и Ленинграда являются лучшими судьбами литературы, чем прежняя публика, их критика относится к самим произведениям, а не к исполнению».

6 декабря — письмо из Парижа к Л. Ю. Бриж.

«О себе писать почти нечего. Все время ничего не делал; теперь опять начинаю. К сожалению, опять тнет на стихи — лирик! Здесь мне очень надоело — не могу без дела. Теперь с приездом наших хожу и отвожу советскую душу. Пока не читал нигде, кроме дома: вполголоса и одиночкам. Если есть новые мои книги или отрывки где-нибудь напечатаны — пришли».

Сию в Париже, так как мне обещали в две недели дать ответ об американской визе. Хоть бы не дали, тогда в ту же секунду выеду в Москву, погашу авансы и года три не буду никуда рыпаться.

¹ Ветчина.

²) Elsa Triolet. «Majakovski, poète russe», Paris, 1939.

Что за ерунда с Лефом? Вышел ли хоть номер с первой частью?¹ Не нужно ли, чтоб я что-нибудь сделал? Напиши подробно. Как дела с Ленизмом? Куда удалось дать отрывки? Если для Лефа нужно, я немедленно вернусь в Москву. И не поеду ни в какие Америки.

Декабрь — «В. Маяковский, находящийся сейчас в Париже и собирающийся поехать в Америку, пишет социальную комедию (типа «Мистерии-буфф») и начал роман (прозой)». («Вечерняя Москва», 12 декабря, 1924.)

14 декабря присутствовал при торжественном поднятии флага на здании Полпредства СССР в Париже. (Об этом было написано стихотворение «Флаг».)

Около 20 декабря выехал из Парижа в Берлин.

25 декабря выехал из Берлина в Ригу.

25—26 декабря — выступление в Риге в клубе Полпредства СССР с чтением поэмы «Владимир Ильич Ленин».

26—27 декабря вернулся в Москву.

«Маяковский, окончив поэму «Ленин», поехал в Париж, думая пробраться в Америку. Американская виза им не была получена. У поэта остался выбор между Канадой и Мексикой. Так как Маяковский не любит экзотичности, он скоро вернулся в Москву. В Париже поэт чувствовал себя, как в глухом захолустье». (Журнал «30 дней», № 1, 1925.)

За время отсутствия Маяковского в печати появился ряд отрывков из поэмы «Владимир Ильич Ленин»:

28 октября в газете «Заря Востока» (Тифлис) отрывок «Улица в похороны» из 3-й части поэмы; в тот же день в газете «Бакинский рабочий» отрывок «Ленинцы» из 3-й части поэмы; **2 ноября** в журнале «Красная нива», № 44, отрывок «Капитализм» из 1-й части поэмы; **7 ноября** в газете «Известия» отрывок «Ленин» из 2-й части поэмы; в тот же день в газете «Рабочая Москва» отрывок «Приезд» и в газете «Бакинский рабочий» отрывок «25-ое Октября» из 2-й части поэмы; **16 ноября** в журнале «Красная нива», № 46, отрывок «Ленинцы» из 3-й части поэмы.

В декабре вышли книги — агитпоэма «Рассказ о том, путем каким с бедой управился Аким», написанная совместно с Н. Асеевым («Кооперативное изд-во»); 3-е издание поэмы «Война и мир» (Госиздат, Ленинград) и режиссерская обработка Н. Рязжского стихотворения Маяковского «Пролетарий, в зародыше задуши войну» под заглавием «Война будущего» (Тамбов, 1924.)

28 декабря участвовал в заседании Комитета по устройству Советского павильона на Международной художественно-промышленной выставке в Париже в 1925 году.

«Слушали: §4. Информация приехавшего из Парижа В. В. Маяковского. Постановили: Принять к сведению. Просить В. В. Маяковского

¹ С первой частью поэмы «Владимир Ильич Ленин».

представить свои соображения и смету по вопросу подготовки экспонатов рекламного характера.

§7. О присутствии В. В. Маяковского на заседаниях комитета. Постановили: предложить В. В. Маяковскому присутствовать на заседаниях комитета». (По протоколу.)

30 декабря участвовал в заседании комитета по устройству Советского павильона на Международной художественно-промышленной выставке в Париже.

Маяковский вошел в комиссию по редактированию сборника статей по художественной промышленности и каталога Советского павильона.

31 декабря в «Красном журнале», № 4, напечатан отрывок «1905 г.» из 2-й части поэмы «Владимир Ильич Ленин».

1925

1 января участвовал в заседании комитета по устройству Советского павильона на Парижской выставке.

4 января участвовал в заседании комитета по устройству Советского павильона на Парижской выставке.

Маяковский сделал доклад о каталоге Советского павильона и представил проект-программу.

6 января участвовал в заседании комитета по устройству Советского павильона на Парижской выставке.

На заседании был утвержден план каталога Советского павильона, предложенный Маяковским. Комитет поручил Маяковскому разработать план рекламы павильона и наметить художников для этой работы.

9 января в газете «Гудок» напечатан отрывок «Нэп» из 2-й части поэмы «Владимир Ильич Ленин».

9 января — выступление на 1-м Всероссийском совещании пролетарских писателей.

В начале января написаны тексты для рекламных плакатов журнала «Смена» и журнала «Красный перец».

11 января участвовал в заседании Комитета по устройству Советского павильона на Парижской выставке.

14 января в газете «Рабочая Москва» напечатано стихотворение «Третий фронт» (в связи с открытием 1-го Всесоюзного учительского съезда).

15 января участвовал в заседании Комитета по устройству Советского павильона на Парижской выставке.

16 января заключил договор с издательством «Долой неграмотность» и сдал рукописи двух книг «Песни крестьянам» и «Песни рабочим».

16—17 января участвовал в работах совещания работников Левого фронта искусств.

Маяковский выступал дважды: 16 января по организационным вопросам и 17 января — с сообщением о работе журнала «Леф». Маяковский выступал против тенденции части лефовцев, возглавляемых Н. Чужаком, придать Лефу строгие организационные формы, против «пародирования»

формы советских и партийных организаций. Маяковский настаивал на своем понимании Лефа, как свободного союза творческих единиц, связанных друг с другом не внешними формами, а творческим сотрудничеством. «...современная работа наша стала стилем. Что ж поделаешь?.. Мы знаем, что это превращение в стиль живой работы становится только тогда, когда эта работа врывается целиком в сознание... Нам нужно повести всю нашу работу по линии производственной, а не по линии плохо понятых теорий, вычитанных в конце концов из наших же книжечек».

17 января Маяковский написал «Заявление устроителям так называемого «совещания Левого фронта искусств»:

«Внимательно прослушав и обдумав два бесцветных дня «совещания», должен заявить: никакого отношения ни к каким решениям и выводам из данного совещания не имею и иметь не хочу. Если бы я мог хоть на минуту предположить, что это крикливое совещание, собранное под серьезным лозунгом «объединение», будет подразумевать (в наиболее «дейтельной» части) под обсуждением организационных вопросов — организацию сплетен и будет стараться подменить боевую теорию и практику Лефа чужаковской модернизированной надсошошвиной, разумеется, я бы ни минуты не потратил на сидение в заседаниях».

17 января в журнале «Красная панорама», № 3 (Л.), напечатан отрывок поэмы «Владимир Ильич Ленин».

18 января участвовал в заседании Комитета по устройству Советского павильона на Парижской выставке.

«Слушали: отчет В. В. Маяковского по отделу рекламы. Сбор экспонатов закончен... Среди экспонатов имеется 17 оригиналов плакатов по различным видам промышленности, образцы вывесок (Госиздат, Резинотрест), рекламный киоск и т. д. Постановили: 23 января произвести прием экспонатов.» (По протоколу.)

21 января, в день первой годовщины смерти В. И. Ленина, в газете «Гудок» напечатан отрывок «Наш фундамент» из 2-й части поэмы «Владимир Ильич Ленин».

В тот же день в «Рабочей газете» — отрывок «Смерть» из 3-й части поэмы.

В тот же день в «Красном журнале», № 1—2, — отрывок из 1-й части поэмы.

25 января в газете «Гудок» напечатано стихотворение «Рабкор» (в связи с 1-м Всесоюзным съездом рабкоров «Гудка»).

25—29 января — поездка в Смоленск и Минск.

26 января — выступление в Смоленске в Государственном театре.

«Поэт прочтет свои произведения: «Разговор с А. С. Пушкиным», «Париж», «Грядущая война», «Солнце в гостях у Маяковского», «Левый марш», поэма «150 000 000», сатирические стихи. («Рабочий путь», Смоленск, 24 января 1925.)

В тот же день после выступления в театре Маяковский выступил в губернском партийном клубе.

«Присутствовали почти исключительно партийцы и комсомольцы. После выступления, объясняющего недавно написанную им большую поэму «Ленин», Вл. Маяковский прочитал третью главу этой поэмы, охватывающую смерть и похороны Ленина. Эта часть поэмы, особенно сильно и прочувствованно написанная, прочитана была автором с большим мас-

терством и теплотой. Затем был прочитан ряд сатирических произведений на современные темы. В умелом исполнении автора эти произведения оказались совсем понятными публике. Недаром некоторые товарищи после вечера задавали В. Маяковскому вопрос — почему его стихотворения, когда читаешь, то кажутся непонятными, а при чтении им самим — этого нет. Маяковский отвечал: «У меня особый прием письма, особое новое построение стиха, незнакомое еще широкой публике, которая не привыкла к ним. Это бывало всегда в литературе, когда выдвигались новые формы творчества». В недалеком будущем В. Маяковский обещал повторить свое выступление в рабочем клубе Ярцева». («Рабочий путь», Смоленск, 29 января 1925.)

28 января выступление в Минске в Доме культуры.

«В программе вечера чтение автором лучших своих произведений. По окончании вечера Маяковский будет отвечать на поданные записки». («Звезда», Мижск, 25 января 1925.)

В январе в журнале «30 дней», № 1, напечатаны отрывки «Весть о смерти» и «Похороны» из 2-й и 3-й части поэмы «Владимир Ильич Ленин».

В журнале «Тоннель», № 1, — отрывок «6 часов 50 минут» из 3-й части поэмы.

В журнале «Экран», № 2, отрывок «Смерть» из 3-й части поэмы.

В журнале «Красный перец», № 3, — отрывок «Черные дни» из 3-й части поэмы.

В журнале «Красная панорама», № 3 (Л.), — отрывки из 2-й и 3-й части поэмы.

В журнале «Лэф», № 3, — полностью первая часть поэмы «Владимир Ильич Ленин».

2 февраля участвовал в заседании комитета по устройству Советского павильона на Парижской выставке.

2 февраля выехал в Киев.

3 февраля — выступление в Киеве в зале б. Купеческого собрания.

«Маяковский прочтет свои новые произведения и ознакомит аудиторию с литературной жизнью Москвы». («Пролетарская правда», Киев, 3 февраля 1925.)

В тот же день поздно вечером — второе выступление в Киеве в городском партийном комитете с чтением поэмы «Владимир Ильич Ленин».

4 февраля в газете «Пролетарская правда» (Киев) напечатано стихотворение «Рабкор» («Лбом пробив...») с подзаголовком «Киевским рабкорам».

4 февраля заключил договор в Киеве с Госиздатом Украины на издание поэмы «Владимир Ильич Ленин» на украинском языке.

Около 6 февраля вернулся в Москву.

7 февраля участвовал в заседании Комитета по устройству Советского павильона на Парижской выставке.

8 февраля в газете «Пролетарская правда» (Киев) напеча-

тана 3-я часть поэмы «Владимир Ильич Ленин» под заглавием «Смерть».

В начале февраля вышла отдельным изданием поэма «Владимир Ильич Ленин». (Госиздат, Л.)

9 февраля — выступление в Экспериментальном театре на диспуте «Первые камни новой культуры» (по докладу А. В. Луначарского).

11 февраля участвовал в заседании комитета по устройству Советского павильона на Парижской выставке.

В феврале в журнале «Красный перец», № 5, напечатано стихотворение «Рабкор» («Лбом пробив...»).

В журнале «Красный перец», № 6, — стихотворение «Немножко утопии про то, как пойдет метрошка».

В журнале «Красная новь», № 2, — стихотворение «Тамара и Демон».

Вышел сборник «Только новое». (Госиздат, Л., стр. 55.)

В феврале продолжение переговоров с Госиздатом об издании Собрания сочинений (см. октябрь 1924).

Литературно-художественный отдел 29 февраля отказал Маяковскому и выдал об этом справку:

«Собрание сочинений В. Маяковского и Н. Асеева лит.-худ. отдел к изданию не принимает и не может принять в ближайшее время.

Р. С. До 1 января 1926 года просит авторов не беспокоиться».

Маяковский, однако, продолжал настаивать на издании, обращался по этому поводу в отдел печати ЦК ВКП(б) и к Наркому просвещения Луначарскому (см. ниже, 16 и 25 марта).

23 февраля — выступление на вечере поэтов о Ленине у студентов Вхутемаса.

В конце февраля написаны для Моссельпрома рекламные тексты папирос «Дукат», «Люкс», «Максул», «Рекорд», «Герцеговина-Флор», «Янтарь», «Трио», трубочного табака «Джеviz», колбасы, хамовнического пива, вод, специй и маринадов, печенья, бисквита, карамели, монпансье и кофе «Мокко».

3 марта присутствовал на заседании литературной комиссии ЦК ВКП(б). Обсуждался проект резолюции ЦК ВКП(б) о художественной литературе.

9 марта заключил договор с издательством «Вестник воздушного флота» на авиапоэму размером в 2000 строк; срок сдачи через 25 дней (поэма «Летающий пролетарий», см. 8 апреля).

10 марта заключил договор с издательской секцией ОДВФ на сборник авиастихов — 2000 строк. Книга издана не была. (Очевидно, это был сборник, упоминаемый в автобиографии, — «Сам пройдишь по небесам».)

13 марта — выступление в Колонном зале Дома Союзов на диспуте «Искусство и революция».

16 марта — письмо Наркома просвещения А. В. Луначар-

ского заведующему Госиздатом по поводу издания Собрания сочинений Маяковского.

«Дорогой товарищ! Выходят какие-то странные недоразумения с полным собранием сочинений Маяковского. Все соглашались, что это очень крупный поэт, в его полном согласии с советской властью и коммунистической партией ни у кого, конечно, нет сомнений. Между тем его книги Гизом почти не издаются. Я знаю, что на верхах партии к нему прекрасное отношение. Откуда такой затор? Переговорите с тов. Маяковским. Я уверен, что вы найдете правильный выход из этого положения».

19 марта — выступление на вечере поэтов в 1-м московском университете.

21 марта заключил договор с Московским театральным издательством на две книги: Декламационный сборник для рабочих клубов (8 листов), 4-е издание «Мистерии-буфф». (Срок сдачи 1 апреля; книги изданы не были.)

24 марта заключил совместно с Н. Асеевым договор с издательством Центросоюза на две агитпоэмы о городской и о деревенской кооперации (по 450 строк каждая; срок сдачи 15 апреля).

Агитпоэма «о деревенской кооперации» — «Сказка про купцову нацию, мужика и кооперацию» была написана совместно с Н. Асеевым весной 1925 года и в том же году вышла в свет. Для второй агитпоэмы «о городской кооперации» Маяковский сделал только заглавие: «Отчего у Моргана стало дело поганом»; она была написана после отъезда Маяковского за границу Н. Асеевым и П. Незнамовым под заглавием.. «Отчего сенатор Юз не влюбил Центросоюз».

26 марта заключил с Госиздатом договор на Собрание сочинений в четырех томах (45 тысяч строк; сроки сдачи: I т.—1/VI, II т.—1/VII, III т.—1/VIII, IV т.—15/VIII 1925 г.).

В марте написал и сдал в издательство «Московский рабочий» детскую книжку: «Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий».

В альманахе «Красная новь», № 1, напечатано стихотворение «Notre Dame».

В конце марта — выступление с чтением «Сказки о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий» на заседании комиссии по созданию новой детской книги при отделе детской литературы Госиздата.

30 марта в Московском историко-революционном архиве Маяковский разыскал дела, касающиеся его арестов в 1908—1909 годах. Маяковский хотел, кроме того, найти тетрадку своих ранних стихов, отобранную при выходе из тюрьмы.

1 апреля заключил договор с издательством «Огонек» на издание поэмы «Облако в штанах» в «Библиотеке «Огонька».

6 апреля — выступление в клубе ЦК ВКП(б) на диспуте «О разногласиях в литературной политике».

«Владимир Маяковский заявил протест против зачисления группы «Лэф» в попутчики. «Лэф» идет плечо к плечу с напостовцами в вопро-

сах теории пролетарского искусства и литературной политики. Отношение к попутчикам такое же, но «Лев» протестует против засахаривания кучки людей, против делания «пролетарских мумий», полных комчванотва. Только в процессе перековки быта создадутся пролетарские писатели. Не ярлыком решается вопрос о «пролетарственности» писателя, а литературным соревнованием. Надо сорвать ярлыки, перетряхнуть патенты, тогда слово «пролетпоэт» получит смысл. Рядом цитат из сборника «Пролетарские писатели» Маяковский иллюстрирует жестокое расхождение программных заявлений напостовцев с их поэтической практикой. Тов. Маяковский выдвигает лозунг формальной учебы для пролетпоэтов. («Известия», 8 апреля 1925.)

8 апреля сдал в издательство «Вестник воздушного флота» рукопись поэмы «Летающий пролетарий».

12 апреля в журнале «Огонек», № 16, напечатан отрывок из «Сказки о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий».

В тот же день в «Красном журнале», № 7, напечатан отрывок «Рождение Ленина» из 1-й части поэмы «Владимир Ильич Ленин».

29 апреля подписал с Госиздатом договор на издание «Альманаха Лев». (Выпущен не был.)

30 апреля в журнале «Прожектор», № 8, напечатан отрывок из поэмы «Летающий пролетарий».

В тот же день в газете «Вечерняя Москва» напечатано стихотворение «Два мая».

В апреле в журнале «Красная нива», № 17, напечатан отрывок «Даешь небо!» из поэмы «Летающий пролетарий».

В «Красном журнале», № 8, напечатан отрывок «Маркс и Ленин» из 1-й части поэмы «Владимир Ильич Ленин».

1 мая в газете «Рабочая Москва» напечатано стихотворение «Май».

3 мая в журнале «Огонек», № 19, напечатан отрывок из поэмы «Летающий пролетарий».

В первой половине мая написано несколько текстов для рекламных плакатов Госиздата (какие именно — не установлено. См. июль 1924 г.).

10 мая — выступление в День леса в лесной школе в Сокольниках с чтением «Сказки о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий».

В мае в журнале «Красная новь», № 5, напечатано стихотворение «Версаль».

Вышла детская книжка «Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий». (Изд. «Московский рабочий».)

Вышла в издании «Библиотеки Огонька» поэма «Облако в штанах».

20 мая заключил два договора с издательством «Прибой» на детские книжки: «Что такое хорошо и что такое плохо»

(срок сдачи 22 мая) и «Каждому Пете и каждому Васе рассказ о рабочем классе» (срок сдачи 15 июня).

25 мая в журнале «Смена», № 9—10, напечатано стихотворение «Красная зависть».

Перед отъездом в Америку (Маяковский намеревался совершить кругосветное путешествие), в течение марта, апреля и первой половине мая, Маяковским были написаны стихотворения: «Выволакивайте будущее» (дано было в журнал «Смена»), «Даешь мотор» (для журнала «Самолет»), два стихотворения «О. Д. В. Ф.» и «Вот для чего мужику самолет» — очевидно, по специальному заданию (где были напечатаны — не установлено) и стихотворение «Ялта—Севастополь» (дано в «Прожектор»). В период с 14 декабря 1924 года по май 1925 года написано также стихотворение «Флаг» (о поднятии советского флага на здании посольства в Париже) и сдано в «Московский альманах» (вышел в 1926 г.).

Незадолго до отъезда Маяковский сдал в издательство «Московский рабочий» цикл стихов «Париж» (для отдельного издания). Отдельные стихотворения этого цикла он дал в журналы «Прожектор» и «Огонек», где они появились уже после его отъезда.

По договору с Госиздатом на Собрание сочинений отдельные тома должны были быть сданы в течение лета (начиная с 1 июня). Маяковский установил общий план издания, содержание отдельных томов. 16 июня был сдан 1 том, но затем в июле издание было приостановлено (см. об этом ниже, 14 сентября).

25 мая вылетел из Москвы в Кенигсберг. Из Кенигсберга выехал в Берлин.

28 мая приехал в Париж.

2 июня — письмо из Парижа к Л. Ю. Брик.

«Пишу тебе только сегодня, потому что субботу, воскресенье и понедельник все закрыто и ничего нельзя было узнать о Мексиках, а без Мексик я писать не решался. Пароход мой, к сожалению, идет только 21. (Это самый ближайший.) Завтра беру билет «Espagne Transatlantique» 20 000 тонн. Хороший дядя, хотя и только в две трубы. Дорого. Стараюсь ничего не тратить и жить нашей газетой, куда помещаюсь по 2 фр. строка... Выставка¹ — скучнейшее и никчемнейшее место. Безвкусица, которую даже нельзя себе представить. Так называемый «Париж весной» ничего не стоит, так как ничего не цветет и только везде чинят улицы. В первый вечер поездил, а теперь я больше никуда не выхожу, сплю 2 раза в сутки, ем двойной завтрак и моюсь, вот и все. Завтра начну писать для «Лефа». ... Долетел хорошо. Летчик Шибанов замечательный. На каждой границе приседал на хвост, при встрече с другими авиаторами махал крылышками, а в Кенигсберге подкатил на аэродроме к самым дверям таможни, аж все перепугались, а у него, оказывается,

¹ Всемирная художественно-промышленная выставка.

первый приз за точность спуска. Если будешь лететь, то только с ним. Мы с ним потом весь вечер толкались по Кенигсбергу...»

3 июня в газете «Парижский вестник» напечатаны стихотворения «Еду», «Город», «Прощание (Кафе)» и «Прощанье» под общим заглавием «Из поэмы «Париж».

4 июня — открытие Советского павильона на Парижской всемирной художественно-промышленной выставке. В павильоне экспонированы рекламные плакаты с текстами Маяковского. Маяковский получил за эти плакаты серебряную медаль.

9 июня — выступление с чтением стихов в Полпредстве СССР в Париже.

10 июня Маяковского обокрали в гостинице «Истрия» (украли бумажник с деньгами). Маяковский обратился телеграфно в Госиздат с просьбой выслать деньги.

Просьба эта была поддержана Торгпредством СССР в Париже, предложившим Госиздату выдать Маяковскому деньги немедленно, с тем чтобы Госиздат покрыл этот долг Торгпредству до конца года. Госиздат телеграфировал согласие.

14 июня в газете «Парижский вестник» напечатано стихотворение «Ялта — Севастополь» под заглавием «Из цикла «Путешествия». «Ялта — Новороссийск».

Перед отъездом из Парижа Маяковский сдал в редакцию «Парижского вестника» стихотворение «Верлен и Сезан» и третью часть поэмы «Владимир Ильич Ленин». Напечатаны были после его отъезда, 25 и 28 июня 1925 года.

В июне (до 20-го) — встреча в Париже с Ф. Т. Маринетти.

«...Я проезжаю с Маяковским в такси по нью-йоркским улицам, порачневшим от дождя...

Маяковский внезапно вспомнил про свою встречу в Париже по дороге в Америку с Маринетти. «Мы не знали, о чем говорить... Я — большевик, он — фашист». (Шахно Эпштейн. «Встречи с Владимиром Маяковским». «Червоный шлях», № 5—6, Харьков, 1930.)

19—20 июня — письмо из Парижа к Л. Ю. Брик. С письмом послан «листок с текстом» для «Прибоя» (очевидно, текст детской книжки «Гуляем», написанной вместо обещанной по договору от 20 мая книжки «Каждому Пете и каждому Васе рассказ о рабочем классе»).

«Завтра утром 8. 40 выезжаю Сент-Назер (Бретань) и уже через 12 часов буду ночевать на пароходе. 21-го отплываю! Спасибо большое за Гиз и извини за хлопоты. В прошлую среду (как раз, когда я тебе послал прошлое письмо) меня обокрали, как тебе известно, до копейки (оставили 3 франка — 30 коп.). Вор снял номер против меня в «Истрие», и, когда я на двадцать секунд вышел по делам моего живота, он с необычайной талантливостью вытащил у меня все деньги и бумажник (с твоей карточкой и со всеми бумагами!) и скрылся из номера в неизвестном направлении. Все мои заявления не привели ни к чему, только по приметам сказали, что это очень известный по этим делам вор. Денег по молодости лет не чересчур жалко. Но мысль, что мое путеше-

ствии прекратится и я опять дураком приеду домой, меня совершенно бесила. Сейчас все устроилось с помощью твоей и Гиза.

20 июня выехал из Парижа в Сент-Назер.

21 июня выехал на пароходе «Эспань» из Сент-Назера в Мексику.

22 июня — письмо с парохода «Эспань» к Л. Ю. и О. М. Брик (отправлено из Сантандера — Испания).

«Так как показалась Испания; пользуясь случаем известить Вас, что я ее благополучно сейчас огигаю и даже захожу в какой-то маленький портик, смотри на карте Santander.

Мой «Эспань» пароходик ничего. Русских не обнаружено пока. Едут мужчины и подтяжках и с поясом сразу (они испанцы) и какие-то женщины в огромных саргах (оно испанки)».

22 июня написано стихотворение «Испания» (датировано в записной книжке «22/VI, Santander»).

26 июня на пароходе написано стихотворение «6 монахинь».

Между 26 июня — 3 июля на пароходе написано стихотворение «Атлантический океан» (датируется расположением в записной книжке между двумя точно датированными стихотворениями).

3 июля на пароходе написано стихотворение «Мелкая философия на глубоких местах».

5 июля написано стихотворение «Блек энд уайт» (датировано в записной книжке 5/VII, Гаванна).

7 июля закончено стихотворение «Христофор Колумб».

8 июля приехал в Вера-Круц (Мексика).

9 июля приехал в Мехико-Сити.

Около 15 июля — письмо из Мехико-Сити к Л. Ю. Брик. С письмом посланы стихотворения «Открытие Америки» («Христофор Колумб»), «Испания», «Монашки» («6 монахинь»), «Атлантический океан» с просьбой передать их в «Леф», «Огонек», «Известия», «Прожектор» и в Радио Росту.

«Я в Мексике уже неделю. Жил день в гостинице, а потом переехал в полпредство...

О Мексике: во-первых, конечно, все это отличается от других границ главным образом всякой пальмой и кактусом, но это произрастает в надлежащем виде только на юге, за Вера-Круц.

Я попал не в сезон (сезон — зима), здесь полдня регулярно дожди, ночью холода и очень паршивый климат, так как это 2 400 метров над уровнем моря, поэтому ужасно трудно (первые две недели, говорят), дышать, и сердцебиения, что уже совсем плохо.

Я б здесь не задержался более двух недель. Но, во-первых, я связался с линией «Трансатлантик» на пароход (а это при заказе обратного билета 20 проц. скидки), а, во-вторых, бомбардирую телеграммами о визе Соединенные штаты. Если же из Соединенных штатов [ничего] не выйдет, выеду в Москву около 15 августа и около 15—20 сентября буду в Москве. Через несколько дней с секретарем посольства едем внутрь Мексики — в тропические леса, плохо только, что там желтая лихорадка и придется, очевидно, ограничиться только поездом».

20 июля написано стихотворение «Мексика».

Двадцатые числа июля — написано стихотворение «Богомольное» (датируется расположением в записной книжке).

Около 23 июля обращался во французское посольство в Мексике с просьбой визировать паспорт для возвращения во Францию (повидимому, Маяковский совсем было собрался возвращаться, но как раз в эти дни выяснилась возможность получить визу в США. По этой же причине, видимо, не состоялась поездка в глубь Мексики).

27 июля приехал в Лоредо (пограничный город Мексики и США), получил разрешение на въезд в США.

31 июля приехал в Нью-Йорк.

«По приезде в Нью-Йорк Маяковский был осажден американскими журналистами. Любопытно отметить одно из его первых интервью. С удивлением и некоторым страхом поглядывая на Маяковского, американский журналист спросил:

— Зачем вы, собственно, приехали в Америку? ✓

Маяковский ответил:

— Заработать побольше, чтобы построить советский самолет имени Лефа..

Полуизумленно, но добродушно следит американская публика за выступлениями Маяковского. («Вечерняя Москва», 8 октября 1925.)

«...Про меня там распространялась всякая чепуха, а когда я спросил репортера—почему он еще не написал, что я, например, убил свою тетку, он задумался и сказал—и правда, почему не написал?...» (Отчет о выступлении Маяковского у киевских рабкоров, «Пролетарская правда», Киев, 2 февраля 1926.)

6 августа написано стихотворение «Бродвей».

9 августа в газете «Нью-Йорк Таймс» напечатана беседа с Маяковским Майкл Голда.

«Машины рождают смелость мысли.

— Не уничтожают ли машины более тонкие и изысканные ценности жизни?

— Нет. Все, что может быть так легко уничтожено, ничего другого и не заслуживает. Со временем появятся более прочные, более высокие ценности. У меня есть приятель-летчик в Москве. Он говорил мне, что когда он мчится по воздуху со скоростью в 100 миль в час, то мозг его работает раз в пять быстрее обыкновенного. Век машины будет стимулировать смелость и свободу мысли.

— Господствуют ли среди русской писательской молодежи те же идеи, как у вас, и кто самые выдающиеся из этой молодежи?

— Эти идеи господствуют повсюду в России. Называть же имена лучших молодых писателей не к чему. Это не имеет никакого значения. Гораздо важнее то, что миллионы мужчин и женщин, восемь лет назад не умевшие читать, уже успели отделаться от старых взглядов на литературу и читают самых смелых из современных молодых писателей... На такой почве искусство не может не расцвести.

...Он бушевал, бегая по комнате и дымя папироской точно паровозная труба. Ему тридцать лет; он весит около 215 фунтов; у него смелое твердое выражение лица и мускулатура футболиста. Я не спрашивал однако Маяковского, «сильный» ли он мужчина: это было бы, может быть, слишком опасно.

— Искусство должно быть тесно связано с жизнью, должно иметь точное назначение. Принцип нового искусства: ничего лишнего, ничего без определенного назначения. Я освободил поэзию от риторики. Я вернулся к существенному. То действие, которое я желаю произвести на читателя, я изучаю так, как это делают люди, составляющие ваши рекламы. Они не хотят потратить зря ни единого слова, все слова должны быть действенными...

— Ничего лишнего, — гудел он, — это главный принцип индустриального искусства, футуристического искусства. Никакой поэмы, никаких пустых фраз, никакой красоты, никакой тоски по прошлому, никакого мистицизма! Мы, русские, покончили с выжатыми лимонами и обглоданными куриными костями крошечного мира либерально-мистической интеллигенции. «На улице, футуристы, барабанщики и поэты», — так я писал в первые дни революции. Искусство застывает, когда оно респектабельно и изящно. Оно должно выбраться из обитых бархатом комнат и разукрашенных студий и вступить в тесный контакт с жизнью...

Интервью внезапно оборвалось, и он остался один, стоя у окна и наблюдая Лоуер Фифтс Эвеню — Нижнюю Пятую Авеню. Русские современники очень высоко ценят этого молодого великана.

14 августа в русских газетах «Новый мир» и «Русский голос», издающихся в Нью-Йорке, напечатан ряд приветствий и статей о Маяковском. В «Новом мире» напечатаны были, кроме того, стихотворения Маяковского: «Наш марш», «Испания» и отрывок «Партия» из 2-й части поэмы «Владимир Ильич Ленин».

«Редакция «Нового мира», идущего по стопам нашего общего великого учителя Ленина и носящего в русские массы Америки новые слова и новые песни, приветствует Вас, товарищ Маяковский, а в Вашем лице всех пролетарских писателей и поэтов СССР». («Новый мир», 14 августа 1925.)

«В его поэзии, прежде всего в его ритме, весь пульс современной России, от беспорядочных первых раскатов революционного грома до порывов и лихорадочности нового строительства. Маяковский виден весь. Он — живая программа, живой плакат СССРовского сегодня». («Русский голос», 14 августа 1925.)

В тот же день состоялось первое выступление Маяковского в Нью-Йорке в помещении Централ Опера Хауз.

«...Тысячи искрящихся глаз устремлены за эстраду, заполненную представителями печати, пролетарских организаций. Ждут с затаенным дыханием «богатыря новейшей советской поэзии».

Вот он, Маяковский! Так же прост и велик, как и сама Советская Россия. Гигантский рост, крепкие плечи, простенький пиджачок, коротко стриженная большая голова... Он стоит и ждет, чтобы смолкли аплодисменты. Как будто начинают утихать, но вдруг — совершенно неожиданно — новый взрыв рукоплесканий, и вся публика вскакивает с своих мест. В воздухе летят шляпы, машут руками, платками. Не видать конца овациям!..

...Зал замирает. Воцаряется полная тишина. И, словно раскаты грома, раздается голос Маяковского. Так гремел голос пролетариата в Октябре 1917 года... В громовых раскатах его голоса чудилась та великая страна, которая породила одного большого и много-много малых Маяковских, значение которых растет вместе с ростом величия единственной в мире пролетарской Социалистической Республики». («Новый мир», август 1925.)

«Первое блестящее выступление поэта пролетарской России Владими-

ра Маяковского в Нью-Йорке явилось в полном смысле слова историческим в нашей русской колонии... Маяковский — живой свидетель великих исторических событий, потрясших мир. Он — поэт и певец этих событий». («Русский голос», август 1925.)

16 августа — статья Давида Бурлюка о Маяковском в газете «Русский голос».

«Маяковский пишет роман. О чем — сам не говорит. Роман из русской жизни, будет в нем и Америка! Удалось подслушать. Но что? Когда будет готово? Ничего никому не известно. Роман в двадцать листов.

В августе в Нью-Йорке вышел сборник «Американцам для памяти». (Изд. «Нью-Йорк Пресс», стр. 32, тир. 10 000.)

В августе—сентябре — поездки на Уик-энд (конец недели) в рабочий лагерь «Кемп «Нит гедайге» (не унывай), организованный еврейской коммунистической газетой «Фрейгайт» под Нью-Йорком.

10 сентября — второе выступление в Нью-Йорке в помещении Централ Опера Хауз.

«Отрывок из поэмы «Ленин» приковал всеобщее внимание. Поэт говорил о смерти Ленина, о роковом известии, когда не стало пролетарского вождя, и о похоронах. Двухтысячная масса была в буквальном смысле слова загнипнотизирована. В заключение поэт отвечал на вопросы по запискам. Эти вопросы носили преимущественно политический, а не литературный характер». («Русский голос», Нью-Йорк, сентябрь 1925.)

14 сентября — телеграмма из Нью-Йорка к Л. Ю. Брик (в ответ на сообщение, что Госиздат решил отказаться от издания Собрания сочинений): «Расстроен известием телеграфией немедленно причины задержки кому телеграфировать. Окончив лекции, немедленно еду».

31 августа редакционно-плановая комиссия Госиздата постановила воздержаться от издания Собрания сочинений Маяковского вследствие категорического протеста Торгсектора (от 20/VII), мотивированного отсутствием спроса на книги Маяковского, и предложила Литхудотделу перуступить Собрание сочинений Маяковского какому-нибудь другому издательству. Правление Госиздата, обсуждавшее этот вопрос 15 сентября, постановило от издания не отказываться, но удлинило срок договора до пяти лет, а срок выпуска первого тома до трех лет. Издание начало выходить с середины 1927 года. (См. 6 марта, 30 мая, 7 июня 1926 г.)

Между 10—20 сентября — третье выступление в Нью-Йорке.

20 сентября написано стихотворение «Кемп «Нит гедайге».

26 сентября — выступление в Биконе.

27 сентября — в газете «Нью-Йорк Геральд Трибюн» статья Вильяма Дрэка: «Маяковский — поэт новой России». «...Сила его в том, что он берет для своих стихов животрепещущие злободневные темы, но умеет придать им общее значение. Его гениальность вне сомнения, Она заложена в нем».

В сентябре в Нью-Йорке вышли отдельными изданиями два стихотворения: «Солнце в гостях у Маяковского» («Необычайное приключение...») с рисунками Д. Бурлюка (изд.

«Ньюс-Уорлд Пресс») и «Открытие Америки» («Христофор Колумб») с рисунками Д. Бурлюка (изд. «Ньюс-Уорлд Пресс»).

29 сентября — выступление в Детройте.

«Вышло так, — возмущенно писала белогвардейская газета «Рассвет», издававшаяся в Детройте, — что вместо литературной лекции Маяковский пел хвалебные песни советской власти. Маяковский не представитель литературы, а советский агент.

...На банкете в честь поэта Маяковского Маяковский декламировал свои стихи, хвалил СССР и собирал деньги на газету «Новый мир». («Рассвет», 7 октября 1925.)

2 октября приехал в Чикаго. В газете «Дейли уоркер», — органе ЦК компартии, — издававшейся в Чикаго, напечатан «Наш марш» и приветствие Маяковскому.

«Из далекой красной России, сквозь кордоны лжи и клеветы является к нам посланец из нового мира, строящегося под руководством компартии в Союзе Советских Социалистических Республик. Товарищ Владимир Маяковский приезжает сегодня в Чикаго.

Умственные банкроты, социал-лакеи буржуазии, все враги революции объединились против Советского Союза. Все они заявляют, что революция принесла только разрушение и ничего нового не создает. Но, несмотря на их утверждения, перед нашими глазами вырастает новый мир... Появляются новые ученые, художники, писатели и поэты. Товарищ Маяковский — один из этих новых творцов. Он певец масс, он певец революции.

— Добро пожаловать в наш город, товарищ Маяковский! («Дейли уоркер», 2 октября 1925.)

В этот же день первое выступление Маяковского в Чикаго в помещении Темпл-Холл.

«Одно из самых бурных собраний, бывших когда-либо в русской колонии в Чикаго, произошло в пятницу вечером 2 октября, когда 1500 человек набилось в Темпл-Холл, чтобы послушать знаменитого русского поэта Владимира Маяковского. Собрание было открыто «Интернационалом»... и после небольшого вступительного слова председателя выступил Маяковский. С начала и до самого конца он держал аудиторию под своим обаянием. Публика едва не сорвала крышу криками восторга от его стихов, посвященных Америке: «Открытие Америки», «Барышня и Вулворт», «Блек энд уайт». Пятьсот экземпляров его стихов были распроданы на месте». (Дейли уоркер», 4 октября 1925.)

4 октября — четвертое выступление в Нью-Йорке в помещении Иорквилл-казино.

5 октября — выступление в Филадельфии в помещении Иглс Темпл.

11 октября — в газете «Нью-Йорк Таймс» статья Луи Рича о Маяковском.

«Маяковский сочетает в себе все противоречивые черты, придающие русским сложность и очарование: мятежный романтизм... научную фантастику... дерзость... Он взял лучшее в русской революции и сделал символом веры, могущества и отваги воинственный крик освобожденного человека».

В первой половине октября — выступление в Кливленде.

16 октября написано стихотворение «Небоскреб в разрезе».

17 октября — выступление в Питсбурге в помещении Русского технического общества.

20 октября — второе выступление в Чикаго в помещении Шенхофен-Холл.

Программа: «Все новое», 3-я часть поэмы «Ленин», 2-я часть поэмы «150 000 000». Стихи об СССР и USA. Маяковский отвечает на записки.

25 октября — последнее «прощальное» выступление в Нью-Йорке в помещении Йорквилл-казино.

26 октября — письмо центрального бюро русской секции Рабочей партии Америки Маяковскому о его выступлениях в городах США.

«Центральное бюро РСРПА считает своим долгом указать, что т. Маяковский, находясь в Соединенных Штатах, предоставил организацию всех своих выступлений «Новому миру» (коммунистическому органу на русском языке в Америке) и 50% от его выступлений шли в пользу газеты «Новый мир» и отчасти в пользу еврейской коммунистической газеты «Фрейгайт».

В октябре вышел в Нью-Йорке № 1 журнала «Спартак», посвященный Маяковскому.

В последних числах октября революционная писательская молодежь устроила в честь Маяковского товарищеский ужин в ресторане «Снегурочка».

28 октября выехал из Нью-Йорка на пароходе «Рошамбо» в Гавр.

«Вокруг света» не вышло. Во-первых, обокрали в Париже, во-вторых, после полугода езды пулей бросился в СССР. (Даже в Сан-Франциско (звали с лекцией) не поехал). (Автобиография.)

Во время пребывания в Америке (кроме перечисленных выше, точно датированных) были написаны стихотворения: «Барышня и Вульворт», «Вызов», «Американские русские», «Бруклинский мост», «100%/с», «Порядочный гражданин». Черновики всех этих стихотворений — в одной «американской» записной книжке. Последнее в книжке стихотворение «Домой» было, очевидно, начато по дороге домой на пароходе, закончено в декабре 1925 года¹. Остальные стихи, связанные с этой поездкой («Сифилис», «Тропики», «Мексика — Нью-Йорк», «Свидетельствую»), были написаны позже — в первой половине 1926 года.

Кроме того, в поездке была начата и в значительной мере написана книга очерков «Мое открытие Америки».

6 ноября приехал в Париж.

12 ноября — выступление в Париже в помещении Океанографического института с докладом «Там и у нас» («Доклад об искусстве») и чтением стихов. (Вечер был устроен Объединением студентов СССР во Франции.)

¹Заключительные строки этого стихотворения связаны с выступлением товарища Сталина на XIV съезде ВКП(б) (декабрь).

«Поэт намеревался рассказывать исключительно о своих эстетических восприятиях из вежливости к Фралции, выдавшей ему визу и запрещающей говорить о политике. Но как-то получилось само собой, что вместо литературного доклада Маяковский сделал доклад «социально-экономическо-политический». («Вечерняя Москва», 2 декабря 1925.)

«Кто не видал и не слышал Маяковского, должен пожалеть, что не попал на этот доклад. Трудно представить себе лучшего рассказчика и декламатора для широких масс. Маяковский—создание новой России. В его могучей, широкой, подвижной фигуре, в его товарищеской фамильярности с слушателями, в его непринужденной манере, в его едкой иронии, -- во всем его существе сказывается нечто, что роднит его с русским рабочим, с человеком из народа. Когда, расхаживая под большой стеной картины, изображающей морское судно на океане, он рассказывал нам о своем путешествии в Мексику и Соединенные Штаты или когда, повысив свой мощный голос, он читал нам свои стихи, написанные по поводу виденного, невольно хотелось сказать: да, такими именно глазами смотрел бы на Америку русский рабочий... Слушая эти красочные рассказы, пересыпанные тонкими, меткими замечаниями, слушая эти звонкие стихи, с их часто неожиданными аккордами, дающими новый смысл всей картине, мы незаметно досидели до часу ночи. И хотелось еще и еще слушать этого мощного поэта. Не хотелось покидать этой прекрасной залы, этой оживленной, то серьезной, то улыбающейся аудитории». («Парижский вестник», 14 ноября 1925.)

13 ноября в газете «Парижский вестник» напечатано стихотворение «Христофор Колумб» под заглавием «Открытие Америки».

14 ноября приехал в Берлин.

16—17 ноября выехал из Берлина через Ригу в Москву.

Около 20 ноября вернулся в Москву.

За время отсутствия Маяковского появились в печати следующие стихотворения: «Ялта — Севастополь» («Прожектор», № 10); «Еду» и «Город» («Прожектор», № 12); «Прощание (Кафе)» («Огонек», № 28); «Выволакивайте будущее» («Смена», № 11); «Верлен и Сезан» («Прожектор», № 13); «Атлантический океан» («Известия», 15 августа); «6 монахинь» под заглавием «Монашки» («Прожектор», № 16); «Даешь мотор» («Самолет», № 8) и отрывки из поэмы «Летающий пролетарий» в журналах: «Красная нива», № 30, «Новый мир», № 7, «Молодая гвардия», № 8.

Вышли следующие книги: в июне — агитпоэма «Сказка про купцову нацию, мужика и кооперацию», написанная совместно с Н. Асеевым (изд. Центросоюза); в сентябре — поэма «Летающий пролетарий» («Авиаиздательство и Авиахим»); сборник «Песни рабочим» (изд. «Долой неграмотность», стр. 98); сборник «Песни крестьянам» (изд. «Долой неграмотность», стр. 168); в октябре — сборник «Париж» (изд. «Московский рабочий»); в ноябре — детская книжка: «Что такое хорошо и что такое плохо» (изд. «Прибой», Ленинград.)

Через несколько дней по возвращении Маяковский дал интервью представителям печати:

«Я выехал из Америки в октябре. Слухи о моих успехах там несколько не преувеличены. Я нахожу, что иметь аудиторию в полторы тысячи человек в течение ряда недель — это, конечно, успех. Думаю, что, кроме литературного, мои лекции имели еще и некоторо революционное значение. Из Нью-Йорка я проехал в Париж, где пробыл неделю, сделал доклад об Америке и читал стихи. Из Франции поехал в Берлин, где пробыл два дня.

Отрекся ли я от футуризма? Это все равно, что сказать — отрекся от леопардов, чтобы перейти к тиграм. Отрекся от футуризма, чтобы продолжать Леф, ибо Леф (левый фронт искусств) — это единственное, что меня удвлетворяет.

Для печати я привез книгу стихов о Мексике, об Испании и об Атлантическом океане. Есть у меня и новая книга о Соединенных Штатах». («Заря востока», Тифлис, 1 декабря 1925.)

1 декабря — выступление в Доме печати с чтением стихов, написанных в Америке.

5 декабря заключил с Госиздатом четыре договора на сборник стихов: «Мексика — Америка» (срок сдачи 5 января 1926), на книгу очерков «Поездка в Мексику и Америку» (срок 5 января 1926), на пьесу в 3 действиях: «Драма» (срок 15 января 1926) и на роман (18 печ. листов, срок 15 апреля 1926).

6 декабря в вечернем выпуске «Красной газеты» (Ленинград) напечатано стихотворение «Христофор Колумб» под заглавием «Открытие Америки».

6 декабря — выступление в Политехническом музее.

«Первый большой вечер возвратившегося из путешествия поэта Владимира Маяковского. I. Доклад: «Мое открытие Америки». — Испания, Атлантический океан, Гаванна, Вера-Круц, Мексика, Нью-Йорк, Чикаго, Париж. Темы: Американцы ли американцы? Гаванна, виски, сахар и сигары. Индейцы, гачупины и гринго. Тропический лес. Урожай фуража и президентов. Бой быков. Странные министры. Тише, ораторы! Ваше слово, товарищ ЗЗ! Москва в Польше. Первое звездное знамя от Лоредо до Нью-Йорка. По земле, под землей и по небу. Мораль и удочерение. Иллюстрации к Марксу. Одесса отец, Змеиные яйца в Москве. Негры, джаз и чарлстон. Басни о Форде. Чикаго, 150 000 000 и бойни. II. Мексика, стихи и поэмы. 1. Испания. 2. Христофор Колумб. 3. 6 монашек. 4. Черные и белые. 5. Мелкая философия на глубоких местах. 6. Индейская история. Соединенные штаты. 1. Бродвей. 2. Вульворт и барышня. 3. Кемп Нит Гедайге. 4. Ол Райт. 5. Их язык. 6. Небоскреб в разрезе. 7. Злоба. 8. Бруклинский мост. По окончании ответ на записки» (афиша).

«Маяковский открыл не только Америку, но и новые качества в себе. Маяковский вернулся в Москву не прежним. Американские наблюдения пробудили в поэте качества социолога, экономиста и политика. Маяковский хочет не только показывать, но и доказывать. Убедать не только художественными средствами, но и отвлеченно-теоретическими. Поэтому-то доклад Маяковского звучал так для него необычайно... Это не помешало докладу быть чрезвычайно ценным и интересным. Маяковский не только увидел много, но и глубоко понял. Обретая новые качества, Маяковский не потерял своих прежних. Доклад дважды уступал место чтению стихов, написанных во время путешествия». («Вечерняя Москва», 8 декабря 1925.)

8 декабря -- выступление в Доме печати с докладом о поездке в Америку.

14 декабря в газете «Вечерняя Москва» напечатано стихотворение «Мелкая философия на глубоких местах».

14 декабря — выступление в Доме печати на диспуте: «Больные вопросы советской печати».

«... Разрешите сказать два слова о своем поэтическом ремесле. У меня большой зуд на писание сатирических вещей. Но у нас сатирических журналов очень мало, да и они загружены материалом, а в газету ни один редактор не пустит стихотворения, потому что считает их вообще ерундой.. Приложены ли какие-нибудь усилия для того, чтобы создать из стихотворца фельетониста? А ведь мы знаем, что и стихотворный фельетон настолько может выхлестать человека, что за год вперед будет сквозь брюки красное мясо просвечивать».

19 декабря — выступление в Политехническом музее с докладом «Дирижер трех Америк (США)».

Афиша: «I. Темы: Бог доллар — доллар дух святой. Кино-Чаплин, золотая горячка, горничная в 15 тысяч в неделю, Ньюйоркский поэтический Конотоп. Фотомонтаж князя Бориса. Принцесса Сирилл. Змеиные яйца в Москве. Неподкупность продажных газет. Форд, как он есть. Американские рабкоры о Форде. Приключения мистера Браунинга. Какая Америка интересней — моя или всамделешная. Горький и Короленко об Америке и США. II. Стихи и поэмы о Мексике, Америке, Атокеане, Испании и Франции: Статуя свободы. Монтецума — ястребиный коготь. Сто этажей. Маржита. Гав-ду-ю-ду. Бой быков. Бруклинский мост. Париж. Петров и Каплан. Первое предостережение, После доклада ответ на записки».

22 декабря заключил соглашение с Комиссией по изысканию средств помощи студентам 1 МГУ об организации выступлений в городах Ленинграде, Харькове, Ростове н/Д, Баку и Тифлисе.

23 декабря сдал в Госиздат тома II и III Собрания сочинений.

25 декабря в журнале «Прожектор», № 24, напечатано стихотворение «Бруклинский мост».

В тот же день в журнале «Экран», № 37, напечатано стихотворение «Барышня и Вульворт».

1 9 2 6

3 января в журнале «Огонек», № 1, напечатано стихотворение «Мексика» с предисловием Маяковского.

В тот же день в журнале «Красная нива», № 1, — стихотворение «Небоскреб в разрезе».

3 января сдал в Госиздат сборник стихов: «Испания Океан. Гаванна. Мексика. Америка».

В тот же день выехал в Ленинград.

4 января — выступление в Ленинграде в зале Академической филармонии с докладом «Мое открытие Америки»¹.

«Маяковский как бы умышленно игнорирует все то, что обычно поражало воображение предыдущих колумбов. Он остается равнодушен к американскому размаху и холоден к сногшибательной экзотике... Большой и вполне заслуженный успех имели стихи, посвященные путешествию — «Испания», «Гаванна — черное и белое», «Открытие Америки», «Собор», «Мелкая философия на глубоких местах» и др. ...Зал Филармонии был переполнен, как в дни концертов Клемперера, налицо несомненный контакт докладчика с чуткой аудиторией...» («Красная газета», веч. вып., 5 января 1926.)

9 января прочитал для фонографической записи в кабинете изучения художественной речи Института истории искусств в Ленинграде стихотворения «Атлантический океан» и «Блек энд уайт».

«Он намеревался прочитать в тот вечер еще несколько своих произведений. В этот момент произошла неприятная заминка: погас свет, прекратилась подача электроэнергии. Запись пришлось прекратить. Без тока продолжать ее не было возможности. Несколько времени поэт дождался подачи тока. Затем уехал». («Как записывался голос поэта», «Литературная газета», 26 марта 1940.)

В январе в журнале «Новый мир», № 1, напечатано стихотворение «100%».

В журнале «Красная новь», № 1, — стихотворение «Блек энд уайт», написанное 5 июля 1925 года в Гаванне, и первая часть книги очерков «Мое открытие Америки» («Мексика»).

В журнале «Молодая гвардия», № 1, — стихотворение «Домой».

19 января Госиздатом предоставлена Маяковскому отсрочка по договорам на книгу очерков «Открытие Америки» до 23 января и на драму до 23 февраля 1926 года.

23 января письмо А. В. Луначарского в жилотдел Рогожско-Симоновского совета с просьбой сохранить за Маяковским его квартиру в Гендриковом пер. на время его командировки.

24 января в журнале «Красная нива», № 4, напечатано стихотворение «Бродвей».

24 января приготовлена к печати книга очерков «Мое открытие Америки» (сдана в Госиздат 25/1).

24 января выехал в лекционную поездку по городам Украины, Сев. Кавказа и Закавказья.

25 января — выступление в Харькове в Оперном театре с докладом «Мое открытие Америки».

28 января в газете «Коммунист» (Харьков) напечатан очерк «Дейтрот» (из книги «Мое открытие Америки»).

¹ Тезисы афиши этого выступления (так же как и дальнейших выступлений в 1926 г. по городам Союза — Киеву, Ростову, Краснодару и т. д. — с докладом «Мое открытие Америки») в основном повторяют тезисы двух афиш — см. 6 и 19 декабря 1925 г.

28 января — выступление в Киеве в зале бывш. Купеческого собрания с докладом «Мое открытие Америки».

29 января — второе выступление в Киеве в зале бывш. Купеческого собрания — «Мое открытие Америки».

31 января в газете «Киевский пролетарий» напечатан очерк «Чикаго» (из книги «Мое открытие Америки»).

31 января — третье выступление в Киеве в зале Окружкома КП(б) для рабкоров и журналистов.

«Два года тому назад, когда т. Маяковский впервые приехал в Киев, он пришел к рабкорам. Его тепло встретили, и с тех пор, приезжая в наш город, он обязательно бывал у рабкоров. Вот и теперь он пришел. В большом зале Окружкома собрались киевские рабкоры и работники прессы. Два года тому назад т. Маяковский делился с рабкорами опытом, про что именно и как нужно писать в газету, как нужно беречь часто корявый, но колоритный рабочий язык, как нужно избегать литературных штампов и шаблонов... Теперь он знакомит рабкоров с положением и характером буржуазной прессы, особенно с американской... («Пролетарская правда», Киев, 2 февраля 1926, перевод с украинского.)

2 февраля в газете «Киевский пролетарий» напечатано стихотворение «Мелкая философия на глубоких местах».

2 февраля — четвертое выступление в Киеве в цирке с докладом на тему «Нью-Йорк и Париж».

Маяковский прекрасно чувствует свою связь с аудиторией... Он простой, и относится к нему просто... Как и следовало ожидать, наибольшее количество времени Маяковский отвел своим стихам. Так называемый доклад был между прочим, между чтением новых произведений. Он привез из-за океана много новых вещей...

— Между прочим, товарищи, — сказал он после одного из стихов в конце вечера, — та страна, где добрый час слушают серьезные стихи, достойна уважения... И, подумавши, добавил: — Да, хороша наша страна... И я, наверное, неплохой поэт, если сумел заставить вас столько времени слушать себя... («Пролетарская правда», Киев, 3 февраля 1926, перевод с украинского.)

3—4 февраля приехал в Ростов н/Д.

«После 13-летнего перерыва я первый раз приехал читать стихи. Большие афиши предупреждают каждого. Две ростовские газеты пишут статьи. На две лекции, объявленные 1 МГУ, билеты проданы полностью. Первая лекция — 1150 человек, вторая — 1200. РАПП (Ростовская ассоциация пролетарских писателей) устраивает специальный закрытый вечер». (Статья «Подождем обвинять поэтов».)

6 февраля — выступление в Ростове в Мраморном зале клуба ВСАСОТР с докладом «Мое открытие Америки».

«Это не была лекция, по крайней мере, в том смысле, в каком привыкли мы понимать это слово. Скорей беседа поэта с публикой, — беседа, пересыпанная блестками неподражаемого (без кавычек) Маяковского остроумия. Об Америке т. Маяковский сказал не много, но немногое, сказанное им, давало большее представление о заатлантической стране, чем многословные речи патентованных лекторов». («Молот», Ростов, 9 февраля 1926.)

«Остальные два отделения он посвятил стихам. Читал он стихи так, как он один только может прочесть. Публика требовала любимых стихов: «Левый марш!», «Пушкину!», «Облако в штанах!» — неслось со всех сторон». («Советский юг», Ростов, 10 февраля 1926.)

7 февраля в журнале «Красная нива», № 6, напечатан очерк «Моя встреча с Диего де Ривейра» (из книги «Мое открытие Америки»).

7 февраля — второе выступление в Ростове в клубе рабочих газеты «Молот» на собрании Ростовской ассоциации пролетарских писателей.

«За столом президиума — Вл. Маяковский, пришедший послушать местных пролетарских поэтов. Говоря о стихах, Маяковский указал, что рапповцам не стоит бросаться к мировым темам, но следует писать больше о том, что хорошо им известно и не вошло в литературу: о Ростове и Нахичевани, в быту которых скрыто много сокровищ для поэзии (например, самое слово «Нахичевань», великолепное слово, еще никем не использованное в поэзии), не стоит начинающим писать непременно гладкие, чистенькие стихи... Слова надо давать в таком сочетании, в такой переработке, чтобы они возрождались, являлись перед читателем в новом свете; стоит помнить, что ни один поэт не должен быть похож на другого, но каждый должен иметь свое лицо и голос; поэтому не стоит торопиться печататься.

Разбирая зачитанные рапповцами стихотворения, Маяковский высказал такое мнение о каждом поэте: Безбородов и Поляжский еще слабы. У первого наблюдается не только символизм формы, но и символизм содержания, второй просто рифмует строки. Обухов покамест тоже слаб, но ему работать нужно — задатки есть. Григорий Кац хороший поэт, но стихи у него слишком напевны, гладки. «Выкиньте из середины какое-нибудь слово, чтобы нарушить размеренность... Сделайте их покорявее»... Жак в своих стихах дает мало новых образов, и в них слишком много пафоса. По просьбе собравшихся Маяковский прочел одно из лучших своих последних стихотворений, навеянных поездкой в Америку, и окончание поэмы «Ленин». Читка и самые вещи произвели большое впечатление на собравшихся». («Молот», Ростов, 10 февраля 1926.)

10 февраля — третье выступление в Ростове в Мраморном зале клуба ВСАСОТР с докладом «Нью-Йорк и Париж».

«Темы: Я люблю Нью-Йорк. Я ненавижу Нью-Йорк. Продажа ругательства. Полмиллиона в двадцать минут. Что под землей? Гонка аэропланов. Нищие в Гавре. Международная выставка в Париже. Негритянка в воде,

Стихи и поэмы — Вызов, Как собаке здрастье, Открытие Америки, Кемп Нит гедайге, Нотр-Дам, Версаль, Жорес, Кафе, Возвращение.

Что с Лефом? Журнал и дело. Броненосец Потемкин. Ваше чтпво. Леф в мире. Сезан и Верлен. Кому я попутчик? Заданье на год. Поэма о Ленине». (Афиша.)

11 февраля выехал из Ростова в Краснодар.

Во время пребывания в Ростове и дальше в городах, где он выступал — в Краснодаре, Баку и Тифлисе, — Маяковский произвел своеобразное «обследование» книготорговой сети — какое распространение имеют стихи и в частности его книги. Это «обследование» навыков и приемов книжной торговли вызвано было утверждениями работников Госиздата, что «стихов не покупают». На этом основании, в частности, Торгсектор Госиздата протестовал против издания Собрания сочинений Маяковского (см. 14 сентября 1925). Маяковский проверил в книжных магазинах наличие сборников стихов и предложил организовать продажу своих книг во время выступлений. На двух открытых вечерах в Ростове были распроданы все залежавшиеся в складах ростовских магазинов старые издания, и Маяковский повторил этот опыт в Краснодаре, Баку

и Тифлисе. По возвращении из поездки Маяковский написал об этом большую статью «Подождем обвинять поэтов». («Красная новь», № 4, см. апрель 1926.)

14 февраля в газете «Коммунист» (Харьков) напечатано стихотворение «Вызов».

14 февраля — выступление в Краснодаре в кинотеатре «Мон Плезир» с докладом «Мое открытие Америки».

«Маяковский рассказал об американской индустриальной мощи и об американизме в жизни лучше, интересней и образованней, чем сотни книг об Америке... Затем читка стихов... Читал Маяковский и свои американские стихи, из которых лучшие: «Открытие Америки», «6 монахинь», «Вилли», и не американские. Силью потрясла слушателей 3-я часть поэмы «Ленин». Основное в этой поэме: Маяковский в дни смерти Ленина забывает свой индивидуализм и чувствует себя частицей класса. Сделано это с силой и убедительностью». («Красное знамя», Краснодар, 17 февраля 1926.)

15 или 16 февраля выехал из Краснодара в Баку.

18 февраля в газете «Бакинский рабочий» напечатан очерк «Я люблю Нью-Йорк» (из книги «Мое открытие Америки»).

19 февраля в газете «Бакинский рабочий» напечатано стихотворение «Домой».

19 февраля — выступление в Баку в 1 ч. дня в Большом театре с докладом «Мое открытие Америки».

«Маяковский, как чтец, превосходен: могучий голос, четкая дикция и хорошее владение декламационной акцентировкой — качества, которыми литераторы блещут не часто... Закончил Маяковский знаменитым «Левым маршем», прозвучавшим в его исполнении особенно четко и убедительно. «Утро», затянувшееся до половины пятого пополудни, прошло с явным и настоящим успехом». («Бакинский рабочий», 21 февраля 1926.)

В тот же день — второе выступление в Баку в Доме просвещения на собрании литературной группы «Весна».

«Ряд поэтов читали свои стихотворения... Читавших Маяковский разделил на два лагеря: на подражающих Есенину и «кузнецов» — приверженцев Московской группы пролетписателей «Кузница». Высказался за упорную стихотворную работу в смысле овладения формой, за смелое утверждение жизни и полное отменение всякого уныния. Вечер прошел бодро и весело. Собравшиеся Маяковского шумно приветствовали». («Бакинский рабочий», 21 февраля 1926.)

21 февраля — третье выступление в Баку.

22 февраля в газете «Бакинский рабочий» напечатано стихотворение «Вызов».

22 февраля — четвертое выступление в Баку в 5 ч. вечера на внеочередном заседании литературной группы «Весна».

В тот же день — пятое выступление в Тюркском гос-театре с докладом «Лицо литературы СССР».

23 февраля в газете «Бакинский рабочий» напечатано стихотворение «Богомольное».

23 февраля — шестое выступление в Баку в рабочем районе Балаханы.

24 февраля — седьмое выступление в Баку.

Сведения о третьем, шестом и седьмом выступлениях в Баку взяты из сводки-рапортчики о выступлениях, составленной организаторами — Комиссией по изысканию средств помощи студентам 1-го МГУ. Темы и места выступлений неизвестны.

24 февраля выехал из Баку в Тифлис.

26 февраля в газете «Бакинский рабочий» напечатано стихотворение «Порядочный гражданин».

27 февраля в газете «Заря Востока» (Тифлис) напечатано интервью с Маяковским «Литературная и культурная жизнь Америки».

28 февраля — выступление в Тифлисе в Театре Руставели с докладом «Мое открытие Америки».

Во второй половине февраля написано стихотворение «Строго воспрещается» и сдано во время пребывания в Тифлисе в редакцию газеты «Заря Востока». (Напечатано в газете не было.)

В феврале в журнале «Новый мир», № 2, напечатана вторая часть книги очерков «Мое открытие Америки» — «В чужих краях. Нью-Йорк».

В журнале «Красная новь», № 2, — стихотворение «Кемп «Нит гедайге» и третья часть книги очерков «Мое открытие Америки» — «Америка».

1 марта — второе выступление в Тифлисе в Театре Руставели с докладом «Лицо литературы СССР».

«Последний свой вечер в Тифлисе поэт Маяковский растопил равнодушные даже той публики, которая дальше оперных гастролеров ничего не видит... Знаменитый «Левый марш», прочитанный с редким подъемом, создал в чуткой аудитории буквально настроение восторга». («Рабочая правда», Тифлис, 2 марта 1926).

1 марта выехал из Тифлиса в Москву. В поездке, как писал потом Маяковский в статье «Как делать стихи?», он начал работать над стихотворением «Сергею Есенину».

«Работа совпала с моими разъездами по провинции и чтением лекций. Около трех месяцев я изо дня в день возвращался к теме и не мог придумать ничего путного. Лезла всякая чертовщина с синими лицами и водопроводными трубами. За три месяца я не придумал ни одной строки... Уже подъезжая к Москве, я понял, что трудность и долгость писания — в чересчур большом соответствии описываемого с личной обстановкой. Те же номера, те же трубы и та же вынужденная одиночество. Обстановка заворачивала в себя, не давала выбраться, не давала ни ощущений, ни слов, нужных для клеймления, не давала данных для призыва бодрости».

6 марта президиум редплана Госиздата обсуждал вопрос об издании Собрания сочинений Маяковского и постановил «ввиду отказа Торгсектора от дачи заявки поставить вопрос на решение правления» (см. дальше — 30 мая и 7 июня).

7 марта в журнале «Красная нива», № 10, напечатан

очерк «Американское кое-что» (из книги «Мое открытие Америки»).

14 марта в журнале «Огонек», № 11, напечатан очерк «Свинобой мира» (из книги «Мое открытие Америки»).

16 марта заключил договор с издательством «Прибой» на стихи-агитку «О первом мае» (размером 400 строк, срок сдачи 26 марта 1926 г. Написана была совместно с Н. Асеевым).

17 марта — выступление в Доме ученых на «Мексиканском вечере».

20 марта заключил договор с издательством «Прибой» на три детских книги: «Вокруг света», «Зверинец», «Собачка» (срок сдачи 1 апреля 1926 г.).

В марте вышла детская книжка «Гуляем» (изд. «Прибой», Л.).

В журнале «Новый мир», № 3, напечатано стихотворение «Порядочный гражданин».

23 марта заключил договор с театром на «Комедию с убийством». (Срок сдачи «через две недели».)

О работе над этой пьесой Маяковский упоминал в статье «А что вы пишете?» (см. 28 мая), затем в заметке «Что я делаю?» (в апреле 1927 г.). В декабре 1928 года Маяковский вместо «Комедии с убийством» сдал театру пьесу «Клоп». Однако в начале 1929 года, судя по заметке в журнале «Рабкис», Маяковский хотел вернуться к работе над «Комедией» (см. 29 января 1929 г.).

Сохранившиеся наброски отдельных сцен «Комедии с убийством» относятся к середине 1926 года. Пьеса осталась незавершенной.

В двадцатых числах марта закончено стихотворение «Сергею Есенину».

25 марта заключил два договора с издательством «Закнига» на отдельное издание стихотворения «Сергею Есенину» и на детскую книжку «Зоологический сад». Одновременно с подписанием договора сдана рукопись «Сергею Есенину».

26 марта сдал издательству «Закнига» рукопись детской книжки «Что ни страница, то слон, то львица».

28 марта в журнале «Огонек», № 13, напечатана фотография, привезенная Маяковским из Америки, с его объяснительным текстом «Свобода собраний».

29 марта — выступление в Доме печати на диспуте о советском иллюстрированном журнале.

«У журналов мало инициативы. Редактор должен быть организатором, а не механическим собирателем материала. Писателям советую купить фотографические аппараты и (советую) научить ими снимать, пообещав в подарок и пишущие машины».

В марте — первой половине мая написана статья «Как делать стихи?»

Первое упоминание об этой статье Маяковского было в ленинградской «Красной газете» 7 апреля 1926 года: «Чуть ли не впервые В. Маяковский приготовил к печати теоретическую статью «О поэзии» — об искусстве писать стихи; острые работы Маяковского направлено будет против теоретиков от поэзии с Г. Шенгели во главе».

2 апреля сдал в журнал «Огонек» стихотворение «Что ни страница, то слон, то львица». (Напечатано в журнале не было.)

11 апреля в журнале «Огонек», № 15, напечатан очерк «Америка в Баку».

15 апреля Госиздат предоставил Маяковскому отсрочку по договору на драму до 1 июня и по договору на роман до 15 сентября 1926 года.

Сроки эти еще несколько раз отодвигались — на роман до 1 декабря 1926 года, 6 марта, затем 15 июля 1927 года. (См. письма Маяковского в Госиздат 27 сентября 1927 г. и 8 октября 1928 г. Роман так и не был написан.) Обещанная по договору «драма» — «Комедия с убийством» — также не была сдана в срок.

16 апреля в газете «Заря Востока» (Тифлис) напечатано стихотворение «Сергею Есенину».

19 апреля написано стихотворение «Марксизм — оружие, огнестрельный метод. Применяй умеючи метод этот» (дата на беловике).

25 апреля в журнале «Красная нива», № 17, напечатано стихотворение «Свидетельствую».

25 апреля — выступление на юбилее ТИМ.

28 апреля сдал в Госиздат том IV Собрания сочинений.

В апреле в журнале «Молодая гвардия», № 4, напечатано стихотворение «Сифилис». (Написано в начале 1926 г.)

В журнале «Красная Новь», № 4, — статья «Подождем обвинять поэтов» по вопросу об убыточности издания стихов и отсутствии спроса на них.

Статья написана по материалам «обследования» провинциальных книжных магазинов, произведенного Маяковским во время последней лекционной поездки (см. выше, 11 февраля).

«Выводы? Вывод один: неизвестно. Что неизвестно? Все неизвестно. Неизвестно — кто идет, неизвестно — как идет. Неизвестно, идет ли тот, кто распродан. Неизвестно, распродан ли тот, кто идет. Неизвестно, кто идет самой книгой. Неизвестно, кто двигается рекламой. И, наконец, когда все известно, то неизвестно, получена ли эта известность на основании правильных или случайных цифр..»

Цель моей беглой заметки — приободрить поэтов. Поэтов винили много. Они совершенно достаточно изруганы критикой.. Возможно, не в поэтах дело, попробуем, временно оставив поэтов в покое, с такой же страстностью обрушиться на продающих..

Товарищи поэты, последите временно сами за движением своих стихов!»

Во второй половине апреля вышло отдельным изданием стихотворение «Сергею Есенину». (Изд. «Заккнига», Тифлис.)

В конце апреля — переезд на новую квартиру в Гендриковом переулке, дом 15, кв. 5, полученную Маяковским в декабре 1925 года.

23 апреля 1926 года Моссовет специальным письмом в ответ на заявление Маяковского закрепил за ним эту квартиру: «Принимая во внимание, что поэтом Маяковским в доме № 15 по Гендрикову пер. произведено переустройство квартиры и ремонт последней за его счет, управление делами президиума Московского Совета считает вполне справедливым оградить интересы просителя от мероприятий, связанных с возможностью переселения или уплотнения поэта Маяковского».

1 мая в газете «Известия» напечатано стихотворение «Первомайское поздравление». Одновременно напечатано в утреннем выпуске «Красной газеты» (Ленинград).

Ряд образов и сравнений этого стихотворения связан с отдельными положениями в докладе товарища Сталина 13 апреля 1926 года ленинградскому партактиву «О хозяйственном положении Советского Союза». («Партиздат», 1937, стр. 14—17, 19.)

4 мая — выступление в Доме работников просвещения на вечере смычки журналистов с рабкорами.

5 мая в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Четырехэтажная халтура» (первое стихотворение Маяковского в «Комсомольской правде»).

6 мая в газете «Известия» напечатано стихотворение «Английскому рабочему» (в связи с всеобщей стачкой английских рабочих, вспыхнувшей 4 мая).

9 мая — вечер Маяковского в Доме печати (в помещении ЦИОНО в Лиховом пер.).

В тот же день — выступление в Театре революции на вечере «Революционные писатели английским рабочим».

В первой половине мая написано стихотворение «Разговор с фининспектором о поэзии».

Поводом к возникновению темы этого стихотворения явились действительные «разговоры с фининспектором», которые Маяковский вел в то время по поводу неправильного обложения его налогом, приравнения писателей к кустарям, торговцам и т. д. В одном из более поздних заявлений фининспектору (от 26 августа 1926 г.) Маяковский, подробно перечисляя в 17-ти пунктах свои «производственные расходы», ссылается на статью «Как делать стихи» и стихотворение «Разговор с фининспектором о поэзии». В этом заявлении Маяковский между прочим писал: «По роду моей работы, которую я никак не могу превращать в канцелярскую, я конечно не веду никаких точных бухгалтерских записок о приходах-расходах, но все мои расходы без труда могут быть проверены фининспектором и подтверждены профсоюзом в части производственных расходов, как и доходы, так как я работаю исключительно в госизданиях и учреждениях. К этому надо добавить, что, несмотря на то, что моя работа — работа общественная, часто выполняемая по прямым заданиям тех или иных госучреждений или органов (Наркомпрос, комитет Парижской выставки и т. д.), я не пользуюсь ни единой бесплатной услугой государства и не трачу ни одной казенной копейки. Например, мне самому пришлось

оборудовать и отремонтировать разрушенную квартиру. Кроме того, находясь в заграничных поездках, я не использую их в целях наживы от выступлений и лекций, а выступаю только по предложению наших коллег-представителей или иностранных рабочих и партийных организаций—или бесплатно или по расценкам, едва покрывающим организационные расходы. Буду одним из создателей целого направления в искусстве, являющегося наиболее активной составной частью искусства СССР, я обязан вступать в различные взаимоотношения с деятелями искусства различных стран, принимать их у себя, а также вести работу по организации и сплочению молодых литературных сил».

14 мая заключил договор с издательством «Заккнига» на издание отдельных книжками стихотворений «Разговор с фининспектором о поэзии» и «Сифилис» (одновременно сдал рукописи).

15 мая в журнале «Прожектор», № 9, напечатано стихотворение «Московский Китай».

Около 15 мая подписал договор с издательством «Огонек» на книжку «Избранное из избранного». (Срок сдачи рукописи 21 мая.)

16 мая выехал в Ленинград.

17 мая — выступление в Ленинграде в Государственном институте истории искусств.

«Вчерашний триумфатор Вл. Маяковский знает свою аудиторию. На эстраде он — дома. Курит одну за другой папиросы, неспеша роется в кипе своих стихов, вспотевши, снимает пиджак. К чему церемония, когда сотни глаз устремлены с обожанием на поэта, говорящего Пушкину скромно и убежденно:

После смерти нам стоять почти что рядом...

...Так радостно видеть здорового, цельного человека и поэта с большим талантом и большой верой в жизнь, из глубины своих несбывшихся легких бросающего свое громогласное слово:

Не ненавижу всяческую мертвячину,
Обожаю всяческую жизнь!»

(«Красная газета», Ленинград, 18 мая 1926.)

19 мая в газете «Ленинградская правда» напечатан отрывок из статьи «Как делать стихи?» — «О работе поэта».

20 мая в вечернем выпуске «Красной газеты» (Ленинград) напечатано стихотворение «Мелкая философия на глубоких местах» с примечанием Маяковского и новыми строфами.

«Этот стих — скелет, который может и должен обрастать при моей помощи и при вашей, товарищи поэты, мясом злободневных строк. Так строки про «обрастание» и «диспут» — новы. Другие — устаревшие — вычеркнуты. Таковым скелетом, например, была моя «Схема смеха».

23 мая в газете «Ленинградская правда» напечатан отрывок из стихотворения «Сергею Есенину».

Около 24 мая вернулся в Москву.

26 мая в вечернем выпуске «Красной газеты» (Ленинград) напечатано стихотворение «Передовая передового».

28 мая в вечернем выпуске «Красной газеты» (Ленинград) напечатана статья «А что вы пишете?»

«Сейчас, на мой взгляд, печатается больше, чем пишется. Не сразу разберешь, где кончается поэзия и где начинается ведомственный отчет, только на всякий случай зарифмованный. Одна печатаемая ерунда создает еще у двух убеждение, что и они могут написать не хуже... Главная работа, главная борьба, которую сейчас необходимо вести писателю, это — общая борьба за качество.. Халтура, конечно, всегда беспринципна, она создает безразличное отношение к теме — избегает трудную, избегает скользкую. Настоящая поэзия всегда, хоть на час, а должна опередить жизнь».

30 мая в газете «Известия» напечатано стихотворение «Взяточники».

В тот же день в газете «Комсомольская правда» — стихотворение «В повестку дня».

30 мая — письмо в Госиздат с предложением при обсуждении вопроса о Собрании сочинений дополнить собрание пятым томом, в который войдут вещи, написанные за прошлый год, «наиболее характерные для меня и поэзией и новизной и современностью наиболее интересные читателю».

«... 2. Пользуясь пунктом договора о перепечатке, считал бы нужным предложить выпустить универсальной поэму «Ленин», «Сатирические стихи» и «Об обрядах» для крестьянской библиотеки. Это необходимо сделать потому, что мой основной читатель — вузовец, рабфаковец, не могущий тратить денег на дорогую книгу. Опыт дешевого издания «Огонька» показал всю целесообразность такого дела: даже старое «Облако в штанах» разошлось за несколько месяцев без остатка в количестве 16 000 экз.

3. Необходимо дать, если не все издание, то хотя бы два-три тома к началу осени. Как и всегда, я предприму осенью ряд поездок с лекциями по провинции и буду лично продвигать эти книги. Как показал мой опыт, описанный в статье «Красной нови», — этот опыт пропаганды книги вначале оправдывает себя и идейно и коммерчески. Книга непосредственно связывается с потребителем, берется людьми, непосредственно заинтересованными в поэзии, и в дальнейшем повышается магазинный спрос.

4. Способ продажи книги по лекциям и писательским выступлениям необходимо в дальнейшем расширить и планомерно организовать от имени ГИЗа. Считал бы очень целесообразным устраивать в Москве и Ленинграде ежегодные «Поэтические олимпиады» по литературным группам, приуроченные к выходу новых книг».

В мае в журнале «Новый мир», № 5, напечатано стихотворение «Сергею Есенину».

В журнале «На литературном посту», № 4, стихотворение — «Передовая передового».

В журнале «Журналист», № 5, — стихотворение «Марксизм — оружие, огнестрельный метод. Применяй умеючи метод этот».

Вышла агитпоэма «Первый первомай», написанная совместно с Н. Асеевым. Изд. «Прибой». Л.

4 июня в вечернем выпуске «Красной газеты» (Ленинград) напечатано стихотворение «Вызов».

5 июня в газете «Заря Востока» (Тифлис) напечатан отрывок

вок статьи «Как делать стихи?» — «Как приходит социальный заказ».

«Мной написана книжка на тему: «Как делать стихи?» В этой книге я стараюсь подойти к поэзии не как к свалочному месту для древностей — ямбов, хореев, сонетов и т. д., а как к живому производственному процессу. Одним из основных моментов поэтического произведения является «социальный заказ». Во второй части моей книги (откуда берется этот отрывок) я стараюсь обосновать это понятие на живом факте писания одного из стихотворений».

6 июня в газете «Известия» напечатано стихотворение «Протекция».

7 июня сдал в журнал «Огонек» рассказ «Как я ее расшмешил». (Напечатан в этом журнале не был.)

7 июня президиум редплана Госиздата обсуждал вопрос об издании Собрания сочинений Маяковского и постановил «ввиду разногласий перенести вопрос об издании Маяковского на заседание правления».

13 июня в газете «Известия» напечатано стихотворение «Любовь».

В тот же день в газете «Комсомольская правда» — стихотворение «Послание пролетарским поэтам».

В тот же день в журнале «Красная нива», № 24, — стихотворение «Краснодар» под заглавием «Собачья глушь».

В середине июня сдал в журнал «Огонек» стихотворение «Мексика — Нью-Йорк». (Напечатано в «Огоньке» не было.)

18 июня подписал договор и сдал в издательство «Огонек» рукопись статьи «Как делать стихи?» (для выпуска отдельным изданием).

20 июня в газете «Известия» напечатано стихотворение «Фабрика бюрократов».

В июне в журнале «Красная новь», № 6, напечатана первая часть статьи «Как делать стихи?»

В журнале «Новый мир», № 6, — стихотворение «Богомольное».

Вышли отдельными изданиями стихотворение «Разговор с фининспектором о поэзии» и стихотворение «Сифилис». (Изд. «Заккнига», Тифлис.)

Около 20 июня выехал из Москвы в Одессу.

23 июня — выступление в Одессе в Летнем саду им. Лучначарского с докладом «Мое открытие Америки».

«Маяковский не только большой поэт, но и блестящий ум, которому огромная наблюдательность и художественное воображение помогают всякое отвлеченное понятие представить в живой и образной форме. И, затем, легкость и мастерство речи поэта, в соединении с фейерверком остроумия.. В его наблюдениях над жизнью и социальными условиями в Соединенных Штатах и в Мексике столько нового и оригинального, что он действительно вновь «открывает» для слушателей Америку. Не меньший интерес представило и второе отделение вечера, на котором Маяковский с большой выразительностью и чувством ритма прочел ряд

своих новых стихотворений. Имел шумный успех и наш местный поэт—Кирсанов, читавший свои стихи» («Известия», веч. вып., Одесса, 24 июня 1926.)

24 июня в вечернем выпуске «Известий» (Одесса) напечатано стихотворение «Строго воспрещается».

25 июня — второе выступление в Одессе в Летнем саду им. Луначарского (крытый театр) с докладом «Лицо советской литературы».

«—У нас столько энергии, как ни в какой стране, но я не вижу буйного цветения литературы. В этом повинны и отделы распространения, и издатели, и писатели. Они не знают, что нужно и как нужно. Партия, страна, миллионы кричат: За качество продукции! Индустриализация! Режим экономии! Что это, собственно, значит — качество продукции, режим экономии, индустриализация в литературе?..

— Режим экономии — это совсем не значит меньше рублем за фельетон. Это «Война этажей» Безыменского, разложенная на два подвала, но на которую надо было дать только 80 строк..

Второе отделение «Маяковский посвятил стихам». («Известия», веч. вып., Одесса, 28 июня 1926.)

26 июня в журнале «Шквал», № 25 (Одесса), напечатано стихотворение «Мексика — Нью-Йорк» под заглавием «От кактусов до железа» и автошарж Маяковского.

26 июня — третье выступление в Одессе в редакции газеты «Известия» для рабкоров.

27 июня — четвертое выступление в Одессе в Летнем саду — театре «Дворец моряка».

28 июня выехал на пароходе «Ястреб» из Одессы в Ялту. В день отплытия в одесский порт пришел пароход «Теодор Нетте». «Встреча» с этим пароходом (названным именем советского дипкурьера, погибшего при защите дипломатической почты) явилась темой стихотворения Маяковского «Товарищу Нетте — пароходу и человеку» (см. 15 июля.)

3 июля в журнале «Шквал», № 26 (Одесса), напечатано стихотворение «Вызов».

6 июля назначенное в Севастополе в клубе им. Шмидта выступление было сорвано по вине организаторов. (См. 8 июля.)

7 июля — выступление в Симферополе в Доме работников просвещения с докладом «Мое открытие Америки».

8 июля в газете «Маяк коммуны» (Севастополь) напечатано письмо Маяковского в редакцию:

«Приношу большое извинение всем собравшимся 6 июля на мою несостоявшуюся лекцию. Причина срыва лекции — неумелость организаторов и их нежелание не только выполнять заключенный договор, но даже входить в какое-нибудь обсуждение по этому поводу». (Вместе с письмом напечатана заметка редакции, подтверждающая вину организаторов в срыве лекции).

8 июля — выступление в Евпатории в клубе 1 Мая.

9 июля — выступление в Евпатории в санатории «Таласса».

11 июля — в газете «Красный Крым» (Симферополь) напечатано стихотворение «Тропики».

13 июля — выступление в Севастополе в клубе им. Шмидта. «Испания, Атлантика, Америка — разговор о путешествии. Стихи о разных странах».

15 июля написано стихотворение «Товарищу Нетте — паходу и человеку»¹.

18 июля в журнале «Красная нива», № 29, напечатан рассказ: «Как я ее рассмешил».

25 июля в журнале «Красная нива», № 30, напечатано стихотворение «Строго воспрещается».

27 июля — выступление в Ялте в курзале. Афиша: «Испания, Атлантика, Америка. Стихи о разных странах».

26 июля — выступление в Алушке в курзале (по той же афише).

27 июля — выступление в Хараксе в санатории ЦК КП(б)У.

28 июля — выступление в Гурзуфе, в клубе Военно-курортной станции (по той же афише).

В июле — августе сделал надписи для кинокартины «Евреи на земле», снятой в евпаторийском районе по заданию Общества землеустройства евреев. (Сценарист В. Шкловский, режиссер А. Роом.)

3 августа — телеграмма из Ялты к В. Катаняну в Тифлис с просьбой задержать выпуск отдельного издания «Разговор с фининспектором» до напечатания его в журнале. (К этому времени книга уже вышла и продавалась в Москве.)

6 августа подписал в Ялте договор с ВУФКУ (Всеукраинское фотокиноуправление) на два киносценария — «Дети» — из лагерной жизни пионеров и сценарий для комедийного полнометражного фильма. Сроки сдачи: первого — 9 августа, второго — 16 августа 1926 года. Из отметки на договоре ясно, что Маяковский сдал оба сценария «Дети» и «Слон и спичка» одновременно, повидимому, во второй указанный срок — 16 августа. 17 августа там же, в Ялте, ВУФКУ обратилось к Маяковскому с предложением написать еще два сценария: «Электрификация» и «Закованная фильмой». Срок сдачи — 15 октября 1926 года. Маяковский ответил согласием.

Фильм по сценарию «Дети» был выпущен в 1927 году под названием «Трое». Сценарий «Слон и спичка» не был реализован. Об этих двух сценариях Маяковский писал в предисловии к сборнику сценариев:

«Дети» и «Слон и спичка» сделаны по заданию ВУФКУ по определенным материалам. Пионерская колония «Артек» и курортная жизнь Ялты. Успех и неуспех этих картин на подавляющую массу процентов будет зависеть от режиссера, так как весь смысл картины в показе реальных вещей».

20 августа вернулся в Москву.

¹ Дата в первопечатном тексте в «Известиях» 22 августа.

22 августа в газете «Известия» напечатано стихотворение «Товарищу Нетте — пароходу и человеку».

27 августа в газете «Известия» напечатано стихотворение «Ужасающая фамильярность».

29 августа в газете «Известия» напечатано стихотворение «Канцелярские привычки».

В тот же день в журнале «Красная нива», № 35, — стихотворение «Тропики» с рисунками Маяковского.

31 августа в журнале «Новый зритель», № 35, напечатан ответ Маяковского на анкету о кино.

Киноработа мне нравится главным образом тем, что ее не надо переводить. Я намучился, десятый год объясняя иностранцам красоты «Левого марша», а у них слово «левый» в применении к искусству, даже если его перевести, ничего не значит. Частая езда заставляет меня думать о серьезном занятии каким-нибудь интернациональным искусством. Сейчас мною даны два сценария ВУФКУ — «Дети» (пионерская жизнь) и «Слон и спичка» (курортная комедия худеющей семейки)... С завтрашнего дня я рассчитываю начать вертеться на кинофабрике, чтобы, по няв кинодело, вмешаться в осуществление теперешних своих сценариев.

В конце августа написаны совместно с С. Кирсановым для Госиздата рекламные «Частушки для книгонош». (Напечатаны не были.)

В августе в литературном приложении к газете «Рабочая Москва» — «За семь дней», № 6, напечатан отрывок из стихотворения «Разговор с фининспектором о поэзии».

В журнале «Новый мир», № 8—9, — вторая часть статьи «Как делать стихи?».

Вышел сборник «Испания. Океан. Гаванна. Мексика. Америка». (Госиздат, стр. 93.)

Вышла книга очерков «Мое открытие Америки». (Госиздат.)

В конце августа — начале сентября написано заявление в отдел печати ЦК ВКП(б), копия Госиздату — об издании журнала «Новый Леф».

«Задача журнала продолжить работу, начатую газетой «Искусство коммуны» в 1918—1919 гг. и журналом «Леф» 1923—1924 гг. Задача эта — использовать искусство для социалистического строительства одновременно с максимальным повышением качества этого искусства, — сращение искусства с производством, как необходимый фактор индустриализации страны, — борьба с художественной халтурой, с уклоном в эстетизм, с художественной реставрацией и прочими мещанскими уклонами. Лозунги наши достаточно известны по нашей прежней работе и стали в настоящее время особенно актуальными в связи с очередными задачами, выдвинутыми партией и советской властью.

Ответственным редактором предлагается В. Маяковский».

4 сентября в газете «Известия» напечатано стихотворение «Беспризорщина».

5 сентября в газете «Известия» в Международный юношеский день напечатано стихотворение «МЮД».

6 сентября подписал с Госиздатом соглашение об издании пятого тома Собрания сочинений.

6 сентября подписал договор с Московским Театральным издательством на театральный гротеск «Радио-Октябрь». Срок сдачи 12 сентября.

11 сентября присутствовал на заседании президиума редакционно-плановой комиссии Госиздата (по вопросу об издании журнала «Новый Леф»).

Постановлено: выпустить пробный номер в ноябре, 12 номеров в год; № 1 выпустить в декабре.

12 сентября в газете «Известия» напечатано стихотворение «Две Москвы».

14 сентября подписал соглашение с Госиздатом об издании журнала «Новый Леф» в 1927 году.

В середине сентября — организационное собрание сотрудников журнала «Новый Леф».

Обсуждался план первого номера. Маяковский собирался дать в номер статью «Литературный быт», стихотворение «Письмо М. Горькому» и «Обзор стихов». Кроме того, предложил устроить к выходу номера большой вечер в Политехническом музее, затем перенести его на заводы. (По протоколу.)

19 сентября в газете «Известия» напечатано стихотворение «Хулиган».

20 сентября — выступление в Политехническом музее с докладом «Как писать стихи?»

«Темы: 1) «Каждая кухарка—поэт», 2) Пивная бытовщина, 3) Поэты и член коллегии, 4) Борис Пастернак и Броненосец Потемкин, 5) Что нужно для поэта, 6) Что нужно для редактора, 7) Что для читателя, 8) Как в 5 уроков стать поэтом, 9) Лозунг СССР и поэзия, 10) Поэтические перспективы и («Новый леф» и др.

Новые стихи и поэмы: Разговор поэта с фининспектором, Сергею Есенину, Собачки, Тропики, Теодор Нетте — паролод и человек, Разговор броневых судов «Красная Абхазия» и «Советский Дагестан», Про моря и про маяк, Строго воспрещается, О парикмахерах, Послание поэта, Хулиганщина и мн. др. После доклада ответы на записки» (Афиша).

«Вечер был лунный. Не вместившимся в зал Политехнического музея хорошо и приятно было толпиться у подъезда. На свежем воздухе они вдоволь могли замечаться о том, какие интересные вещи рассказывает Маяковский. Поэт был в плохом настроении... Жестоко и поделом изруган был Шенгели за выпущенное им руководство «Как писать стихи?» Затем докладчик обрушился на Жарова, затем пришла очередь Уткина, Безъменского... В заключение поэт читал свои стихи». («Вечерняя Москва», 22 сентября 1926.)

24 сентября заключил договор с издательством «Молодая гвардия» и сдал рукопись детской книжки: «Эта книжечка моя про моря и про маяк».

25 сентября заключил договор с издательством «Молодая гвардия» на иллюстрации к детской книжке: «Эта книжечка моя про моря и про маяк». Срок сдачи 2 октября. (Были ли сделаны рисунки — не установлено.)

26 сентября в газете «Известия» напечатано стихотворение «В мировом масштабе» под заглавием «Хулиганы в мировом масштабе».

29 сентября — письмо в ВУФКУ в ответ на предложение написать сценарий к десятилетию Октября.

«Сценарий к десятилетию Октября я возьмусь делать с удовольствием. Основное Ваше положение, что хорошо бы наперекор пафосным сценариям сделать веселый — приветствую. Тему, предложенную Вами, не считаю удобовыполнимой. Со своей стороны предлагаем историюку двух обывательских братцев (возможно — сестра), одновременно бегущих от красных пушек, — один очутился за границей, другой, повиснув на собственных штанах, перелезая забор, волей неволей висит в СССР. В дальнейшем развивается история братцев: заграничному до полкартины становится все лучше, нашему все хуже. Другая половина ~~«заборота»~~ Картина талантливо развивается, пока заграничный брат не подает ~~«заборота»~~ шения о возврате оставшемуся братцу. На этой канве можно прекрасно бытово разыграть всю историю наших побед и завоеваний, подведя к апофеозному десятилетию... Буду в Харькове скорее всего 11 октября. (Очевидно, придется читать лекцию.) 14-го же буду обязательно и привезу заказанные сценарии. Считаю нужным еще раз повторить, что результат постановок моих сценариев решающе зависит от способности режиссера, так как европейский тип моих сценариев (монтаж кадров, а не фабульное развитие) у нас нов».

30 сентября — выступление в Политехническом музее на диспуте о хулиганстве.

«Тов. Маяковский касается вопроса о хулиганстве постольку, поскольку он отражается в искусстве, сообщает яркие факты хулиганства за границей и заявляет:

— Нужно видеть, где хулиганство переходит в другие виды преступления, хулиганство — именно беспечное озорство. Не нужно выступать резкими моралистами, нужно изживать хулиганство культурными и административными мерами, развертыванием работы клубов. А как лучше привлечь массу в клуб, этот вопрос нужно задать Наркомпросу...

Заканчивая свое выступление, тов. Маяковский зачитывает стихотворение «Хулиган», подчеркивая его конец:

А главное — помнить,
что наше тело

дышит
не только тем, что скушано, —
надо
рабочей культуры дело
делать так,

чтоб не было скушно». («Известия», 2 октября 1926.)

В сентябре в литературном приложении к газете «Рабочая Москва» — «За 7 дней» напечатаны стихотворения: в № 10 — «Хулиган», в № 11 — «Лев Толстой и Ваня Дылдин» с рисунками Маяковского.

2 октября сдал в Госиздат подписной лист на 48 подписчиков журнала «Новый Леф» и 96 руб. задаточных сумм. (Маяковский принимал подписку на журнал во время своих выступлений.)

1 или 2 октября — выступление в Коммунистической академии на диспуте о театральной политике (по докладу А. В. Луначарского).

3 октября в газете «Известия» напечатано стихотворение «Мечта поэта» (в связи с выпуском государственного выгрышного займа).

2—3 октября выехал в Ленинград.

4 октября — выступление в Ленинграде в зале Академической капеллы с докладом «Как делать стихи?»

Маяковский говорил «весьма умные, толковые вещи о том, что перепроизводство пишущих стихи дало снижение качества продукции, что шариаты обещают в дрянных руководствах обучить всякую бездарь писать стихи в пять уроков, что пора объявить кампанию по борьбе с губителями слова под лозунгом «Губы прочь от рифмы»... Затем полетели задорные пачки остроумнейших нападок в огород поэтов, которым нужно учиться и работать, чтобы с честью выполнить свою великую миссию. И в заключение — «подписывайтесь на журнал «Новый Леф»... После перерыва выступил поэт Маяковский. Большой поэт, огромного дарования, ярких образов, своеобразных форм, глава школы. Читал стихи, читал их прекрасно...» («Красная газета», веч. вып., Л., 5 октября 1926.)

5 октября — второе выступление в Ленинграде в зале Академической капеллы (по той же афише).

«... Это большая радость — слушать прекрасное чтение автора... Маяковский-поэт убедителен, как стихия, которую он чувствует и умеет неподражаемо передать». («Красная газета», веч: вып., Л., 6 октября 1926.)

6 октября в газете «Известия» напечатано стихотворение «Праздник урожая».

Около 7 октября вернулся в Москву.

10 октября в газете «Известия» напечатано стихотворение «Искусственные люди»; накануне то же стихотворение появилось в веч. вып. «Красной газеты» (Ленинград) под заглавием «Механические люди».

Около 10 октября выехал в Харьков и Киев.

12 октября в Харькове подписал договор с ВУФКУ на сценарий «Закованная фильмой» и сдал рукопись сценария.

В тот же день подписал еще два договора с ВУФКУ на сценарии: «Две эпохи» (срок сдачи 30 октября) и «10 октября» (срок — 20 ноября 1926 г.).

Картины по первым двум сценариям («Закованная фильмой» и «Две эпохи») поставлены не были. Первый сценарий имел еще заглавия «Сердце кино» и «Сердце экрана». Второй назывался потом «Любовь Шкафолобова» или «Музейный хахаль». Сценарий «10 октября» написан был Маяковским в 1926 году и под названием «Декабрюхов и Октябрюхов» поставлен был в 1927 году одесской кинофабрикой, но очень неудачно.

18 октября — выступление в Киеве в Доме коммунистического просвещения.

19 октября в газете «Известия» напечатано стихотворение «Каждый, думающий о счастье своем, покупай немедленно

выигрышный заем». (Одновременно напечатано в веч. вып. «Красной газеты» (Ленинград).

19 октября — второе выступление в Киеве в Доме просвещения для журналистов, писателей и рабкоров.

20 октября — третье выступление в Киеве в Доме коммунистического просвещения.

21 октября — четвертое выступление в Киеве в Университете.

23 октября вернулся в Москву.

В октябре к предстоящим праздникам группами «Синей блузы» был поставлен гротеск «Радио-октябрь».

31 октября в газете «Известия» напечатано стихотворение «Долг Украине».

В октябре в литературном приложении к газете «Рабочая Москва» — «За 7 дней» напечатаны в № 12 — стихотворение «Мои прогулки сквозь улицы и переулки»; в № 13 — стихотворение «Продолжение прогулок из улицы в переулок»; в № 14 — стихотворение «Стихи и картинки эти вот про стрелочников и лесопильный завод» (написанное совместно с С. Кирсановым).

В журнале «Новый мир», № 10, — стихотворение «Разговор с фининспектором о поэзии».

В журнале «Крокодил», № 38, — стихотворение «Тип» под заглавием «Три хулигана».

Вышел сборник «Избранное из избранного». (Изд. «Огонек», стр. 55.)

Около 31 октября выехал в лекционную поездку в Харьков, Полтаву, Днепропетровск.

1 ноября — выступление в Харькове в Драматическом театре с докладом: «Как писать стихи?»

«Наши редакции завалены горами стихов. По меткому выражению Маяковского. — это — подлинное «стихийное бедствие». Хотя афиша обещала научить писать стихи в пять уроков, никаких рецептов лектор не дал.

— Собственно, моя задача — съязвил он — не научить писать стихи в пять уроков, а отучить — в один.

В разъяснении трудности и необходимости большого мастерства и углубленной работы над стихом Маяковский видит основную задачу современной критики... Как же относится к стихосложению Маяковский? Для него поэзия — это прежде всего огромная лабораторная работа над словом.

— Тот не поэт, кто не сказал в поэзии нового слова!

Для иллюстрации своих положений Маяковский мастерски прочел несколько старых и новых стихотворений». («Пролетарий», Харьков, 4 ноября 1926.)

2 ноября — выступление в Полтаве в Городском театре с докладом: «Как писать стихи?»

4 ноября — выступление в Днепропетровске в Драматиче-

ском театре им. Луначарского: «Лекция—путешествие «Мое открытие Америки» и чтение новых стихов».

«Любитель сюрпризов, Маяковский начал с неожиданного заявления, что обозначенная на афише тема не отвечает его намерениям. Его задача учить писать стихи... Посвятив полчаса плохим поэтам, вторые полчаса Маяковский все-таки уделит американским впечатлениям. Нужно отдать справедливость — оратор он блестящий... Потом Маяковский прочитал ряд своих стихотворений, и не будет преувеличением сказать, что многие из них впервые были приняты и оценены слушателями». («Звезда», Днепропетровск, 6 ноября 1926.)

5 ноября — второе выступление в Харькове в партийном клубе.

5 ноября в журнале «Красная панорама», № 45 (Ленинград), напечатано стихотворение «Октябрь» (одновременно в журнале «Молодая гвардия», № 11).

Около 7 ноября вернулся в Москву.

7 ноября в газете «Известия» напечатано стихотворение «Не юбилейте!»

8 ноября — выступление в Доме Герцена на вечере поэтов Лефа.

12 ноября в газете «Известия» напечатано стихотворение «Стоящим на посту», написанное к девятилетию Рабочекрестьянской милиции.

12 ноября сдал в Госиздат том V Собрания сочинений.

16 ноября в газете «Известия» напечатано стихотворение «Еврей» (в связи с открытием первого Всесоюзного съезда по земельному устройству евреев).

17 ноября — выступление в Колонном зале Дома Союзов на вечере: «Писатели народов СССР — Озету».

Маяковский прочел стихотворение «Еврей».

В ноябре вышел революционный гротеск «Радио-Октябрь», написанный совместно с О. Бриком. (Театральное издательство.)

19 ноября — выступление в Доме печати на диспуте о богеме.

«У нас просто не понимают, что такое богема. Я никогда не сидел в кабаках, не пил пива и не был хулигазом. Богема — это было общество изысканно-остроумных и талантливых людей, и ходили туда отнюдь не пьянствовать. У нас же сейчас не богема, а мелкая скука мелких людшек, разгильдяйство, гипертрофия самомнения и потрясающее количество гениев, выросших в 24 часа. На эту «богему» просто плюнуть надо». (Журн. «На литературном посту», № 1, 1927.)

20 ноября в Госиздате сдан в набор первый из томов Собрания сочинений Маяковского — том V.

21 ноября выехал в лекционную поездку в Воронеж, Ростов, Таганрог, Новочеркасск, Краснодар.

22 ноября — выступление в Воронеже в Большом театре с докладом «Мое открытие Америки».

24 ноября — выступление в Ростове в театре им. Луначарского.

Афиша: «I. Поп или мастер? Темы: О чем шумит Москва? Стихийные бедствия. Нот в поэзии. Что читать? Есенинство и пивные. Как в 5 уроков выучиться писать стихи? Можно ли рифму забыть в трамвае? Львицы с гривами и марш с кавычками. Что надо знать литературному молодняку? Как шарисовать женщину, скрывающую свои годы? Поэты, зубные врачи и служители культа. От желтой кофты до красного Лефа. II. Новые поэмы и стихи. Разговор с фининспектором, Сифилис, Сергею Есенину, О парикмахерах, Краснодар, Письмо к Максиму Горькому, Хулиганщина, Ялта и море, Кулак в 4 кило, Лев Толстой и Ваня Дылда, Критика, Десятая, Если не везде, то во всех местах. Строго воспрещается. III. Ответы на записки».

«Маяковского приводит в бешенство «литературное поповство»: «вдохновение», длинные волосы, гнусавая манера читать стихи нараспев. Стихотворное наводнение выходит далеко за пределы литературных интересов, эти стихи — определенное бедствие для дела организации молодого сознания... Неверно, что поэзия — легкое дело, которому можно обучиться в несколько уроков по книжке Шенгели. Литература, которая должна вести рабочий класс на борьбу, — труднейшее дело в мире. Не всякого надо считать поэтом из этих нахрапистых ребят, много печатающихся и имеющих свои книги... Рифма — это хорошая плеть со свинцом на конце, которая вас бьет и заставляет вздрагивать. Сняв с поэзии поповскую оболочку, увидим, что делание стиха — такая же черная работа, как и всякая иная, что вдохновение присуще всякому виду труда, что на поиски одной рифмочки придется тратить 1½ суток и что нормально Маяковский не может сделать в день более шести — восьми доброкачественных строк. — Отцеживай рифмы! — Я хожу по улицам и собираю всякие слова, авось через 7 лет пригодятся! Эту работу по заготовке сырья надо проделывать постепенно, по принципу 8-часового рабочего дня, а не в минуты отдыха. Дело не во вдохновении, а в организации вдохновения. Стихи в газету (срочные) писать поэтому особенно трудно: нужно быть и политически грамотным.

Не в пример нашему Рабису, Маяковский обещал выступить и в Ленмастерских перед рабочими и, притом, бесплатно. Посмотрим!» («Советский юг», Ростов, 26 ноября 1926.)

25 ноября — выступление в Таганроге в клубе кожевников (с той же афишей).

26 ноября — второе выступление в Ростове в театре им. Луначарского — «Я и мои вещи. Отчетный разговор за 15 лет».

27 ноября — выступление в Новочеркасске в Политехническом институте с докладом: «Поп или мастер?»

28 ноября (в 1 ч. 30 минут) — третье выступление в Ростове в Доме печати на собрании ассоциации пролетарских писателей.

В тот же день (в 5 ч. 30 м.) — четвертое выступление в Ростове в Ленинских мастерских.

В тот же день — пятое выступление в Ростове для рабочих и актива комсомола.

29 ноября — выступление в Краснодаре в Зимнем театре с докладом «Поп или мастер?»

29 ноября — письмо из Краснодара к Л. Ю. Брик.

«Езжу как бешеный. Уже читал в Воронеже, Ростове, Таганроге, опять в Ростове, Новочеркасске и опять два раза в Ростове, сейчас сижу в Краснодаре, вечером буду уже не читать, а хрипеть — умоляю устроителей, чтобы они не возили меня в Новороссийск, а устроители меня умоляют, чтобы я ехал еще и в Ставрополь. Читать трудновато. Читаю каждый день. Например в субботу читал в Новочеркасске от 8½ до 12¾ ночи, просили выступить еще в 8 часов утра в университете, а в 10 в кавалерийском полку, но пришлось отказаться, так как в 10 часов поехал в Ростов и читал с 1½ в Раппе до 4.50, а в 5.30 уже в Ленинских мастерских и отказаться нельзя никак: для рабочих и бесплатно!»

Около 30 ноября выехал из Краснодара в Киев (в связи с своей работой над киносценариями).

5 декабря вернулся в Москву.

В декабре — письмо Межрабпомфильм Маяковскому с просьбой написать сценарий на предложенную Маяковским тему: «Как поживаете?»

17 декабря заключил договор с издательством «Кинопечатать» на издание трех сценариев с предисловием. Срок сдачи 27 декабря.

19 декабря в газете «Известия» напечатано стихотворение «О том, как некоторые втирают очки товарищам, имеющим циковские значки».

22 декабря в газете «Известия» напечатано стихотворение «Наш паровоз, стрелой лети».

24 декабря в вечернем выпуске «Красной газеты» (Л.) напечатано стихотворение «Рождественские пожелания и подарки» (на следующий день то же стихотворение в «Известиях»).

26 декабря сдал в Госиздат список подписчиков на журнал «Новый Леф» (завербованных во время последней поездки) и 72 р. 50 к. задаточных сумм.

27 декабря — выступление в Колонном зале Дома Союзов на вечере «Артисты, писатели, журналисты — Дому печати».

В декабре в журнале «Новый мир», № 12, напечатано стихотворение «Разговор на одесском рейде десантных судов «Советский Дагестан» и «Красная Абхазия».

1927

1 января в газете «Известия» напечатано стихотворение «Наше новогодие».

В начале января вышел № 1 журнала «Новый Леф» под редакцией Маяковского, с его передовой статьей «Читатель!» и стихотворением «Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому».

«Наша постоянная борьба за качество, индустриализм, конструкти-

визм (т. е. целесообразность и экономия в искусстве) является в настоящее время параллельной основным политическим хозяйственным лозунгам страны и должна привлечь к нам всех деятелей новой культуры». (Передовая.)

3 января — выступление на диспуте о постановке «Ревизора».

«Величайших произведений искусства очень у нас мало. «Ревизор» несомненно относится по тексту и по авторскому заданию к величайшим произведениям, которые у нас есть...»

В первых числах января написано заявление от имени группы Леф (подписанное Маяковским) в отдел печати ЦК ВКП(б), в Комиссию по улучшению быта писателей, в Федерацию объединений советских писателей.

«Писатели Лефа настаивают на включение в Федерацию объединений советских писателей объединения Леф на равных основаниях с 3-мя уже вошедшими союзами (ВАПП, Союз писателей и Союз крестьянских писателей) и на предоставлении Лефу 7 мест в Совете Федерации. Леф является объединением наиболее квалифицированной части новой советской литературы. Без представителей Лефа невозможно никакое разрешение поставленных Федерацией задач: укрепление и развитие литературы, вовлечение писателя в советское строительство и проведение ряда мер для удовлетворения прав и экономических нужд писателей. Мы считаем печальным недоразумением, что Леф не был привлечен в самом начале организации Федерации, т. к. работа Лефа с первых дней революции хорошо известна всем работникам литературы...»

Это заявление Маяковский лично вручил Г. М. Кржижановскому (председателю комиссии по улучшению быта писателей) и имел с ним по этому поводу беседу. В начале февраля Леф вошел в Федерацию писателей (см. 9 февраля).

11 января Нарком просвещения А. В. Луначарский выдал Маяковскому удостоверение, что он отправляется в Казань, Самару, Саратов, Нижний, Пензу, Ташкент, Баку, Тифлис, Кутаис, Батум для чтения лекций по вопросам искусства и литературы.

14 января — выступление в Политехническом музее с докладом «Дашь изящную жизнь» и чтением стихов.

«Мне ненавистно все то, что осталось от старого, от быта заплывших жиром людей «изящной жизни». «Изящную жизнь» в старые времена поставляла буржуазная культура, ее литераторы, художники, поэты... Мы стали лучше жить, показался жирок, и вот снова группки делают «изящную жизнь». В ютных магазинах появились приятные изящные романы. Их пишут специальные поставщики... Поэты тоже не отстают... — Маяковский против них. — Пролетариат сам найдет то, что для него «изящно и красиво». («Комсомольская правда», 15 января 1927.)

В январе в журнале «Пионер», № 1, напечатано стихотворение «История Власа, лентяя и лоботряса».

В журнале «Бузотер», № 3, — стихотворение «Бумажные ужасы».

Не позже первой половины января закончил работу над сценарием «Как поживаете?»

«Не желая расставаться со свежим сценарием, я сам прочел его литературному заву и отделу Совкино... Чтение шло под сплошную радость

и смех... Через два дня я читал сценарий правлению Совкино.. Слушали с унынием... Сценарий не принят Совкино...» (См. заметку «Караул», «Новый Леф», № 2, 1927.)

16 января в газете «Известия» напечатано стихотворение «Стабилизация быта».

Около 16 января выехал в лекционную поездку в Нижний-Новгород, Казань, Пензу, Самару, Саратов.

17 января — выступление в Нижнем-Новгороде в Гос-театре.

Афиша: «I. Доклад «Лицо левой литературы». Темы: Что такое левая литература? Как выучиться в 5 уроков писать стихи? Стихийное бедствие. Поп или мастер? Можно ли рифму забыть в трамвае? Львицы с гривами и марш с кавычками. Поэты, зубные врачи и служители культа. Как нарисовать женщину скрывающую свои годы? Асеев, Кирсанов, Пастернак, Сельвинский, Каменский и др. Что такое Новый Леф? Есеничество и гитары. II. Стихи и поэмы: Разговор поэта с фининспектором. Сергею Есенину. Письмо Максиму Горькому. Критикам. Строго воспрещается. О том, как втирают очки. Собачки. Приговор. Ненависть к бумаге. Теодор Нетте. По окончании ответы на записки».

18 января (днем) — второе выступление в Нижнем-Новгороде для рабкоров, писателей и комсомольцев.

В тот же день (вечером) — третье выступление в Нижнем-Новгороде в Гостеатре.

Афиша: «Доклад-путешествие «Идем путешествовать!» Германия, Франция, Соединенные Штаты, Испания, Гаванна, Атлантический океан. I. темы: Поэт и Рыбалло. Негритянка в воде. Почему вы там не остались? Торреадор. Что такое океан? Картошка и ананас. Классовая борьба на пароходе. Живые индейцы. Бура. Тропический лес. Нью-Йорк и Винница. Американская мораль. II. Стихи и поэмы: Как собаке здравствуйте. Немцам. По воздуху. Берлин—Париж. Собор Парижской богородицы. Версаль. 6 монахинь. Негр Вилли. Тропики. Мать моя, мамочка. Барышня и Вульверт. Кемп Нит гедайге. Прощание. III. Ответы на записки».

20 января — выступление в Казани в Оперном театре с докладом «Лицо левой литературы».

«Такой большой и мощный, как его образы. Над переносицей — вертикальная морщина. Тяжелый, слегка выдающийся подбородок. Фигура волжского грузчика. Голос — трибуна. Юмор почти без улыбки. Одет в обыкновенный совработничий пиджак. На эстраде чувствует себя дома. К аудитории относится дружески-покровительственно. Начиная доклад, В. В. Маяковский напомнил слушателям, что он уже выступал в Казани 13 лет назад вместе со своими соратниками по искусству В. Каменским и Д. Бурлюком. «Это было в те далекие времена, когда «помощники присяжных поверенных» говорили про нас, что этих-де молодых людей в желтых кофтах хватят не более как на две недели. Но пророчества эти, как видите, опровергнуты уже тем, что я по прошествии 13 лет опять стою перед казанской аудиторией».. Второе и третье отделения были посвящены чтению стихов и ответам на записки. В ответах на записки Маяковский, не скупясь, сыпал блестящие своего юмора, которые, вероятно, когда-нибудь будут подобраны, как подобраны и изданы шутки Тютчева, прозвучавшие людям более столетия тому назад». («Красная Татария», Казань, 22 января 1927.)

21 января (днем) — второе выступление в Казани в университете.

В тот же день (вечером) — третье выступление в Казани в Оперном театре: «Доклад-путешествие «Идем путешествовать!»

«Я путешествую для того, чтобы взглянуть глазами советского человека на культурные достижения Запада. Я стремлюсь услышать новые ритмы, увидеть новые факты и потом передать их моему читателю и слушателю. Путешествую я, следовательно, не только для собственного удовольствия, но и в интересах всей нашей страны». ...Далее тов. Маяковский переходит к чтению стихов, посвященных перелету и французским и испанским впечатлениям... Последними тов. Маяковский прочел стихи «Барышня и Вульворт» и «Домой». («Красная Татария», 26 января, 1927.)

22 января — четвертое выступление в Казани для татарских поэтов и писателей в Татарском театральном техникуме.

24 января (днем) — выступление в Пензе в номере гостиницы для рабкоров.

В тот же день (вечером) — второе выступление в Пензе в Народном доме им. Луначарского: «Идем путешествовать!»

26 января — выступление в Самаре в партийном клубе с докладом «Лицо левой литературы».

«Зал губкома переполнен. На эстраде — громадный Маяковский. Голосом своим, рожденным, чтобы переключаться с громами, он бросает в зал слова вступительного доклада. Каждое слово, как громающий поезд, наезжает на толпу. Маяковский говорит о «лице левой литературы».

Леф ставит своей задачей максимальное внимание к форме, резкое отмежевание от старых навыков... Поэты... небрежным отношением к форме уродуют свои стихи... Но все же и у пролетарских поэтов Маяковский находит безукоризненные произведения, как, например, поэма М. Светлова «Гренада», несколько строк из которой Маяковский приводит... Борьба за квалификацию литературы — борьба за ее существование и за существование поэта. Мало только писать и читать книжки. Надо говорить о трудностях писательского ремесла. Иначе распадаются тучи поэтов — бездельников и дармоедов, ничего не имеющих общего с настоящим мастерством.

Во второй половине вечера Маяковский читает свои стихи, перемежая их с ответами на записки. На столе груды записок. Маяковский кладет на них свою громадную руку и говорит, что наверняка большой процент вопросов — об его отношении к Есенину. Есенин, по мнению Маяковского, не был идеологом хулиганства, как теперь пытаются его изобразить некоторые критики. Он перепевал ставшую лирику. Цыганщина, «семиструнная гитара», звучавшая в русской поэзии еще со времени Аполлона Григорьева, перепевалась Есениным на тысячу ладов. Пьяный угар, кликушество, распутиловщина под маской кудрявого Леля, — вот что вредно в поэзии Есенина. Он шел по линии наименьшего сопротивления...» («Коммуна», Самара, 28 января 1927.)

«Стихи свои читает Маяковский мастерски: без тени актерства, с мощной простотой, углубляя и слегка растягивая ударные слова встречающим стены неиссякаемым своим голосом.

Были прочитаны: «Стихи о солнце», «Сергею Есенину», «Теодору Нетте — пароходу и человеку», «Юбилейное» — «Пушкину», «Левый марш», «Севастополь—Ялта», «Замок Тамары» и «Письмо писателю В. В. Маяковского писателю М. Горькому», последнее по времени написания стихотворение. («Коммуна», Самара, 30 января 1927.)

27 января (днем)—второе выступление в Самаре для членов союза работников просвещения в зале рабфака с докладом «Лицо левой литературы».

В тот же день (в 7 ч. веч.) — третье выступление в Самаре в клубе рабкоров.

«Вчера В. Маяковский, желая познакомиться с самарскими рабкорами, заглянул в их клуб. В приветственном слове Маяковский отметил, что рабкоры есть база, откуда должны черпаться литературные силы, Маяковским было прочитано несколько стихотворений. Рабкория тепло приветствовала московского гостя». («Коммуна», Самара, 28 января 1927.)

В тот же день — четвертое выступление в Самаре в партийном клубе: «Идем путешествовать!»

«Сегодня вечер путешествий. Москва — Кенигсберг по воздуху с летчиком Шибановым, участником известного перелета в Китай.

...Маяковский очень сжато рассказывает, даже скупо, но подбирает такие реалистические подробности, которые приближают к самому лицу невиданную страну. В Испании он останавливался всего на два часа и успел увидеть только вывеску на каком-то складе с большой испанской надписью и двух ослов, спускающихся с горы... Волжелепно передан океан и океанский пароход, словно вы сами там побывали и почувствовали вокруг себя громадную пустыню воды... Каждый этап путешествия озаглавлен стихотворением... В каждом заграничном стихотворении Маяковского просвечивает связь его с Россией, с революцией». («Коммуна», Самара, 30 января 1927.)

29 января — выступление в Саратове в зале Народного дворца с докладом «Лицо левой литературы».

«Вчера, при переполненном зрительном зале Народного дворца, состоялась первая лекция Вл. Маяковского — «Лицо левой литературы», Маяковский — блестящий лектор и оратор. Он умеет заинтересовывать слушателя, держать в напряжении его внимание до конца, зажечь его. Умеет ставить вопросы — иногда парадоксально, но всегда в заостренном виде и всегда интересно. Такой была и настоящая лекция, после которой слушатели устроили лектору-поэту шумную и продолжительную овацию. После лекции Маяковский прочитал ряд своих произведений — и в них он также оказался большим мастером слова, умеющим подняться до настоящего художественного пафоса». («Известия», Саратов, 30 января 1927.)

«Литературе угрожает опасность: ее захлестывает безграмотность. Писатели, особенно поэты, плодятся с быстротой бактерий. Человек часто становится писателем еще до написания им книги и «знаменитостью» — по выходе ее. Возведению в ряд «знаменитости» обыкновенно помогают друзья-критики, забывая, что литературная работа — работа трудная, ответственная, требующая высокой квалификации.

От пренебрежения формой несвободны и поэты, несомненно даровитые и популярные, как, например, А. Жаров или Уткин. Маяковский приводит примеры неряшливого их обращения со стихом — например, у Жарова: «бескрайный непочатый ломоть»; это бессмысленный набор слов, ибо ломоть не может быть непочатым, — он всегда початый кусок хлеба. Хуже всего то, что появились даже специальные «пособия», содействующие распространению литературной безграмотности, вроде книжки Шенгели. Оказывается, рецепт писания стихов очень прост — он заимствован из пресловутого, изданного еще до революции «Словаря рифм» Абрамова. Рифмуй, примерно, слова боа, ампула, профессион-де-фуа — и

будешь поэтом! Книжку Шенгели правильнее было бы назвать не как сделаться поэтом, а как сделаться дураком... Настоящий поэт лучше с голоду умрет, чем пустит в обращение стихотворение с плохой и неряшливой рифмой...» («Известия», Саратов, 2 февраля 1927.)

30 января — второе выступление в Саратове в зале Народного дворца: «Идем путешествовать!»

«Второй вечер собрал еще больше публики, чем предыдущий, и прошел при повышенном интересе к докладу и особенно к прениям, возникшим при оглашении записок. Обмен мнений минутами подымался до предельных градусов полемического термометра... Это объясняется тем, что были подняты вопросы большого принципиального и практического значения в творчестве писателя». («Известия», Саратов, 1 февраля 1927.)

...На обоих вечерах Маяковский буквально был засыпан записками. В ответах и в возникших по поводу их прениях Маяковский показал себя превосходным полемистом: находчивым, остроумным, смелым, едким и виртуозно-изворотливым, подчас с убийственной меткостью парирующим удары.

...Один из присутствующих бросил по адресу Маяковского:

— Ваши стихи непонятны!

— Кто их не понимает?

— Да я, например.

— Хорошо. Стихи должны быть понятны, но и читатель должен быть понятлив!

— А если вы пишете так, что нельзя понять?

— Научитесь понимать! Нельзя же так ставить вопрос: если я не понимаю, — значит, дурак писатель, а не кто другой...

...На эстраде появляется рабочий и заявляет:

— В нашем клубе часто читают стихи Маяковского, и рабочие их любят и хорошо понимают.

Снова разгорается продолжительный спор, так и не получивший, конечно, разрешения...» («Известия», Саратов, 2 февраля 1927.)

2 февраля Маяковский вернулся в Москву.

В конце января — начале февраля написано стихотворение «По городам Союза». (6 февраля это стихотворение было набрано для помещения в газете «Известия», но напечатано не было.)

4 февраля — письмо ВОКС в административный отдел Московского Совета по поводу заграничного паспорта Маяковского в связи с предстоящей поездкой в Польшу, Чехословакию и Францию.

«В. В. Маяковский делегируется Всесоюзным обществом культурной связи с границей в Варшаву, Прагу и Париж для прочтения докладов. Левые писательские круги как Польши, так и Чехословакии приветствуют приезд т. Маяковского и придают ему большое значение».

В начале февраля «Комиссией по организации празднеств десятилетия Октябрьской революции получено согласие Маяковского дать специальную литературную обработку теме юбилея, которая ляжет в основу особого типа праздничного представления, намеченного к постановке в Большом Оперном театре (Ленинград) с участием всех родов театра». («Жизнь искусства», № 7, (Л.) 15 февраля.)

Идея этого представления, для которого Маяковский должен был

дать «литературную обработку теме юбилея», в процессе работы Маяковского над ней развернулась в большую поэму, посвященную десятилетию Великой Октябрьской социалистической революции, — «Хорошо!»

Первая часть поэмы (главы 2—8) была написана зимой — весной 1927 года и представлена в Управление ленинградских академических театров для дальнейшей сценической обработки силами театра (см. 16 февраля, 15 июня, середина августа, 25 октября),

Главы 9—17 и 1-я, вступительная, были написаны в мае—июле, и две последние, 18-я и 19-я, закончены в июле—августе 1927 года в Крыму. Первый отрывок из поэмы был напечатан в июньском номере журнала «Новый Леф» (см. также 5 июня, 4, 6, 22 июля и дальше).

Не позже первой половины февраля написано предисловие к сборнику сценариев.

«За жизнь мною написано 11 сценариев...

...Я печатаю здесь восьмой и девятый сценарий («Сердце кино» и «Любовь Шкафолубова»), как типовые для меня и интересные в дороге новой кинематографии. «Как поживаете» в отрывке будет приведен в Лефе. Так как он требует подробнейшего описания его демонстрации перед правлением Совкино и крепкого разговора и полемики с директорами, он выпал из плана предполагаемой книжицы».

Сборник в свет не вышел.

9 февраля участвовал в заседании Совета Федерации писателей. Обсуждался вопрос о вхождении группы Леф в Федерацию (см. начало января).

По уставу Федерации три организации — учредители — ВАПП, ВСП и ВОКП — имели по семи голосов в Совете. Решения по всем важнейшим вопросам должны были приниматься единогласно. Маяковский протестовал против предложения ограничить вновь принимаемые организации четырьмя голосами и против права вето каждого из учредителей на все решения Федерации.

В устав были внесены некоторые поправки, но основные пункты остались без изменения. Группа «Новый Леф» была принята в Федерацию с четырьмя голосами в Совете. Маяковский вошел в Совет и в Исполбюро Федерации.

13 февраля — выступление в Коммунистической академии на диспуте об есенинщине и упадочных настроениях среди молодежи.

«Сейчас все пишут и очень недурно. Ты скажи, сделал ли ты из своих стихов или пытался сделать оружие класса, оружие революции? И если ты даже скапутился на этом деле, то это гораздо сильнее, почетнее, чем хорошо повторять: «Душа моя полна тоски, а ночь такая лунная»».

16 февраля заключил договор с Управлением ленинградских академических театров на текст для юбилейного «синтетического» представления.

«1. Предмет договора: автор обязуется изготовить и представить для ленинградских государственных академических театров по случаю десятилетия пролетарской революции законченное художественное произведение (литературная обработка темы) «Октябрь», каковое могло бы послужить канвой для синтетического спектакля, сценарий которого будет разработан самими Академическими театрами; выбор литературной формы произведения предоставляется автору. Дирекции принадлежат право при развертывании литературной обработки темы спектакля приглашать для этой цели авторов по своему выбору и вырабатывать как формы теат-

рального представления, так и его текстовой и музыкальный материал, причём текстовой с согласия автора.

2. Срок: автор обязуется представить свое произведение к 15 июня 1927 года».

В феврале вышел № 2 журнала «Новый Леф» с стихотворением «Нашему юншеству», статьёй «Караул!» и 4-й частью сценария Маяковского «Как поживаете?» В хронике заметка — «работает над поэмой к десятилетию Октября».

18 февраля выехал в лекционную поездку в Тулу, Курск, Харьков, Киев.

18 февраля — выступление (вместе с Н. Асеевым) в Туле в Доме Советов.

19 февраля — выступление (вместе с Асеевым) в Курске в железнодорожном клубе: «Идем путешествовать!»

20 февраля — второе выступление (вместе с Асеевым) в Курске в железнодорожном клубе: «Лицо левой литературы».

22 февраля — выступление (вместе с Асеевым) в Харькове в Драматическом театре.

23 февраля — второе выступление (вместе с Асеевым) в Харькове в Технологическом институте.

24 февраля — выступление (вместе с Асеевым) в Киеве в Доме коммунистического просвещения: «Даешь изящную жизнь?».

26 февраля — второе выступление (вместе с Асеевым) в Киеве в Институте народного хозяйства.

27 февраля — третье выступление (вместе с Асеевым) в Киеве в университете.

28 февраля (днем) — выступление (вместе с Асеевым) в Харькове в Институте народного хозяйства.

В тот же день (вечером) — выступление (вместе с Асеевым) в Харькове в библиотеке им. Короленко для членов Союза работников просвещения.

Около 1 марта вернулся в Москву.

5 марта под председательством Маяковского заседание сотрудников «Нового Лефа» по поводу статей М. Ольшевца и В. Полонского в «Известиях» (28 января, 25 и 27 февраля), направленных против журнала «Новый Леф» и Маяковского.

«Самый факт появления этих статей удовлетворителен. Главное, что угрожало нам, это сознательное замалчивание Лефа. Не выдержали — провало. Мы били, но не думали, что так больно... Ставлю на голосование вопрос, отвечать ли им на страницах «Нового лефа»? Кто против — подымите руки. Подавляющее большинство против. Постановили: не отвечать».

8 марта, в Международный женский день, в газете «Труд» напечатано стихотворение «Вместо оды».

9 марта участвовал в заседании Исполбюро Федерации

писателей. Обсуждался вопрос об организации издательства при Федерации.

Маяковский внес предложение закрепить за каждой группой, входящей в Федерацию, определенное количество листов. Вопрос не был решен и перенесен на следующее заседание (см. 14 марта).

В начале марта в журнале «Бутозер», № 9, напечатано стихотворение «Даешь изячную жизнь!».

Вышел сборник комсомольских стихов 1924—1926 годов «Мы и прадеды». (Изд. «Молодая гвардия», стр. 37.)

10 марта в газете «Известия» напечатано стихотворение «Вдохновенная речь про то, как деньги увеличить и уберечь» (в связи с выпуском государственного выигрышного займа).

11 марта в «Рабочей газете» напечатано стихотворение «Лезьте в глаза, влетайте в уши, слова вот этих лозунгов и частушек» (в связи с выпуском государственного выигрышного займа).

12 марта в газете «Труд» напечатано стихотворение «Февраль» (в связи с десятилетием свержения самодержавия).

12 марта в газете «Молодой ленинец» напечатано стихотворение «Корона и кепка» (в связи с десятилетием свержения самодержавия). Это же стихотворение одновременно — в журнале «Бутозер», № 10, и в журнале «Октябрьские всходы», № 5 (Харьков).

14 марта участвовал в заседании Исполбюро Федерации писателей. Обсуждался вопрос об организации издательства. Предложение Маяковского (см. 9 марта) было принято с некоторыми поправками.

18 марта, в день памяти Парижской коммуны, в газете «Труд» напечатано стихотворение «Первые коммунары».

20—21 марта — поездка в Ярославль.

21 марта — выступление в Ярославле в Городском театре: «Мое открытие Америки».

«Вечер прошел оживленно и интересно. Поэт рассказал (а он хорошо рассказывает) о своем путешествии в Америку и попутно читал стихи: «Нотр-Дам», «Океан», «Белый и черный» и др. После одного из перерывов Владимир Маяковский сообщил радиোগрамму «Северного рабочего» о взятии Шанхая, встреченную громом аплодисментов. («Северный рабочий», Ярославль, 23 марта 1927.)

22 марта написано стихотворение «Лучший стих» о выступлении в Ярославле 21 марта.

23 марта в газете «Труд» напечатано стихотворение «Лучший стих».

23 марта — выступление с докладом и заключительным словом в Политехническом музее на диспуте «Леф или блеф?» (в связи с статьями В. Полонского в «Известиях»).

Тезисы (по афише): «Что такое Леф? Что необходимо чтобы называться лефистом? Где теория Лефа? Где практика Лефа? С кем вы?»

«Блеф» — его пригорки и ручейки. Можно ли разводить людей для плача? Лев Толстой и Леф. Леф Толстой и Блеф. Александр Пушкин — как редактор. Будущее по Эдгару По. Куда идет нелефовская литература и что в нее заворачивают? Леф и кино. Формальный метод и марксизм. Значение тематики сейчас.

В марте в журнале «Молодая гвардия», № 3, напечатано стихотворение «Моя речь на показательном процессе по случаю возможного скандала с лекциями профессора Шенгели».

В журнале «Бузотер», № 11 — стихотворение «Фабриканты оптимистов».

Вышел № 3 журнала «Новый Леф» с стихотворением «За что боролись?» и заметкой «Корректурa читателей и слушателей» о поправках и дополнениях к стихотворению «Нашему юношеству».

«Я напечатал стих в Лефе и, пользуясь своей лекционной поездкой в Харьков и Киев, проверил строки на украинской аудитории. С удовольствием и с благодарностью для полной ясности и действительности вношу всю сделанную корректуру...»

Около 24 марта выехал в лекционную поездку в Смоленск, Витебск, Минск.

25 марта — выступление в Смоленске в Городском театре с докладом «Лицо левой литературы».

Во время выступлений в Смоленске, Витебске и Минске Маяковский организовал через местные отделения Госиздата продажу журнала «Новый Леф» и прием подписки. В каждом таком случае Маяковский брал справки о количестве проданных экземпляров для представления в контору подписных изданий Госиздата в доказательство того, что при желании и инициативе журнал «Новый Леф» можно распространять без остатков.

26 марта — выступление в Витебске во 2-м Гостеатре Белоруссии с докладом «За что боролись?»

27 марта — выступление в Минске в партийном клубе им. К. Маркса с докладом «Лицо левой литературы».

28 марта — второе выступление в Минске в партийном клубе им. К. Маркса с докладом «Лицо левой литературы».

29 марта (в 8 час. вечера) — третье выступление в Минске в Доме работников просвещения с докладом «Лицо левой литературы».

В тот же день (в 10 ч. веч.) — четвертое выступление в Минске в клубе сотворгслужащих с докладом «Лицо левой литературы».

30 или 31 марта вернулся в Москву.

30 марта — письмо Наркома просвещения А. В. Луначарского Маяковскому.

«Я просил Вас быть у меня 27 марта в 7 час. вечера. К сожалению, по тем или иным причинам Вы не смогли у меня быть. Дело же довольно важное и заключается в следующем. Иностранцы обратились к нам с запросом о предоставлении им к 10-летию Октября материалов эстрадного характера, т. е. скетчей для клубной сцены и номеров для живой газеты или просто эстрадных выступлений. Комин-

тери решил обратиться к некоторым нашим писателям, в том числе и к Вам. Прошу Вас сообщить мне, можете ли Вы откликнуться на этот заказ и приблизительно чем именно».

(Повидимому, Маяковский предложил использовать свою октябрьскую поэму, над которой он в то время работал, одновременно предназначая ее и ленинградским театрам. См. об этом заметку в журн. «Жизнь искусства», № 27: «... По предложению Коминтерна поэма будет переведена на иностранные языки».)

В апреле в журнале «Молодая гвардия», № 4, напечатано стихотворение «По городам Союза».

В журнале «Бузотер», № 14,—стихотворение «Маленькая цена с пушистым хвостом».

В журнале «Бузотер», № 15, — стихотворение «Мрачный юмор».

В журнале «За грамоту», № 1,—«Рифмованные лозунги». Вышел № 4 журнала «Новый Леф» с стихотворением «Не все то золото, что хозрасчет», заметкой в «Записной книжке»

«Нового Лефа» («Сейчас апрель...») и заметкой «Что я делаю?»

«Что пишу? 1. Пьесу «Комедия с убийством». 2. Пьесу ленинградским театрам к десятилетию. 3. Роман. 4. Литературную автобиографию к Полному собранию сочинений. 5. Поэму о женщине».

12 апреля заключил договор с отделом детской литературы Госиздата и сдал рукописи двух детских книжек: «Конь-огонь» и «Прочти и катай в Париж и Китай».

13 апреля в газете «Труд» напечатано стихотворение «Английский лидер — под заглавием «Гавэллок Вильсон».

В марте — первой половине апреля (до отъезда за границу) были написаны стихотворения: «Мы вас ждем, товарищ птица, отчего вам не летится?» (для «Пионерской правды»), «Ленин с нами!» (в связи с десятилетием возвращения Ленина из эмиграции в Россию), «Лена» (в связи с пятнадцатилетием Ленского расстрела), «Товарищу машинистке» (в связи с курсом на лучшую машинистку, организованным «Нашей газетой»), «Мощь Британии», «Сердитый дядя», «Весна» и «Негритоска Петрова». Все эти стихи появились в печати в отсутствие Маяковского.

15 апреля выехал за границу—в Польшу, Чехословакию, Германию, Францию.

16 — 17 апреля по дороге в Прагу на день остановился в Варшаве.

«В Польше решаю не задерживаться. Скоро польские писатели будут принимать Бальмонта. Хотя Бальмонт и написал незадолго до отъезда из СССР почтительные строки, обращенные ко мне:

«И вот ты написал блестящие страницы.

Ты между нас возник, как некий острозуб...1 и т. д.

я все же предпочел не сталкиваться в Варшаве с этим блестящим поэтом, выродившимся в злобного меланхолика». (Очерк «Ездил я так».)

18 апреля приехал в Прагу.

В связи с приездом Маяковского Полпредство СССР в Праге устроило прием для чехословацких писателей и французских, немецких и югославских журналистов.

20 апреля — письмо Пражского пролеткульта Маяковскому с просьбой выступить в клубе на первомайском вечере.

«В программе нашего клуба будут после вступительной речи преимущественно пропагандистские номера, касающиеся значения Первого мая и китайской революции. У наших товарищей из заводов и фабрик не будет иного пригодного случая познакомиться с тобой как со своим возлюбленным автором, на наших предприятиях часто декламированным».

Около 21 апреля — выступление в Праге в театре «Освобождение Дивадро» («Свободное искусство») с чтением «Левого марша» и «Нашего марша».

22 апреля в газете «Прагер прессе» напечатано интервью с Маяковским:

«Я очень рад, что я в Праге: это ведь единственный город за границей, где я могу разговаривать и выступать по-русски, не опасаясь, что меня неверно поймут. Не в обиду будь сказано переводчикам, но конечно совершенно другое дело, понимают ли тебя слушатели непосредственно или приходится прибегать к помощи посредника».

26 апреля — второе выступление в Праге в Виноградском народном доме.

«Большой вечер в «Виноградском народном доме». Мест на 700. Были проданы все билеты, потом корешки, потом входили просто, потом просто уходили, не получив места. Было около 1500 человек. Я прочел доклад «10 лет 10-ти поэтов». Потом были читаны «150 000 000» в переводе проф. Матезиуса. 3-я часть — «Я и мои стихи». В перерыве подпisyвал книги. Штук триста». (Очерк «Ездил я так».)

«Для этого вечера Общество культурного и экономического сближения с Новой Россией наняло большой зал в Виноградах, несмотря на то, что высказывались опасения, найдется ли в Праге, где в последнее время культурные начинания проходят при пустом зале, столько публики, чтоб она могла наполнить зал в тысячу человек. Опасения оказались напрасными. Зал задолго до начала лекции был не только наполнен, но даже переполнен». («Руде право», Прага, 28 апреля 1927.)

«Его могучий голс буквально гремел по всему зданию. Это не была декламация, с какой мы знакомы в Европе, это был взрыв энергии, чувства, силы и наконец просто самой человеческой души. Слушатели, захваченные необычной силой человека, который говорил, обращаясь к ним, и голос которого колебал колонны зала, были совершенно потрясены. Успех лекции был таков, что трудно его сравнить с чем-нибудь, когда либо показанным в Праге в области декламационного искусства». («Лидове новины», Прага, 28 апреля 1927.)

28 апреля... «из Праги я переехал в Германию. Остановился в Берлине от поезда до поезда, условясь об организации лекции. На другой день—3 часа—Париж». («Ездил я так»).

В первых числах мая французские писатели устроили обед в честь Маяковского.

7 мая — письмо к Л. Ю. Брик из Парижа.

«Жизнь моя совсем противная и надоедкая невероятно. Я все делаю, чтоб максимально сократить сроки пребывания в этих хреновых заграницах. Сегодня у меня большой вечер в Париже.. В Праге отмахал

всю руку, столько понаписывал своих книг... Чехи встречали замечательно, был большущий вечер, рассчитанный на тысячу человек — продали все билеты и потом стали продавать билетные корешки; продали половину их, а потом просто люди уходили за нехваткой места».

7 мая — выступление в Париже в кафе «Вольтер».

«Большой вечер был организован советскими студентами во Франции. Было в кафе «Вольтер». В углу стол, направо и налево длинные комнаты. Если будет драка, придется сразу «кор-а-кор»¹, стоим ноздря к ноздре. Странно смотреть на потусторонние, забытые с времен «Бродячих собак» лица. Насколько, например, противен хотя бы один Георгий Иванов со своим моноклем. Набалдашник в чолке. Сначала такие Ивановы свистели. Пришлось перекрывать голосом. Стихли. Во Франции к этому не привыкли. Полицейские, в большом количестве стоявшие под окнами, радовались — сочувствовали. И даже вслух завидовали: «Эх, нам бы такой голос». Приблизительно такой же отзыв был помещен и в парижских «Последних новостях». Было около 1200 человек». («Ездил я так».)

9 мая выехал из Парижа в Берлин.

10 мая Общество советско-германского сближения устроило в честь Маяковского «чай», на котором присутствовали немецкие писатели, ученые и журналисты.

«Были члены общества: ученые, беллетристы, режиссеры, товарищи из «Роте Фане». Как говорит товарищ из ВОКСа, «весь стол был усеян крупными учеными». (Очерк «Ездил я так».)

Маяковский выступил с небольшой речью и прочитал стихотворения «Германия» и «Левый марш».

В тот же день второе выступление в Берлине в клубе полпредства и торгпредства.

«Отвел душу в клубе торгпредства и полпредства «Красная звезда». Были только свои. Товарищей 800». («Ездил я так».)

12 мая выехал из Берлина в Варшаву.

«На вокзале меня встретили и приветствовали чиновник министерства иностранных дел и несколько писателей». (Очерк «Поверх Варшавы».)

«Я попал в Варшаву в разгар политической борьбы: выборы... Мысль о публичном выступлении пришлось оставить. Помещение было снято. Но чтение стихов могло сопровождаться столкновением комсомольцев с фашистами... Ограничился свиданиями и разговорами с писателями разных группировок...» («Ездил я так».)

Пен-клуб, пригласивший Маяковского в Варшаву, устроил в его честь официальный завтрак. «Блок» — левое объединение польских поэтов и писателей пригласило Маяковского на ужин.

«Этим завтраком и небольшими разговорами об авторском праве и закончилась моя встреча с официальными представителями польской литературы. Мы позавтракали и разошлись, не причинив друг другу вреда (пользы — тоже).

Вечером — новый баскет широкого левого объединения... Я виноват перед читателями за постоянное упоминание обедов! Но что поделаешь! Такова судьба официальных, полуофициальных и представительских поездок...» (Очерк «Поверх Варшавы».)

13 мая в варшавской газете «Эпоха» напечатано интервью с Маяковским.

¹ Бок о бок.

«Над чем вы сейчас работаете?»

— Одновременно над целым рядом вещей. С особенным увлечением работаю над детскими книжками... Моя цель — внушить детям некоторые самые элементарные общественные понятия, но, разумеется, я делаю это очень осторожно... Скажем, рассказ о лошадке на колесиках. Я пользуюсь случаем, чтобы объяснить ребенку, сколько людей работало, чтобы такую лошадку сделать. Таким образом, ребенок получает представление об общественном характере труда...

16 мая написано предисловие к сборнику переводов своих стихов на польский язык.

«Переводить стихи — вещь трудная, моя — особенно трудная. Слабое знакомство европейского писателя с советской поэзией объясняется именно этим... Переводить мои стихи особенно трудно еще и потому, что я ввожу в стих обычный разговорный язык, например, «светить — и никаких гвоздей», — попробуйте-ка это перевести, — местами весь стих звучит, как такого рода беседа. Подобные стихи понятны и остроумны, только если ощущаешь систему языка в целом, и почти непереводаемы, как игра слов».

22 мая в варшавской газете «Польска вольность» напечатано интервью с Маяковским.

« — Можно узнать, с какой целью вы приехали в Варшаву?»

— Узнать людей, посмотреть город. Делаю я это по своей инициативе. Путешествую я на собственный счет, по своему желанию.

— Вы не член партии?

— Нет.

Маяковский излагает свои установки, как поэт...

— Все то, что творят сейчас писатели России, — это поэзия действия, борьбы за права человека труда. Я свободный человек и писатель. Ни от кого я материально не зависю. А морально я связан с тем революционным движением, которое переустраивает Россию на началах социального равенства...»

22 мая вернулся в Москву

За время отсутствия Маяковского в печати появились стихотворения: «Ленин с нами!» («Труд», 16 апреля); «Мы вас ждем, товарищ птица» («Пионерская правда», 16 апреля); «Лена» («Труд», 17 апреля); «Мощь Британии» («Труд», 20 апреля); «Товарищу машинистке» («Наша газета», 22 апреля, «Бузотер», № 16); «Конь-огонь» («Пионерская правда», 30 апреля, 7 и 14 мая); «Весна» («Бузотер», № 17); «Сердитый дядя» («Труд», 5 мая).

Вышла детская книжка «История Власа, лентяя и лоботряса». (Изд. «Молодая гвардия»).

31 мая в газете «Рабочая Москва» напечатано стихотворение «Осторожный марш» под заглавием «Иди по Республике тревожная весть — фронта нет, но опасность есть».

В конце мая — начале июня написано стихотворение «Венера Милосская и Вячеслав Полонский». Написан для журнала «Новый Леф», № 5, очерк: «Ездил я так».

Первую половину лета (июнь — середина июля) Маяковский жил на даче в Пушкине (под Москвой), работая в «Комсомольской правде» и почти ежедневно приезжая в город.

2 июня в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Господин народный артист» (в связи с антисоветскими выступлениями Шалапина). С начала июня Маяковский начал активно работать в «Комсомольской правде».

5 июня — первое чтение отрывков из поэмы «Октябрь» («Хорошо!»)—4-й и 6-й глав—друзьям (на даче в Пушкине).

7 июня в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Дела вузные, хорошие и конфузные». (Написано по материалам, напечатанным в газете 28 мая.)

8 июня в газете «Рабочая Москва» напечатаны стихотворение «Славянский вопрос-то решается просто» и очерк «Немного о чехе».

В начале июня в журнале «Бузотер» напечатано стихотворение «Глупая история».

9 июня в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Да или нет?» (в связи с убийством 7 июня полпреда СССР в Польше П. Л. Войкова).

В тот же день в газете «Рабочая Москва» напечатано стихотворение «Слушай, наводчик!» (в связи с убийством Войкова).

12 июня в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Призыв» (в связи с правительственным обращением по поводу убийства Войкова). В том же номере газеты стихотворение «Ну что ж!», стихотворение «Про Гос-торг и кошку, про всех понемножку».

12—16 июня — поездка в Тверь и Ленинград.

12 июня — выступление в Твери в зале Горсовета: «Лицо левой литературы».

Около 15 июня «в музее Актёатров (Ленинград) состоялась читка поэтом Маяковским заказанного ему синтетического представления к 10-летию Октябрьской революции». («Жизнь искусства», № 25, Л., 1927.)

«В. Маяковский закончил 1-ю часть новой поэмы, посвященной десятилетию Октябрьской революции. Тема этой части — Октябрьский переворот. Литературная разработка темы для синтетического представления в дни юбилейных празднеств сочинения В. Маяковского под названием «25 октября 1917 года» Юбилейной комиссией одобрена, и в настоящее время ведутся переговоры с композиторами о сочинении для него музыки. В этом представлении примут участие все роды театрального искусства, включая кино и громкоговоритель радио; представление будет дано в Малом оперном театре в постановке Н. В. Смолича при ближайшем сотрудничестве с дальнейшей разработкой текста В. Маяковского. По предложению Коминтерна поэма будет переведена на иностранные языки». («Жизнь искусства», № 27, Л., 1927, «Новый Леф», № 5, 1927.)

18 июня в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Общее руководство для начинающих подхалим».

18 июня в газете «Пионерская правда» напечатано стихотворение «Возьмем винтовки новые»; одновременно — в журнале «Пионер», № 12.

19 июня в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Крым».

В середине июня Маяковский был избран в члены правления Литфонда, членом президиума и секретарем.

22 июня в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Товарищ Иванов».

24 июня в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Ответ на мечту».

25 июня в газете «Рабочая Москва» напечатаны стихотворение «Польша» и очерк «Наружность Варшавы», в газете «Пионерская правда» — очерк Чешский пионер».

25—26 июня — поездка в Владимир.

25 июня — выступление в Владимире в партийном клубе с докладом «Лицо левой литературы».

В июне вышел том V Собрания сочинений. (Госиздат, стр. 436, тираж 3000.) (Стихи 1925—1926 годов, американские очерки, статья «Как делать стихи».) Этим томом было начато издание Собрания сочинений Маяковского.

Вышла детская книжка «Эта книжечка моя про моря и про маяк». (Изд. «Молодая гвардия».)

В конце июня сдал для журнала «Новый Леф», № 6, 10-ю главу поэмы «Октябрь» («Хорошо!»). Написал заметку для «Записной книжки» в № 6 «Нового Лефа» («Я всегда думал...»)

4 июля сдал в Госиздат первую часть (главы 2—8) поэмы «Октябрь» («Хорошо!»)

5 июля в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Сплошная неделя» (в связи с предстоящей «Неделей обороны» — 10—17 июля).

6 июля заключил договор с Госиздатом на поэму «25 Октября 1917» («Хорошо!»).

6 июля — письмо Московского отделения Всеукраинского Фото-кино управления (ВУФКУ) Маяковскому с предложением написать два сценария на тему «комсомольский быт и упаднические настроения в комсомоле» и на тему психологической подготовки обороны СССР. Оба сценария должны быть сданы не позже 30 сентября сего года. Маяковский ответил согласием (на копии письма). (См. 30 сентября и первую половину октября.)

10 июля в газете «Рабочая Москва» напечатано стихотворение «Посмотрим сами, покажем им» (в связи с «Неделей обороны»).

17 июля в газете «Рабочая Москва» напечатано стихо-

творение «Мускул свой, дыхание и тело тренируй с пользой для военного дела!» (в связи с «Неделей обороны»).

В июле в журнале «Молодая гвардия» напечатаны стихотворение «Чугунные штаны» и очерк «Поверх Варшавы».

В журнале «На литературном посту», № 14,— стихотворение «Иван Иванович Гонорарчиков».

Вышла отдельным изданием статья «Как делать стихи?» (Изд. «Огонек».)

Вышел № 5 журнала «Новый Леф» с стихотворением: «Венера Милосская и Вячеслав Полонский» и очерком: «Ездил я так».

22 июля сдал в Госиздат 2-ю часть поэмы «Октябрь» («Хорошо!»), главы 9 — 17, вместе с письмом:

«Ввиду необходимости частичной переработки третьей части поэмы «Октябрь» прошу разрешить мне представить последнюю часть к 7 августа с. г.

22 июля нарком просвещения А. В. Луначарский дал Маяковскому удостоверение:

«Предъявитель сего поэт Владимир Маяковский отправляется для чтения лекций в города Сталино, Харьков, Луганск, Артемовск, Симферополь, Севастополь, Ялта, Новороссийск, Баку, Батум, Тифлис, Кутаис. Наркомпрос просит оказывать тов. Маяковскому полное содействие в его поездке и работе».

23 июля в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Наглядное пособие» (в связи с восстанием рабочих в Вене).

24 июля выехал в лекционную поездку по городам Украины, Крыма и Кавказа.

25 июля — выступление в Харькове в Летнем театре для членов профсоюза (вместе с Кирсановым) — «Всем — всё».

Афиша: «Разговор — доклад «Всем — всё». О Лефе. О прафе. О Пушкине. О бешеном огурце. О Варшаве. О сером кобыле. О слезах Крамаржа. О восьми столицах. О прочем. Новые стихи и поэмы: Маршал Понятовский и чугунные штаны. Руководство для начинающих подхалимов. То в нос тебе магнолия. Фабрика оптимистов. Корона и кепка. Канцелярские привычки. Разговор с Венерой Милосской о Вячеславе Полонском. Линдберг и макароны. А пирог-то жрешь. Северяне нам наврали. Негритоска Петрова. «Даешь изячную жизнь». Дурацкая смерть. За что боролись? Один из Ивановых. Ужасающая фамильярность. Славянский вопрос. Искусственные люди и др.»

«Вл. Маяковский не делает обстоятельных докладов. Он любит только вскользь «рассказывать обо всем». А жалы! поэту есть что рассказать. Он только что вернулся из поездки в Польшу и Чехословакию. Но и те краткие сообщения о Польше, кони поделился Маяковский, очень любопытны... Особенно интересно было сообщение Маяковского об убийстве товарища Войкова. Поэт виделся с покойным полпредом за неделю до его смерти. Краткие сообщения в ярком докладе т. Маяковского перемежались крепкими стихами, дополняющими сказанное». («Пролетарий», Харьков, 28 июля 1927.)

27 июля в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Комсомольская Правда».

27 июля — выступление в Луганске в клубе металлистов с докладом «Лицо левой поэзии» (вместе с С. Кирсановым).

«Во втором отделении Маяковский и молодой поэт Кирсанов читали свои стихи — и имели большой успех у аудитории. Маяковский прочитал лучшие свои старые и новейшие произведения — «Левый марш», «Говарич Нетте», «Письмо Горькому». Кто читал эти стихи, знает их крепкое, ударное содержание. В выразительном чтении Маяковского они еще больше выигрывают... Вечер надо признать интересным. Он пробудил интерес к вопросам литературы, вызвал оживленные споры». («Луганская правда», 29 июля 1927.)

28 июля — второе выступление в Луганске в клубе металлистов — «Всею — всё» (вместе с С. Кирсановым).

29 июля — выступление в Сталине в цирке — «Всею — всё» (вместе с С. Кирсановым).

31 июля выступление в Харькове для членов профсоюзов в Летнем театре.

2 августа приехал в Ялту.

4 августа — выступление в Симферополе в Доме работников просвещения — «Всею — всё».

5 августа — письмо из Ялты в Госиздат с последними двумя главами «Хорошо!»

«Шлю окончание поэмы. Просмотрев работу в общем, пока оставил отдельные места во имя целого. Печатайте. Разумеется, буду работать над поэмой и дальше. Если будет нужно, внесу возможные дополнения и изменения в корректуру».

5 августа заключил в Ялте договор с ВУФКУ на кино-сценарий на тему «Борьба за нефть». Срок сдачи — 25 августа.

5 августа — выступление в Севастополе в зале Горсовета — «Всею — всё».

6 августа — письмо издательства «Прибой» Маяковскому. Возвращают рукопись, которая «не подошла». (Какая рукопись — не установлено.)

8 августа — выступление в Алуште в Межсоюзном клубе.

12 августа — выступление в Гурзуфе в клубе Военно-курортной станции — «Всею — всё».

В середине августа в Ялту приехал режиссер Малого оперного театра Н. Смолич с разработанным проектом представления «Двадцать пятое» («Хорошо!»).

«Маяковскому очень понравился разработанный Смоlichem проект представления, и он значительно проработал литчасть спектакля. По возвращении из Крыма Маяковский примет самое большое участие в проработке означенного спектакля». («Красная газета», Л., 10 сентября 1927.)

16 августа — выступление в Алушке в курзале — «Всею — всё».

17 августа — выступление в Ялте в курзале — «Всею — всё».

19 августа — выступление в Евпатории в курзале — «Всем — всё».

20 августа — выступление в Симферополе в Доме работников просвещения.

22 августа — выступление в Ливадии в Крестьянском курорте. (Об этом выступлении было написано стихотворение «Чудеса», — см. 28 сентября.)

23 августа — выступление в Хараксе в санатории ЦК КП(б)У.

24 августа — выступление в Симеизе в курзале — «Всем — всё».

25 августа — сдал в ялтинскую кинофабрику ВУФКУ сценарий «Инженер Д'Арси (История одного пергамента)» по договору, заключенному 5 августа, на сценарий «Борьба за нефть».

25 августа — выступление в Ялте в клубе 1 Мая.

26 августа — выступление в Ялте в клубе Профинтерна.

28 августа — письмо в Госиздат из Ялты об изменениях в поэме «Хорошо!»

«Сообщаю вам окончательно изменения в моей Октябрьской поэме и прошу их внести в корректуру.

1) Обложка: Маяковский ХОРОШО! (Прошу давать это название в дальнейших газетных объявлениях.) 2) Титульный лист: ХОРОШО! (Октябрьская поэма) 3) Поэму на части не делить, отдельным стихам дать порядковые арабские цифры от 1 до 23».

30 августа — выступление в Ялте в клубе совработников.

31 августа — выступление в Ялте в курзале.

В августе в журнале «Красная новь», № 8, напечатаны главы 2—8 поэмы «Хорошо!» под заглавием «25 Октября 1917 года».

В журнале «Бузотер», № 31, — стихотворение «Пиво и социализм» (первоначальное заглавие — «Витебские мысли». Написано до отъезда из Москвы).

Вышел № 6 журнала «Новый Лэф» с 10-й главой поэмы «Хорошо!» и заметкой в «Записной книжке».

3 сентября выехал из Ялты в Кисловодск.

6 сентября — выступление в Пятигорске в Лермонтовской галлерее — «Всем — всё».

7 сентября выступление в Железноводске было отменено вследствие болезни Маяковского. По этой же причине отменены выступления 8 сентября в Кисловодске и 9 сентября в Ессентуках.

11 сентября в газете «Труд» напечатано стихотворение «Гевлок Вильсон». (Написано до отъезда из Москвы.)

11 сентября — выступление в Ессентуках в театре — «Все́м — всё».

13 сентября — выступление в Кисловодске в Нижнем парке — «Все́м — всё».

15 сентября вернулся в Москву.

16 сентября сдал в Госиздат том VI Собрания сочинений (стихи 1926—1927 гг.).

19 сентября заключил договор с Госиздатом на том VI Собрания сочинений.

20 сентября — первое чтение поэмы «Хорошо!» на редакционном собрании журнала «Новый Леф». На чтении присутствовал Нарком просвещения А. В. Луначарский.

23 сентября в газете «Комсомольская правда» напечатана 17-я глава поэмы «Хорошо!» под заглавием «Пою республику».

27 сентября — письмо в литературно-художественный отдел Госиздата.

«По моем возвращении из-за границы мною был заключен с Гизом договор на все имевшиеся в работе вещи: «Роман», «Драма», «Мое открытие Америки» и «Испания, Атлантический океан, Гаванна» (стихи). Я сумел сдать две последние книги. Работа над «Драмой» и «Романом» задержалась благодаря возникшей большой работе (тоже для ГИЗ'а) над Октябрьской поэмой. Эта крайне трудная поэма, сданная в срок ГИЗ'у, кроме отрыва от других работ, еще и крайне меня утомила. После месячного отдыха, надеюсь в 4—5 месячный срок выполнить все взятые на себя обязательства. Я неоднократно предлагал ликвидировать все материальные обязательства, вытекавшие из договора, но Литературно-художественный отдел указывал мне всегда на желательность сохранения договора в силе и откладывал день сдачи книг. Если и сейчас ГИЗ'у интересны указанные книги, прошу продлить срок договора сообразно с моими указаниями о времени».

27 сентября участвовал в заседании комиссии по распространению периодики Госиздата. Обсуждался вопрос о распространении журнала «Новый Леф».

28 сентября в газете «Комсомольская правда» напечатана 18-я глава поэмы «Хорошо!» под заглавием «Красная площадь».

В тот же день в газете «Рабочая Москва» — стихотворение «Чудеса».

30 сентября сдал в московское представительство ВУФКУ либретто сценария «Долой жир» («Товарищ Копыткс») и сценарий «История одного нагана».

В сентябре — начале октября написана статья «Только не воспоминания» для № 8—9 журнала «Новый Леф».

«Непосредственная трудность борьбы со старьем, характеризующая жизнь революционного писателя до революции, заменилась наследством этого старья — эстетической косностью. Конечно, с тем прекрасным коррективом, что в стране революции в конечном итоге побеждает не кос-

ность, а новая, левая, революционная вещь... Наша победа не в опрощении, а в охвате всей сложнейшей культуры».

1 октября в газете «Вечерняя Москва» напечатан отрывок из 14-й главы поэмы «Хорошо!»

4 октября в газете «Комсомольская правда» напечатаны стихотворения «Маруся отравилась» и «Письмо к любимой Молчанова, брошенной им, как о том сообщается в № 219 «Комсомольской Правды» в стихе по имени «Свидание».

В первой половине октября — поездка в Киев на несколько дней (по делам, связанным с сдачей в ВУФКУ двух последних сценариев «История одного нагана» и «Долой жир»).

13 октября в газете «Рабочая Москва» напечатано стихотворение «Англичанка мутит».

14 октября в газете «Рабочая Москва» напечатано стихотворение «Рапорт профсоюзов».

15 октября в газете «Ленинградская правда» напечатан отрывок из 15-й главы поэмы «Хорошо!» под заглавием «Такая земля».

15 октября — выступление на диспуте «Политика Совкино», организованном ЦК ВЛКСМ, Обществом друзей советского кино и редакцией «Комсомольской правды».

«Говорят, что вот Маяковский, видите ли, поэт, так пусть он сидит на своей поэтической лавочке... Мне наплевать на то, что я поэт. Я не поэт, а прежде всего [человек], поставивший свое перо в услужение, заметьте — в услужение, сегодняшнему часу, настоящей действительности и проводнику ее — советскому правительству и партии».

В середине октября вышла отдельным изданием поэма «Хорошо!» (Госиздат).

«Хорошо» считаю программной вещью, вроде «Облака в штанах» для того времени. Ограничение отвлеченных поэтических приемов (гиперболы, виньеточного самоценного образа) и изобретение приемов для обработки хроникального и агитационного материала.

Иронический пафос в описании мелочей, но могущих быть и верным шагом в будущее («сыры не засижены — лампы сияют, цены снижены»), введение, для перебивки планов, фактов различного исторического калибра, законных только в порядке личных ассоциаций («Разговор с Блоком», «Мне рассказывал тихий еврей, Павел Ильич Лавут»). (Автобиография.)

Вышло 2-е издание поэмы «Владимир Ильич Ленин» (Госиздат, «Универсальная библиотека».)

В журнале «Молодая гвардия», № 10, напечатаны главы 9 — 13 поэмы «Хорошо!»

В журнале «На литературном посту», № 20, — 9-я глава поэмы «Хорошо!»

В журнале «Бузотер», № 39, — стихотворение «Массам непонятно».

Вышел № 7 журнала «Новый Леф» с 19-й главой поэмы «Хорошо!»

16 октября — выступление А. В. Луначарского на юбилейной сессии ЦИК СССР в Ленинграде с докладом о культурном строительстве за 10 лет.

«Маяковский создал в честь октябрьского десятилетия поэму, которую мы должны принять как великолепную фанфару в честь нашего праздника, где нет ни одной фальшивой ноты, и которая в рабочей аудитории стяжает аплодисменты». («Красная газета», веч. вып., Л., 18 октября 1927.)

16 октября в газете «Комсомольская правда» напечатана 6-я глава поэмы «Хорошо!» под заглавием «Кончилось ваше время».

18 октября — выступление с чтением поэмы «Хорошо!» перед активом московской партийной организации в Красном зале МК ВКП(б).

«В течение полутора часов аудитория с неослабным вниманием слушала новое произведение даровитого поэта. Иногда чтение прерывалось одобрительными возгласами и аплодисментами... В принятой собранием резолюции поэма В. Маяковского «Хорошо!» в ряде других произведений советской литературы рассматривается как шаг вперед и заслуживает использования ее в практической работе как средства художественной агитации». («Рабочая Москва», 20 октября 1927.)

20 октября участвовал в заседании Исполбюро Федерации писателей. Обсуждались вопросы об организации выставки и о выпуске к десятилетию Октября серии избранных произведений советских писателей.

20 октября — выступление (в Политехническом музее с чтением поэмы «Хорошо!»

Афиша: «Владимир Маяковский «Хорошо!» Октябрьская поэма. 1) Шелест знамен... 2) Бей!! 3) Голова присяжного поверенного. 4) Усастый нянь. 5) Извольте понюхать! 6) Я, товарищи, из военной бюры... 7) Которые тут временные? Слазы! 8) Здравствуйте, Александр Блок! 9) Господин помещичек, собирайте вещи-ка! 10) Дядинька, что вы делаете тут? 11) Дым отечества. 12) С Лениным в башке и с наганом в руке. 13) Трансваль, Трансваль, страна моя... 14) Есть революция, а нету масла. 15) Куда идешь? В уборную иду, на Ярославский. 16) Две морковинки несу за зеленый хвостик. 17) Мы только мошки, мы ждем кормежки. 18) Сперли казну и удрали, сволочи! 19) Пою мое отечество, республику мою. 20) Место лобное, для голов ужасно неудобное.

«Большой зал Политехнического музея заполнен до пределов возможности. Публика в проходах. Публика на эстраде. Публика в вестибюле. Снаружи — с улицы — Политехнический имеет вид осажденной крепости. Это Маяковский читает свою новую — октябрьскую — поэму «Хорошо!» («Вечерняя Москва», 21 октября 1927.)

21 октября — выступление в клубе НКВД с чтением поэмы «Хорошо!»

23 октября в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Размышления о Молчанове Иване и о поэзии» (ответ на стихотворение И. Молчанова «У обрыва» в том же номере газеты).

23 октября — выступление в Доме печати с чтением поэмы «Хорошо!»

24 октября в однодневной газете «Комсомольской правды» «Наш подарок Октябрю» напечатано стихотворение «Понедельник — субботник».

24 октября — выступление с чтением последней главы «Хорошо!» в Колонном зале Дома Союзов на вечере комсомольцев, посвященном десятилетию Октября.

25 октября заключил соглашение с Госиздатом об издании журнала «Новый Леф» в 1928 году.

25 октября выехал в Ленинград.

Во время пребывания в Ленинграде Маяковский был на нескольких репетициях спектакля «Двадцать пятое» («Хорошо!») в Малом оперном театре и написал в связи с этим небольшую заметку в юбилейный номер журнала «Рабочий и театр».

«Я думаю, что переделка поэмы на театральное действие — опыт очень трудный, уже по одному тому, что современный актер в области декламации цепко держится за старые традиции. Почти все чтецы, которых я слышал, или классически подвывают или делают бытовые ударения, совершенно искажая стихотворный ритм. Но все же я считаю инсценировку поэм или стихов чрезвычайно важной работой для театра, потому что, запутавшись в переделках старых пьес на новый лад или ставя наскоро сколоченные пьесы, театры отвыкли от хорошего текста. Получается такое впечатление, что текст даже будто не очень важен для театра. Что касается конкретной постановки моей поэмы «Двадцать пятое», то я видел только черновую репетицию, и тем не менее могу с уверенностью сказать, что спектакль из поэмы несомненно получится и, думаю, будет смотреться с интересом».

Тогда же Маяковский написал для юбилейного номера ленинградской газеты «Кино» свои «пожелания» кинематографии.

«Самое большое пожелание для советского кино на десятый год Октябрьской революции — это отказаться от гадостей постановочных «Поэз и царь» и дать средства, зря растрачиваемые на такого рода картины, на снимание нашей трудовой революционной хроники.. Давайте хронике!»

26 октября — выступление в Ленинграде в зале Академической капеллы с чтением поэмы «Хорошо!»

27 октября — второе выступление в Ленинграде в клубе им. Ильича Путиловского завода с чтением поэмы «Хорошо!»

«В Ленинграде в клубе на Путиловском заводе я читал мое «Хорошо!» После чтения — разговор. Одна из библиотекарей радостно кричала из рядов, подкрепляя свою ненависть к нашей литературе:

— Ага, ага! А вас никто не читает, никто не спрашивает! Вот вам, вот вам!

...Я спрашиваю библиотекаршу:

— А вы рекомендуете книгу читателю? Объясните нужность ее прочтения, делаете первый толчок к читательской любви?

Библиотекарша отвечала с достоинством, но обидчиво:

— Нет, конечно. У меня свободно берут любую книгу..

Я думаю, что нам не нужны такие библиотекари, которые являются хладнокровными регистраторами входящих и исходящих книг». (Статья «Вас не понимают рабочие и крестьяне».)

28 октября — третье выступление в Ленинграде в Доме печати с чтением поэмы «Хорошо!»

29 октября заключил договор с ленинградской фабрикой Совкино на сценарий «Позабудь про камин». Срок сдачи — 15 декабря 1927 года.

Сценарий был написан в конце 1927 года (точная дата окончания и сдачи на фабрику не известна). Постановка его осуществлена не была. Сюжет и тему этой вещи Маяковский использовал в дальнейшем в работе над пьесой «Клоп» (лето — осень 1928.)

29 октября — четвертое выступление в Ленинграде для вузовцев в зале Академической капеллы — «Даешь изящную жизнь».

Афиша: «Разговор-доклад «Даешь изящную жизнь». I. Темы: Черемухи и луны со всех сторон. Нездешний гость с гармошкой. Страусы в клетках. Эпоха фрака. Брюки дудочкой. Упраздненные пуговицы. Петушки-гребешки, теремочки. Пролетарий сам знает, что ему изящно и что ему красиво. II. Новые стихи: Письмо 'к любимой Ивана Молчанова. Рак и пиво завода имени... Даже мерин сивый... Письмо Горькому. Мусье Гога. Слух идет бессмыслен и гадок. Мишка, как тебе нравится эта рифмишка? Разговор с Венерой Милосской о Вячеславе Полонском. III. Ответ на записки».

30 октября в газете «Комсомольская правда» напечатан отрывок из 10-й главы поэмы «Хорошо!» под заглавием «Политика проста».

30 октября — пятое выступление в Ленинграде в Военно-политической академии с чтением поэмы «Хорошо!»

31 октября — шестое выступление в Ленинграде в Доме работников просвещения с чтением поэмы «Хорошо!»

1 ноября — седьмое выступление в Ленинграде в Доме печати с чтением поэмы «Хорошо!»

2 ноября — восьмое выступление в Ленинграде в зале Академической капеллы: «Даешь изящную жизнь».

3 ноября — девятое выступление в Ленинграде в зале Академической капеллы: «Лицо левой литературы».

4 ноября вернулся в Москву.

Во второй половине октября—первой половине ноября— письмо В. И. Качалова Маяковскому.

«Тщетно пытался позвонить Вам по телефону, — очень хотелось сказать Вам спасибо за Ваше «Хорошо!» На Кузнецком с Вами встретился нос к носу, дернулся было к Вам, чтобы с благодарностью Вашу руку пожать, но застенчив я — не решился. А молчать не могу. Хочется сказать спасибо. Пусть это Вам все равно и даже наплевать, а я хочу как-нибудь свою радость и благодарность Вам выразить... Буду учить — уже начал работать — и буду читать хотя бы отрывки, если ничего не имеете против».

4 ноября — выступление в 1-м Московском университете с чтением поэмы «Хорошо!»

5 ноября — выступление на Октябрьском вечере в клубе ВСНХ с чтением отрывков из «Хорошо!»

6 ноября в газете «Комсомольская правда» в номере, посвященном десятилетию Октябрьской революции, напечатано стихотворение «Автобусом по Москве».

В тот же день в газете «Труд» — стихотворение «Было — есть».

6 ноября — премьера «Двадцать пятое» в Ленинградском Малом оперном театре.

7 ноября в газете «Рабочая Москва» напечатан отрывок из поэмы «Хорошо!»

7 ноября — выступление в МК ВКП(б) для комсомольцев с чтением поэмы «Хорошо!». В тот же день выступление с чтением отрывков из «Хорошо!» на Октябрьском вечере Союза просвещенцев.

8 ноября передал для юбилейной выставки советской литературы, организуемой Федерацией писателей, 26 своих книг.

В ноябре в журнале «Молодая гвардия» напечатаны главы 14 — 19 поэмы «Хорошо!»

Вышел № 8 — 9 журнала «Новый Леф» со статьей «Только не воспоминания».

15 ноября — второе выступление в Политехническом музее с чтением поэмы «Хорошо!»

После чтения предполагался диспут. «Вопросы: 1) Что дала поэзия за 10 лет? 2) Кончился ли «изустный» период литературы? 3) Что делать с поэзией? 4) Внимательны ли мы к поэту? 5) Умеет ли вести себя критика? 6) Можно ли хвастаться поэтической безграмотностью?» (Афиша.)

«Я сросся с Октябрьской революцией, — заявил Маяковский. — Советскую республику я считаю своею. И будь я сейчас даже немощным безголосым импотентом, и тогда бы я попытался прошепелявить свою поэму в честь Октября. Революция выдвинула поэзию на эстраду, приблизила ее к массам. Поэта-меланхолика она заменила поэтом-разговорщиком. И я горжусь своими выступлениями с эстрады». («Вечерняя Москва», 16 ноября 1927.)

16 ноября нарком просвещения А. В. Луначарский выдал Маяковскому удостоверение, что он:

«направляется для чтения своих произведений в города Харьков, Киев, Днепрпетровск, Ростов, Новочеркасск, Таганрог, Краснодар, Баку, Тифлис, Батум, Владикавказ, Кутаис, Казань, Саратов, Ленинград, Омск, Томск, Новосибирск, Иркутск и Владивосток. Народный комиссариат просвещения просит оказывать тов. Маяковскому полное содействие в его поездках и работе. Удостоверение действительно по 1 декабря 1928 г.».

Одновременно А. В. Луначарский дал Маяковскому с собой письмо ко всем Наробразам и художественным отделам Политпросветов:

«Поэт Владимир Владимирович Маяковский направляется в города СССР с чтением своей октябрьской поэмы «Хорошо!» Считаю эту поэму имеющей большое художественное и общественное значение, прошу оказывать тов. Маяковскому полное содействие в устройстве его публичных выступлений».

19 ноября получил циркуляр главной конторы подписных изданий Госиздата всем провинциальным филиалам с предложением использовать вечера Маяковского в провинции для популяризации и продвижения журнала «Новый Леф».

20 ноября выехал в лекционную поездку по городам Украины, Северного Кавказа и Закавказья.

21 ноября — выступление в Харькове в Драматическом театре с чтением поэмы «Хорошо!»

22 ноября — второе выступление в Харькове для членов Союза просвещенцев в библиотеке им. Короленко с чтением поэмы «Хорошо!»

23 ноября приехал в Ростов. Получил письмо заводского комитета «Красный Аксай» им. Фрунзе в Нахичевани:

«Завком завода Красный Аксай просит поэта Маяковского выступить перед рабочими завода в пятницу 25 с./м. в 4 часа на территории завода. Настоящая просьба вызвана массовым желанием рабочих послушать поэта и разобраться в особенностях его творчества».

23 ноября — выступление в Ростове в Доме Красной Армии с чтением поэмы «Хорошо!»

«Когда речь заходит о Маяковском, возникает всегда один и тот же вопрос: понятен он или не понятен? Так было и на вечере в Доме Красной Армии, где поэт читал свою новую большую поэму «Хорошо!»

— Почему я понимаю Пушкина, а не понимаю вас? — спросил кто-то из публики, обращаясь прямо к Маяковскому.

— Потому, что я в своих стихах ориентируюсь не на читателя отсталого, не на политически и общественно безграмотного слушателя, а на читателя более или менее квалифицированного, на рабочий актив, для которого моя терминология понятна и который чувствует в моей поэзии желание создать новую форму. Потому, наконец, что Пушкин за вас разъясняли целое столетие, тогда как Маяковский свалился на вашу голову неожиданно, как неожиданно в свое время свалился и Пушкин на голову своих современников, отсталые из которых тоже не понимали его.

Будем справедливы: в этом ответе... есть много истины и правды. Маяковский — действительно поэт, твердо держащий курс на читательский актив, на культурно подросшую рабочую массу, поэт, неустанно бьющийся в поисках новых слов и новых форм. Это так! И вопрос о его понятности — вопрос праздный и пустой. Наш грамотный, общественно и политически развитый читатель Маяковского понимает. Он — этот читатель — поймет и новую Октябрьскую поэму поэта: «Хорошо!» А это действительно не плохая вещь...» («Молот», Ростов, 26 ноября 1927.)

Резко отрицательная рецензия о поэме «Хорошо!» была напечатана 27 ноября в ростовской газете «Советский юг» под заглавием «Картонная поэма». В 1928 году эта рецензия была перепечатана в журнале «На литературном посту», № 13—14.

24 ноября — выступление в Новочеркасске в клубе вузов с чтением поэмы «Хорошо!»

25 ноября — выступление в Таганроге в библиотеке им. Чехова с чтением поэмы «Хорошо!»

«Маяковский привез на этот раз свою новую поэму «Хорошо!», посвященную Октябрьской революции. Это последнее произведение вызывает интерес и по своей героической теме, и по своим ядреным, звонким стихам, построенным на самых неожиданных рифмах, на самой неожиданной

игре ритма... Читает свою поэму Маяковский с хорошим пафосом, ритмично и эмоционально и вызывает у слушателей моменты большого воодушевления». («Красное знамя», Таганрог, 27 ноября 1927.)

27 ноября — выступления в Новочеркасске — утром для студентов в кино «Солей» («Даешь изящную жизнь»), днем для рабкоров, вечером — в Доме Красной Армии с чтением поэмы «Хорошо!»

27 ноября — письмо к А. А. Маяковской из Новочеркасска.

«...Я не сумел зайти перед отъездом. Я уехал страшно неожиданно, а так как было воскресенье, то нельзя было вызвать такси — все киоски по воскресеньям заперты. Словом я бежал на поезд прямо с левовского заседания, прожывая фразу по дороге. Сейчас пишу из Новороссийска¹, через час еду в Ростов, а из Ростова рассчитываю на Кавказ в Тифлис, а может быть даже в Кутаис. В Москву приеду в 20-х числах декабря. Рад, что еду в теплоту, — по возможности отдыхаю и насыщаюсь».

28 ноября (в 4 ч. дня) — выступление в Нахичевани н/Д на заводе «Красный Аксай».

В тот же день (вечером) — второе выступление в Ростове в Доме просвещения с чтением поэмы «Хорошо!»

29 ноября — третье выступление в Ростове в Доме Красной Армии «Даешь изящную жизнь».

В тот же день поздно вечером — четвертое выступление в Ростове в клубе ГПУ.

30 ноября — выступление в Армавире в кино «Солей» с чтением поэмы «Хорошо!»

«К сожалению, армавирской аудитории не пришлось познакомиться со всей поэмой, т. к. Маяковский, по болезни, читал лишь отдельные места, а не всю поэму... Вечер Маяковского транслировался армавирской широкоэвещательной радиостанцией». («Трудовой путь», Армавир, 4 декабря 1927.)

30 ноября в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Гимназист или строитель». (Написано до отъезда из Москвы.)

4 декабря — выступление в Баку во Дворце тюркской культуры с чтением поэмы «Хорошо!»

«После вечера в бывшем особняке бывшего миллионера, теперь — Дворце тюркской культуры, звонки «отношения»:

— Товарищ Маяковский, ждем тебя в доках.
— Товарищ Маяковский, красноармейцы и комсостав такой-то и такой-то дивизии ждут тебя в Доме Красной Армии!
— Студенты не могут думать, что ты уедешь, не побывав у них... — в т. д. и т. д.» (очерк «Рожденные столицы»).

5 декабря написано стихотворение «Баку» («Я вас не понимаю, мистер Детердинг» и «Я вас понимаю, мистер Детердинг»).

5 декабря — второе выступление в Баку в Белом городе в клубе им. Шаумяна с чтением поэмы «Хорошо!»

¹ Описка — Маяковский был в Новочеркасске.

«...я сорок минут мчал трамваем через новенький город в клуб Шаумяна — рабочие-подростки слушали стихи, не шелохнувшись, а потом — засыпали снегом записок.

— Что такое рифма?

— Как выучиться стать поэтом?.. и т. д.

Через три часа заторопились, но и торопливость особенная.

— Кончай, товарищ, а то завтра в 7 утра трубы таскать, а уходить не хочется» (очерк «Рожденные столицы»).

«Белогородский клуб им. Шаумяна битком набит рабочей молодежью. Пришли послушать Маяковского. ...Накинув на плечи пальто, Маяковский со сцены говорит: — В вашем районе я выступаю впервые, надеюсь, вы будете себя держать скромно: будете кричать, свистеть, двигаться! — это будет признак моего у вас успеха. — Все дружно смеются. Насторожились. Могучий голос потряс клуб «Левым маршем». А потом читал «Дрянь», «Разговор с солнцем», отрывок из поэмы «Хорошо!», «О монаш-ках» и другие вещи. Аудитория с огромным вниманием слушала поэта. Каждый прочитанный стих сопровождался бурными аплодисментами. Видно сразу, Маяковский пришелся молодежи по душе. А на сцену сыпалась густым снегом записки... Следует отметить высокую дисциплинированность молодежи: ни одного лишнего выкрика, ни намека на хулиганство, серьезная сосредоточенность к стихам. То же сказало и в записках. Кто-то попросил: «Тов. Маяковский, завтра в 7 часов надо вставать на работу, поспешите...» И поэт поспешил закончить вечер. Многие выражали желание еще послушать стихи. Этот вечер показал, что рабочая молодежь любит поэзию и чутко слушает своих поэтов. Маяковского необходимо бросить во все рабочие районы». («Бакинский рабочий», 7 декабря 1927.)

6 декабря — третье выступление в Баку — в обеденный перерыв в механическом цехе дока им. Парижской коммуны.

В тот же день (в 5 ч. вечера) — четвертое выступление в Баку в Доме Красной Армии.

В тот же день (вечером) — пятое выступление — в Бакинском университете.

«За один день читал (за один, но не один) от гудка до гудка, в обеденный перерыв, прямо с токарного станка, на заводе Шмидта¹; от пяти до семи — красноармейцам и матросам в только что строенном, прекрасном, но холодном, нетопленном Доме Красной Армии; от девяти до часу — в университете, — это Баку» (очерк «Рожденные столицы»).

«Механический цех дока им. Парижской коммуны встретил нас ревом сирены, возвещающей начало обеденного перерыва... Рабочие в засаленных проржавых блузах оставляли инструменты и собирались около нас. Несмотря на то, что рабочих было мало, и несмотря на просьбы подождать завтракающих ребят, тов. Маяковский энергично забрался на станок и сразу раскатистым голосом покрыв весь цех.

— Товарищи, если бы даже вас было не пятьдесят, не сто, а пятьдесят человек, которые хотят и которые будут слушать мои стихи, то я с пеной у рта буду читать их хоть до самого вечера.

А тем временем цех наполнялся рабочими. Слушатели росли, сгущались; облепляли станки и машины. И когда слова «Левого марша» за-

¹ Маяковский ошибся — в этот день он выступал в доке им. Парижской коммуны, а на заводе им. Шмидта — на следующий день — 7 декабря.

гремели, отзваниваясь по стали машин, вот тогда рабочие почувствовали и поняли всю силу и коренастую мощь этого человека и его орудийных слов...

...Необыкновенно чутко, с исключительным вниманием, затаившись, масса слушала громовые слова стихотворения, посвященного Ленину:

Вечно будет Ленинское сердце
клокотать у революции в груди!..

После долгих аплодисментов провожали приветливыми улыбками и просьбами еще раз побывать у них». («Бакинский рабочий», 7 декабря 1927.)

7 декабря (днем) — шестое выступление в Баку в цехах завода им. лейтенанта Шмидта.

В тот же день (вечером) — седьмое выступление в Баку в Доме работников просвещения (для писателей и библиотечек).

9 декабря — выступление в Тифлисе в Театре Руставели с чтением поэмы «Хорошо!»

«Маяковский правильно вчера заметил, что читать стихи — вещь хорошая, но слушать стихи, в особенности стихи Маяковского и из уст автора — еще лучше!

...Маяковского постигла большая удача. После «Двенадцати» Блока это самая сильная вещь из всех, написанных за десять лет... «Хорошо!» в ближайшее время, вероятно, получит подробную и обстоятельную критическую оценку, и можно с уверенностью сказать, что даже противники Маяковского должны будут признать, что «Хорошо!» — ценнейший вклад в революционную поэзию». («Рабочая правда», Тифлис, 10 декабря 1927.)

10 декабря — второе выступление в Тифлисе в студенческом клубе Грузинского университета.

11 декабря — третье выступление в Тифлисе в Театре Руставели с докладом «Даешь изящную жизнь».

«Лозунг «Даешь изящную жизнь» нужно понимать, как отрицание изящной жизни, санкционированной буржуазным классом. Одним из пунктов левовской программы, по заявлению докладчика, является борьба с бытом, создаваемым эстетам наших дней.

...Перед лицом всего мира мы строим новое социалистическое государство, но мы должны создать и новый быт без униженного подражания заграничным образцам...» («Заря Востока», Тифлис, 13 декабря 1927.)

12 декабря — четвертое выступление в Тифлисе (в 6 ч. веч.) во Дворце искусств на заседании всех секций ассоциации пролетарских писателей с докладом «Стихи и задача поэта».

В тот же день (вечером) — пятое выступление в Тифлисе — в Закавказском коммунистическом университете.

13 декабря в газете «Заря Востока» (Тифлис) напечатано стихотворение «Баку» («Я вас не понимаю, мистер Детердинг» и «Я вас понимаю, мистер Детердинг»).

13 декабря — шестое выступление в Тифлисе — в Центральном рабочем клубе с чтением поэмы «Хорошо!» и докладом «Даешь изящную жизнь».

17 декабря вернулся в Москву.

18 декабря в газете «Комсомольская правда» (и одновременно в газете «Заря Востока», Тифлис) напечатано стихотворение «Солдаты Дзержинского» (в связи с десятилетием ВЧК — ОГПУ).

20 декабря — выступление на «Вечере журналов» в Политехническом музее.

«Что такое Леф? Это — группа людей, работающих над технологией нашей культуры, поскольку она диктуется пролетариатом, революцией и поскольку пролетариат и революция требуют изменения всех старых форм и замены их новыми социалистическими». («Читатель и писатель», 7 января 1928.)

В декабре вышел № 10 журнала «Новый Леф» со статьей «Расширение словесной базы».

«Революция не аннулировала ни одного своего завоевания. Она увеличила силу завоевания материальными и техническими силами. Книга не уничтожит трибуны. Книга уже уничтожила в свое время рукопись. Рукопись — только начало книги. Трибуну, эстраду — продолжит, расширит радио. Радио — вот дальнейшее (одно из) продвижение слова, лозунга, поэзии. Поэзия перестала быть только тем, что видимо глазами. Революция дала слышимое слово, слышимую поэзию... Это слово становится ежедневно нужнее».

1928

В начале года написан рекламный текст для плаката о подписке на газету «Пионерская правда».

7 января участвовал в заседании Исполбюро Федерации писателей.

8 января в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Без руля и без ветрил».

11 января в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Даешь хлеб!»

В январе вышел № 1 журнала «Новый Леф» со статьей «Вас не понимают рабочие и крестьяне».

«Искусство не рождается массовым, оно массовым становится в результате суммы усилий: критического разбора для установки прочности и наличия пользы, организованного продвижения аппаратами партии и власти в случае обнаружения этой самой пользы, своевременности продвижения книги в массу, соответствия поставленного книгой вопроса со зрелостью этих вопросов в массе... Массовость — это итог нашей борьбы, а не рубашка, в которой рождаются счастливые книги какого-нибудь литературного гения».

21 января в газете «Ленинградская правда» напечатано стихотворение «Три тысячи и три сестры».

22 января в газете «Ленинградская правда» напечатан очерк «Рожденные столицы».

21 января выехал в лекционную поездку в Казань, Свердловск, Пермь, Вятку.

23 января — выступление в Казани в Оперном театре с чтением поэмы «Хорошо!»

24 января—второе выступление в Казани в Университете.
25 января в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Дядя ЭМЭСПЭО».

26 января приехал в Свердловск.

26 января — выступление в Свердловске в Деловом клубе с чтением поэмы «Хорошо!»

«Поэма «Хорошо!» — новый этап в творчестве Маяковского, ставящий его с новой силой и решительностью в ряды лучших революционных поэтов наших дней.. Приезд Маяковского на Урал — бесспорно глубоко положительное явление...» («Уральский рабочий», Свердловск, 29 января 1928.)

28 января написано в Свердловске стихотворение «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру».

28 января (в 5 часов вечера) — второе выступление в Свердловске в клубе рабкоров газеты «Уральский рабочий» на собрании литгруппы «На смену» совместно с рабкорами.

В тот же день — третье выступление в Свердловске в Политехническом институте.

29 января в газете «Уральский рабочий» (Свердловск) напечатаны стихотворения «Екатеринбург — Свердловск» и «Три тысячи и три сестры».

29 января (днем) — четвертое выступление в Свердловске в Деловом клубе для рабочих, актива комсомола и культуркомиссий.

В тот же день (вечером) — пятое выступление в Свердловске в Деловом клубе с докладом «Даешь изящную жизнь».

31 января — выступление в Перми в зале агрофака Пермского университета с чтением поэмы «Хорошо!»

«Выступление Вл. Маяковского носит несколько необычный характер. На эстраде не только поэт, а публицист и агитатор. Читку стихов он сопровождает объяснениями, в которых раскрывает имена и события мало знакомые читателю. Поэтому стихи и поэма, прочитанные с эстрады, приобретают новый интерес... Умение сделать ударение на нужном слове делает стихи Маяковского в читке удивительно конкретными: из них выпирает факт, а не поэтическое измышление. Так становится почти осязаемой картина голода и разрухи в поэме «Хорошо!»... Несколько грубоватая у Маяковского, но всегда остроумная (своеобразный словесный фельетонизм) манера отвечать на записки является интересной формой общения поэта с публикой». («Звезда», Пермь, 2 февраля 1928.)

1 февраля — второе выступление в Перми в том же помещении.

2 февраля — выступление в Вятке в Городском театре с чтением поэмы «Хорошо!»

«Поэт — это не певец, воспевающий красивые вещи. Красивое и так красиво. Поэзия — это оружие борьбы и не плохое оружие. Такое мнение было высказано тов. Маяковским, и правдивость этого мнения доказана поэмой «Хорошо!»... Краткое вступительное слово, поясняющее сущность поэмы, облегчало возможность нашей малоподготовленной аудито-

рии глубже ее воспринять. Вступительное слово было не лишнее. Но и без этого слова поэма «Хорошо!», поэма, написанная поэтом же по заказу, а потому, что нельзя было не воспеть десятилетие Октября, была бы понятна.. Как поэт-борец выступил вчера тов. Маяковский в Городском театре. Прилизанным мешанам не по вкусу пришлось его резкие ответы. Они не могли слышать хлесткость его острот. Но и они, пожелавшие отвергнуть Маяковского, как поэта, вынуждены были все же признать силу его таланта». («Вятская правда», 4 февраля 1928.)

3 февраля (днем) — второе выступление в Вятке во Дворце труда на XII губернском съезде профсоюзов.

«Вчерашний день принес новые доказательства роста культурности масс. Губернский съезд профсоюзов пригласил выступить на нем с чтением своих стихов тов. Маяковского. Литература — один из значительных элементов культуры. Съезд профсоюзов, как зеркало, отобразил рост культурных запросов трудящихся масс нашей губернии. Маяковский говорил съезду, что он пришел прежде всего для того, чтобы получить проверку понятности своего творчества рабочим массам. Это — не плохо и важно. Но еще важнее — это то, что вчерашний день на маленьком, но, несмотря на это, очень наглядном факте еще раз показал, как быстро растет в наших советских условиях культурность масс». («Вятская правда», 4 февраля 1928.)

В тот же день (вечером) — третье выступление в Вятке в Педагогическом институте.

5 февраля вернулся в Москву.

13 февраля — выступление в Коммунистической академии на диспуте о «Юбилейной выставке художников».

«Мы приходим сюда — потому что сейчас лозунг культурной революции становится одним из основных наших лозунгов. В соединении слов культура и революция имеется одно важное значение для вас, что революции нет без насилия, нет революции без насилия над старой системой понимания задач в области культуры, и вы, которые идете по проторенной дорожке старой культуры, вы, которые умеете растушевкой разделять ноздри у старичков, — вы даже молодого не умеете нарисовать, — вы себе подписываете смертный приговор».

14 февраля — письмо в литературно-художественный отдел Госиздата.

«Прошу ускорить второе издание моей поэмы «Хорошо!», принятой к печати согласно переговоров с тов. Бескиным, бывших в январе с. г. Поэма «Хорошо!» разошлась, но вследствие дороговизны не могла попасть в рабочую и вузовскую читательскую массу. Жалоба на цену неоднократно подымалась в письмах и печати. Для полного удешевления книги я согласился на минимальный предложенный мне отделом гонорар — 20 коп. строка».

18 февраля в газете «Правда» напечатано стихотворение «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру».

21 февраля в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Сердечная просьба».

22 февраля в газете «Пионерская правда» напечатано стихотворение «Десятилетняя песня» — к десятилетию Красной Армии. Это же стихотворение **23 февраля** появилось в «Рабо-

чей Москве», «Ленинградской правде» и ленинградской газете «Смена».

23 февраля в газете «Комсомольская правда» напечатаны «Лозунги-рифмы» (к десятилетию Красной Армии).

25 февраля в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Хочу воровать».

26 февраля в газете «Ленинградская правда» напечатано стихотворение «Голубой лампас».

25 февраля выехал в лекционную поездку в Днепропетровск, Запорожье, Бердичев, Житомир, Киев.

27 февраля (днем) — выступление в Днепропетровске на заводе им. Петровского на конференции читателей «Комсомольской правды».

«В качестве представителя редакции «Комсомольской правды», тов. Маяковский прочел вступительное слово на тему о читателе и писателе и роли комсомола в проведении культурной революции. Маяковский отметил значение, которое приобрела в последнее время газета «Комсомольская правда», особенно по вопросам культурного строительства, и призывал молодежь к более активному участию в газете. После окончания конференции Маяковский зачит комсомольцам ряд своих произведений» («Звезда», Днепропетровск, 29 февраля 1928.)

В тот же день (вечером) — второе выступление в Днепропетровске в театре им. Луначарского.

«Слушай новое! Разговор-доклад. Темы: Слово читаемое и слышимое. Альбом тети или площадь революции? Что такое Новый Леф? Что такое Старый Полонский? Леф и Вапш. Мы. Социальный заказ. Агония прозы. Хроника пожаров интересней «Войны и мира». Как и чему учиться у Пушкина? Есенин и Есенички. Понимают ли нас крестьяне и рабочие? — Из поэмы «Хорошо!» Бонапарт из присяжных поверенных. Усастьный нянь. К матушке к свет к Елизавете Кирилловне. Я, товарищ, из военной бюры. Есть революция, а нету масла. — Новые стихи. Письмо любимой Молчанова. Чугунные штаны. Имени Бебеля. Гарри Пилли. Замуж за Зоценку. Особенная любовь. Ответы на записки и вопросы». (Афиша).

«Владея счастливым искусством вести эстрадный разговор, не лишенный своеобразной остроты, свое выступление Вл. Маяковский сумел сделать занимательным и довольно интересным... Самое интересное на вечере Маяковского было все-таки чтение им самим его собственных стихов... Отрывки из его новой поэмы «Хорошо», имеющие большую художественную ценность, еще больше выигрывают в исполнении автора. Хороши и остальные новые стихи, прочитанные автором». («Звезда», Днепропетровск, 29 февраля 1928.)

28 февраля — выступление в Запорожье в клубе совработников — «Слушай новое!»

«Хотя Маяковский, ссылаясь на нездоровье, и отказался выступать с докладом, однако, по его же собственному выражению, «его втянули в это дело»: поэт засыпал градом записок, ставящих как раз те вопросы, которые Маяковский должен был затронуть в своем докладе. Завязалось своеобразное «собеседование» (говорил один Маяковский, а с мест только подавали реплики), в процессе которого четко выявился огромный интерес подавляющей части аудитории к революционному искусству вообще и к поэзии Маяковского в частности («Красное Запорожье», 1 марта 1928.)

29 февраля (днем) — второе выступление в Запорожье на заводе «Коммунар». (Выступление в тот же день в 6 часов вечера в Днепропетровске в Доме Красной Армии было отменено вследствие болезни Маяковского.)

29 февраля в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Лицо классового врага (Буржуй-Нуво)».

В тот же день в газете «Пионерская правда» — стихотворение «Прочти и катая в Париж и Китай» (окончание этого стихотворения в той же газете 3 марта).

3 марта в газете «Вечерний Киев» напечатано стихотворение «Екатеринбург—Свердловск» под заглавием «Где золото роят в горах».

4 марта в газете «Рабочая Москва» напечатано стихотворение «Даешь тухлые яйца (вместо рецензии)» (о спектакле «Проходная комната» в театре б. Корш).

5 марта — третье выступление в Днепропетровске в Горном институте.

6 марта — выступление в Бердичеве в театре ОНО — «Слушай новое!»

7 марта — выступление в Житомире в театре ОНО — «Слушай новое!»

8 марта, в Международный женский день, в газете «Труд» напечатано стихотворение «Две культуры».

8 марта — выступление в Киеве в Доме коммунистического просвещения — «Слушай новое!»

Около 10 марта вернулся в Москву. (На 9 марта было назначено выступление в Виннице, на 10-е — в Одессе, но Маяковский заболел гриппом и пришлось вернуться в Москву). Получил письмо издательства «Вопросы труда» (от 5 марта) с предложением сделать плакат на тему «Чистота на фабриках и заводах».

14 марта сдал в Госиздат исправленный текст поэмы «Хорошо!» для второго издания.

15 марта в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Кино и вино».

15 марта — телеграмма издательству «Закнига» в связи с пятилетием:

«Желаю, чтоб еще десятки пятилетий читали Закнигу взрослые и дети».

15 марта — письмо заведующему Госиздатом по поводу «бесконечной и недопустимой волокиты в деле издания моего собрания сочинений».

«...Один разрозненный V том издан, очевидно, в насмешку, специально для срыва продажи книги — так как «собрание сочинений» при дорогой сравнительно цене покупают главным образом библиотека и подписчик, а разрозненные тома библиотеке не к чему, да и подписку на них объявить нельзя. Конечно бережется покупать такие книги и индивидуальны́й покупатель. Относя все эти, мякко выражаясь, «недоразуме-

ния» к прошлому времени, делаю еще одну попытку урегулировать наши взаимоотношения и прошу: 1. Срочно сдать в производство все тома моего полного собрания сочинений, фиксируя окончательный, твердый срок выпуска книг. 2. Объявить подписку на «собрание», дав мне возможность агитировать за книгу и собирать подписку на своих многочисленных московских и провинциальных выступлениях.

Необходимо добавить, что оплата сочинений чрезвычайно низка... Я сознательно шел на эти условия, рассчитывая дешевле и скорее получить «Собрание сочинений», необходимое и моему читателю, и мне для дальнейшей работы. При таком отношении к изданию моих книг мой расчет теряет всякие основания».

16 марта письмо в Госиздат с просьбой отсрочить представление «драмы» и «романа» на три месяца.

17 марта в газете «Пионерская правда» напечатано стихотворение «Детский театр из собственной квартирки вышибают товарищи сатирики».

17 марта заключил соглашение с Госиздатом на выпуск 2-го (дешевого) издания поэмы «Хорошо!»

18 марта, в день памяти Парижской коммуны, в газете «Труд» и в газете «Ленинградская правда» напечатано стихотворение «Парижская коммуна».

18 марта выехал в лекционную поездку в Киев, Винницу и Одессу.

19 марта — выступление в Киеве в Доме коммунистического просвещения для комсомольцев.

20 марта выступление в Виннице в театре ОНО.

21 марта в газете «Комсомольская правда» и в газете «Смена» (Л.) напечатано стихотворение «Лицо классового врага (Новый кулак)».

22 марта — выступление в Одессе в зале Горсовета — «Слушай новое!»

23 марта — второе выступление в Одессе в Политехническом институте.

24 марта — третье выступление в Одессе в Медицинском институте.

27 марта — выступление в Киеве в Институте народного хозяйства.

29 марта вернулся в Москву.

29 марта представил в издательство «Вопросы труда» тексты и эскизы четырех плакатов «Сор в ящик», «Береги бак», «Мой руки», «Плюй в урну».

В марте вышла детская книжка «Что ни страница, то слон то львица». (Изд. «Заккнига», Тифлис.)

В журнале «Новый Леф», № 3, напечатана статья «Стихи с примечаниями».

1 апреля в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Фабрика мертвых душ» (с подзаголовком «Накануне VIII съезда ВЛКСМ»).

5 апреля в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Нагрузка по макушку».

5 апреля вторично сдал в Госиздат рукописи I и II томов Собрания сочинений. (См. 16 июня и 23 декабря 1925 г.)

Вместе с рукописью I тома была сдана автобиография «Я сам», написанная в 1922 году и теперь дополненная и доверенная до 1928 года.

7 апреля в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Баку».

На 9, 10 и 11 апреля были назначены выступления в Смоленске, Витебске и Минске, но Маяковский заболел гриппом и выступления были отменены. Затянувшаяся болезнь помешала и предполагавшейся в конце апреля поездке за границу. Маяковский около месяца пролежал в постели.

22 апреля в газете «Рабочая Москва» напечатаны тексты четырех плакатов под общим заглавием «Будем культурны и в мелочах»: «Сор в ящик», «Береги бак», «Мой руки», «Плюй в урну» с рисунками Маяковского.

В апреле вышла детская книжка «Конь-огонь» (Госиздат).

В журнале «Красная новь», № 4, напечатано стихотворение «Император».

В журнале «Еж», № 4,—стихотворение «Майская песенка».

Весной были написаны 15 текстов для пожарных плакатов по заданию издательства НКВД. (Плакаты с этими текстами вышли летом 1928 г.)

1 мая в газете «Правда» напечатано стихотворение «Солнечный флаг» (песня-марш).

6 мая в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Добудь второй!» (в связи с награждением ВЛКСМ орденом Красного Знамени).

13 мая в газете «Смена» (Л.) напечатано стихотворение «Телевоксы что такое?»

14 мая заключил договор с издательством «Федерация» на сборник «Но. С.» («Новые стихи»). Срок сдачи — 15 мая.

18 мая в газете «Ленинградская правда» напечатано стихотворение «Кто он?»

20 мая в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Бей белых и зеленых».

24 мая в газете «Комсомольская правда» (в номере, посвященном трехлетию газеты) напечатано стихотворение «Писатели мы».

29 мая в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Арсенал ленинцев» (в связи с десятилетием Свердловского университета).

30 мая заключил договор и сдал в издательство «Молодая гвардия» рукопись сборника «Слюны в комсомоле».

В первой половине года (не позже июня) написана детская книжка «Кем быть?» (включена в том IV Собрания сочинений — см. 20 июня 1928).

Первую половину лета (июнь — середина июля) Маяковский жил на даче в Пушкине (под Москвой), продолжая работать в «Комсомольской правде» и почти ежедневно приезжая в город.

7 июня — письмо в Госиздат с напоминанием, что срок издания по договору на Собрание сочинений истекает 1 ноября 1928 года. (Госиздат к этому времени выпустил только один V том.)

14 июня письмо ЦК ВЛКСМ и редакции «Комсомольской правды», адресованное в различные учреждения с просьбой помочь Маяковскому в организации кругосветного путешествия.

«Тов. Маяковский командировается ЦК ВЛКСМ и редакцией газеты «Комсомольская правда» в Сибирь — Японию — Аргентину — САСШ — Германию — Францию и Турцию для кругосветных корреспонденций и для освещения в газете быта и жизни молодежи. Придавая исключительное значение этой поездке, просим оказать т. Маяковскому всемерное содействие в деле организации путешествия. Вопрос о поездке согласован с Агитпропом ЦК ВКП(б)». (См. 25 июня.)

15 июня в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Жид».

19 июня в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Служака» (на тему, взятую из доклада товарища Сталина на XV съезде ВКП(б). См. «Вопросы ленинизма», ГИЗ, 1929, стр. 434, 435).

20 июня в газете «Вечерняя Москва» напечатано стихотворение «Мы отдыхаем».

20 июня вторично сдал в Госиздат рукопись тома IV Собрания сочинений. (См. 28 апреля 1926.)

22 июня в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Критика самокритики».

24 июня в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Легкая кавалерия».

25 июня — письмо в Главискусство с просьбой оказать содействие в организации кругосветного путешествия.

«Прошу вас оказать содействие в деле моей командировки (кругосветное путешествие по маршруту: Москва — Владивосток — Токио — Буэнос-Айрес — Нью-Йорк — Париж — Рим — Константинополь — Одесса) для корреспонденций и для освещения в газете «Комсомольская правда» быта и жизни молодежи и для продолжения серии моих работ о стразах мира после революции и войны». (Поездка эта не состоялась.)

30 июня в «Рабочей газете» напечатано стихотворение «Безработный».

В тот же день в газете «Комсомольская правда» — стихотворение «Дачный случай».

В июне в журнале «Октябрь», № 6, напечатаны стихотворения «Электричество — вид энергии», «Точенные слоны», «Красные арапы» и «Весенняя ночь».

В журнале «Новый Леф», № 6, — статья «Письмо Равича и Равичу».

2 июля в газете «Вечерняя Москва» напечатано стихотворение «Слегка нахальные стихи товарищам из Эмхахи».

2 июля — письмо в Госиздат с предложением издать том VII Собрания сочинений (15 листов — стихи, 2 л. — пьеса, 3 л. — статьи. Срок сдачи 1 сентября 1928 г.).

3 июля в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Работникам стиха и прозы, на лето едущим в колхозы».

5 июля в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Общее» и «мое».

7 июля в газете «Комсомольская правда» напечатаны стихотворения «Вредитель» (в связи с приговором по делу шахтинских контрреволюционеров и вредителей) и «Казань» (в «Литературной странице»). 8 июля это стихотворение было напечатано в ленинградской газете «Смена».

9 июля в газете «Вечерняя Москва» напечатано стихотворение «№ 17» (в связи с «Неделями обороны»).

10 июля в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Марш-оборона» (в связи с «Неделями обороны»).

11 июля в «Рабочей газете» напечатано стихотворение «Готовься!» (в связи с «Неделями обороны»).

В тот же день в газете «Рабочая Москва» — стихотворение «Готовься! Стой! Строй!» (в связи с «Неделями обороны»).

В тот же день в газете «Комсомольская правда» — стихотворение «Товарищи, поспорьте о красном спорте».

11 июля заключил с Госиздатом договор на том VII Собрания сочинений.

12 июля в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Соберитесь и поговорите-ка вровень с критикой писателя и художника — почему так много сапожников-критиков и нет совершенно критики на сапожников?»

13 июля сдал в Госиздат сборник «Школьный Маяковский».

Повидимому, одновременно с сдачей этого сборника Маяковский обратился к Наркому просвещения А. В. Луначарскому с следующим письмом (сохранилось в копии без даты):

«Согласно программе ГУСа среди других живых писателей, подлежащих школьному изучению, значусь и я. ГИЗ выпускает в срочном по-

рядке книгу из моих литературных работ и их педагогическо-критического разбора. К сожалению, содержание книги заранее predetermined ГУСом без всякого авторского участия. Так в мою книгу входят отрывки из «Войны и мира», «Левый марш» и «Прозаседавшиеся», т. е. вещи, писанные 8—12 лет назад. Почему не «Облако в штанах», не «Солнце», не отрывки «Мистерии» и «Хорошо»? Спрошенные товарищи уныло отвечают; что так уже решено «комиссиями», надо торопиться и ничего не поделаешь. Идея преподавания живой литературы прекрасна и революционна, она должна и может появиться (пока) только в школе СССР, но ее не надо коверкать таким академико-бюрократическим подходом. Так как вопрос, поднимаемый мною, очевидно касается не одного меня, а целого ряда писателей, обращаю на вопрос Ваше внимание и прошу внушить заинтересованным комиссиям, что: 1) Материал для учебников надо подбирать наиболее характерно, полно и современно при обязательном участии автора. 2) К критическому разбору надо привлекать товарищей не случайно, а и ранее занимавшихся разбором литературных произведений данного рода (конечно, связав с требованиями педагога). Думаю, что и при большой спешке издания сделать живыми книги живых еще можно успеть».

12 февраля 1929 года Маяковский вторично (!) сдал рукопись сборника «Школьный Маяковский» в Госиздат. В вышедшей в сентябре 1929 года книге есть все те произведения, на включение которых настаивал Маяковский в письме. Очевидно, издание было задержано и содержание книги переработано согласно именно этому письму.

14 июля в газете «Вечерняя Москва» напечатано стихотворение «Дом Герцена».

15 июля в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Крест и шампанское».

(16 июля в газете «Нью-Йорк Таймс» появилась телеграмма московского корреспондента с сообщением об этом стихотворении. Через несколько дней там же был напечатан краткий прозаический перевод стихотворения.)

Около этого времени было написано и стихотворение «Странно, но верно» (на ту же тему, что и «Крест и шампанское» — по поводу спасения ледоколом «Красин» итальянской арктической экспедиции).

17 июля в газете «Рабочая Москва» напечатано стихотворение «О том, как некие сектантцы зовут рабочего на танцы».

17 июля Совнарком Крымской АССР освободил лекции Маяковского в Крыму от взыскания местного налога.

17 июля присутствовал на открытии VI конгресса Коминтерна в Доме Союзов.

18 июля в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Дом Союзов, 17 июля» (в связи с открытием VI конгресса Коминтерна. На следующий день было напечатано в «Ленинградской правде»).

18 июля в газете «Правда» напечатано стихотворение «Каждый сам себе ВЦИК».

19 июля в «Рабочей газете» напечатано стихотворение «Шестой конгресс Коминтерна».

21 июля в газете «Правда» напечатано стихотворение «Дождемся ли мы жилья хорошего? Товарищи, стройте хорошо и дешево!»

В июле в журнале «Крокодил» напечатано стихотворение «Трус» под заглавием «Драже».

Вышел № 7 журнала «Новый Леф».

Этот номер журнала был последним, вышедшим под редакцией Маяковского. Огромная общественно-поэтическая работа Маяковского и литературная борьба, которую он вел в то время своими стихами и выступлениями, неизмеримо переросла рамки узко групповых позиций. К середине 1928 года назрел конфликт между группой Маяковского (Асеев, Брик, Кирсанов) и теми, кто во что бы то ни стало хотел продлить существование журнала. Маяковский отошел от редактирования. Последние пять номеров «Нового Лефа» вышли без участия в них Маяковского и тех, кто ушел вместе с ним. В сентябре в докладе «Левее Лефа» в Политехническом музее Маяковский объяснил свою позицию в этом конфликте. (См. 26 сентября.)

23 июля выехал в Крым.

До отъезда из Москвы было написано и сдано в редакцию «Крокодила» стихотворение «Помпадур». С дороги Маяковский прислал в редакцию телеграмму с просьбой в этом стихотворении «заменить фразу «беспартийный катится под стол» фразой «собеседник сверзился под стол».

25 июля в газете «Рабочая Москва» напечатано стихотворение «Про пешеходов и разинь, вонзивших глазки небу в синь».

25 июля — письмо в ВУФКУ в ответ на сообщение, что сценарии «История одного нагана» и «Долой жир!» не будут поставлены.

«...Во всех моих взаимоотношениях с ВУФКУ была сплошная недомолвка—меня перекидывали от редактора к редактору, редакторы выдумывали несуществующие в кино прищипы, осские на каждый день, и явно верили только в свои сценарные способности. Думаю, что в отношении художественной части сценариев моя квалификация позволяет мне настаивать на необходимости проведения в картинах и моих сценарных «принципов».

25 июля — выступление в Алушке в курзале — «Слушай новое!»

26 июля — выступление в Симеизе в курзале — «Слушай новое!»

27 июля — выступление в Ялте в курзале — «Слушай новое!»

1 августа — выступление в Евпатории в курзале — «Слушай новое!»

3 августа в газете «Рабочая Москва» напечатано стихотворение «7 часов».

3 августа написано стихотворение «Евпатория».

4 августа — выступление в Саки в курзале — «Слушай новое!»

5 августа в журнале «Экран», № 32, напечатано стихотворение «Стих не про дрянь, а про дрянцо. Дрянцо хлещите рифм концом».

5 августа — выступление в Гурзуфе в клубе Военно-курортной станции — «Слушай новое!»

7 августа — выступление в Мисхоре в курзале — «Слушай новое!»

8 августа — выступление в Ялте в клубе им. 1 Мая.

9 августа—выступление в Симферополе в клубе О. Р. К.— «Слушай новое!»

«Очень хорошо сказал поэт о группировках... Нужно не заседать и создавать платформы, а дело делать. Пусть будет написана хоть одна «стоящая» вещь, и группа вокруг нее моментально образуется — не оторвешь. Что следовало бы принять к сведению (и руководству!) нашим крымским литературным кружкам и группировкам». («Красный Крым», Симферополь, 11 августа 1928.)

11 августа вернулся в Москву.

13 августа в газете «Вечерняя Москва» напечатано стихотворение «Евпатория».

В тот же день — выступление по радио с чтением стихотворения «Рифмованный отчет (Так и надо—крой, спартакиада)» (в «Рабочем радиожурнале»).

14 августа в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Рифмованный отчет (Так и надо — крой, спартакиада)» (отчет о празднике красной спартакиады 12 августа).

В середине августа подписал к печати корректуру второго издания поэмы «Хорошо!»

16 августа в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Товарищи хозяйственники, ответьте на вопрос вы — что сделано, чтоб выросли Казанцевы и Матросовы?»

16 августа письмо в редакцию журнала «Красная новь» (в связи с статьей Д. Тальникова в 8-й книге «Красной нови» об очерках Маяковского о загранице).

«Измучен развязным тоном малограмотных людей, пишущих в «Красной нови» под псевдонимом «Тальников». Дальнейшее мое сотрудничество считаю лишним».

17 августа в газете «Вечерняя Москва» напечатано стихотворение «Это те же».

Очевидно, около этого времени было написано еще одно стихотворение в связи с Международной спортивной спартакиадой в Москве — «Повальная болезнь» (где было напечатано — не установлено).

17 августа на заседании секретариата Федерации писателей Маяковский введен в состав совета при Главискусстве Наркомпроса от писателей.

18 августа в газете «Читатель и писатель» напечатано стихотворение «Шутка, похожая на правду».

19 августа в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Привет, КИМ!» (к открытию V конгресса КИМ).

20 августа в специальном выпуске газеты «Комсомольская правда» в честь V конгресса КИМ напечатано стихотворение «Костоломы и мясники».

23 августа в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Земля наша обильна».

25 августа в газете «Читатель и писатель» напечатано стихотворение «Помощь Наркомпросу, Главискусству — в кубе, по жгучему вопросу — вопросу о клубе».

В тот же день в газете «Рабочая Москва» — стихотворение «Важнейший совет домашней хозяйке» (в связи с выпуском Займа индустриализации).

В тот же день в газете «Правда» — стихотворение «Размышления у парадного подъезда» (в подборке на тему «Как относятся к посетителям в наших учреждениях»).

В тот же день — выступление по радио с чтением стихотворения «Явление Христа» (в «Рабочей радиогазете»).

26 августа в журнале «Экран» напечатано стихотворение «Польза землетрясений».

В тот же день в «Рабочей газете» — стихотворение «Явление Христа».

30 августа в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Баллада о бюрократе и рабочем».

31 августа сдал в Госиздат рукопись тома VII Собрания сочинений.

В августе в журнале «Крокодил», № 29, напечатано стихотворение «Помпадур».

В журнале «Крокодил», № 31, — стихотворение «Плюшкин» под заглавием «Послеоктябрьский скопидом обстраивает стол и дом».

В журнале «Крокодил», № 33, — стихотворение «Халтурчики».

1 сентября — выступление по радио с чтением стихотворения «XIV МЮД» (в «Рабочей радиогазете»).

2 сентября, в XIV Международный юношеский день, в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Всесоюзный поход».

В тот же день в газете «Рабочая Москва» — стихотворение «Вперед, комсомольцы!»

В тот же день в однодневной газете «Идут легионы», выпущенной МК ВЛКСМ и газетой «Рабочая Москва» в XIV

МЮД,— стихотворение «Секрет молодости» под заглавием «Песня бодрости».

В тот же день в газете «Ленинградская правда» — стихотворение «XIV МЮД».

8 сентября в газете «Читатель и писатель» напечатано стихотворение «Галопщик по писателям» (в связи с статьей Д. Тальникова в «Красной нови», — см. 16 августа).

9 сентября в журнале «Радиослушатель», № 1, напечатано стихотворение «Счастье искусств».

10 сентября — выступление в Красном зале МК ВКП(б) на вечере, организованном редакцией «Комсомольской правды».

«Заграница (разговор-доклад перед отъездом за границу). I. Темы: 1) Галопом по Европам и галопщик по писателям. 2) Бальмонт мексиканец. 3) С чем ездил Гумилев. 4) Под знойным небом Аргентины и лиловые негры. 5) Наши ездовые возможности. 6) Критические маклеры. 7) Поэт — имущество республики. 8) На что разезать глаза? II. Стихи. О Париже, об океане, о Гаванне, о Мексике, о Нью-Йорке, о возвращении, о Тальникове». («Комсомольская правда», 10 сентября 1928).

«Открывая вечер, редактор «Комсомольской правды» сказал, что перед отъездом за границу Маяковский хочет побеседовать со своими читателями о том, что и как ему писать о загранице, хочет получить задание, «командировку», — не ту командировку, по которой подлежащие ведомства выдают заграничный паспорт, а словесный мандат, «наказ» от своей аудитории... Выступавший вслед за тем Маяковский был встречен шумными аплодисментами.

— За что на меня обиделся Тальников? За то, что я ездил не так, как ездили до меня разные писатели, в том числе Глеб Успенский, которого Тальников мне ставит в пример... О своем путешествии Успенский написал через 10 лет. А кому будет нужно, если я в 1938 году напишу в «Комсомольской правде» об американском империализме 1928 года? — После небольшого вступительного слова Маяковский читает свои, охаяющие Тальниковым, заграничные стихи. Выступившие затем в прениях комсомольцы единодушно давали свои подписи на «командировку» Маяковского.. Резолюция, предложенная собранию читателей «Комсомольской правды» — «командировать тов. Маяковского за границу», принимается единогласно. Маяковский когда-то писал: «Я хочу, чтоб в дебатах потел Госплан, мне давая задания на год...» Комсомольская аудитория в жарких «дебатах» дала задание Маяковскому...» («Комсомольская правда», 12 сентября 1928.)

В сентябре вышло второе издание поэмы «Хорошо!» (Госиздат.)

Вышел сборник «Но. С» (Новые стихи). (Изд. «Федерация», стр. 108.)

13 сентября в газете «Постройка» напечатано стихотворение «Головотяпам».

15 сентября в газете «Читатель и писатель» напечатаны стихотворения «Вопль кустаря» (в связи с выпуском Займа индустриализации) и «Лучше тоньше да лучше» (в связи с «Днем книги»).

16 сентября в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Враги хлеба».

18 сентября в газете «Рабочая Москва» напечатано стихотворение «Даешь автомобиль».

В тот же день в «Рабочей газете» — стихотворение «Привет делегатке».

В тот же день в газете «Комсомольская правда» — стихотворение «Вегетарианцы» (в связи с празднованием столетия со дня рождения Толстого).

19 сентября участвовал в заседании Исполбюро Федерации писателей.

Обсуждался проект нового закона об авторском праве. Маяковский избран в число представителей Федерации на заседание Президиума ВЦИК (где должен обсуждаться этот проект). Кроме того, Маяковскому получены переговоры с ВЦСПС по вопросу о профсоюзном членстве писателей.

23 сентября в журнале «Экран», № 39, напечатано стихотворение «Рассказ рабочего Павла Катушкина о приобретении одного чемодана».

24 сентября участвовал как представитель Федерации писателей в заседании Президиума ВЦИК по вопросу о проекте закона об основах авторского права.

25 сентября в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Крым» («И глупо звать его «Красная Ницца»...).

26 сентября в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Почему?»

26 сентября — выступление в Политехническом музее.

Афиша: Лефя! Разговор-доклад. Темы: Кого изменил Леф? Кто изменил Леф? Кто изменил Лефу? Крах групп. 7 или 2.000.000? Как длюются в Виннице? Писатели — богемец, сектант и производственник. Сапожники критики и критика сапожников. АМЭФ или ВЛКСМ. — Некрасивые стихи: Сов-трус. Сов-служака. Сов-меценат. Сов-Плюшкин. Сов.-помпадур. Сов.-обыватель. Сов.-халтурщик. — Стихи красивые: Клуб. Гимн. Радио. Евпатория. Хол. и Гор. Электричество. Поиски носков. — Ответ на записки».

«Зло и остроумно говорил Маяковский о «бессмысленнейшей нелепейшей игре в литературные организации» — игре, которая сейчас ему кажется единственным содержанием литературной жизни, гневно и метко бросал он писателям обвинения в том, что они оторвались от массовой работы»; жаловался, что в СССР насчитывается до 4000 поэтов, а ему одному приходится работать за всех и писать по заказу газет «по 3 стихотворения каждый день»; так что к вечеру «он ходит выдоенный, с отвислым брюхом, и почти не на чем держаться подтяжкам...» («Вечерняя Москва», 27 сентября 1928.)

«Из древней истории» мы знаем случай, когда 300 греков засели в знаменитое Фермопильское ущелье и успешно отбивались от наседавшей армии персов. — Мы, Лефы, — начал свое вступительное слово Маяковский, — были в 1918—25 гг. такими вот фермопильцами, героически отбивающимися от наседающих полчищ эстетов и прочих правых флангов искусства. По примеру лефовой группы литераторы начали устраивать свои фермопильки и фермопильчики и обосновывались в них прочно и надолго. Борьба с «персами» приняла другие формы, сами «персы» стали другими, а мы еще сидели у себя по ущельям. Провиант в виде бумаги

подвозится, издательства печатают — мы и сидим.. Записание в группах засасывало и Леф. Я сейчас борюсь против того, — подчеркивает Маяковский, — чтобы каждый лозунг, правильный на каждом данном отрезке времени, не превращать в догму, в сухую формулу и не бить ею живую жизнь... — Маяковский призывал левовцев к боевой новаторской работе, причем это новаторство должно идти, по мнению Маяковского, не в каких-либо лабораториях, а на живом производстве (газете, кино, радио и т. д.)...» («Комсомольская правда», 28 сентября 1928.)

В сентябре в журнале «За рулем», № 6, напечатано стихотворение «Рассказ одного об одной мечте».

В журнале «Крокодил», № 35,—стихотворение «Идиллия».

В журнале «Крокодил», № 36,—стихотворение «Столп» (на тему, взятую из выступления товарища Сталина на VIII съезде ВЛКСМ (май 1928; см.: В. И. Ленин, И. В. Сталин, «О молодежи», Партиздат, 1936, стр. 200).

28 сентября выехал в Ленинград.

29 сентября — выступление в Ленинграде в зале Академической капеллы — «Левее Лефа».

30 сентября в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Непобедимое оружие».

В тот же день в журнале «Огонек», № 40,—стихотворение «Что такое парк?»

30 сентября (утром) — второе выступление в Ленинграде в Московско-Нарвском доме культуры — «Слушай новое!»

В тот же день (вечером) — третье выступление в Ленинграде в Политехническом институте.

1 октября в журнале «Красное студенчество», № 1, напечатано стихотворение «Студенту-пролетарию».

2 октября — четвертое выступление в Ленинграде в Военно-политической академии.

3 октября (в 6 час. веч.) — пятое выступление в Ленинграде в Институте народного хозяйства.

В тот же день (в 9 час. веч.) — шестое выступление в Ленинграде в Университете.

4 октября — седьмое выступление в Ленинграде в Доме просвещения.

5 октября в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Во избежание умственных брожений...»

5 октября вернулся в Москву.

8 октября письмо в Госиздат с просьбой отсрочить представление «драмы» и романа на 3 месяца («отправляюсь в отпуск для заканчивания почти выполненной работы»).

В тот же день по радио передавалось стихотворение «Проба» (в «Рабочей радиогазете»).

В течение сентября — первых чисел октября, до отъезда за границу, написаны стихотворения: «Горящий волос», «Не-

бесный чердак», «Зевс-опровержец», «В чем дело?», «Поп», «Подлиза».

8 октября выехал в Берлин.

15 октября приехал в Париж.

Маяковский работал в поездке над пьесой «Клоп» и сценарием «Идеал и одеяло» (было написано краткое либретто). О пьесе Маяковский вел переговоры с издательством Малик в Берлине и с театром Пискатора, о сценарии — с известным французским кинорежиссером Ренэ Клером.

3 декабря выехал из Парижа в Берлин.

8 декабря вернулся в Москву.

За время отсутствия Маяковского в печати появились стихотворения: «Проба» («Рабочая Москва», 9 октября); «Небесный чердак», («Ленинградская правда», 21 октября), «Горящий волос» («Экран», № 43); «Зевс-опровержец», «В чем дело?» «Поп», «Подлиза» («Крокодил», №№ 37, 38, 39, 44).

В ноябре вышли в свет I и II тома Собрания сочинений (Госиздат, стр. 369 и 346).

10 декабря — выступление по радио с чтением «Стихов о красотах архитектуры» (в радиожурнале «Культурный отдых»).

16 декабря в газете «Комсомольская правда» напечатано «Стихотворение о проданной телятине».

20 декабря — выступление в Доме печати с докладом «Газета и поэт».

22 декабря в газете «Комсомольская правда» напечатана подпись под карикатурой «Божественная картинка».

22 декабря — выступление в Доме Герцена на общем собрании писателей в прениях по докладу П. М. Керженцева.

«Мне, может быть, подскажут более точные цифры, но я знаю, что на последнем съезде ВАППа... приблизительно 52% было поэтов. Где эти поэты, под каким ухом этого самого Александра Сергеевича Пушкина они гнездятся, где, в какой газете, в каком журнале, в каком общественном предприятии?... в других местах, где сталкиваются действительные литературные интересы, где поэт должен быть оружием классовой борьбы, притом правильным оружием, мы их не видим.

Я с полной ответственностью за свои слова заявил три дня тому назад на вечере в Доме печати: я считаю себя пролетарским поэтом, а пролетарских поэтов ВАППа — себе попутчиками. И сегодня на этой формуле я настаиваю. Я говорю об этом не потому, что обрушиваюсь из какого-нибудь лефовского лагеря на другие лагеря, жаждущие на политическом поприще нажить себе политический капитал, а я также утверждаю, что одряхлевшие лохмотья Лефа надо заменить».

23 декабря в журнале «Огонек», № 52, напечатаны «Стихи о красотах архитектуры».

25 декабря в газете «Рабочая Москва» напечатано стихотворение «Лыжная звезда».

В тот же день в «Рабочей газете» — стихотворение «Чье рождество?»

26 декабря — первое чтение пьесы «Клоп» друзьям.

28 декабря в газете «Правда» напечатано стихотворение «Мразь» (в подборке о взяточничестве).

28 декабря — чтение пьесы «Клоп» труппе ТИМ.

28 декабря участвовал в заседании секретариата Федерации писателей. Вошел в организационный комитет по встрече приезжающих в Москву украинских писателей. (См. 9 февраля 1929.)

29 декабря в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Баллада о почти что факте».

30 декабря — выступление с чтением пьесы «Клоп» на расширенном заседании художественно-политического совета театра.

В декабре в журнале «Крокодил», № 47, напечатано стихотворение «Сплетник».

В журнале «Крокодил», № 48, — стихотворение «Ханжа».

В течение года написано стихотворение «Про школу и про учение» (где было напечатано — не установлено).

1929

1 января в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Технике внимание видать ли?»

7 января заключил договор с издательством «Федерация» на книгу «заграничных» стихов (2500 строк. Срок сдачи 23 января) — сборник «Туда и обратно».

9 января в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Перекопский энтузиазм».

9 января — письмо в литературно-художественный отдел Госиздата.

«Считаю правильным предложить Государственному Издательству заключить со мной постоянный, генеральный договор. В настоящее время ГИЗ является моим основным издателем, но все же отдельные книги распыляются и по другим издательствам вследствие естественной канители с заключением мелких договоров. Этот параллелизм, конечно, отражается и на издательской плановости ГИЗа и на организованности моей работы. Среднее количество моей годовой литературной продукции таково: Том собрания сочинений около 20 листов. Поэма около 3500 стр. Проза около 6 листов. Детские книги и агит-брошюры.

Считаю, что если б ГИЗ заключил со мной общий договор... можно было бы плановым изданием значительно повысить тираж, а мне дать возможность работать вне спешки, не теряя времени на разную договорную волокиту» (См. 1 февраля.)

10 января — выступление с чтением пьесы «Клоп» в Доме печати.

11 января в газете «Комсомольская правда» напечатаны лозунги к комсомольской переключке: «Готовься, целсья!»

11 января — выступление с чтением пьесы «Клоп» в клубе им. Октябрьской революции для комсомольцев.

«Рассматривайте сегодняшний вечер, как первую черновую работу писателя с читателем и давайте свои предложения». Эти слова, сказанные Маяковским в его вступительном слове на вечере читки новой пьесы «Клоп» в клубе КОР, нужно только приветствовать. Случаев совместной черновой работы писателя и читателя известно очень мало. Товарищ Маяковский эту традицию нарушил: прежде чем выпустить в свет новую пьесу «Клоп», он читает ее в больших рабочих аудиториях. Маяковский прав. Он знает, что рабочая аудитория своей критикой может дать художнику много ценных указаний». («Комсомольская правда», 13 января 1929).

12 января — выступление с чтением пьесы «Клоп» в Доме комсомола Красной Пресни.

13 января в журнале «Огонек», № 2, напечатана заметка Маяковского о пьесе «Клоп».

«Мне самому трудно одного себя считать автором комедии. Обработанный и вошедший в комедию материал — это громада обывательских фактов, шедших в мои руки, в голову со всех сторон, во все время газетной и публицистической работы, особенно по «Комсомольской правде»... Газетная работа отстоялась в то, что моя комедия — публицистическая, проблемная, тенденциозная. Проблема — разоблачение сегоднешнего мещанства».

В январе в журнале «Молодая гвардия», № 1, напечатано стихотворение «Письмо тов. Кострову из Парижа о сущности любви».

В журнале «Чудак», № 2, — «Стихи о разнице вкусов».

В журнале «Чудак», № 3, — «Говорят...»

В журнале «Красное студенчество», № 9, — стихотворение «Теоретики».

В журнале «Трезвость и культура», № 1, — стихотворение «Итоги».

В журнале «За рулем», № 1, — стихотворение «Ответ на будущие сплетни».

Вышел том III Собрания сочинений. (Госиздат, стр. 448.)

Вышла детская книжка «Прочти и катай в Париж и Китай». (Госиздат.)

В середине января — поездка на несколько дней в Харьков.

14 января (в 6 час. веч.) — выступление в Харькове в клубе ГПУ с чтением отрывков из пьесы «Клоп».

В тот же день (в 9 час.) — второе выступление в Харькове в Драматическом театре с докладом «Левей Лефа» и чтением стихов.

15 января (в 4 часа дня) — третье выступление в Харькове в Оперном театре для вузовцев.

На 16, 17 и 18 января были назначены выступления Мая-

ковского в Полтаве, Кременчуге и Николаеве, на 20 и 21 — четыре выступления в Харькове. Все они были отменены вследствие болезни горла. Маяковский вернулся в Москву.

20 января в газете «Комсомольская правда», № 17, напечатано стихотворение «Разговор с товарищем Лениным».

23 января — выступление с чтением отрывков пьесы «Клоп» по радио.

26 января заключил договор с театром на «Комедию с самоубийствами». Срок представления—1 сентября 1929 года.

29 января в журнале «Рабис», № 5, напечатана заметка Маяковского о пьесе «Клоп».

«Как мне самому нравится моя пьеса? Она мне будет нравиться, если она не будет нравиться обывателю.

В настоящее время я работаю над двумя пьесами — «Комедия с убийством», темой которой является столкновение лоб в лоб европейской культуры с советской, и комедией «Миллиардеры».

(Обе эти комедии не были написаны. В первой половине 1929 года Маяковский начал работать над пьесой «Баня». Закончил в середине сентября.)

1 февраля заключил с Госиздатом общий договор на издание «всех произведений, как издававшихся, так и неизданных, и тех произведений, которые будут созданы автором в течение срока действия этого договора (в течение 4-х лет). (См. письмо Маяковского от 9 января.)

2 февраля—выступление с чтением пьесы «Клоп» в клубе рабкоров «Правды».

3 февраля в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Урожайный марш» (в связи с походом комсомола за урожай и коллективизацию). В феврале—августе, по видимому через Прессбюро, появилось в ряде провинциальных газет.

В тот же день по радио передавалось стихотворение «Проверь, товарищ, правильность факта—так это или не так это» (в объединенном номере центральной радиогазеты). Это стихотворение было написано по рабкоровским материалам по специальному заданию Радицентра и опубликовано не было.

9 февраля — встречи с делегацией украинских писателей, приехавшей в Москву (в Госиздате и в Доме Герцена).

В феврале в журнале «Чудак», № 5, напечатано стихотворение «Мрачное о юмористах».

В женском журнале, № 2, — стихотворение «Поиски носков».

В журнале «Трезвость и культура», № 3,—стихотворение «Душа общества».

В журнале «Молодая гвардия», № 3 и № 4, напечатана пьеса «Клоп» с иллюстрациями худ. Кукрыниксы.

12 февраля сдал в Госиздат рукописи пьесы «Клоп», сборника «Школьный Маяковский» и сборника «Без доклада не входить».

13 февраля — премьера пьесы «Клоп» в ТИМ.

В январе — первой половине февраля (до отъезда за границу) были написаны стихотворения: «Долой шапки» (к предстоящей годовщине Красной Армии), «Тигр» и «Киса» (по материалам «Комсомольской правды»), «Который из них?», «Что такое?» «Они и мы» и статья для «Журналиста» — «Казалось бы ясно...»

...«Мы требуем литературу, основанную на факте. Мелочность темы — это мелкота собранных фактов. Можно написать основанный на случайном событии памфлет на Чемберлена. Давать углубленную литературу — это не значит заменить Чемберлена космосом. А это значит пододвигать именно на этого Чемберлена большее число именно его касающихся фактов — типизировать, систематизировать, обрабатывать, но с единственным устремлением, если фельетон был щелчком, — углубленная литературная вещь пусть ляжет кулаком на чемберлений цилиндр. Разница газетчика и писателя — это не целевая разница, а только разница словесной обработки». («Казалось бы ясно...»)

14 февраля выехал в Берлин.

20 февраля заключил договор в Берлине с издательством «Малик» на издание на немецком языке пьес и прозы Маяковского.

Двадцатые числа февраля (?) — поездка на несколько дней в Прагу в связи с предполагавшейся постановкой в Чехословакии пьесы «Клоп». Из Праги проехал в Париж.

12 марта, в XII годовщину Февральской революции, — выступление на вечере в Полпредстве в Париже с чтением отрывков из поэмы «Хорошо!»

Последние числа марта — начало апреля (?) — поездка в Ниццу и Монте-Карло.

2 мая вернулся в Москву.

За время отсутствия Маяковского появились в печати стихотворения: «Долой шапки!» («Вечерняя Москва», 22 февраля), «Тигр и Киса» («Комсомольская правда», 1 марта), «Что такое?» («Чудак», № 9), «Который из них?» («Огонек», № 10), «Они и мы» («Молодая гвардия», № 6), отрывок из пьесы «Клоп» — «Свадьба Присыпкина» («Вечерняя Москва», 16 февраля) и статья «Казалось бы ясно...» (в «Журналисте», № 4).

Вышел в свет том IV Собрания сочинений. (Госиздат, стр. 328.)

4 мая — выступление на обсуждении пьесы И. Сельвинского «Командарм 2» (в связи с ее постановкой).

16 мая выступление перед спектаклем «Клоп» в ТИМ в день закрытия сезона.

19 мая, в «Книжкин день», организованный Госиздатом, Маяковский выступал в Центральной детской библиотеке. Затем пошел с детским карнавалом в сад им. Мандельштама на Плющихе.

31 мая в журнале «Огонек», № 21, напечатано стихотворение «Монте-Карло».

В мае в журнале «Крокодил», № 18, напечатано стихотворение «Кандидат из партии».

2 июня в газете «Рабочая Москва» напечатано стихотворение «Вонзай самокритику».

9 июня, в «День книги», — выступление в Октябрьских красноармейских лагерях 1-го стрелкового полка.

В тот же день принял участие в книжном базаре, организованном Госиздатом на Тверском бульваре.

«Большая толпа у киоска, где торгует В. В. Маяковский. Толпа, узнавшая популярного поэта, растет и угрожает остановить всякое движение по аллее базара. Здесь — атмосфера шуток, каламбуров, взаимные острот. Зычным голосом Маяковский рекомендует: Диккенса, Маяковского, Бальзака, Пастернака, Асеева! На автографы Маяковского образуется целая очередь, которая прекращается только тогда, когда в киоске не остается ни одной дешевой книжки Маяковского: его многоотное и дорогое собрание сочинений явно не по карману массовому читателю». («Вечерняя Москва», 10 июня 1929.)

10 июня — письмо заведующему Госиздатом.

«Прошу вас обратить внимание и оказать срочное и решительное содействие в следующем: 1) Издание 2-х массовых книг для дешевой библиотеки «Избранный Маяковский» и «Как писать стихи», второе дополненное издание. Выступления последних недель и продажа книг на Книжном базаре еще раз убедили меня в спросе на такие отсутствующие книги. 2) Продвинуть наконец широкое оповещение об издании моего Собрания сочинений, что не сделано, несмотря на двухлетние мои указания и Ваше личное распоряжение Торгсектору 10 февраля с. г. (Необходима публикация в газетах, бюллетенях, журналах, издание проспекта и т. д.). 3) Содействие немедленному заключению договора на издание альманахов «РЕФ» (Революционный фронт искусства)».

Группа Реф во главе с Маяковским образовалась в мае — начале июня из товарищей, отколовшихся от Лефа. Организационно оформилась и вошла в Федерацию писателей в сентябре (см. 14 сентября и дальше).

В наброске предисловия к альманаху (написано было во второй половине года) Маяковский писал: «Мы были ЛЕФ, мы стали РЕФ. Мы объявляем себя новым объединением, новым отрядом на фронте культуры».

Достаточна ли перемена Л на Р, чтоб говорить о новизне? Да, достаточно... Под внешним различием букв и полное различие корней Л — это Левый фронт искусств, объединявший различнейших работников культуры по формальному признаку левизны, предполагавшей, что левизна совпадает с революционностью. Эта точка зрения правильна в разрушительный период, когда главным было отталкивание от старья...

Победа Советского Союза, первые километры реконструктивного периода поставили перед нами вопрос созидания, вопрос оформленного

участия в строительстве, в социалистическом соревновании, в пятилетке. Сейчас мало голый левизны. Левизна, изобретательность для нас обязательна, но из всей левизны мы берем только ту, которая революционна, ту, которая активно помогает социалистическому строительству, ту, которая крепит пролетарскую диктатуру...»

10 июня — выступление на II съезде Союза воинствующих безбожников.

«Федерация советских писателей поручила мне приветствовать Второй съезд безбожников. ...я с некоторой неловкостью принял это предложение и охотно бы от него отказался, так как считаю его немножко вегетарианским. Если бы они дали мне 10—15 антирелигиозных романов, то я пришел бы сюда, выложил бы на стол и сказал: вот вам наши приветствия. К сожалению, товарищи, наша антирелигиозная литература еще слаба...»

После приветствия Маяковский прочитал съезду стихотворение «6 монахинь».

17 июня — письмо литературно-художественного отдела Госиздата Маяковскому о согласии издать два альманаха «РЕФ'а» по 10—12 листов.

23 июня по радио передавалось стихотворение «Два соревнования» (в «Рабочей радиогазете»).

27 июня — выступление по радио с чтением стихотворения «На Западе все спокойно» (в «Рабочей радиогазете»).

30 июня в журнале «Огонек», № 25, напечатано стихотворение «Заграничная штучка».

В тот же день по радио передавалось стихотворение «Парижанка» (в «Рабочей радиогазете»).

В последних числах июня написано восемь лозунгов для плакатов по безопасности труда (по заданию Центрального музея охраны труда и социального страхования).

2 июля в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «На западе все спокойно».

В первой половине июля было написано стихотворение «Нота Китаю» в связи с нотой протеста советского правительства против разбойничьего налета на КВЖД (очевидно, тогда же было сдано в редакцию «Огонька», но напечатано после смерти Маяковского — № 12, 1930).

В июле написаны «Стихи о советском паспорте». (Сданы были в журнал «Огонек», напечатаны в «Огоньке» после смерти Маяковского в апреле 1930 г.)

В «Женском журнале», № 7, напечатано стихотворение «Красавицы» (Раздумье на открытии Grande Opéra).

В журнале «Молодая гвардия», № 14, — стихотворение «Долой!» с посвящением «Западным братьям».

Вышел сборник «Слоны в комсомоле». («Молодая гвардия», стр. 96.)

Около 15 июля выехал в Сочи.

Перед отъездом Маяковский сделал для Радиоцентра не-

сколько лозунгов, которые передавались в «Рабочей радиогазете»: 17 июля — «Не опаздывай ни на минуту!..», 22 июля — «Поднять квалификацию требует пятилетка...», 17 августа — «Больше дела! Меньше фраз!..»

21 июля — выступление в Сочи в доме отдыха Союза просвещенцев.

22 июля — второе выступление в Сочи в открытом кино-театре.

Афиша. «I. Разговор-доклад. Тема: ЛЕФ и РЕФ. II. Новое и старое (Стихи и вещи). Я земной шар... Поиски носков. «Клоп» (I часть). Нетте. Есенин. Письмо Горькому. Разная заграничность».

22 июля в «Литературной газете» напечатан «Ответ В. Баяну» (ответ на «Открытое письмо» Баяна).

24 июля — выступление в Хосте в клубе сельсовета — «Новое и старое».

26 июля — выступление в Гаграх в летнем кино — «Новое и старое».

27 июля — третье выступление в Сочи в санатории «Светлана».

28 июля (в 5 час. веч.) — четвертое выступление в Сочи в клубе ГПУ (для пограничников).

«Тяжелой поступью выходит Маяковский на середину и, улыбаясь, ждет, когда гул приветствий уляжется. После короткой вступительной речи о революционной поэзии Маяковский, как топором, стал рубить слова боевого «Левого марша». В его читке марш приобретал большую силу, большим энтузиазмом охватывал бойцов. Голос у Маяковского необычайно четок, и все, что он читал, легко воспринималось бойцами. Читал он отрывки из поэмы «Хорошо!», «Разговор с маршалом Понятовским» и ряд других стихов. Наиболее запечатлевшиеся стихи — «Левый марш» и отрывки из «Хорошо!». Бойцы остались довольны боевым содержанием стихов. «Слова-то у него действуют не хуже пуль... Любого врага скорчит от его разрывного слова», поговаривали бойцы. Прощаясь, тов. Маяковский дал обещание приехать еще раз, чтобы почитать и побеседовать побольше... («За мир и труд», Новочеркасск, 4 августа 1929.)

В тот же день (в 9 час. веч.) — выступление в Мацесте в санатории № 7.

1—2 августа выехал из Сочи в Ялту.

6 августа — выступление в Мисхоре в курзале — «Новое и старое».

8 августа — выступление в Симеизе в курзале — «Новое и старое».

9 августа — выступление в Ялте в курзале — «Новое и старое».

10 августа — выступление в Алушке в курзале — «Новое и старое».

11 августа — выступление в Гурзуфе в клубе Военно-курортной станции — «Новое и старое».

12 августа — выступление в Ливадийском дворце.

13 августа — выступление на пароходе «Ленин» для команды по дороге из Севастополя в Евпаторию.

16 августа — выступление в Евпатории в курзале — «Новое и старое».

17 августа (в 6 час. веч.) — второе выступление в Евпатории в санатории «Таласса».

В тот же день (в 8 час. веч.) — третье выступление в Евпатории в санатории им. Сталина.

18 августа — выступление в Саки в курзале — «Новое и старое».

22 августа вернулся в Москву.

Получил письмо ВОКС (от 31.VII) с просьбой прислать «Войну и мир», «Мистерию-буфф», «150 000 000» и «Хорошо!» для французского издательства «Ле Ревю», для перевода и издания на французском языке.

24 августа ездил в лагери пионерского слета на Ходынском поле.

25 августа в газете «Пионерская правда» напечатано стихотворение «Песня-молния» под заглавием «Вперед».

25 августа — выступление на закрытии Всесоюзного пионерского слета на стадионе «Динамо» с чтением стихотворения «Песня-молния».

31 августа по радио передавалось стихотворение «Долой!» (в «Рабочей радиогазете»).

В августе вышла отдельным изданием пьеса «Клоп». (Госиздат.)

2 сентября в «Литературной газете» напечатано заметка «Наше отношение», подписанная «От РЕФа — В. Маяковский».

7 сентября участвовал в заседании Исполбюро Федерации писателей.

8 сентября — выступление по радио с чтением стихотворения «Голосуем за непрерывку» (в «Рабочей радиогазете»).

В тот же день — выступление в Рабочем клубе Рогожско-Симоновского района.

12 сентября — выступление по радио с чтением стихотворения «Изобретательская семидневка» (в «Рабочей радиогазете»).

13 сентября — выступление по радио с чтением стихотворения «Американцы удивляются».

14 сентября — первое организационное собрание группы Реф под председательством Маяковского. Обсуждались вопросы о содержании первого альманаха (Маяковский собирался дать в альманах пьесу «Баня»), о программном вечере в Политехническом музее.

15 сентября в «Рабочей газете» напечатано стихотворение «Два опиума».

В тот же день — выступление по радио с чтением этого стихотворения (в «Рабочей радиогазете»).

В середине сентября закончена «Баня» — «драма в шести действиях с цирком и фейерверком».

19 сентября участвовал в заседании секретариата Федерации писателей.

Информировал Федерацию об образовании новой группы Реф, о делегации Рефа в Совет Федерации и исполнительные органы (Маяковский, Асеев, Брик, Катанян, Незнамов). Постановлено — принять к сведению.) § 9 — Маяковский вошел в число представителей Федерации в ВОКС. § 24 — обсуждалось предложение Маяковского об оказании помощи больному писателю Б. И. Арватову.

21 сентября в газете «Комсомольская правда» напечатан «Марш времени» из 6-го действия пьесы «Баня».

21 сентября — выступление в клубе фабрики «Красная Роза».

22 сентября в журнале «Огонек», № 37, напечатано стихотворение «Голосую за непрерывку».

В тот же день в газете «Комсомольская правда» — стихотворение «Надо бороться».

22 сентября — первое чтение пьесы «Баня» друзьям.

23 сентября — выступление на пленуме правления РАПП (на утреннем заседании).

«...О срабатывании. Для нас вопрос стоит не так остро. Почему? Потому что мы, Реф, никогда себя не считали попутчиками, мы начали строить пролетарскую литературу в первые дни Октябрьской революции, если не февральской... Вопрос о срабатывании с РАПП... Мы принимаем РАПП, поскольку он является четким проводником партийной и советской линии, поскольку он должен являться таким. Вот что мы берем в РАПП и к чему присоединяемся...»

В тот же день — выступление с чтением пьесы «Баня» на заседании Художественно-политического совета ТИМ.

26 сентября выступление на пленуме правления РАПП в прениях по докладу о поэзии.

«...в вопросе об отношении к поэтам надо отойти от персональной оценки и раздачи медалей, а более глубоко обследовать современного писателя... В вопросах литературной политики нам ближе с поэтами комсомольцами, чем с напыщенными корифеями-конструктивистами или им подобными группочками и школками».

27 сентября в «Рабочей газете» напечатано стихотворение «Смена убеждений».

27 сентября — второе чтение «Бани» на квартире друзьям.

28 сентября в «Рабочей газете» напечатано стихотворение «Пример, недостойный подражания».

В сентябре вышел сборник «Школьный Маяковский». (Госиздат, стр. 104.)

Вышла детская книжка «Кем быть?» (Госиздат).

Не позже сентября — начала октября написаны стихотворения: «В 12 часов по ночам», «Птичка божия» и «Помните». Место первоначального напечатания их не установлено, но они вошли в сборник «Туда и обратно», вышедший в декабре. Очевидно, около этого времени было написано и стихотворение «Застрельщики» (в связи с окончанием первого года пятилетки).

1 октября в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Первый из пяти» (в связи с окончанием хозяйственного года — первого года пятилетки).

2 октября — письмо в Госиздат, подписанное от имени Рефа Маяковским.

«Ввиду необходимости разрешения сложных теоретических вопросов, связанных с выходом нового журнала, заявляем, что сборник «Реф» будет сдан в готовом виде не позднее 1 декабря с. г. и до этого срока просим отсрочить выполнение договора».

8 октября — выступление и председательствование в Политехническом музее на вечере «Открывается Реф».

Афиша: «Темы: Что такое Реф? Что такое классик? Что такое поэт? Что такое газетчик? Что такое делается? Что такое факт? Что такое бизнес? Что такое субъективный объектив? Декларации, лозунги, установки на 1930 год. Демонстрации словесные и диапозитивные. Разговор с аудиторией. Записки. Прения».

В объяснительной записке к афише (24 сентября, для Главлита) Маяковский писал: «В своем вступительном слове я объясняю причины, заставившие Леф почистить свои ряды, внести изменения в программу и принять название Реф, т. е. Революционный фронт искусств. Основная причина — это борьба с аполитизмом и сознательная ставка на установку искусства как агитпропа социалистического строительства. Отсюда отрицание голого факта и требование в искусстве тенденциозности и направленности. В исполнительской части будут мною читаться последние опубликованные произведения».

В отчете об этом вечере (составленном для «Литературной газеты» автором этой книги и одобренным Маяковским) содержание речи Маяковского было изложено так:

«Год тому назад мы здесь распускали Леф. Сегодня мы открываем Реф. Что изменилось в литературной обстановке за год и с чем теперь выступают на литературном фронте рефовцы? Прежде всего мы должны заявить, что мы несколько не отказываемся от всей нашей прошлой работы и как футуристов, и как комфутов, и, наконец, как лефовцев. И сегодняшняя наша позиция целиком вытекает из всей нашей прошлой работы. Все споры наши и с врагами и с друзьями о том, что важнее: «как делать» или «что делать», мы покрываем теперь основным нашим литературным лозунгом «для чего делать», т. е. мы устанавливаем примат цели и над содержанием и над формой. Рассматривая искусство как орудие классовой борьбы, мы должны в своей литературной работе прежде всего, ясно представлять себе общую нашу цель и конкретно стоящие перед нами боевые задачи строительства социализма. С этой точки зрения, мы в первую голову и будем подходить ко всякой литературной работе сегодня».

Мы заявляем: «Только те литературные средства хороши, которые ведут к цели. Такая установка нашей программы не снимает старого нашего требования новой формы для нового содержания. И если одним

своим острием она направлена против рыцарей «формы для формы», бесчисленных эстетизаторов и канонизаторов формы, то другим своим острием она бьет тех, которые пытаются втиснуть пятилетку в соцвет, пытаются воспеть социалистическое соревнование крымско-платогорными ямбами. В целом эта установка не оставляет ни сантиметра места писателю, желающему именовать себя революционным, для какой бы то ни было аполитичности.

Спор об участии писателя в революционной борьбе не нов. В качестве примера Маяковский приводит известную стихотворную полемику между Фрейлигратом и Гервегом в 40-х годах. Фрейлиграт в стихах по поводу расстрела испанского фоялиста писал:

Так чувствую. Вам по душе иное.
 Что до того поэту? Знает он:
 Грешат равно и в Трое и вне Трои
 С седых Приамовых времен.
 Он в Бонапарте чтит владыку рока,
 Он д'Энгиена палачей клеймит:
 Поэт на башне более высокой,
 Чем стража партии, стоит.

На эту апологию аполитичности Гервег ответил в «Рейнской газете», редактором которой был Маркс, следующими строками:

Примкните же к какому-нибудь стану.
 Позор вкушать заоблачный покой,
 Стих, как и меч, врагу наносит рану,
 Разите ж им, вступив в великий бой!
 Должна быть верность избранному стягу,
 Пусть вашим будет этот или тот!
 Я своему принес навеки присягу,
 И мне венок пусть партия сплетет.

— Литературная обстановка сегодняшнего дня, — заканчивает свое выступление Маяковский, — утверждает нашу всегдашнюю борьбу против аполитичности, как далеко не второстепенный пункт нашей программы. А вся она звучит как настойчивое требование, обращенное к искусству, стать в ногу с социалистическим строительством, выйти на передовые позиции классовой борьбы!» («Литературная газета», 14 октября 1929.)

Первые числа октября — переговоры с Московским Художественным театром. Предложение написать пьесу для постановки на сцене МХТ.

11 октября по радио передавались «Стихи о Фоме» (в «Рабочей радиогазете»).

11 октября выехал в Ленинград.

12 октября — выступление в Ленинграде в зале Академической капеллы.

Афиша «Что делать?» Разговор-доклад. Темы: Чистка литературы. Классы и классики. Это еще не факт. Кто куда? От Лефа к Рефу. Последние споры. В чем дело? Словесные иллюстрации: «Баня», «Клоп», «5 лет» и др. — Ответ на записки».

13 октября (утром) — второе выступление в Ленинграде в Московско-Нарвском Доме культуры — «Что делать?»

В тот же день (вечером) — третье выступление в Ленинграде в Политехническом институте.

16 октября — четвертое выступление в Ленинграде в Технологическом институте.

17 октября — пятое выступление в Ленинграде в Доме просвещения.

18 октября (в 6 час. веч.) — шестое выступление в Ленинграде в Технологическом институте.

В тот же день (в 9 час. веч.) — седьмое выступление в Ленинграде в Военно-политической академии.

19 октября (в 7 час. веч.) — восьмое выступление в Ленинграде в Институте инженеров путей сообщения.

В тот же день (в 9 час. веч.) — девятое выступление в Ленинграде в Педагогическом институте имени Герцена.

20 октября (в 5 час. веч.) — десятое выступление в Ленинграде в Университете.

В тот же день (в 8 час. веч.) — одиннадцатое выступление в Ленинграде в Доме печати.

21 октября вернулся в Москву.

22 октября — выступление в клубе ОГПУ.

23 октября на собрании группы Реф решено организовать выставку работ Маяковского (в связи с двадцатилетием литературной деятельности).

В дальнейшем всю организационную работу по устройству выставки Маяковский провел сам. Выставку предполагалось открыть сначала в конце декабря. Потом открытие было перенесено на 1 февраля 1930 года.

25 октября — выступление в Политехническом музее.

«Вчера в Политехническом музее состоялся доклад Владимира Маяковского под общим заглавием «Что делать?». Маяковский разобрал наиболее крупные и злободневные события в литературе за последнее время. Новая пьеса «Баня», обращенная против бюрократизма, по своему содержанию и литературному оформлению далеко превосходит «Клопа». («Комсомольская правда», 26 октября 1929.)

27 октября в журнале «Радиослушатель», № 43, напечатана заметка Маяковского о «Бане» и отрывок из I действия.

В тот же день в журнале «Огонек», № 42, напечатано стихотворение «Мы».

27 октября — выступление с чтением пьесы «Баня» в Доме печати.

«Зал Дома печати переполнен. Поэт Маяковский читает новую пьесу «Баня». Слушать пьесу пришли вузовцы, журналисты, писатели и поэты.. Читал прекрасно. Несмотря на позднее время, шесть действий прослушали с огромным интересом. Острая сатира то и дело вызывала дружный хохот и шумные аплодисменты. Закончив чтение, Маяковский объявил, что желает «разговаривать» и просит товарищей выступить в прениях...» (Красноармеец, Самара, 30 ноября 1929.)

29 октября — выступление с чтением пьесы «Баня» по радио.

30 октября — выступление с чтением пьесы «Баня» в клубе 1-й образцовой типографии на вечере, организованном редакцией журнала «Даешь».

«Прежде всего должен сказать, что я никогда не считаю какую-нибудь вещь законченной, сделанной, что я, мол, «памятник себе воздвиг нерукотворный». Я твердо верю в творческие силы рабочего класса и прихожу к нему за помощью, чтобы этот нерукотворный памятник сделать рукотворным. Я всякие замечания принимаю к сведению и стараюсь ими воспользоваться.. Для меня идеалов нет. Только после смерти вы будете говорить, какой замечательный поэт умер. Я хочу, чтоб я шаг за шагом вперед шел... То, что «Баню» вы считаете лучше «Клопа» показывает, что я «Клопом» несколько поднял ваш вкус к драматическим вещам».

В октябре в журнале «Изобретатель», № 10, напечатаны стихотворения «Изобретательская семидневка» и «Анчар».

В журнале «Даешь», № 11,— стихотворение «Даешь!»

В журнале «Крокодил», № 39,— «Стихи о Фоме».

4 ноября в «Литературной газете», № 29, напечатана заметка о «Бане» (вместо интервью): «Некоторые спрашивают...»

7 ноября в газете «Труд» напечатано стихотворение «Октябрьский марш».

7 ноября — выступление по радио с чтением отрывков из поэмы «Хорошо!»

В тот же день по радио передавалось стихотворение «Октябрьский марш» (в «Рабочей радиогазете»).

9 ноября — выступление с чтением пьесы «Баня» в клубе «Красный луч» МОГЭСа.

22 ноября в «Рабочей газете» напечатаны «Лозунги по КИМу» (в связи с пленумом Исполкома КИМ).

24 ноября выехал в Ленинград.

25 ноября — премьера пьесы «Клоп» в Ленинграде в филиале Большого драматического театра. (Маяковский ушел со спектакля, не досмотрев — рассердился на отсебятину.)

28 ноября вернулся в Москву.

30 ноября в журнале «Огонек», № 4, напечатаны отрывок из 6 действия пьесы «Баня» и заметка «Что такое «Баня»? Кого она моет?»

«Баня» — вещь публицистическая, поэтому в ней не так называемые «живые люди», а оживленные тенденции. Сделать агитацию, пропаганду, тенденцию живой — в этом трудность и смысл сегодняшнего театра... Театр забыл, что он зрелище. Мы не знаем, как это зрелище использовать для нашей агитации. Попытка вернуть театру зрелищность, попытка сделать подмостки трибуной — в этом суть моей театральной работы».

В ноябре в журнале «Октябрь», № 11, напечатано четыре действия пьесы «Баня» и написанное Маяковским изложение содержания двух остальных (II и III).

В журнале «Чудак», № 46,— стихотворение «Рассказ о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка».

В журнале «Даешь», № 12,— отрывок из пьесы «Баня» с предисловием Маяковского «В чем дело?»

2 декабря по радио передавалось стихотворение «Особое мнение» (в «Рабочей радиогазете»).

4 декабря— выступление с чтением «Бани» в клубе «Пролетарий» заводов Парострой, Русскабель, Химический I, Котлоаппарат на вечере, организованном редакцией журнала «Даешь».

«Меня страшно растрогало собрание, потому что оно очень внимательно и хорошо подошло к моей вещи. В прошлом собрании я был в более квалифицированной аудитории по своему профессиональному составу — печатников; они постоянно имеют дело с книгами, и мне казалось, что сегодня я, может быть, попал в среду, которая меня оттолкнет... Слово за словом, фраза за фразой, товарищи дали ценные указания и по-настоящему подходили к вещи. Мне остается только сказать, что я юбодрен вашим к себе вниманием. Я вижу, что я дохожу действительно до самого рядового слушателя и читателя».

9 декабря сдал в Госиздат пьесу «Баня» (для отдельного издания).

14 декабря в газете «Вечерняя Москва» напечатано стихотворение «Я счастлив!»

16 декабря сдал в Госиздат том VIII Собрания сочинений и сборник «Грозный смех» (Окна сатиры Роста) с предисловием «Прошу слова».

«Это не только стихи. Эти иллюстрации не для графических украшений. Это — протокольная запись труднейшего трехлетия революционной борьбы, переданная пятнами красок и звоном лозунгов. Это — моя часть огромнейшей агитработы окон сатиры Роста.

Пусть вспоминают лирики стишки, под которые влюблялись. Мы рады вспомнить и строки, под которые Деникин бежал от Орла. Любителям высокотарифных описаний задним числом романтики гражданской войны в стиле «конструктивист» не плохо поучиться на действительном материале боевых лет, на действительной словесной работе этого времени».

20 декабря — чтение и обсуждение пьесы «Баня» в Главреперткоме.

25 декабря в газете «Комсомольская правда» перепечатаны «Рифмованные лозунги» (см. 1927).

26 декабря — выступление в Радиотеатре на антирелигиозном вечере «Быт и религия».

27 декабря в газете «Правда» напечатано стихотворение «Вопль тела» под заглавием «Даешь материальную базу».

27 декабря — письмо в Госиздат.

«Очень просим отсрочить сдачу сборника «Реф» до 20-го января. Лично обязуюсь сдать весь сборник не позднее указанного срока».

28 декабря в газете «Вечерняя Москва» напечатано стихотворение «Пролетарка, пролетарий! Заходите в планетарий».

28 декабря — выступление с чтением отрывков из «Бани» в клубе завода «Икар».

29 декабря был с делегацией писателей в Совнарком РСФСР. От имени Федерации сделал доклад об общем положении советского писательства в РСФСР.

30 декабря друзья справляли двадцатилетие литературной работы Маяковского.

В декабре в журнале «Крокодил», № 46, напечатано стихотворение «Особое мнение».

В «Женском журнале», № 12, — стихотворение «Парижанка».

В журнале «Даешь», № 13, — стихотворение «На что жалуетесь?»

В журнале «Даешь», № 14, — стихотворение «Стих как бы шофера».

В журнале «Рабис», № 49, — отрывок из I действия пьесы «Баня».

Вышел сборник «Туда и обратно». (Изд. «Федерация», стр. 94.)

В течение года были написаны стихотворения: «Последний крик», «Не увлекайтесь нами». Место их первоначального печатания не установлено. «Последний крик» — было включено Маяковским в сборник «Без доклада не входить». «Не увлекайтесь нами» вошло в X (посмертный) том Собрания сочинений.

В течение года (повидимому, во второй половине) Маяковский написал еще несколько десятков лозунгов для плакатов — 33 для санитарных плакатов (Госмедиздат), 25 по трудовой дисциплине (изд. «Вопросы труда», Гострудиздат), 5 — для журнала «Даешь» (№ 12 и 13).

Плакаты с этими лозунгами (кроме последних пяти) вышли в 1929—1930 годах.

1930

Последняя крупная вещь, над которой Маяковский работал последние месяцы жизни, — была поэма о пятилетке. В январе 1930 года он написал первое вступление в поэму, которое напечатал отдельно под заглавием «Во весь голос». Тема этого вступления возникла в связи с готовившейся тогда Маяковским выставкой «20 лет работы» (... Последняя из написанных мной вещей — о выставке, так как это целиком определяет то, что я делаю и для чего работаю» — выступление 25 марта 1930.)

Одновременно с «Во весь голос» и в последние два месяца жизни Маяковский работал над вторым вступлением в поэму. Оно должно было быть — как Маяковский говорил об этом близким — лирическое. Несколько отрывков из этого второго

вступления сохранились в записных книжках Маяковского и напечатаны в его Полном собрании сочинений в разделе «Неоконченное». О замысле всей поэмы — ничего неизвестно.

В январе—феврале — первой половине марта работал над текстом «Бани» в процессе ее постановки.

В течение всего января работал над организацией своей выставки «20 лет работы».

В начале января Исполбюро Федерации писателей выбрало Маяковского представителем в Правительственную комиссию по рассмотрению писательских нужд.

В январе в журнале «Огонек», № 1, напечатано несколько текстов «Окон сатиры Роста» под заглавием «Стиховые лозунги и лозунговые стихи» и статья «Прошу слова».

В журнале «Крокодил», № 1,— стихотворение «Любители затруднений».

В журнале «Чудак», № 1,— «Стихотворение Одежно-молодежное».

В журнале «Чудак», № 2,— стихотворение «Тревога».

В журнале «Чудак», № 3,— стихотворение «Старое и новое».

4 января в газете «Электростанция» напечатано стихотворение «Марш ударных бригад» (написано в связи с первым всесоюзным съездом ударных бригад — декабрь 1929).

«Электростанционеры в январе этого года решили начать рационализаторский поход десятидневником борьбы с потерями. Целый ряд толстых журналов на просьбу завода помочь художественно оформить десятидневник ответил молчаньем. Но достаточно было одного звонка к Маяковскому, чтобы получить ответ: «С удовольствием приду на помощь заводу. Не смотрите на мой отдых или сон, тяните с постели». Первая в СССР кампания борьбы с потерями прошла под лозунгами, данными Маяковским: «Болтливый — растратчик рабочих часов, в рабочее время язык на засов», «Богомольных прогульщиков с Электростанции вон, не меняй гудок на колокольный звон». («Правда», 16 апреля 1930.) (Маяковский дал электростанционцам несколько лозунгов из числа сделанных для изд-ва «Вопросы труда» и четыре новых.)

8 января — выступление на диспуте в Политехническом музее «Нужна ли нам сатира?»

«В. Маяковский уместно вспомнил вчера, как один из Блюмов¹ долго не хотел печатать в «Известиях» его известного сатирического стихотворения о «прозаседавшихся». Стихотворение в конце концов было напечатано. И что же? На него обратил внимание Ленин и, выступая на съезде металлистов, сочувственно цитировал его отдельные строчки. Ленин смотрел на возможность сатиры в советских условиях иначе, чем Блюм. — Но, — добавил Маяковский, — во всех отраслях работы имеются рабочие-выдвиженцы и их совершенно нет в области сатиры. Ближайшая задача — вовлечь в сатирические журналы новых писателей из среды рабочей общественности. Эта точка зрения Маяковского встре-

¹ В. Блюм — докладчик на этом диспуте, считавший, что сатира «нам не нужна».

тила сочувствие в речах других участников диспута». («Вечерняя Москва», 9 января 1930.)

В тот же день выехал в Ленинград.

9 января — выступление в Колпине (под Ленинградом) в клубе Ижорского завода.

«Я выступал на Колпинском заводе, за 30 верст от Ленинграда... И вот в зале, который больше зала Московского комитета, собираются 800—900 колпинских рабочих, которые вооружены по последнему слову литературной техники и литературных знаний. Они задают такие вопросы после чтения писателя и поэта, какие, я предполагаю, в любой культурной аудитории любой Европы могут быть заданы... Я разговаривал с трамвцем, 19-летним парнишкой. Он мне рассказывал схему своей драмы, перед которой я развесил уши. Я 20 лет пишу и занимаюсь театральной работой, я—драмщик и человек, знающий это дело, и развесил уши. До того мне понравилось...» (Выступление на собрании читателей «Комсомольской правды» 21 февраля 1930 г.).

11 января вернулся в Москву.

13 января в «Литературной газете» в отделе объявлений напечатано рекламное стихотворение «Исцеление угрюмых» (о подписке на журнал «Чудак»).

15—16—17 января — участие в заседаниях пленума Рефа в клубе писателей. 16 января Маяковский выступил на пленуме с докладом о театре.

«...Мы упираем на политическую борьбу, но только комбинация правильно поставленных политических задач с верным литературным методом может создать настоящую рефовскую вещь... Если определить, что такое Реф по своей структуре, то это вуз с практическим уклоном. Мы — люди, которые должны обязательно учиться защитить ту или иную диссертацию и определить себя на работе. Не учащийся рефовец, не меняющий себя, не овладевающий новыми возможностями — вообще не существует, и для меня единственный способ работы в Рефе — это защищать тот или иной свой метод, тот или иной способ внедрения наших методов на театральном и литературном фронте... Все отдельные взгляды наши на те или иные отдельные мероприятия в области театра и других дисциплин складываются из двух основных моментов: участия рефовца в социалистическом строительстве и из желания делать революционным методом революцию культуры».

15 января — письмо Московского Совета общества «Друг детей» с просьбой войти в число членов Общественного комитета по проведению всероссийской кампании «Долой битье и наказание детей в семье».

В середине января написаны эпиграммы на Безыменского, Сельвинского, Адуева, Уткина, Гандурина.

Центральное управление госцирков предложило Маяковскому написать текст для циркового представления на тему «1905 год».

Эта вещь, которая получила потом название «Москва горит», написана была в течение января—первой половины февраля.

21 января в газете «Комсомольская правда» напечатано стихотворение «Ленинцы».

21 января — выступление в Большом театре на траурном вечере памяти В. И. Ленина в присутствии членов Политбюро и товарища Сталина с чтением третьей части поэмы «Владимир Ильич Ленин».

В двадцатых числах января в журнале «Швейник», № 2, напечатано стихотворение «Во весь медногорлый гудочный клич...» (к шестой годовщине со дня смерти В. И. Ленина).

23 января выехал в Ленинград (в связи с постановкой «Бани» в театре Народного дома).

26 января вернулся в Москву.

В двадцатых числах января вышел том VI Собрания сочинений. (Госиздат, стр. 255.)

В последних числах января написано предисловие (от имени Рефа) к гектографированному каталогу выставки «20 лет работы».

«Работа поэта революции не исчерпывается книгой. Митинговая речь, фронтовая частушка, агитка-однодневка, живой радиоголос и лозунг, мелькающий по трамвайным бокам, — равные, а иногда и ценнейшие образцы поэзии... Сегодняшняя выставка должна расширить взгляд на труд поэта — каждого начинающего работать над словом. Газета, плакат, лозунг, диспут, реклама, высокомерно отстраняемые чистыми лириками, эстетамы, выставлены как важнейший род литературного оружия... Подробным подбором материалов и подведением полных итогов работы займется лаборатория и арсенал Маяковского».

30 января — премьера «Бани» в театре Народного дома в Ленинграде.

В связи с этой постановкой в печати появился ряд резко-отрицательных рецензий о «Бане» — 31 января в веч. вып. «Красной газеты» (Е. Кузнецова), 2 февраля в утр. вып. «Красной газеты» (Н. Верховского), 3 февраля в «Ленинградской правде» (Аристова-Литвака), 5 февраля в газете «Смена», Л. (Мих. П.), 5 февраля в журнале «Рабочий и театр», Л. (С. Дрейдена).

1 февраля — открытие выставки «20 лет работы» в клубе писателей. Выступление на открытии с чтением «Во весь голос».

3 февраля был на открытии клуба Федерации писателей.

5 февраля — выступление на открытии конференции МАПП в клубе писателей.

«Маяковский заявил (правда, пока только от своего имени, а не от имени всего Рефа), что он не рассматривает Реф, как организацию, отличную от организации пролетарских писателей, и видит в нем лишь школу для изучения технологии писательства». («Вечерняя Москва», 6 февраля 1930.)

6 февраля — выступление на конференции МАПП с заявлением о вступлении в РАПП:

«В осуществление лозунга объединения всех сил пролетарской литературы, прошу меня принять в РАПП.

1) Никаких разногласий по основной литературно-политической линии партии, проводимой ВОАПП, у меня нет и не было.

2) Художественно-методологические разногласия могут быть разрешены с пользой для дела пролетарской литературы в пределах ассоциации.

Считаю, что все активные рефовцы должны сделать такой же вывод, продиктованный всей нашей предыдущей работой». (Заявление, датированное 3 февраля 1930.)

После этого Маяковский прочел конференции «Во весь голос».

Постановлением конференции Маяковский был единогласно принят в МАПП.

«Я.. вхожу в РАПП, как в место, которое дает возможность переключить зарядку на работу в организации массового порядка». (Выступление на конференции МАПП 8 февраля 1930 г.) «То, что я вошел в РАПП, в организацию пролетарских писателей, показывает серьезное и настойчивое мое желание перейти во многом на массовую работу». (Выступление в Доме комсомола 25 марта 1930 г.)

7 февраля присутствовал на заседаниях конференции МАПП.

8 февраля — выступление на конференции МАПП в прениях по докладу о поэзии.

«..мы можем одному поэту простить те или иные его промахи, а у другого поэта, несмотря на поэтическую нагрузку и оснащенность его вещей, те или иные поэтические приемы, весьма действующие на наши чувства, считать неправильными, неверными. Вот почему я с острой внимательностью подхожу к произведению того или иного пролетарского писателя: нужно находить те черты, которые отличают его произведение, как пролетарское, от остальных, и, наоборот, снимать ту шелуху, которая явилась только кудреватым наследием прошлой поэзии и литературы».

10 февраля в журнале «Огонек» № 4, напечатано стихотворение «Марш двадцати пяти тысяч».

В феврале в журнале «Клубный репертуар», № 2, — стихотворение «Марш двадцати пяти тысяч».

В журнале «На литературном посту», № 3, — отрывок из «Во весь голос».

В журнале «Октябрь», № 2, — полностью «Во весь голос». (Первое вступление в поэму.)

В журнале «Советский театр», № 2, — III действие пьесы «Баня» и заметка Маяковского «Удивительно интересно».

Написано для «Комсомольской правды» стихотворение «Подводный комсомолец» в связи с сбором средств на постройку подводной лодки. (Напечатано после смерти Маяковского — 25 мая 1930.)

15 февраля присутствовал в Совнаркоме РСФСР на заседании «Комиссии по рассмотрению писательских нужд». (Обсуждался вопрос о взаимоотношениях писателей с издательствами.)

15 февраля — выступление на закрытии выставки «20 лет работы».

Собравшиеся постановили продолжить выставку на одну неделю,

выпустить дешевое издание Маяковского, просить о присвоении Маяковскому звания заслуженного поэта Республики.

20 февраля — выступление с чтением «Москва горит» на заседании художественно-политического совета Центрального управления госцирков.

Постановили: «Считать вполне приемлемым постановку «Москва горит» в 1-м московском Госцирке. Предложить усилить Пресню и пожар шмидтовской фабрики».

21 февраля — выступление на общемосковском собрании читателей «Комсомольской правды» в Красном зале МК ВКП(б).

«Я заявляю сегодня и проведу это в жизнь: я пойду в ближайшие дни на большое предприятие Москвы, соберу ребят, которые занимаются корявым писанием, переделыванием фактов в рифмы, но не занимаются насущной жизнью на заводе, и постараюсь сделать такую же работу, как Трам, — создать поэму «Электрозавод». Не только поэму Маяковского, как есть, а передав мысли и чаяния лучшей части, авангардной части этого завода.. Я требую от этого собрания и всей комсомольской массы активной поддержки тех, кто борется за настоящую поэзию, за становление сегодняшнего писателя активным участником социалистического строительства».

22 февраля заключил договор с Центральным управлением госцирков на политическо-сатирическое обозрение на темы обороны страны под заглавием «Держись».

22 февраля — закрытие выставки «20 лет работы» в клубе писателей.

23 февраля передал выставку «20 лет работы» в Публичную библиотеку СССР им. В. И. Ленина.

«Согласно предложению библиотеки передаю полностью выставку «20 лет работы». Согласно с постановлением собрания 15 февраля 1930 г. и решением ударной бригады необходимы: 1) отдельная площадь (для постоянного показа и работы), 2) пополнение в согласии с ударной бригадой новыми материалами, 3) организованный показ рабочим клубам Москвы и др. гор. Союзов».

25 февраля — выступление в Политехническом музее на диспуте «Пути советской литературы».

«Художник обязан пересмотреть свои приемы, сделать громадный прыжок из прошлого в сегодняшний день. Мы пришли не для того, чтобы фотографировать мир, но для того, чтобы литературным орудием бороться за будущее. За перестройку мира. В этой борьбе мы используем все приемы. Все средства хороши, если помогают строительству социализма. Деление на методы — деление условное. Стиль — это последнее осознание и группировка литературных приемов. Стиль — это последнее осознание смерти приемов. Сегодня важны не столько поиски стиля, сколько объединение людей, стоящих на общей политической платформе. Нужно точно определить свое место. Нужно точно осознать свои классовые позиции». («На литературном посту», № 5—6, март 1930.)

В тот же день председательствовал на открытии клуба театральных работников. Выступал с чтением «Во весь голос».

28 февраля — выступление с чтением «Москва горит» на заседании художественно-политического совета Центрального управления госцирков на фабрике Трехгорной мануфактуры.

«Сегодня художественно-политический совет ЦУГЦ вместе со мной хочет вас ознакомить как с методами своей работы, так и со сценарием предлагающейся постановки мелодрамы «Москва горит», написанным мною... Само по себе искусство цирка — самое распространенное и самое любимое пролетариатом, но в какой мере это искусство отображало и отображает наш сегодняшний день? Да ни в какой! Предлагаемая вам сегодня моя мелодрама «Москва горит» представляет из себя такой опыт, когда историко-революционная мелодрама-хроника будет пытаться — в апофеозе — показать сегодняшний день. Я не изображаю Красную Пресню, — я даю общее представление о 1905 году. Я хочу показать, как рабочий класс пришел через генеральную репетицию к сегодняшнему дню».

3 марта в «Литературной газете» — интервью с Маяковским по поводу предстоящей премьеры «Бани».

«Театральная идея ее — борьба за театральную агитацию, за театральную пропаганду, за театральные массы — против камерности, против психологизма. Политическая идея — борьба с узостью, с делячеством, с бюрократизмом, за героизм, за темп, за социалистические перспективы».

2 или 3 марта выехал в Ленинград.

4 марта — выступление в Ленинграде в Университете.

В тот же день — второе выступление в Ленинграде в Педагогическом институте им. Герцена.

5 марта — третье выступление в Ленинграде в Доме печати на открытии выставки «20 лет работы».

6 марта — четвертое выступление в Ленинграде в Институте народного хозяйства.

7 марта вернулся в Москву.

7 марта участвовал в заседании Исполбюро Федерации писателей.

Обсуждался вопрос о перестройке работы Федерации. «Маяковский предлагает для начала устроить следующее собрание Исполбюро Федерации на каком-нибудь предприятии». («Вечерняя Москва», 8 марта 1930.)

В тот же день — выступление в клубе писателей на вечере памяти Велимира Хлебникова.

В первой половине марта написаны 22 лозунга для спектакля «Баня» (для сцены и зала).

Середина марта (?) — выступление в клубе фабрики Трехгорной мануфактуры.

«Самый замечательный вечер Маяковского на Трехгорке состоялся совсем недавно — 3 недели назад. Клуб организовал диспут «Пролетарский ли поэт Маяковский?» Маяковский читал стихи...» («Вечерняя Москва», 17 апреля 1930.)

16 марта — премьера «Бани».

В связи с этой постановкой в печати появился ряд рецензий о «Бани» — 9 марта в «Правде» (В. Ермилова); 17 марта в «Вечерней Москве» (В. Ермилова); 20 марта в газете «Рабочий и искусство» (Г. Кострова); 21 марта в «Рабочей газете» (Н. Гончаровой); 22 марта в «Комсомольской Правде» (А. Чарова); 28 марта в «Нашей газете» (Ю. Линева); 1 апреля в журнале «Рабочий и театр», Л. (В. Б.); 10 апреля в «Гудке» (без под-

писи); 31 марта в «Литературной газете» (М. Загорского) и 8 апреля в «Правде» (В. Попова-Дубовского).

На выступление В. Ермилова Маяковский ответил одним из лозунгов, которые были развешены в зале театра во время представления. (См. том XI, 1936, стр. 205.) Руководство РАППа предложило Маяковскому убрать этот лозунг, и вскоре после премьеры он был снят. Об этом лозунге Маяковский упомянул и в предсмертном письме. (См. 14 апреля.)

17 марта — выступление в Политехническом музее на вечере «Писатели — комсомолу».

17 марта — премьера «Бани» в филиале ленинградского Большого Драматического театра.

В связи с этой постановкой в «Красной газете» в вечернем и утреннем выпусках появились отрицательные рецензии — 19 марта Е. Кузьнецова, 26 марта Е. Тасина.

18 марта — письмо к Л. Ю. Брик.

«...Третьего дня была премьера «Бани». Мне за исключением деталей понравилось, по-моему первая поставленная моя вещь. Прекрасен Штраух. Зрители до смешного поделались — одни говорят: никогда так не скучали, другие: никогда так не веселились. Что будут говорить и писать дальше — неведомо. У нас бывают все те же Новых ни человека...»

18 марта — открытие выставки «20 лет работы» в Центральном доме комсомола Красной Пресни.

19 марта — выступление на диспуте в Политехническом музее о пьесе «Выстрел» А. Безыменского.

20 марта — выступление по радио с чтением антирелигиозных стихов (по просьбе Цент. совета Союза воинствующих безбожников).

24 марта заключил договор с издательским отделом ВЦСПС на текст представления «Москва горит» для журнала «Клубный репертуар». Срок сдачи 25 марта. (Для этого издания Маяковский сделал второй вариант — «массовое действие с песнями и словами»).

25 марта — выступление в Доме комсомола Красной Пресни на выставке «20 лет работы».

«...Для чего я ее устроил? Я ее устроил потому, что ввиду моего драчливого характера на меня столько собак вешали и в стольких грехах меня рбвиняли, которые есть у меня и которых нет, что иной раз мне кажется, уехать бы куда-нибудь и просидеть года два, чтоб только ругни не слышать.

Но, конечно, я на второй день от этого пессимизма опять приободряюсь и, засучив рукава, начинаю драться, определяя свое право на существование как писателя революции, для революции, а не отщепенца...

Почему я должен писать о любви Мани к Пете, а не рассматривать себя как часть того государственного органа, который строит жизнь? Основная цель выставки — расширить ваше представление о работе поэта, показать, что поэт не тот, кто ходит кучерявым барашком и блеет на лирические любовные темы, но поэт тот, кто в нашей обостренной классово-борьбе отдает свое перо в арсенал вооружения про-

летариата, который не гнушается никакой черной работой, никакой темой о революции, о строительстве народного хозяйства и пишет агитки по любому хозяйственному вопросу..

Я от партии не отделяю себя и считаю себя обязанным выполнять все постановления большевистской партии, хотя не ношу партийного билета.. Здесь было упомянуто о социальном заказе. То, что мне велят, это правильно. Но я хочу так, чтобы мне велели! (Аплодисменты.)»

27 марта — выступление на совещании в редакции «Вечерней Москвы» о постановке «Бани».

«Сославшись на отзывы ряда рабочих коллективов, слышавших «Баню» в авторском чтении и признавших ее вполне понятной, В. Маяковский заявил, что он не может принять на свой счет упреков в непонятности пьесы. Судить за это надо главным образом работников театра. Маяковский защищал свое толкование образа Победоносикова, как типа бюрократа, введенного в пьесу без маски, разоблаченного с самого начала. Упреки в отсутствии на сцене рабочей массы, партий, профсоюзов Маяковский отвел указанием на то, что пьеса сделана и показана именно с точки зрения рабочих и партийцев, находящихся в зале». («Вечерняя Москва», 31 марта 1930.)

В тот же день — выступление на диспуте о «Бане» в Доме печати.

«Товарищи, я существую 36 лет физическим своим существованием и 20 лет так называемым творческим, и все время своего существования я утверждаю свои взгляды силами собственных легких, мощностью, бодростью голоса. И не беспокоюсь, что вещь моя будет аннулирована. Последнее время стало складываться мнение, что я общепризнанный талант, и я рад, что «Баня» это мнение разбивает. Выходя на театр, я вытираю, конечно, в переносном смысле говоря, плевки со своего могучего чела.

«После просмотра «Бани» голоса разделились — одни говорили: «Как замечательно, никогда так весело не было», другие говорили: «Какая гадость, отвратительный спектакль».

...Прежде всего надо говорить о том, насколько та или другая вещь в наше время необходима. Если это наша вещь, то надо говорить: «Какое горе, что она плоха». Если она вредна, то надо радоваться тому, что она нехороша. Основной интерес этого спектакля заключается.. в разрешении революционных проблем. Оценивая театр как арену, отражающую политические лозунги, я пытаюсь найти оформление для разрешения подобных задач.

...Мы никогда не были беспочвенными авангардистами, но никогда не были и хвостистами. Мы всегда говорили, что идеи, выдвигаемые Советским Союзом, сделаются передовыми идеями. На этом пути мы делаем десятки и сотни ошибок, но эти ошибки нам важнее успехов старого адюльтерного театра.

В конце марта штабом по празднованию 1 мая (при МК ВЛКСМ) организована графическая мастерская под руководством Д. Моора и Маяковского, «которая должна выработать новые формы массовых демонстраций». («Рабочий и искусство», 30 марта 1930.)

31 марта подписался на Собрания сочинений Маркса—Энгельса, Ленина, Плеханова и Большую Советскую Энциклопедию.

Не позже конца марта написано стихотворение «Товарищу подростку» для альманаха «Вторая ступень».

В течение марта — первой половины апреля принимал участие в репетициях «Москва горит» в 1-м Госдирке. Написал 6 текстов для летучек (которые должны разбрасываться во время представления).

В марте — первой половине апреля написано стихотворение «Новый тип». (Напечатано было в журнале «Крокодил» после смерти Маяковского — в мае 1930.)

3 апреля — письмо редактора газеты «Безбожник» Е. Ярославского Маяковскому с просьбой написать статью в связи с исполняющимся 20 апреля пятилетием Союза воинствующих безбожников.

4 апреля внес пай в Жилищно-строительный кооператив им. Красина.

4 апреля был на демонстрации проф. Бернштейном в клубе писателей звуковых фонографических записей читки поэтов: Блока, Брюсова, Маяковского.

В первых числах апреля по приказу завгосиздатом Халатова из отпечатанного № 2 журнала «Печать и революция» был вырезан портрет Маяковского с приветствием редакции Маяковскому по случаю двадцатилетия работы.

7 апреля в «Литературной газете» напечатано обращение советских писателей (подписанное Маяковским) «К писателям мира» по поводу антисоветской кампании, возглавляемой папой римским.

В начале апреля местком писателей избрал Маяковского в числе членов первомайской комиссии.

8 апреля был на просмотре кинокартины «Земля» А. Довженко в клубе писателей.

9 апреля — выступление у студентов Института народного хозяйства им. Плеханова.

Около 10 апреля дал согласие на выступления — 15 апреля на вечере ленинградских писателей в Политехническом музее, 19 апреля — в Красном уголке РЖСКТ им. Красина на антипасхальном вечере.

11 апреля «должен был состояться вечер во 2-м МГУ. Маяковского ждали, но он не приехал. Поехавший к нему товарищ привез его отказ. Вечер отложили, а в 11 часов В. В. позвонил по телефону и сообщил о своей болезни, извинился за несостоявшееся выступление и просил устроить его вечер в другой раз». («Литературная газета», 28 апреля 1930.)

12 апреля «утром... был в Федерации писателей и вместе с другими обсуждал проект закона об авторском праве. Днем того же числа на заседании в Совнарком он отстаивал этот проект». («Вечерняя Москва», 15 апреля 1930.)

13 апреля «обсуждал по телефону с Федерацией воз-

возможность своей поездки в Ленинград с рядом других писателей — в ответ на приезд ленинградцев в Москву.

На утро 14 апреля у Маяковского было назначено деловое свидание с писателями у него на квартире...

14-го вечером Маяковский должен был выступать в клубе «Работница» на Бакунинской улице». («Вечерняя Москва», 15 апреля 1930.)

14 апреля в 10 час. 15 мин. в своей рабочей комнате (в Лубянской проезде) выстрелом из револьвера покончил жизнь самоубийством.

Оставленное письмо, адресованное «Всем», помечено 12-м апреля.

«В том, что умираю, не вините никого и пожалуйста не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил.

Мама, сестры и товарищи, простите — это не способ (другим не советую), но у меня выходов нет.

Лиля — люби меня.

Товарищ правительство, моя семья — это Лилия Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская.

Если ты устроишь им сносную жизнь — спасибо.

Начатые стихи отдайте Брикам, они разберутся.

Как говорят —

«инцидент исперчен»

любовная лодка

разбилась о быт.

Я с жизнью в расчете

и не к чему перечень

взаимных болей,

бед

и обид.

Счастливо оставаться.

Владимир Маяковский.

12/4 30 г.

Товарищи Вапповцы, не считайте меня малодушным.

Серьезно — ничего не поделаешь.

Привет.

Ермилову скажите, что жаль снял лозунг, надо бы доругаться.

В. М.

В столе у меня 2,000 руб., внесите в налог.

Остальное получите с Гиза.

В. М.»,

Днем тело Маяковского было перевезено на его квартиру в Гендриковом переулке.

Скульпторы Меркуров и Луцкий сняли маски с лица и рук. Мозг Маяковского взят в Институт мозга.

В полночь гроб с телом Маяковского перевезен в Клуб Федерации писателей.

В 2 часа дня 15 апреля был открыт доступ всем трудящимся в большой зал клуба, где установлен гроб. У гроба почетный караул

красноармейцев Московской пролетарской стрелковой дивизии, писателей, художников, журналистов, актеров, вузовцев, друзей Маяковского. 15, 16, 17 апреля через зал клуба, мимо гроба Маяковского, прошло 150 000 человек.

17 апреля в 3 часа дня траурный митинг во дворе клуба писателей.

Огромные толпы народа провожали (проб с телом Маяковского к Донскому монастырю, в крематорий. Похороны Маяковского вылились в мощную демонстрацию народной любви к поэту.

В 6 часов 30 минут вечера — кремация тела Маяковского.

«...В представлении всех, кто знал Маяковского лично или даже хотя бы по его публичным выступлениям и произведениям, Маяковский — это жизнь».

Да, я легко могу отождествить ее, жизнь, с этой большой, сильной фигурой, немножко косолапой в своей мощности и вместе с тем такой ловкой и уверенной, с этой крупной физиономией, сохранявшей всегда спокойствие.

Припомните: Маяковский и смеялся, и сердился, и слушал, и говорил, всегда сохраняя какое-то спокойствие. Вечно недокуренная папироса в углу рта и некоторая как будто небрежность: «все это особенного внимания все-таки не стоит» — и глаза, великолепные, внимательно вглядывающиеся в окружающее..

Я легко отождествляю понятие «жизнь» с этим изумительно глубоким, колокольным голосом. Ритм чтения и даже беседы Маяковского были всегда спокойными и размеренными, и под этим спокойствием и размеренностью он был могуч.

Да, это был родник сил неиссякаемой жизнелюбности, и притом владеющей собою, схваченной крепкой волей. Это была «жизнь» в одном из ее предельных проявлений...

Сейчас, когда я раскрываю в любом месте любую книжку Маяковского, жизнь каждый раз устремляется и омывает меня бурным потоком: свет яркий, беспощадный для любителей тьмы, снопом лучей прожектора бьет оттуда...» (А. Луначарский. «Жизнь и смерть» (О Маяковском). «Комсомольская правда», 20 апреля 1930.)

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ЗАМЫСЛОВ

- А, все-таки 30.
А вы могли бы? 20, 83.
А что вы пишете? 159—160.
А что если? Первомайские грезы в буржуазном кресле 76.
Авиадни 115.
Авиачастушки 114, 115.
Автобусом по Москве 195.
Агитация и реклама 114.
Адище города 30.
Америка в Баку 159—160.
Американские русские 147, 149, 150.
Американцы удивляются 224.
Английскому рабочему 158.
Англичанка мутит 191.
Английский лидер 181.
Анкета «Некрасов и мы» 74.
Анкета о кино 164.
Анкета «Что же такое СОПО?» 125.
Анчар 229.
Арсенал ленинцев 206.
Атлантический океан 142, 148, 151, 179.
Баку 113, 120, 128.
Баку (Я' вас не понимаю, мистер Детердинг) 197, 199, 206.
Баллада о бюрократе и о раборе 212.
Баллада о доблестном Эмиле 100.
Баллада о почти что факте 217.
Баня 219, 224, 225, 227—232, 234, 235, 237—239.
Барабанная песня 108.
Барышня и Вульворт 146, 147, 149, 150, 173, 174.
Барышня из хулиган 56.
Бегом через вернисажи 37.
Без белых флагов 36.
Без руля и без ветрил 200.
Безработный 207.
Бей белых и зеленых 206.
Беспризорщина 164.
Блек энд уайт 142, 146., 149, 151, 154, 173, 179.
Богомольное 143, 151, 154, 161.
Божественная картинка 216.
Братья писатели 46.
Бродвей 142, 149, 150, 151, 173.
Бруклинский мост 147, 149, 150.
Будетляне 36.
Бумажные ужасы 172, 173.
Было — есть 195.
Бюрократиада 99.
В авто 23.
В. В. Хлебников 101.
В 12 часов по ночам 226.
В кого впрызается ЛЕФ? 110.
В мировом масштабе 166.
В повестку дня 160.
В чем дело? 216.
В. Я. Брюсову на память 45.
Важнейший совет домашней хозяйке 212.
Вам! 37—38, 43.
«Вас не понимают рабочие и крестьяне» 200.
Вдохновенная речь про то, как деньги увеличить и уберечь 179.
Вегетарианцы 214.
Великолепные делепости 42.
Венера (Милосская и Вячеслав Полонский 184, 187, 194.
Верлен и Сезанн 141, 148.
Версаль 139, 153, 173.
Весенний вопрос 111, 112.
Весенняя ночь 208.
Весна! 181, 184.
Взяточки 160.
Владикавказ — Тифлис 129.
Владимир Ильич! 75, 102.
Владимир Ильич Ленин 52, 122, 130—131, 133—137, 139, 141, 144, 145, 146, 153, 154, 160, 191, 234.
Владимир Маяковский 23—27, 30, 32, 33, 45.
Вместо оды 178.
Внимательное отношение к взяточникам 42.

Во весь голос 231, 234, 235, 236.
Во весь медногорлый гудочный клич 234.
Во избежание умственных брожений 215.
Военно-морская любовь 41, 83.
Военные лубки 33, 34.
Возьмем винтовки новые 186.
Война и мир 43, 44, 46, 49—51, 53, 56, 57, 60, 65, 69, 70, 88, 128, 133, 209, 224.
Война и язык 36.
Война объявлена 33—35, 41.
Вонзай самокритику 221.
Вон самогон! 112, 115, 116, 118.
Вопль кустаря 213.
Вопль тела 230.
Воровский 113.
Вперед, комсомолцы! 212.
Враги хлеба 213.
Вредитель 208.
Все в ряды ударных групп 87.
Всем Титам и Власам РСФСР 77, 80, 113.
Всесоюзный поход 212.
Вот для чего мужику самолет 140.
Вот так я сделался собакой 41—42.
Врашиям кистью 35.
Второе вступление в поэму о пятилетке 231—232.
Вчерашний подвиг 95.
Вывескам 20.
Выволакивайте будущее! 140, 148.
Вызов 147, 149, 153, 154, 160, 162.
Газетный день 110.
Галопчик по писателям 213.
Гевлок Вильсон 189.
Гейнеобразное 76, 84.
Германия 105, 120, 173, 183.
Герои и жертвы революции 61.
Гимназист или строитель 197.
Гимн взятке 42.
Гимн здоровью 41.
Гимн критике 42, 83.
Гимн обеду 42.
Гимн судье 40, 83.
Гимн ученому 40.
Глупая история 185, 187.
Говорят... 218.
Головотяпам 213.
Голосуем за непрерывку 224, 225.
Голубой лампас 203.
Горб 114.
Горе 110.
Город 141, 148.
Горящий волос 214—216.
Господин народный артист 185.
Готовься! 208.
Готовься! Стой! Строй! 208.

Готовься, целься! 218.
Гулом восстаний, на эхо помноженным... 129.
Гуляем 141, 156.
Да или нет? 185.
Давиду Штеренбергу 104.
Давно прошедшее 36.
Даешь! 229.
Даешь автомобиль! 214.
«Даешь изячную жизнь» 179, 187, 194.
Даешь мотор! 140, 148.
Даешь тухлые яйца! 204.
Даешь хлеб! 200.
Дачный случай 208.
Два Берлина 125, 128.
Два мая 139.
Два не совсем обычных случая 91, 92, 102.
Два опнума 225.
Два соревнования 222.
Два сезда горняков 87.
Два Чехова 33.
25-ое 176—178, 181, 185, 188, 193, 195.
Две культуры 204.
Две Москвы 165.
9-ое января 121.
Декрет № 1 о демократизации искусств 55—56.
Дела вузные, хорошие и конфузные 185, 187.
Держись! 236.
Десятилетняя песня 202—203.
Детский театр из собственной квартиры вышибают товарищи сатирики 205.
Дешевая распродажа 45.
Дипломатическое 123, 124.
До 115. 116.
Добудь второй 206.
Дождется ли мы жилища хорошего? Товарищи, стройте хорошо и дешево! 210.
Долг Украине 168.
Долой! 222, 224.
Долой жир! 186, 190, 210.
Долой шапки! 220.
Дом Герцена 209.
Дом Союзов, 17 июля 209.
Домой! 147, 150, 151, 153, 173.
Душа общества 219.
Дым табачный воздух высл... 44.
Дядя ЭМЭСПЭО 201.
Евпатория 210, 211, 214.
Еврей 169.
Еду 141, 148.
Ездил я так 184, 187.
Екатеринбург — Свердловск 201, 204.

- Если красное знамя рдеется... 61.
 Ешь ананасы, рябчиков жуй... 51, 53.
 Еще одно долой 107.
 Еще Петербург 30.
 Живопись сегодняшнего дня 33.
 «Жид» 207.
 Жорес 132, 153.
 За женщиной 20.
 За что борется ЛЕФ? 110.
 «За что боролись?» 180, 187, 194.
 Забывчивый Никололай 49.
 Заграничная штучка 222.
 Зайдем у бога 98.
 Закованная фильмой (Сердце кино) 56—57, 163, 167, 177.
 Записная книжка «Нового Лефа» 181, 186, 189.
 Застрельщики 226.
 Здравствуйте! 122.
 Зевс-Опровержец 216.
 Земля наша обильна 212.
 И нам мяса 36.
 Иван Иванович Гонорарчиков 187.
 Идеал и одеяло 216.
 Идиллия 215.
 Из улицы в улицу 20.
 Издевательство летчика 114, 129.
 Изобретательская семидневка 224, 229.
 Император 206.
 Инженер д'Арси 188, 189.
 Интернациональная басня 50, 64.
 Искусственные люди 167, 170, 187.
 Испания 142, 144, 149, 151, 153, 173.
 История Власа, лентя и лоботряса 172, 184.
 История одного нагана 186, 191, 210.
 Исцеление угрюмых 233.
 Исчерпывающая картина веоны 23.
 Итог 114, 115.
 Итоги 218.
 К ответу 50.
 Каждому Пете и каждому Васе рассказ о рабочем классе 140, 141.
 Каждый, думающий о счастье своем, покупай немедленно выигрышный заем 167—168.
 Каждый сам себе ВЦИК 209.
 Казалось бы, ясно... 220.
 Казань 208.
 Как бы Москве не остаться без художников 37.
 Как делать стихи? 156, 157, 159, 160, 161, 164, 186, 187, 221.
 Как кто проводит время, праздники, праздную (на этот счет замечания разные) 75, 76.
 Как поживаете? 171—173, 177, 178.
 Как работает республика демократическая 99, 100, 126.
 Как я ее рассмешил 161, 163.
 Кандидат из партии 221.
 Канцелярские привычки 164, 187, 194.
 Капля дегтя 43.
 Караул! 178.
 Кафе 141, 148, 153.
 Кем быть? 207, 225.
 Кемп «Нит Тедайге» 145, 149, 153, 155, 173.
 Киев 124, 125.
 Кино и вино 204.
 Кино и кино 101.
 Киноповетрие 120, 123, 128.
 Клоп 194, 216—220, 223, 224, 227 — 229.
 Ко всему 45.
 Когда голод грыз прошлое лето — что делала власть советов? Когда мы побеждали голодное лихо — что делал патриарх Тихон? 109.
 Кого предостерегает ЛЕФ? 110.
 Кое-что по поводу дирижера 42.
 Кое-что про Петербург 20.
 Комедия с убийством 149, 151, 156, 157, 181, 190, 205, 215, 219.
 Коминтерн 114.
 Комсомольская 125.
 «Комсомольская правда» 187.
 Кому и на кой ляд целовальный обряд? 107.
 Конь-огонь 181, 184, 206.
 Корона и жемчуг 179, 187.
 Корректурa читателей и слушателей 180.
 Костоломы и мясники 212.
 Который из них? 220.
 Кофта фата 30.
 Красавицы 222.
 Красная зависть 140.
 Краснодар 158, 165, 170, 173, 187.
 Красные арапы 208.
 Крест и шампанское 209.
 Крестить — это только попам рубль скрести 107.
 Крестьянам! Рассказ о Змее Горыныче и о том, в кого Горыныч обратился нынче 112.
 Крестьяне, собственной выгоды ради, поймите — дело не в обряде 107.
 Крестьянин, помни о 17 апреля 111.
 Критика самокритики 207.
 Крым (И глупо звать его Красная Ницца) 214.
 Крым (Хожу, гляжу в окно ли я) 186, 187.
 Кто он? 206.

- Лев Толстой и Ваня Дылдин 166, 170.
- Левый марш 66, 67, 108, 112, 113, 135, 152, 154, 155, 164, 174, 182, 183, 188, 198, 209, 223.
- Легкая кавалерия 207.
- Лезьте в глаза, влетайте в уши слова вот этих лозунгов и частушек 179.
- Лена 181, 184.
- «Ленин с нами» 181, 184.
- Ленинцы 233.
- Летающий пролетарий 137, 139, 148.
- Летучий театр 61.
- ЛЕФ и МАПП 120.
- Литературный быт 165.
- Лицо классового врага 204, 205.
- Лишь за соль муку дадут 89.
- Лозунги по КИМУ 229.
- Лозунги-рифмы 203.
- Лунная ночь 45.
- Лучше тоньше, да лучше 213.
- Лучший стих 179.
- Лыжная звезда 217.
- Любителя затруднений 232.
- Любителям юбилеев 70.
- Люблю 97—100.
- Любовь (Девушка пугливо куталась в болото) 23.
- Любовь (Мир опять цветами оброс) 161.
- Любовь Шкафолобова 167, 177.
- Май 139.
- Майская песенка 206.
- Маленькая цена с пушистым хвостом 181.
- Мама и убитый немцами вечер 35, 36, 41.
- Манифест летучей федерации футуристов 55.
- Марксизм оружие, огнестрельный метод. Применяй умелочи метод этот 157, 160.
- Маруся отравилась 191, 203.
- Марш двадцати пяти тысяч 235.
- Марш комсомольца 111, 114.
- Марш-оборона 208.
- Марш ударных бригад 232.
- «Массам непонятно» 191.
- Маяковская галерея (Пуанкаре, Муссолини, Керзон, Пилсудский, Стиннес, Вандервельде, Гомперс) 104, 105, 111, 114, 116, 120, 121, 124.
- Мексика 143, 149, 150.
- Мексика — Нью-Йорк 147, 150, 161, 162.
- Мелкая философия на глубоким местах 142, 149—152, 159.
- Мелкий эсп 114.
- Мечта поэта 167.
- Миллиардеры 219.
- Мистерия-Буфф 51, 57—66, 68—71, 76, 78—80, 84—86, 88—92, 96, 118, 122, 129, 138, 209, 224.
- Мое к этому отношение 43.
- Мое открытие Америки 147, 149, 151—156, 164, 190.
- Можно ли стать сатириком? 109.
- Моя прогулка сквозь улицы и переулки 168.
- Мой май 99.
- Молодая гвардия 114, 120.
- Монтг-Карло 221.
- Москва горит 233, 236—238, 240.
- Москва — Кенигсберг 116, 117, 120, 125, 173.
- Московский Китай 159.
- Мощь Британии 181, 184.
- Моя речь на Генуэзской конференции 99.
- Моя речь на показательном процессе по случаю возможного скандала с лекциями профессора Шенгеля 173, 180.
- Мразь 217.
- Мрак 45.
- Мрачное о юмористах 219.
- Мрачный юмор 181.
- Мускул свой, дыхание и тело тренируй с пользой для военного дела 187.
- Мы (Днем благоденствуют дома и домишки) 114.
- Мы (Лезем земле) 23.
- Мы (Мы Эдиссоны невиданных взлетов) 228.
- Мы вас ждем, товарищ птица, отчего вам не летится? 181, 184.
- Мы идем 70.
- Мы не верим 109, 110, 199.
- Мы отдыхаем 207.
- Мысли в призыв 37.
- МЮД 164.
- На горе бедненьким, богатейшим на счастье и исповедники и причастье 107.
- На Западе все спокойно 222.
- На земле мир, во человецех благоволение 107, 108.
- На помощь 129.
- На учет каждая мелочишка 125.
- На фронт 78.
- На цепь 105.
- На что жалуетесь? 231.
- Наглядное пособие 187.

- Нагрузка по макушку 206.
 Надо бороться 225.
 Надоело 45.
 Наружность Варшавы 186.
 Нател! 24, 30.
 Нател — Басня о «Крокодиле» и подписной плате 101.
 Наш марш 52, 55, 60, 61, 64, 69, 70, 83, 86, 144, 146, 182.
 Наш паровоз, стрелой лети... 171.
 Наше воскресенье 111.
 Наше новогодие 171.
 Наше отношение 224.
 Нашему юношеству 178, 180.
 Не бабочки, а Александр Македонский 36.
 Не все то золото, что хозрасчет 181.
 Не для денег родившийся 56.
 Но для нас поповские праздники 111.
 Не увлекайтесь нами 231.
 Не юбилейте! 169.
 Небесный чердак 215, 216.
 Небоскреб в разрезе 146, 149, 150.
 Негритоска Петрова 181, 187.
 Некоторые спрашивают 229.
 Немного о чехе 185.
 Немножко утопия про то, как пойдет метрошка 137.
 Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче 76, 83, 84, 93, 103, 105, 108, 114, 135, 145, 174, 198, 209.
 Непобедимое оружие 215.
 Неразбериха 91.
 Несколько слов о моей жене 21, 23.
 Несколько слов о моей маме 21, 23.
 Несколько слов обо мне самом 21, 23.
 Ни знахарство, ни благодать бога в болезни не подмога 107.
 Ничемное самоутешение 45.
 Ничего не понимают 30.
 Новый тип 240.
 № 17 208.
 Нордерней 116, 120.
 Нота Клятаю 222.
 Notre Dame 138, 153, 173, 179.
 Ночь 19, 20.
 Ну, что ж! 185.
 ОДВФ 140.
 О дряни 89, 126, 198.
 О мелочах 114.
 О патриархе Тихоне. Почему суд над милостью ихней? 109.
 О поэтах 108.
 О разных Маяковских 42.
 О том, как цехие сектанты зовут рабочего на танцы 209.
 О том, как некоторые втирают очки товарищам, имеющим цеховские значки 171, 173.
 О том, как у Керзона с обедом растаяла аппетитов зона 113.
 О «физсках», «апогеях» и других ведомых вещах 108.
 Обзор стихов 165.
 Облако в штанах 33, 38, 41—43, 45, 47, 54, 56, 70, 88, 138, 139, 152, 160, 209.
 «Общее» и «мое» 208.
 Общее: руководство для начинающих подхалим 185, 187.
 Ода революции 61.
 Одежно-молодежное 232.
 Одна голова всегда бедна, а потому бедна, что живет одна 128, 130.
 Окна сагиры Роста 72—79, 81, 83—93, 96, 97, 108, 230.
 Октябрьский марш 229.
 Октябрьюхов и Декабряюхов 166, 167.
 Октябрь 1917—1926 169.
 Они и мы 220.
 Осенний салон 104.
 Особое мнение 230, 231.
 Осторожный марш 185.
 От поминков и панхид у одних попов довольный вид 107.
 От примет кроме вредз ничего нет 107.
 От усталости 23.
 Ответ на будущие сплетни 218.
 Ответ на мечту 186.
 Открывая выставку 234.
 Отношение к барышне 76, 83, 84.
 Отношение сегодняшнего театра и кинематографа к искусству 23.
 Открытое письмо рабочим 55.
 Отчего у Моргана стало дело поганю 138.
 Париж (Быт) 105, 107.
 Париж (Записки Людогуса) 104.
 Париж (Разговорчики с Эйфелевой башней) 108.
 Париж (Театр Парижа) 106.
 Париж (Художественная жизнь города) 105.
 Парижанка 222, 231.
 Парижская коммуна 205.
 Парижские очерки 110.
 Парижские провинции 107.
 1-ое мая (Мы, коллектив) 111.
 1-ое мая (Поэты — народ дошлый) 112.
 1-ое мая (Свети!) 111.
 Первомайское поздравление 158.
 Первые коммунары 179.
 Первый из пяти 226.

- Первый первомой 156, 160.
 Передовая передового 159, 160.
 Перекопский энтузиазм 217.
 Пернатые 105.
 Песня-молния 224.
 Пиво и социализм 189, 194, 203.
 Писатели мы 206.
 Письмо к любимой Молчанова, бро-
 шенной им 191, 194, 203.
 Письмо писателя Владимира Влади-
 мировича Маяковского писателю
 Алексею Максимовичу Горькому
 165, 170, 171, 173, 174, 188, 194,
 223.
 Письмо Равича и Равичу 208.
 Письмо товарищу Кострову из Па-
 рижя о сущности любви 218.
 Плюшкин 212.
 По городам Союза 176, 181, 187.
 По мостовой моей души изъезжен-
 ной 21, 23.
 Пovalьная болезнь 211.
 Поверх Варшавы 187.
 Подводный комсомолец 235.
 Подлиза 216.
 Подождем обвинять поэтов 153, 154,
 157, 160.
 Поиск носков 214, 219, 223.
 Погоня за славой 23.
 Позабудь про камин 194.
 Политическое обозрение 51—52.
 Польза землетрясений 212.
 Польскому читателю 184.
 Польша 185.
 Помните! 226.
 Помощь Наркомпросу, Главискусству
 в кубе, по жгучему вопросу, во-
 просу о клубе 212, 214.
 Помпадур 210, 212.
 Понедельник—субботник 193.
 Поп 216.
 Порт 19, 20.
 Портсигар 76.
 Порядочный гражданин 147, 155,
 156.
 Послание пролетарским поэтам 161,
 165.
 Последний крик 231.
 После изытай 102.
 Последняя петербургская сказка 46.
 Последняя страничка гражданской
 войны 89.
 Послушайте! 30, 41—42, 83.
 Посмеемся 129.
 Посмотрим сами, покажем им 186.
 Потрясающие факты 67.
 Почему? 214.
 Позднеевечер Игоря Северянина 37.
 Поэт рабочий 66.
 Поэты на фугасах 35.
 Праздник урожая 167.
 Предисловие 106.
 Прекрасная Елена 82.
 Призвет делегатке 214.
 Привет, КИМ! 212.
 Призыв 185.
 Приказ № 2 армии искусств 99.
 Приказ по армии искусства 65.
 Пример, недостойный подражания
 225.
 Про Госторг и кошку, про всех по-
 номножку 185.
 Про пешеходов и разинь, вонзивших
 глазки небу в синь 210.
 Про Тита и Взыбку. Случай, показы-
 вающий, что безбожнику много
 лучше 107.
 Про то, как за немцами, на денежки
 Антанты отечественные динулись,
 для удущения наняты 89.
 Про школу и про учение 217.
 Про Феклу, Акулину, корову и бо-
 га 107.
 Про это 104, 107—111, 114, 119, 125.
 Проба 215, 216.
 Проверь, товарищ, правильность фак-
 та—так это или не так это? 219.
 Продолжение прогулок из улочки
 в переулок 168.
 Прозаседавшиеся 86, 98, 209, 232.
 Пролетарий, в зародыше залупив
 войну 128, 133, 135.
 Пролетарка, пролетарий, заходите в
 планетарий 230.
 Протекция 161.
 Протестую 121.
 Прочти и катая в Париж и Китай
 156, 181, 204, 218.
 Прочь руки от Китая 129.
 Прощения на имя бога в засуху
 же подмога 107.
 Пронг слова 230, 232.
 Прощанье 141, 153, 173.
 Птичка божия 226.
 Пустяк у Оки 42.
 Пьеска про попов, кои не понимают
 праздник что такое? 75, 76, 85.
 V интернационал 93—97, 101, 102,
 128.
 Рабор (Ключи счастья) 135.
 Рабор (Лбом пробив безграмотья
 горы) 136, 137.
 Работникам стиха и прозы, на лето
 едущим в колхозы 208.
 Рабочий-корреспондент 112.
 Рабочим Курска, добывшим первую
 руду, временный памятник, работы

- Владимира Маяковского 118—121, 125, 128.
- Радио-Октябрь 165, 168, 169.
- Радоваться рано 66.
- Разве у вас не чешутся обе лопатки? 114, 129.
- Разговор на Одесском рейде двух десантных судов: «Советский Дагестан» и «Красная Абхазия» 165, 171.
- Разговор с товарищем Лениным 219.
- Разговор с фининспектором о поэзии 158, 159, 161, 163—165, 168, 170, 173.
- Размышления о Молчанове Иване и о поэзии 192.
- Размышления у парадного подъезда 212.
- Раньше и теперь 89.
- Раньше художники, ландышами дыша 50.
- Рапорт профсоюзов 191.
- Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру 201, 202, 214.
- Рассказ о Климе, купившем крестьянский заем и о Прове, не подумавшем о счастье своем 124—126.
- Рассказ о Кузнёкстрое и о людях Кузнёка 229.
- Рассказ о том, как узнал Фадей закон, защищающий рабочих людей 118, 119, 126.
- Рассказ о том, путем каким с бедой управился Аким 128, 133.
- Рассказ одного об одной мечте 215.
- Рассказ про Клима из черноземных мест, про Всероссийскую выставку и Резинотрест 118.
- Рассказ про то, как кума о Врангеле толковала без всякого ума 80, 100, 126.
- Рассказ рабочего Павла Катупкина о приобретении одного чемодана 214.
- Расширение словесной базы 200.
- Революционный плакат 108.
- Революция 48, 49, 51, 55, 60, 65.
- Рекламные тексты:
 для газеты «Пионерская правда» 200.
 для Госиздата 128, 139, 164.
 для ГУМа 115—116.
 для журнала «Красный перец» 134.
 для журнала «Крокодил» 101.
 для журнала «Лэф» 114, 120.
 для журнала «Московский пролетарий» 120.
 для журнала «Огонек» 117.
- для журнала «Смена» 134.
 для журнала «Чудак» 233.
 для издательства «Красная новь» 117.
 для Контрагентства печати 128.
 для Мосполиграфа 115, 116, 117.
 для Моссельпрома 117—119, 120, 124—126, 128—130, 137.
 для Моссуко 119.
 для Резинотреста 116, 117, 118
 для Чаеуправления 128
- Рифмованные лозунги 181, 230.
- Рифмованный отчет. Так и надо — крой, Спартакнада! 211.
- Рожденные столицы 200.
- Рождественские пожелания и подарки 171.
- Роман 115, 145, 149, 157, 181, 190, 205, 215.
- Россия 46.
- Россия. Искусство. Мы. 36.
- С неба на землю 109.
- С товарищеским приветом Маяковский 68.
- Свистеть-свистую 147, 157.
- Свобода собраний 156.
- Свободы 98.
- Себе любимому посвящает эти строки автор 44, 57.
- Севастополь — Ялта 129, 174.
- Сегодняшний Берлин 106.
- Секрет молодости 212—213.
- Селькор 129.
- 17 апреля 99, 111.
- 7 часов 210.
- Сергею Есенину 155—158, 159, 160, 165, 170, 173, 174, 223.
- Сердечная просьба 202.
- Седитый дядя 181, 184.
- Сифилис 147, 157, 159, 161, 170.
- Сказка для шахтера друга про шахтерки, чуни и камнный уголь 89.
- Сказка о дезертире, устроившемся недурненько, и о том, какая участь постигла его самого и семью шкурника 80, 82, 90, 91, 114, 116.
- Сказка о Красной шапочке 50, 64.
- Сказка о Пете, толстом робинке, и о Симе, который тонкий 116, 138, 139.
- Сказка про кушгову панню, мужика и кооперацию 138, 148.
- Скрипка и немножко нервно 36.
- Славянский вопрос-то решается просто 185, 187.
- Следующий день 45.
- Слегка нахальные стихи товарищам из Эмкахи 208.
- Слон и спичка 163, 164.

- Служака 207.
 Слушай, наводчик! 185.
 Смена убеждений 225.
 Смотри французского искусства 1922
 105.
 Собачка 156.
 Соберитесь и поговорите-ка вровень
 с критикой писателя и художни-
 ка—почему так много сапожни-
 ков-критиков и нет совершенно
 критики на сапожников 208.
 Советская азбука 71—72.
 Солдаты Дзержинского 200.
 Солидарность 117.
 Солнечный флаг 206.
 Сплетник 217.
 Сплошная неделя 186.
 Спросили раз меня: «Вы любите ли
 нэп?» 98.
 Срочно. Телеграмма мусье Пуанкаре
 и Мильерану 108.
 Стабилизация быта 173.
 Старое и новое 232.
 Стих как бы шофера 231.
 Стих не про дрянь, а про дрянцо.
 Дрянцо хлещите рифм концом 211.
 Стих резкий о рулетке и железке
 101.
 Стихи и картинки эти вот про стре-
 лочников и лесопильный завод
 168.
 Стихи о красотах архитектуры 216.
 Стихи о мандрилле 120, 124.
 Стихи о разнице вкусов 218.
 Стихи о советском паспорте 222.
 Стихи о Фоме 227, 229.
 Стихи с примечаниями 205.
 Стихотворение о Мясницкой, о бабе
 и о всероссийском масштабе 100,
 125—126.
 Стихотворение о проданной телятине
 216.
 100% 147, 149, 151.
 «150 000 000» 67, 68, 71, 74, 75, 77, 80,
 82, 83, 86, 88, 89, 92, 94, 96, 102,
 135, 147, 182, 224.
 Столп 215.
 Странно... но верно 209.
 Строго воспрещается 155, 162, 163,
 165, 170, 173.
 Строки охальные про вакханалии
 пасхальные 109.
 Стоящим на посту 169.
 Студенту пролетарию 215.
 Счастье искусств 213.
 Схема смеха 111.
 Тамара и Демон 129, 137, 174.
 Твердые деньги — твердая почва
 для смычки крестьянина и рабоче-
 го 125.
 Театр, кинематограф, футуризм 22.
 Театры 20.
 Тексты к рисункам в журнале
 «БОВ» 89.
 Тексты к рисункам в журнале
 «Красный церез» 129—130.
 Тексты лозунгов для журнала
 «Даешь!» 231.
 Тексты лозунгов для радиопередач
 222—223.
 Тексты лозунгов для Электрзавода
 232.
 Тексты плакатов для кооперации 128.
 Тексты плакатов для профсоюзов
 124.
 Тексты плакатов в помощь голода-
 ющим Поволжья 99.
 Тексты плакатов о новой экономиче-
 ской политике 89, 92, 94.
 Тексты плакатов о трудовой дисци-
 плине 231.
 Тексты плакатов по безопасности
 труда 222.
 Тексты плакатов по заказу Главпол-
 литпросвета 119, 120.
 Тексты плакатов по заказу Нарком-
 фина 124, 125.
 Тексты плакатов по заказу ЦК гор-
 норабочих 87.
 Тексты плакатов по заказу ЦК же-
 лезнодорожников 93.
 Тексты пожарных плакатов 206.
 Тексты санитарных плакатов 204,
 205, 206, 231.
 «Телевоксы» 206.
 Теоретики 218.
 Теперь к Америкам! 36.
 Теплое слово кое-каким порокам 42.
 Технике внимание видать ли? 217.
 Тигр и киса 220.
 Тип 168.
 Ткачи и пряжи, пора нам перестать
 верить заграничным баранам 118,
 124.
 Товарищ Иванов 186, 187.
 Товарищ Чичерин и тралеры отдаст
 и прочее... 113.
 Товарищи крестьяне, вдумайтесь раз
 хоть — зачем крестьянину справ-
 лять пасху? 107.
 Товарищи, поспорьте о красном
 спорте 208.
 Товарищи! (Предисловие к альмана-
 ху «Реф») 221.
 Товарищи! Разрешите мне поделит-
 ся впечатлениями о Париже и о
 Моне 105.

- Товарищи—формовщики жизни 112.
Товарищи хозяйственники! Ответьте на вопрос вы: что сделаю, чтоб выросли Казанцевы и Матросовы? 211.
Товарищу машинистке 181, 184.
Товарищу Нетте — пароходу и человеку 162, 163, 164, 165, 173, 174, 188, 223.
Товарищу подростку 239.
Той стороне 66.
Только не воспоминания... 190, 195.
Точные слоны 208.
Тревога 232.
Тресты 110.
III Интернационал 76, 108.
Третий фронт 134.
Три белогвардейщины 89.
Три тысячи и три сестры 200, 201.
Трод 163, 164.
Тропики 147, 162—164, 173.
Трус 210.
Тучкины штучки 64.
Ужасающая фамильярность 164, 187.
Уже! 116, 121.
Улычнов 20.
Умер Александр Блок 91.
Универсальный ответ 113.
Уничтожение кинематографом «театра» как признак возрождения театрального искусства 23.
Урожайный марш 219.
Утро 19, 20.
Ух и весело! 121, 122, 124.
Фабрика бюрократов 161.
Фабрика мертвых душ 205.
Фабриканты оптимистов 180, 187, 203.
Февраль 179.
Флаг 133, 140.
Флейта-позвоночник 43, 44.
Халтурщики 212.
Ханжа 217.
Хвоя 45.
Хорошее отношение к лошадям 57, 102.
Хорошо! 176—178, 181, 185—192, 193—205, 209, 211, 213, 220, 223, 224, 229.
Хочу воровать 203.
Христофор Колумб 142, 146, 148, 149, 151, 153, 154.
Хулиган (Ливень докладов) 166, 170.
Хулиган (Республика наша в опасности) 165.
Хулиганщина 129.
Царствование Николая Последнего 48.
Человек 44, 46, 52—54, 56.
Чемпионат всемирной классовой борьбы 81.
Четырехэтажная халтура 158.
XIV МЮД 212, 213.
Чешский пионер 186.
Читатель! 171.
Что ни страница, то слон, то львица 153, 157, 205.
Что такое? 220.
Что такое парк? 215.
Что такое хорошо и что такое плохо? 139, 148.
Что я делаю? 181.
Чугунные штаны 187, 203.
Чудеса! 189, 190, 194.
Чудовищные похороны 43.
Чье рождество? 217.
Шестой конгресс Коминтерна 209.
6 монахинь 142, 148, 149, 154, 173, 198, 222.
Штатская шрапнель 35.
Шумики, шумы и шумица 23, 57.
Шутка, похожая на правду 212.
Эй! 44.
Эй, уралец, без помощи твоего рудника 89.
Эй, шахтер, в опасности трудовая республика твоя 89.
Электричество — вид энергии 208.
Электрозавод 236.
Эпиграммы 233.
Эта книжечка моя про моря и про маяк 165, 186.
Это значит вот что! 113, 129.
Это те же 211.
Эту книгу должен прочесть каждый 60.
Юбилейное 128—129, 135, 152, 159, 174.
Я и Наполеон 37, 41.
Я сам 100, 102, 181, 206.
Я счастлив! 230.
Явление Христа 212.
Ялта—Севастополь 140, 141, 148.

УКАЗАТЕЛЬ ИЗДАНИЙ МАЯКОВСКОГО¹

- Агитация — реклама идей, агитация
вещей — реклама 119—120, 128.
Американцам для памяти 145.
Баня 230.
Без доклада не входить 220.
Вещи этого года 115, 120.
Владимир Ильич Ленин
1 изд.—130, 131, 137.
2 изд.—160, 191.
На украинском языке — 136.
Владимир Маяковский 30, 32.
Война будущего (Пролетарий, в за-
родыше задуши войну) 133.
Война и мир
1 изд. — 51, 53.
2 изд. — 69, 70.
3 изд. — 128, 133.
Вон самогон!
1 изд. — 112, 116.
2 изд. — 118.
Все сочиненное Владимиром Маяков-
ским 46, 68, 69, 70.
Герои и жертвы революции 61.
Грозный смех 230.
Гуляем 141, 156.
236 страниц Маяковского 113.
255 страниц Маяковского 105, 116.
Декламационный сборник для рабо-
чих клубов 138.
Для детков 64, 68.
Для первого знакомства 42.
Избранное из избранного 159, 168.
Избранный Маяковский
1 изд. — 102, 108.
2 изд. — 221.
Издательства 64.
Испания. Океан. Гаванна. Мексика.
Америка. 149, 150, 164, 190.
История Власа, лентя и лоботряса
184.
- Как делать стихи?
1 изд. — 161, 187.
2 изд. — 221.
Кем быть? 225.
Клоп 220, 224.
Конь-огонь 181, 206.
Кофта фата 50.
Летающий пролетарий 137, 139, 148.
Лирика 108.
Люблю
1 изд. — 98.
2 изд. — 99.
3 изд. — 100.
Маяковская галерея 114, 120.
Маяковский для голоса 105.
Маяковский издается
1 изд. — 99, 100.
2 изд. — 101.
Маяковский улыбается, Маяковский
смеется, Маяковский издается
106, 111.
Слова сегодняшнего образца 119—
120.
Мистерия-Буфф
1 изд. — 59, 60, 71.
2 изд. — 69, 70.
3 изд. — 88, 89, 90, 91, 92.
4 изд. — 138.
Но, С (Новые стихи) 206, 213.
Мое открытие Америки 149, 151,
164, 190.
Мы и прадеды 179.
Ни знахарь, ни бог, ни ангелы бога.
крестьянству не подмога 114, 116.
Облако в штанах
1 изд. — 42, 43.
2 изд. — 54.
3 изд. — 138, 139.
Обряды 114, 116, 160.
Одна голова всегда бедна, а пото-
му бедна, что живет одна 130.
О Курске, о комсомоле, о Чаплине,
о Германии и пр. 121, 128..
О патриархе Тихоне. Почему суд
над милостью ихней? 109.

¹ В указатель включены и те из-
дания, которые начаты были Мая-
ковским, но по тем или иным при-
чинам не вышли в свет.

- Открытие Америки 146.
 Париж 140, 148.
 Первый первомой 156, 160.
 Песни крестьянам 134, 148.
 Песни рабочим 134, 148.
 Простое, как мычание 44, 45, 53, 56.
 Прочти и катая в Париж и Китай 181, 218.
 Про это 114.
 Радио-Октябрь 165, 169.
 Разговор с фининспектором о поэзии 159, 161, 163.
 Рассказ о Климе, купившем крестьянский заем и о Прове, недоумавшем о счастье своем 126.
 Рассказ о том, как узнал Фадей закон, защищающий рабочих людей 118, 119, 126.
 Рассказ о том путем каким с бедой управился Аким 133.
 Сам пройдишь по небесам 137.
 Сатирические стихи 160.
 Сборник сценариев 171, 177.
 Семидневный смотр французской живописи 105.
 Сергею Есенину 156, 158.
 Сифилис 159, 161.
 Сказка о дезертире, устроившемся недуренько, и о том, какая участь постигла его самого и семью шкурника
 1 изд. — 80, 90, 91.
 2 изд. — 114, 116.
 Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий 138, 139.
 Сказка про купцову нацию, мужика и кооперацию 138, 148.
 Слоны в комсомоле 207, 222.
 Собрание сочинений 130, 137, 138, 140, 145, 155, 160, 161, 204, 221.
 том I — 138, 140, 206, 216.
 том II — 138, 150, 206, 216.
 том III — 138, 150, 218.
 том IV — 138, 157, 207, 220.
 том V — 160, 165, 169, 186, 204.
 том VI — 190, 234.
 том VII — 208, 212.
 том VIII — 230.
 Советская азбука 71, 72.
 Солнце
 1 изд. — 108, 114.
 2 изд. — 145.
 Стихи о революции
 1 изд. — 106, 111.
 2 изд. — 111, 116.
 «150 000 000» 68, 70, 71, 75, 77, 80, 81, 89, 92.
 Ткачи и пряжи, пора нам перестать верить заграничным баранам 124.
 Только новое 130, 137.
 13 лет работы (тома I и II) 100, 101, 107.
 Туда и обратно 217, 231.
 Флейта-позвоночник 44.
 Хорошо!
 1 изд. — 186, 187, 189, 191.
 2 изд. — 202, 204, 205, 211, 213.
 Человек 54.
 Что ни страница, то слон, то львица 156, 205.
 Что такое хорошо и что такое плохо? 139, 148.
 Школьный Маяковский 208—209, 220, 225.
 Эта книжечка моя про моря и про маяк 165, 186.
 Я 21.

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ПРЕБЫВАНИЯ МАЯКОВСКОГО

- Алушка 163, 188, 210, 223.
 Алушта 188.
 Армавир 197.
 Багдады 3—5.
 Баку 32, 154, 155, 197—199.
 Бердичев 204.
 Берлин 102—103, 115—116, 125—126,
 131, 133, 140, 148, 182, 183, 216,
 220.
 Бикон 145.
 Варшава 181, 183—184.
 Вера-Круц 142.
 Вишняца 205.
 Витебск 180.
 Владикавказ 129.
 Владимир 186.
 Воронеж 169.
 Вятка 201—202.
 Гаванна 142.
 Гавр 147.
 Гагры 223.
 Гурзуф 163, 188, 211, 223.
 Детройт 146.
 Днепропетровск 168, 203, 204.
 Евпатория 162, 189, 210, 223.
 Ессентуки 190.
 Житомир 204.
 Запорожье 203—204.
 Казань 31, 173—174, 200, 201.
 Калуга 33.
 Кенигсберг 115, 140.
 Керчь 29.
 Киев 22, 30, 121, 124, 136, 152, 167—
 168, 171, 178, 191, 204, 205.
 Кисловодск 190.
 Кишинев 29.
 Кливленд 146.
 Колпино 233.
 Краснодар 153—154, 170—171.
 Кунцево 23.
 Куоккала 41—42.
 Курск 178.
 Кутаис 4—8.
 Левашово 57.
 Ленинград (Петербург, Петроград)
 19—21, 25—27, 34, 37—52, 57—70,
 83, 108, 126—127, 150—151, 159,
 167, 185, 193—194, 215, 227—228,
 229, 233, 234, 237.
 Ливадия 189, 223.
 Лоредо 143.
 Лосиноостровское 11.
 Луганск 188.
 Мацеста 223.
 Маячка 19.
 Мехико-Сити 142—143.
 Минск 30—31, 136, 180.
 Мисхор 211, 223.
 Монте-Карло 220.
 Москва 8—23, 25—37, 40—42, 44,
 46—47, 50—57, 59—60, 69—102,
 103—131, 133—140, 148—150, 155—
 161, 163—169, 171—173, 176—181,
 184—187, 190—193, 194—196, 199—
 200, 202—203, 204—222, 224—242.
 Мустамяки 35, 41.
 Нахичевань н/Д 197.
 Нижний-Новгород 173.
 Николаев 29—30.
 Ницца 220.
 Новороссийск 129.
 Новочеркасск 170, 196—197.
 Нордерней 116.
 Нью-Йорк 143—147.
 Одесса 29, 123, 161—162, 205.
 Париж 103, 131—133, 140—142, 147—
 148, 182—183, 216, 220.
 Пенза 32, 174.
 Пермь 201.
 Петровско-Разумовское 18.
 Пигсбург 147.
 Полтава 168.
 Прага 181—182, 220.
 Пушкино 75—76, 90, 100, 184, 207.
 Пятигорск 189.
 Ревель 102.
 Рига 99, 125, 131, 133, 148.
 Ростов н/Д 32, 152—153, 170, 196,
 197.

Саки 210, 223.
Самара 174—175.
Сантандер 142.
Саратов 32, 175—176.
Свердловск 201.
Севастополь 29, 129, 162, 163, 188.
Сент-Назер 142.
Симеиз 189, 210, 223.
Симферополь 29, 162, 188, 189, 211.
Смоленск 138, 180.
Сочи 222—223.
Сталино 188.
Таганрог 170, 196.
Тверь 185.
Тифлис 32, 129, 155, 199.
Тула 178.
Филадельфия 146.
Флинцберг 115.
Харакс 163, 189.
Харьков 28, 96, 121, 151, 167—169,
178, 187, 188, 196, 218.
Хоста 223.
Чикаго 146, 147.
Штеттин 102.
Ялта 129, 163, 188, 189, 210, 211.
Ярославль 179.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамов Н. 175.
 Аверченко А. Т. 97.
 Адуев Н. А. 233.
 Аксенов И. А. 20.
 Александр Македонский 36.
 Альтман Н. И. 64.
 Амары А. 53.
 Амлячис Э. 56.
 Андреев Л. Н. 20, 21.
 Андреева М. Ф. 35, 52, 59.
 Антокольский П. 53.
 Арватов Б. И. 75, 96, 225.
 Аристов-Литвак 234.
 Асеев Н. Н. 16, 21, 22, 36, 43, 54,
 60, 88, 91, 94, 96, 99, 100, 118, 119,
 124, 126, 128, 130, 133, 137, 138,
 148, 156, 160, 173, 178, 210, 221,
 225.
 Асквит Г. 130.
 Ахматова А. А. 83.
 Байрон Г. 16.
 Балтрушайтис Ю. 53.
 Бальзак О. 221.
 Бальмонт К. 16, 20, 22, 24, 25, 49,
 53, 54, 55, 126, 181, 213.
 Барбюс А. 103.
 Барт В. 103.
 Бауман Н. 7.
 Баян В. 28, 29, 223.
 Бебель А. 203.
 Безбородов 156.
 Безыменский А. 162, 165, 233, 238.
 Белый А. 16, 53, 126.
 Бем Е. 9.
 Бенуа А. 52.
 Бернштейн С. И. 240.
 Берсон А. 41.
 Бескин О. М. 202.
 Бетховен Л. 30.
 Блок А. А. 20, 21, 39, 44, 45, 55,
 58, 66, 69, 78, 89, 91, 94, 191, 192,
 199, 240.
 Блюм В. И. 232.
 Бобров С. П. 21, 22.
 Богдатьяева Е. М. 49.
 Борисов-Мусатов В. 18.
 Бокан Д. 31.
 Брак Ж. 103.
 Бряк Л. Ю. 42, 57, 72, 95, 96, 97,
 121, 132, 140, 141, 142, 145, 171,
 182, 238, 241.
 Брик О. М. 42, 43, 44, 51, 64, 72, 94,
 96, 99, 127, 142, 169, 210, 225.
 Брюсов В. Я. 20, 21, 22, 25, 45, 76,
 77, 83, 94, 96, 119, 123, 126, 240.
 Бунин И. 55, 127.
 Бурлюк В. Д. 30.
 Бурлюк Д. Д. 17—20, 23, 25, 26,
 28—32, 35, 36, 39—41, 52—56, 60,
 88, 116, 124, 145, 146, 173.
 Бурлюк Н. Д. 26, 28, 32, 35.
 Вандервельде Э. 104, 116, 121, 124.
 Вегер В. И. 9.
 Вейс Д. 80, 82.
 Венгеро М. П. 51.
 Вербицкая А. 122.
 Верлен П. 141, 148, 153.
 Верн Жюль 5.
 Верхарн Э. 45, 57, 82.
 Верховский Н. 234.
 Вильгельм II 34, 38.
 Вильсон В. 75, 83.
 Вильсон Гевлок 181, 189.
 Войков П. Л. 185, 187.
 Володарский В. 51.
 Волькенштейн В. 82.
 Вольпин М. 72.
 Вольтановский 10.
 Воровский В. В. 112, 113.
 Врангель П. 76, 77, 80, 81, 83, 84,
 86, 100.
 Врубель М. 18.
 Гаврилов 123.
 Гандурин 233.
 Гегель Г. 8.
 Гервег Г. 227.
 Герцен А. 209.
 Герцман 123.
 Гзовская О. В. 56, 86.
 Гидони А. 69.

- Гвммельфарб В. 122, 123.
 Гиппиус З. 45.
 Глаголь С. 31.
 Гнедич П. 12.
 Гнесин Г. 41.
 Голд М. 143.
 Гольбейн Г. 17.
 Гомперс С. 104, 114.
 Гончарова Н. 237.
 Городецкий С. М. 20.
 Горький А. М. 35, 39, 40, 41, 43, 44,
 45, 46, 48, 51, 76, 82, 150, 165, 170,
 171, 173, 174, 188, 194, 223.
 Грамен И. 72.
 Граф Амора 122.
 Григорьев А. 174.
 Гумилев Н. 20, 213.
 Давидов А. 12.
 Данте 52.
 Делонэ Р. 103.
 Демидов А. 46.
 Деникин А. 74, 230.
 Детердинг Г. 197, 199.
 Дзержинский Ф. Э. 200.
 Диккенс Ч. 221.
 Дицген И. 12.
 Довженко А. 240.
 Долгинский С. 18, 24.
 Достоевский Ф. 12, 126.
 Дрейден С. 234.
 Дрэк В. 145.
 Дуров А. 55.
 Д'Энгиен 227.
 Евгеньев Б. 69.
 Евреинов Н. Н. 41.
 Ермилов В. 237, 241.
 Есенин С. 154—160, 165, 170, 173,
 174, 203, 223.
 Жак А. 153.
 Жаров А. 165, 175.
 Жевержеев Л. И. 25, 47, 51, 58.
 Жегин Л. 21.
 Жорес Ж. 132, 153.
 Жорж В. 103.
 Жуков Ин. 95.
 Жуковский С. 16.
 Загорский М. Б. 238.
 Зданевич И. 48.
 Зощенко М. 203.
 Ибсен Г. 12.
 Иванов Вяч. 53.
 Иванов Г. 69, 183.
 Инбер В. 53.
 Казанцев Ф. 211.
 Кайзер А. 12.
 Калинин М. И. 122.
 Каменский В. В. 17, 26, 28—32, 35,
 39, 40, 43, 52, 53, 55, 59, 60, 68,
 78, 94, 96, 99, 126, 173.
 Кандеяки В. 8.
 Катанян В. 163, 225.
 Кац Г. 153.
 Качалов В. И. 194.
 Келин П. И. 17, 18.
 Керенский А. 50.
 Керзон Д. 104, 112—114, 116, 121,
 124.
 Керженцев П. М. 72, 73, 216.
 Кидальчич М. 57.
 Кирсанов С. 164, 168, 173, 187, 188,
 210.
 Клемансо Ж. 89.
 Клемперер О. 151.
 Клер Рене 216.
 Коган П. С. 55, 75, 122, 123.
 Коган Р. П. 18.
 Козлинский В. И. 61, 64.
 Кокто Ж. 103.
 Колумб 142, 148, 149.
 Комиссаржевский Ф. 59, 60.
 Коровин К. 47.
 Короленко В. 150.
 Костров Т. 218, 237.
 Краевич К. 12.
 Крамарж К. 187.
 Красин Л. Б. 132.
 Краснуха А. 5.
 Кржыжановский Г. М. 172.
 Кромелинк Ф. 100.
 Крупская Н. К. 79, 86.
 Крученных А. Е. 18, 19, 28, 39, 92,
 96, 99, 122, 126.
 Кузмин Г. 18, 19.
 Кузмин М. А. 39, 69.
 Кузнецов Е. 234, 238.
 Кузнецов П. 40.
 Кукрышксы 220.
 Кульбин Н. И. 38.
 Кусевецкий С. 18.
 Кшесинская М. 49, 50.
 Кюльпе О. 12.
 Лавинский А. 72, 116.
 Лавут П. И. 191.
 Лазаренко В. 81.
 Ларионов М. 34, 103, 108, 114.
 Левенсон А. 62, 63.
 Левин А. С. 72, 116.
 Ле Дантю М. 50.
 Леже Ф. 103.
 Ленин В. И. 8, 9, 52, 75, 86, 98,
 102, 109, 110, 122, 130, 131, 133—
 137, 139, 141, 144, 145, 147, 153,
 154, 160, 181, 184, 191, 192, 199,
 215, 219, 232, 233, 234, 239.
 Ленгулов А. 33, 34.
 Лепковская А. 31.
 Лешкова О. И. 50.
 Лидов С. 14, 15.

- Ливнев Ю. 237.
 Липшиц Ж. 103.
 Лисицкий Л. 103.
 Литовский О. 98.
 Ллойд Джордж 89.
 Лондон Д. 56.
 Луначарский А. В. 52, 56, 57—62, 66, 68, 70, 71, 75, 76, 80, 82, 83, 84, 95, 108, 109, 112, 119, 120, 127, 131, 137, 148, 151, 167, 172, 180, 187, 190, 192, 195, 208, 242.
 Лурье А. 62.
 Луцкий К. 241.
 Львов А. Е. 28.
 Любавина Н. 43.
 Людовик XIV 38.
 Макдональд Р. 130.
 Маклецов Г.
 Малевич К. 34.
 Малютин И. 72.
 Марджанишвили К. 129.
 Маринетти Ф. 26, 31, 141.
 Маркс К. 8, 12, 61, 149, 239.
 Мартов Ю. 74.
 Матезиус Б. 182.
 Матросов И. 211.
 Матюшин М. 23.
 Машков И. 17.
 Маяковская А. А. 3, 4, 8, 10, 12, 15, 26, 29, 34, 37, 43—45, 51, 67, 197, 241.
 Маяковская Л. В. 4—12, 15, 16, 26, 29, 34, 37, 43—45, 51, 67, 241.
 Маяковская О. В. 4, 7—9, 12, 15, 26, 29, 34, 37, 43—45, 51, 57, 67, 241.
 Маяковский В. К. 3—5, 7, 8.
 Мгебров А. 26, 27.
 Медведев С. 8, 9, 12, 16.
 Мережковский Д. 20.
 Меркуров С. 241.
 Мильеран А. 89, 108.
 Миллюков П. 50.
 Минто А. 12.
 Молчанов И. 191, 192, 194, 203.
 Моор Д. 72, 239.
 Моравская М. 39.
 Морган Л. 138.
 Морчадзе С. 13.
 Моцарт В. 30.
 Муссолини Б. 104, 114, 121, 124.
 Мутер 12.
 Надсон С. 135.
 Наполеон 37, 41, 203.
 Незнамов П. В. 138, 225.
 Некрасов Н. 74, 126.
 Немчилович-Данченко Вас. И. 92.
 Нерон 46.
 Нетта Т. 162—165, 173, 174, 188, 223.
 Николай II 6, 7, 49.
 Нюрнберг И. 72.
 Озаровский Ю. 38.
 Олимпов К. 126.
 Ольшевец М. 178.
 Островский А. Н. 84.
 Оффенбах Ж. 82.
 Оцуп Н. 69, 127.
 Пастернак Б. 21, 36, 43, 53, 68, 70, 94, 96, 99, 165, 173, 221.
 Пашковский Д. X. 58.
 Перский Р. Д. 23.
 Петровский А. П. 60.
 Пикассо П. 103.
 Пилль Г. 203.
 Пилсудский И. 75, 104, 114, 121.
 Пильский П. 29.
 Пискарев Э. 216.
 Плеханов Г. В. 239.
 Полонская В. В. 241.
 Полюнский В. П. 95, 178, 179, 184, 187, 194, 203.
 Полянский А. 153.
 Полянский В. 122.
 Понятовский И. 187, 223.
 Попов-Дубовской В. 238.
 Попова Л. 127.
 Поэ Эдгар 180.
 Пруст М. 103.
 Пуанкаре Р. 104, 108, 111, 114, 121, 124.
 Пуни И. 61.
 Пушкин Н. Н. 64, 66.
 Пушкин А. С. 25, 67, 86, 127, 128, 135, 152, 159, 180, 187, 196, 203, 216.
 Равич Л. 208.
 Райт Р. Я. 72, 90.
 Рахманинов С. 18.
 Ребикова А. 57.
 Ремизов А. 39.
 Репин И. Е. 41.
 Рич Л. 146.
 Ривейра Д. 153.
 Родзянко М. 46.
 Родченко А. 114—116.
 Розанов В. 45.
 Розенберг Л. 103.
 Розенберг С. 103.
 Розенцвейг Б. 121, 123.
 Рождественский В. 69.
 Роом А. 163.
 Рубакин Н. 7.
 Рязский Н. 133.
 Саводник В. 12.
 Светлов М. 174.
 Северянин И. 28, 29, 37, 40, 55, 126.
 Сезанн П. 141, 148, 153.
 Сельвинский И. 173, 220, 233.
 Серов В. 18.

- Синегубкин Д. 24.
Скобелев М. 34.
Смолыч Н. 185, 188.
Соболь А. 95.
Сологуб Ф. 20, 21, 39, 48, 126.
Сталин И. В. 5, 147, 158, 207, 215, 234.
Степанова В. 116.
Стиннес Г. 104, 114.
Стравинский И. 103.
Сура Варди 53.
Тальников Д. 211, 213.
Таманов А. И. 48.
Тан В. 21.
Тасни Л. 238.
Тихон, патриарх 109.
Толстая Т. 38.
Толстой А. Н. 53.
Толстой Л. Н. 12, 166, 170, 180, 214.
Триоле Э. Ю. 132.
Трифонов Т. 10, 15.
Трубецкой С. Н. 7.
Туркин Н. В. 57.
Тютчев Ф. 173.
Удальцова Н. 50.
Узгман У. 52, 57.
Успенский Г. 213.
Уткин И. 165, 175, 233.
Февральский А. 83.
Феокрит 30.
Филлипов Д. 130.
Филонов П. 26.
Форд Г. 149, 150.
Фраггер Н. М. 95, 97.
Франс А. 103.
Фрейлиграт Ф. 227.
Фриче В. М. 70.
Хлебников В. В. 17, 19, 20, 25—28, 39, 43, 60, 68, 70, 71, 96, 97, 99, 101, 126, 237.
Ходасевич В. 53.
Цветаева М. 59.
Цезарь 12.
Чаплин Чарли 120, 128, 150.
Чекрыгин В. 21, 34.
Челпанов Г. 12.
Чемберлен О. 220.
Черемных М. М. 72, 73, 97, 100.
Чарный Саша 17, 97.
Чехов А. 33.
Чичерин Г. В. 113.
Чужак Н. Ф. 88, 91, 95, 96, 105, 134, 135.
Чукмалдин 33.
Чуковская Л. К. 41.
Чуковский К. И. 25, 41, 42, 74, 83.
Шабшал А. 50.
Шаляпин Ф. 67, 185.
Шебуев Н. 122, 123.
Шекспир В. 16.
Шенгели Г. 157, 165, 170, 176, 180.
Шершеневич В. 31, 109.
Шибанов А. 140, 175.
Шиман Э. 72.
Шировков П. 126.
Шкловский В. 43, 67, 102, 163.
Школьник И. 26.
Штеренберг Д. П. 64, 104.
Штраух М. М. 238.
Щеголев П. Е. 39.
Эвелинов Б. Е. 33.
Эйнштейн А. 94.
Энгельс Ф. 239.
Эпштейн Ш. 141.
Эренбург И. 53, 123, 124.
Юденич Н. 83.
Юз А. 130, 138.
Юрковский Б. 44.
Якобсон Р. Я. 70, 71, 93.
Якулов Г. Б. 50.
Ярославский Е. М. 240.
Яоний М. 50.
-

Редактор Л. Тимофеев.

А 7928

Подписана к печати 25/IX 1944 г.
Печ. л. 16¼. Авт. л. 20,37. Уч.-изд. л. 21,69.
Заказ 2532. Тираж 3000.

Цена 20 руб.

Типография «Известий». Пушкинская пл., 5.

Цена 20 руб.